

ISSN 2077-4877

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Философско-гуманитарные науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 24

В 2 частях

Часть 1

Минск
РИВШ
2025

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по политическим, философским и экономическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Р е к о м е н д о в а н о
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 27 декабря 2024 г.)

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :
пред. редкол. д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсёнок*;
д-р филос. наук доц. *И. Н. Сидоренко*; д-р ист. наук проф. *О. Г. Служа*;
д-р ист. наук доц. *А. В. Мартынюк*; д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Чет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*;
д-р полит. наук проф. *С. В. Решетников*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьёв*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

И. М. Авласенко

Белорусский государственный университет, Минск

I. M. Aulasenka

Belarusian State University, Minsk

УДК 327.56

НОВЫЙ ЭТАП ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

NEW STAGE OF TRANSFORMATION OF THE EUROPEAN SECURITY SYSTEM: OPPORTUNITIES FOR RESTORING BELARUSIAN-AMERICAN RELATIONS

В статье проанализированы перспективы восстановления отношений между Республикой Беларусь и Соединенными Штатами Америки в свете корректировки внешнеполитического курса Вашингтона после очередного прихода к власти Д. Трампа. Выделены благоприятные условия, которые позволяют прогнозировать улучшение двусторонних отношений, а также определены те факторы, которые могут сдерживать их нормализацию. Охарактеризована специфика функционирования новой администрации США во внешнеполитической сфере, которую следует учитывать при выстраивании отношений с Вашингтоном. Высказано предположение о том, что Республике Беларусь и Российской Федерации можно было бы выработать совместную стратегию коммуникации с новым американским руководством, в том числе по проблемам европейской безопасности.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Соединенные Штаты Америки; белорусско-американские отношения; Дональд Трамп; европейская безопасность; Союзное государство.

The article analyzes the prospects for restoring relations between the Republic of Belarus and the United States of America in light of the changing of Washington's foreign policy course after D. Trump's return to power. Favorable conditions that allow us to predict an improvement in bilateral relations are identified, as well as those factors that may hinder their normalization. The article characterizes the specifics of the new US administration's functioning in the foreign policy sphere, which should be taken into account when building relations with Washington. It is suggested that the Republic of Belarus and the Russian Federation could develop a joint communication strategy with the new American leadership, including on European security issues.

Keywords: Republic of Belarus; United States; Belarusian-American relations; European Union; Donald Trump; European security; Union State.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках НИР «Трансформация военно-политических, энергетических и социально-гуманитарных аспектов системы европейской безопасности: значение для Союзного государства» (номер госрегистрации 20240046 от 12.01.2024).

Предыдущая архитектура системы европейской безопасности доказала свою несостоятельность, приведя в 2022 г. к полномасштабному вооруженному конфликту между Россией и Украиной (а по сути – приобретая характер глобального противостояния между западным миром и теми государствами, которые отстаивают приверженность парадигме многополярного мироустройства). Три года прямого и опосредованного вооруженного противостояния завели стороны в тупик.

События начала 2025 г. позволяют сделать осторожный вывод о том, что стартовал новый этап трансформации архитектуры европейской безопасности. Хотя сама система пока находится в турбулентном неустойчивом состоянии, целый ряд высказываний американских, российских, европейских политиков говорит о том, что ключевые стейкхолдеры стороны наконец стараются преодолеть патовую ситуацию и нащупывают пути к тому, чтобы остановить боевые действия и выйти на новую форму равновесия. Отдельные высказывания и действия служат болезненными потрясениями на этом пути. Знаковой в этом отношении стала речь вице-президента США Джей Ди Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности 14 февраля 2025 г., в которой он фактически провозгласил отказ от обязанностей США защищать Европу [1]. Если предыдущая архитектура строилась на принципе консолидации коллективного Запада против Российской Федерации и Республики Беларусь, то в настоящий момент происходит частичное возвращение к той форме, которая существовала во время «холодной войны»: решение основных европейских проблем зависит от способности Вашингтона и Москвы найти к ним согласованный общий подход.

Ключевую роль в такой резкой трансформации региональной системы международных отношений сыграла смена руководства в Соединенных Штатах Америки и приход к власти второй администрации Д. Трампа. Одна из черт американской внешней политики заключается в нередком отсутствии преемственности между действиями разных администраций на отдельных направлениях дипломатии. В качестве примера можно привести разрыв Д. Трампом ядерной сделки с Ираном, заключенной с большим трудом при Б. Обаме в 2015 г. Как подтверждение этой черты нынешний американский президент во время своей второй инаугурации в январе 2025 г. настолько жестко раскритиковал предыдущую администрацию Дж. Байдена, что это даже прокомментировал Президент А. Г. Лукашенко во время встречи с трудовым коллективом Минского автомобильного завода [2].

Вместе с тем у такой нехватки преемственности есть и позитивная сторона: если прежняя политика зашла в тупик, то новой администрации гораздо легче начать все «с чистого листа». Именно такая ситуация сложилась на текущий момент в подходе Вашингтона к российско-украинскому конфликту. У администрации Дж. Байдена не было политической воли, чтобы признать его тупиковость. Новая Республиканская администрация учла ошибки

предшественников и предпочла более прагматичный подход, гораздо менее идеологизированный.

В пользу того, что система международных отношений в Европе пришла в движение, говорит несколько наблюдений уже за первый месяц работы новой администрации. Ее представители уже заметно смягчили риторику в отношении действий Российской Федерации и внесли вклад в разработку новых формулировок в тексты резолюций по ситуации в Украине. Вашингтон вместе с Минском и Москвой на сессии Генеральной Ассамблеи проголосовал против проекта резолюции с прежним осуждением действий Российской Федерации, а после вместе с Москвой в первый раз за три года поддержал резолюцию Совета Безопасности ООН 2774 (2025) («Поддержание мира и безопасности Украины») [3]. Стремление новой администрации США заключить с Украиной договор о разработке редкоземельных элементов, не взяв на себя конкретных обязательств по обороне Киева, говорит о том, что новая администрация США более предметно рассматривает возможность восстановления отношений с Москвой, отдельным аспектом которой является содействие прекращению боевых действий с сохранением текущего статус-кво.

Вместе с тем стратегия в отношении Российской Федерации стала полем всё более четко назревающих противоречий между позицией Соединенных Штатов и ведущих западноевропейских государств. На фоне давления со стороны США и угрозы сократить военное присутствие в Европе в ЕС принят очередной, более масштабный план модернизации вооруженных сил и оборонно-промышленного комплекса. На фоне латентных и открытых конфликтов ведущие европейские политики стали говорить о «смерти коллективного Запада», о коллапсе того международного порядка, который сформировался после Второй мировой войны. Трансатлантические противоречия стали проявляться при согласовании подходов и проработке программы важнейших западных международных форумов, таких как саммит «Группы семи» либо саммит Североатлантического альянса.

Динамично изменяющиеся условия международной среды несут как новые риски, так и новые возможности. В связи с этим актуальным является вопрос: каковы в этих условиях шансы на восстановление двусторонних отношений Минска и Вашингтона? Ответ на него и является основным предметом данного исследования.

Благоприятным фактором является то, что, в отличие от целого ряда предшественников, администрация Д. Трампа в реализации внешней политики более прагматична. Более того, в связи с объявленной ревизией качества работы государственных органов существенно снижается роль главного раздражителя белорусско-американских отношений – различных фондов и программ. В частности, это выразилось в сворачивании деятельности Агентства США по международному развитию (USAID) и других программ, служивших раздражителем в двусторонних отношениях Минска и Вашингтона [4].

Следует также вспомнить, что именно при первой администрации Д. Трампа начался процесс восстановления дипломатических отношений между США и Республикой Беларусь, фактически пониженных с 2008 г. В 2019 г. состоялись первые консультации между внешнеполитическими ведомствами Республики Беларусь и США, в том числе телефонный разговор между министром иностранных дел Республики Беларусь В. В. Макеем и помощником госсекретаря США по делам Европы и Евразии У. Митчеллом [5]. В феврале 2020 г. Минск впервые за долгое время посетил государственный секретарь США М. Помпео [6]. В июле 2020 г. О. И. Кравченко был официально утвержден послом Республики Беларусь в США впервые за 12 лет [7]. Однако процесс нормализации был прерван пандемией COVID-19, а впоследствии охлаждением отношений после президентских выборов в августе 2020 г. в Беларуси и в ноябре того же года в США. Именно новая администрация Дж. Байдена, начиная с лета 2021 г., стала вводить экономические санкции в отношении Республики Беларусь. На протяжении четырех лет коммуникация между Республикой Беларусь и Соединенными Штатами фактически заморожена.

Вероятно, при новой администрации Д. Трампа удастся возобновить процесс восстановления двусторонних отношений, запущенный пять лет назад. Тем более что в это русло укладывается и процесс потепления отношений Вашингтона и Москвы, на что настроено новое руководство США.

В связи с этим следует обратить внимание на особенности функционирования аппарата президента США и его внешнеполитического направления при Д. Трампе. Особенностью работы данной администрации является большая опора на неформальные механизмы, на помощников в обход традиционной бюрократической иерархии. Связано это как с нежеланием президентской администрации разглашать планы своих внешнеполитических шагов для Конгресса США, в котором достаточно сильны голоса оппозиционной Демократической партии, так и в принципе с некоторым пренебрежением Д. Трампа к Конгрессу как к одному из элементов механизма сдержек и противовесов президентской власти, рассматривая его скорее как препятствие на пути реализации своей программы практических действий, в том числе и в дипломатической сфере. Активная роль помощников и советников стала отчетливо видна на примере посредничества в урегулировании российско-украинского конфликта. Этим аспектом стиля руководство США при Д. Трампе напоминает администрацию Р. Никсона, наиболее известным доверенным лицом которого в дипломатии был Г. Киссинджер. Разница состоит лишь в том, что Д. Трампу удалось заставить почти всех конгрессменов-республиканцев солидаризироваться с его действиями, в то время как Р. Никсон с этим испытывал сложности. Вероятно, стиль внешней политики Вашингтона при Д. Трампе будет способствовать и более прагматичному подходу Конгресса США, представители которого

ранее нередко выступали основным рупором критики в отношении официального Минска.

Тем не менее не стоит забывать и о некоторых факторах, которые могут оказать сдерживающее влияние на процесс нормализации отношений.

Ключевым фактором такого рода являются тесные отношения Республики Беларусь и Китайской Народной Республики, а именно характер «всепогодного и всестороннего стратегического партнерства» между Минском и Пекином [8]. Администрация Д. Трампа именно Китай считает своим ключевым соперником на международной арене. Даже во время визита в Минск в сентябре 2019 г. помощника Д. Трампа по вопросам национальной безопасности Д. Болтона одной из тем для обсуждения были отношения Беларуси и Пекина, а именно вопросы технологической зависимости от китайских компаний [9]. Белорусское руководство окажется перед неприятной дилеммой, если представители США увяжут перспективы нормализации белорусско-американских отношений с характером белорусско-китайского партнерства.

Вторым фактором, который потенциально может стать препятствием для восстановления отношений, является недостаточное внимание самого американского президента к Республике Беларусь. Свидетельством является и то, что, несмотря на бурную деятельность и комментарии по самым разным международным проблемам, за четыре месяца представители новой администрации с момента избрания Д. Трампа в ноябре 2024 г. практически ни разу не упомянули Беларусь, за исключением свидетельств из отдельных редких публикаций в американской прессе [10]. Как говорил американский лидер еще в бытность бизнесменом, до начала своей политической карьеры, «я люблю выиграть по-крупному и заключить по-настоящему большую сделку» [11, с. 49]. О такой привычке свидетельствует также цифра, характеризующая объем потенциальной сделки с Украиной по редкоземельным металлам – \$500 млрд [12]. Она скорее выполняет роль громкого заголовка для статей в СМИ, что и является главной целью президента США, потому что реальный объем залежей упомянутых полезных ископаемых и трудоемкость их извлечения предметно не оценивались и вряд ли соответствуют заявленной величине. В этом смысле, учитывая импульсивный характер американского лидера и его нежелание тратить много времени для выстраивания сложных долгосрочных проектов, для привлечения внимания Д. Трампа потребуются найти в политическом истеблишменте США такого человека, который был бы приближен к американскому лидеру и смог бы привлечь его внимание к Беларуси.

Хорошим поводом для восстановления отношений может стать 80-летие Организации Объединенных Наций, которое отмечается в 2025 г. В сентябре стартует очередная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, которая традиционно начинается с общей политической дискуссии, в которой принимают участие главы государств и правительств. Глава белорусского государства

А. Г. Лукашенко регулярно посещает сессию Генеральной Ассамблеи в юбилейные годы. Это удобный повод подвести итоги очередной декады в деятельности глобальной организации и выразить белорусскую позицию о дальнейших путях ее развития. И хотя сейчас у власти в США находится администрация с самыми унилатералистскими настроениями за последние десятилетия, которая всерьез рассматривает вопрос о заморозке финансирования ООН и выходе из ее отдельных специализированных учреждений, всё равно это можно было бы использовать как повод для установления контактов с новым американским руководством на высшем уровне.

Вместе с тем, глядя на развитие коммуникации между новой администрацией президента США и руководством других государств, следует высказать еще и пару предостережений.

Во-первых, нынешнее руководство США подходит к любым двусторонним отношениям с сугубо прагматических позиций, стараясь заключить как можно более выгодные соглашения для себя. Причем намерение ввести тарифы в отношении импортных товаров от ближайших союзников и торговых партнеров свидетельствует о том, что Вашингтон использует любые возможности и методы, чтобы извлечь прямую экономическую выгоду. При обсуждении любых потенциальных сделок с таким партнером следует быть острожным. Хорошо очевиден аппетит нового руководства США к играм с нулевой суммой, то есть к таким сделкам, в которых победителем окажется только оно.

Во-вторых, исходя из унилатералистского мировоззрения многих представителей нынешней администрации, Вашингтон не хочет связывать себя дополнительными обязательствами в рамках соглашений. Поэтому в диалоге с администрацией Трампа следует помнить об этом и рассмотреть потенциальные риски любого американского предложения.

Если учитывать данные размышления, то отношения вполне можно выстроить на прагматичном уровне, возобновив хотя бы минимальные контакты на отдельных направлениях. Как отмечал на встрече с М. Помпео в 2020 г. белорусский лидер, даже в случае ограниченного формата отношений контакты продолжались, в том числе по линии спецслужб для борьбы с такими негативными явлениями, как торговля людьми и наркотрафик [6]. Вполне вероятно, что Соединенным Штатам также было бы полезно ознакомиться с белорусскими предложениями по выстраиванию региональных мер доверия для того, чтобы преодолеть тот кризис системы безопасности, который вылился в вооруженный конфликт в 2022 г.

Принимая во внимание готовность Вашингтона начать коммуникацию по постепенному восстановлению отношений с Москвой, Республике Беларусь и Российской Федерации, можно было бы выработать совместную стратегию общения с новой администрацией, в том числе по проблемам европейской безопасности. Минск и Москву по Договору о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства связывают даже более тесные

отношения, чем Вашингтон и его формальных партнеров по Североатлантическому альянсу. Поэтому восстановление отношений с Вашингтоном не должно существенно повлиять на союзнические отношения Минска и Москвы.

В любом случае, ненормальной является ситуация, при которой у Республики Беларусь на протяжении уже длительного времени (почти два десятилетия) дипломатические отношения находятся на пониженном уровне либо в состоянии заморозки. Конечно же, такая ситуация свидетельствует о серьезном кризисе региональной системы международных отношений. Вместе с тем, учитывая более прагматичный подход администрации Д. Трампа к ведению международных дел, в том числе основываясь на опыте его первого срока, можно сделать осторожный прогноз, что шанс восстановления двусторонних отношений Минска и Вашингтона в ближайшее время более велик, чем в предыдущие годы.

Список использованных источников

1. *Hains, T. Full Speech: Vice President JD Vance Tells Munich Security Conference "There's A New Sheriff In Town"* / Т. Хейнс // Real Clear Politics. – URL: https://www.realclearpolitics.com/video/2025/02/14/full_speech_vice_president_jd_vance_addresses_munich_security_conference.html. – Date of publ.: 14.02.2025.
2. Лукашенко смотрел в прямом эфире инаугурацию Трампа, и ему очень не понравился один момент // БелТА. – URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-smotrel-v-prjamom-efire-inauguratsiju-trampa-i-emu-ochen-ne-ponravilsja-odin-moment-690245-2025/>. – Дата публ.: 21.01.2025.
3. Совет Безопасности принял предложенную США резолюцию по Украине // Новости ООН. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/02/1461641>. – Дата публ.: 25.02.2025.
4. Трамп заявил о намерении упразднить USAID // Известия. – URL: <https://iz.ru/1833911/2025-02-05/tramp-zaiavil-o-namerenii-uprazdnit-usaid>. – Дата публ.: 05.02.2025.
5. Белоруссия начала улучшать отношения с США // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/news/2019/01/11/telephone/>. – Дата публ.: 11.01.2019.
6. Встреча с Государственным секретарем США Майклом Помпео // Президент Республики Беларусь: официальный сайт. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-gosudarstvennym-sekretarem-ssha-majklom-pompeo-22969>. – Дата публ.: 01.02.2020.
7. Новый посол Беларуси в США планирует в августе отбыть в Вашингтон // БелТА. – URL: <https://belta.by/president/view/novyj-posol-belarusi-v-ssha-planiruet-v-avguste-otbyt-v-vashington-399302-2020/>. – Дата публ.: 20.07.2020.
8. Китай и Беларусь опубликовали Совместную декларацию об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства // Жэньминь Жибао. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0916/c31519-10147689.html>. – Дата публ.: 16.09.2022.
9. Помощник Трампа по нацбезопасности впервые встретился с Лукашенко // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/08/2019/5d679eef9a7947b9bfbc2a3>. – Дата публ.: 29.08.2019.
10. США готовы частично снять санкции с Беларуси – NYT // Точка. – URL: https://tochka.by/articles/policy/ssha_gotovy_chastichno_snyat_sanktsii_s_belarusi_nyt/. – Дата публ.: 15.02.2025.

11. *Трамп, Д.* Мысли по-крупному и не тормози! / Д. Трамп при участии Б. Занкера. – 2-е изд. – Москва: Альпина Бизнес Букс, 2009. – 308 с.

12. Глава Минфина США привез в Киев черновик соглашения по металлам // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/02/2025/67acdc6b69a79472e12a50d8e>. – Дата публ.: 12.02.2025.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

Ю. В. Александренков

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

Y. V. Aleksandrenkau

Academy of Public Administration under the aegis of the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 321

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК ФАКТОР ГЕНЕЗИСА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

POLITICAL PARTIES AS A FACTOR IN THE GENESIS OF THE WELFARE STATE

В статье анализируется роль политических партий в генезисе социального государства. Определена значимость теории властных ресурсов и теории партий для объяснения генезиса социального государства. Рассмотрены направления исследований, учитывающие изменение электората политических партий, характеристики избирательной и партийной системы, институты социального государства, появление электоральных и картельных политических партий, характер связи между политическими партиями и их избирателями. Отмечена необходимость дальнейших исследований роли политических партий в генезисе социального государства.

Ключевые слова: политические партии; социальное государство; теория властных ресурсов; теория партий; электоральная база; партийная система; политические институты.

The article analyzes the role of political parties in the genesis of the welfare state. The significance of the theory of power resources and the partisan theory for explaining the genesis of the social state is determined. The directions of research that take into account the change in the electorate of political parties, the characteristics of the electoral and party system, the institutions of the welfare state, the emergence of electoral and cartel political parties, the nature of the relationship between political parties and their voters are considered. The need for further research of the role of political parties in the genesis of the welfare state is noted.

Keywords: political parties; welfare state; theory of power resources; partisan theory; electoral base; party system; political institutions.

Изучение феномена социального государства представляет собой сложную задачу, требующую привлечения методологий различных научных дисциплин, в первую очередь социальных – политологии, социологии, истории, экономики, а также философии. Каждая из научных дисциплин вносит свой

уникальный вклад в понимание природы социального государства, разрабатывает аналитические подходы и категориальный аппарат.

Важную роль в исследовании социального государства играют политические науки. Рассмотрение генезиса социального государства как следствия влияния политического фактора обладает большим эвристическим потенциалом, особенно для объяснения различий в формировании, экспансии и сокращении отдельных социальных государств.

В рамках политических наук рассматривается влияние на формирование и развитие социального государства демократических и электоральных институтов, политических прав и свобод граждан, концепции «нации» и национальных государств, теории социальной справедливости и политических идеологий, теории классов и классовой борьбы, институционального и организационного устройства политической системы, а также иных политических факторов. Важной исследовательской задачей выступает изучение влияния политических партий на генезис социального государства и классификация направлений данных исследований, что и является целью данной статьи.

В 1970-х гг. появляются научные работы, в которых изучается роль политических партий и партийной борьбы в динамике социального государства. Первоначальные работы исходят из теоретических представлений о том, что партийная идеология определяет политику, проводимую партийными правительствами. Партийный состав правительств используется для объяснения сроков проведения социальных реформ, их содержания, расширения и сокращения социального государства [1, с. 211].

Один из основоположников данного подхода Д. Хиббс в 1977 г. показал, что различные макроэкономические результаты обусловлены в значительной степени разным партийным составом правительства. Левые партии принимали решения в пользу большего перераспределения общественного продукта посредством институтов социального государства [2]. Щедрая социальная политика левых правительств объяснялась классовой принадлежностью избирателей левых партий и их классовыми интересами. Исследовалась также связь между сокращением социальной политики и классовым составом избирателей правых партий.

Уолтером Корпи и Джоном Д. Стивенсом была разработана теория властных ресурсов, увязывающая интересы социальных классов и социальных групп с партиями и их политикой относительно социального государств. Данная теория стала ведущим направлением исследований развития социального государства в 1980-х гг. Сторонники теории властных ресурсов считают, что социальные государства – это «результаты и арены для конфликтов между классовыми, социально-экономическими группами интересов, и что в этих распределительных конфликтах партийная теория, скорее всего, будет иметь значение» [3, с. 425]. Ключевое значение для социальной политики имеют различия в распределении властных ресурсов между

социальными группами, имеющими различные социально-экономические интересы. Госта Эспинг-Андерсен, характеризуя три типа социального государства в рамках данного направления, именует их по доминирующим в них политическим партиям – социал-демократический, консервативный, либеральный – и связывает партийную политику с выражением интересов определенных социальных слоев, выразителями интересов которых являются политические партии [4, с. 16–18]. В то же время сторонников теории властных ресурсов критикуют за рассмотрение политики в чрезмерно упрощенном виде как механизма, передающего предпочтения и требования различных групп интересов лидерам, которые их реализуют.

Хотя теории властных ресурсов и партий обладают хорошей объяснительной способностью, реальные политические процессы не всегда объяснимы с их помощью. Политические партии, относящиеся к левой части политического спектра, могут проводить политику сокращения социального государства, правые партии – выступать за расширение социального государства, что требует теоретического объяснения. Научный поиск в данном направлении привел к росту количества исследований, результаты которых свидетельствуют, что влияние политических партий на социальное государство происходит не так, как его описывают теория партий и теория властных ресурсов.

Данные исследования можно разделить на следующие группы по критерию объяснения партийной политики: структурные изменения старого электората партий и появление в электоральной базе новых социальных групп, влияние электоральной системы, партийной системы, институтов социального государства, появление электоральных и картельных партий, различный тип связи между политическими партиями и их электоратом.

Под влиянием процессов глобализации и перехода к постиндустриальному обществу меняются риски для традиционного электората левых партий. Изменение характера труда в связи с расширением сектора экономики услуг, все большая открытость национальных экономик мировым рынкам ведут к популярности традиционалистских и антииммигрантских идей среди промышленных рабочих и низкооплачиваемых работников наемного труда [5]. Левые партии вынуждены учитывать изменения предпочтений своих «традиционных» избирателей и менять свою политическую повестку, иначе избиратели будут голосовать за правые партии, как это случилось, например, на президентских выборах в США в 2024 г. Важное значение для политических предпочтений имеет также отнесение работников к группе, состоящей преимущественно из мужчин, имеющих стабильную работу с высоким уровнем социальных гарантий (инсайдеры), или к группе, у которой отсутствует стабильная работа (аутсайдеры). У инсайдеров наблюдается сдвиг политических предпочтений вправо в защиту существующих механизмов социальной защиты, обеспечивающих им определенные преимущества, в то время как аутсайдеры или не го-

лосуют на выборах, или голосуют за левые партии с целью расширения социальных гарантий.

Охват нового электората политическими партиями ведет к необходимости учета требований данного электората при формировании политических программ и реализации социальной политики. Левые партии привлекают все большее количество избирателей, которые относятся к среднему классу и являются высококвалифицированными работниками. Часть избирателей поддерживает левые партии политического спектра исходя из идеологических предпочтений, в то время как по экономическим характеристикам они не относятся к традиционному электорату левых партий. Соответственно, данный электорат подвержен иным социальным рискам и имеет иные потребности, что обуславливает его требования к социальному государству. Так, высококвалифицированные женщины, работающие в сфере услуг, относятся к «новому» электорату левых партий. Они заинтересованы в расширении социальной политики в области образования, выступают за социальное инвестирование, универсальные программы социальной защиты и за гендерное равенство, что отличает их требования от требований промышленных рабочих, которые являются традиционным ядром электората левых партий.

Тип электоральной системы оказывает влияние на социальное государство. Победе левых политических партий на выборах и, соответственно, более щедрому социальному государству способствует пропорциональная избирательная система, в то время как мажоритарная избирательная система благоприятствует приходу к власти правых политических партий [6]. Пропорциональные политические системы делают возможным коалиции партий, представляющих интересы низшего и среднего классов и выступающих за большее перераспределение общественного продукта социальным государством.

Существующие институты социального государства также являются фактором социальной политики правительства. Левые партии могут поддерживать увеличение расходов на высшее образование в том случае, если оно является массовым, и выступать против увеличения расходов на высшее образование, когда оно является элитарным. В первом случае увеличение расходов на образование ведет к уменьшению социального неравенства, что соответствует идеологическим установкам левых партий, во втором – к росту, что, соответственно, противоречит левым идеологиям [7].

Социальная политика партийных и коалиционных правительств осуществляется с учетом проводимой ранее социальной политики. Зачастую политическим лидерам приходится реализовывать решения, принятые предшественниками. Соответственно, правые партии не сворачивают социальные реформы, инициированные левыми партиями, опасаясь негативной реакции электората, интересы которого могут быть задеты, на следующих выборах, а левые партии продолжают политику предыдущего в области

ограничения социальных расходов, опасаясь негативного влияния расширения социального государства на экономику.

Структура партийной системы оказывает важное влияние на партийную политику. Для «старой школы» теории партий характерно деление партийной системы на правые и левые партии, различающиеся по отношению к социальным и экономическим вопросам. Критерием данного деления выступают интересы труда и капитала. Двухпартийная система США является хорошим примером данного деления.

В то же время в странах со множеством сильных партий существуют и иные значимые различия между партиями, которые оказывают влияние на партийную борьбу и социальную политику. Партии могут представлять интересы жителей города и сельской местности, интересы верующих и сторонников светского государства, отдельных регионов в составе государства, различных национальностей, религий и тому подобное. В странах Западной Европы большую роль в создании социального государства сыграли христианские демократы, в странах Северной Европы аграрные партии наряду с социал-демократическими партиями выступали за щедрое социальное государство. Наличие этнических, языковых или религиозных разногласий, а также идеологической поляризации препятствует внедрению универсальных социальных программ и способствует принятию фрагментированных и профессионально ориентированных социальных программ [8].

Позиция политических партий по отношению к социальной политике обусловлена также стратегией партий, зависящей от текущей конфигурации политического пространства. Политические партии могут корректировать свою позицию по вопросам социальной политики в соответствии с позицией потенциального партнера по коалиции, если данный партнер имеет решающее значение для формирования коалиции. В этом случае партии принимают политические решения исходя из определенной автономии по отношению к интересам своего электората, реализуя так называемый подход «сверху вниз» и мобилизуя электорат в поддержку принятой социальной политики. При традиционном подходе «снизу вверх» партии являются агентами социального класса и не характеризуются подобной гибкостью.

В изучении влияния политических партий на социальное государство изначально рассматривались массовые партии, являющиеся выразителями интересов своих избирателей. В то же время сущность политических партий претерпела изменения вслед за социально-экономическими и политическими изменениями на глобальном, региональном и национальных уровнях. После Второй мировой войны появляются электоралистские партии, отличительной особенностью которых является стремление набрать на выборах наибольшее количество голосов различных групп избирателей, завоевав поддержку максимально широкой аудитории избирателей. Для этого они адаптируют свои политические программы, стремясь учесть интересы максимально возможного количества групп избирателей. С 1970-х гг. возни-

кают картельные партии, важнейшими характеристиками которых являются использование ресурсов государства для сохранения и усиления положения партий в политической системе, а также еще большая оторванность от интересов избирателей. Современные политические партии стали менее зависимыми от своих избирателей, и их стратегические интересы по сохранению своего влияния в политической системе общества играют важную роль при принятии политических решений в области социальной политики.

Взаимосвязь между партией и ее избирателями также отмечается исследователями в качестве существенного фактора социальной политики, поддерживаемой данной партией. Связь между политической партией и электоратом может быть основана на идеологии, на искомых выгодах от поддерживаемой партией политики и на социально-культурной идентичности избирателей в случае, когда избиратели поддерживают определенную партию из-за своего социального и культурного происхождения [9].

Наиболее распространенной среди исследователей является точка зрения, согласно которой партии и их избиратели взаимодействуют на основе разделяемой идеологии. Предполагается, что политическая программа партии соответствует ценностям и интересам ее избирателей. В то же время между политической партией и избирателями могут выстраиваться партикуляристские отношения, определяемые как целенаправленные усилия политиков по формированию поддержки определенных граждан или групп граждан (клиентов) и преданности этих граждан своему лидеру (патрону). Распространенность в партийной системе партикуляристских взаимоотношений негативно влияет на развитие социального государства, так как универсализм социального государства подрывает возможность политических патронов отстаивать интересы своих клиентов, что ведет к их незаинтересованности в широких социальных программах. Идеологические сторонники расширения социального государства в таких условиях могут опасаться использования институтов социального государства в частных интересах.

Таким образом, исследование влияния политических партий на развитие социального государства претерпело значительную эволюцию. Традиционное рассмотрение левых политических партий как выразителей интересов работников наемного труда, выступающих за расширение социального государства, и правых политических партий как выразителей интересов капитала, выступающих за сокращение социального государства, требует учета значимых факторов. Влияние данных факторов может привести к нехарактерной социальной политике для левых и правых партий, когда левые партии могут выступать за сокращение социальной политики, а правые, наоборот, за ее расширение. Важное воздействие на социальную политику политических партий оказывают структурные изменения традиционной электоральной базы политических партий и, соответственно, предпочтений составляющих ее граждан, а также появление в электоральной базе новых социальных групп с новыми социальными рисками и потребностями. Тип

избирательной системы способствует победе левых или правых политических партий. Структура партийной системы влияет на социальную политику входящих в нее партий. Институциональная структура социального государства является значимым фактором социальной политики левых или правых правительств, равно как и политика предыдущего правительства. Появление электоральных и картельных партий меняет характер отношений между партиями и их электоратом, позволяя партиям проводить более автономную социальную политику, координировать ее исходя из их стратегических целей. Характер связей между политическими партиями и их избирателями способствует или затрудняет развитие социального государства.

Теория властных ресурсов и теория партий сохраняют свой эвристический потенциал. В то же время необходимы дальнейшие исследования факторов, обуславливающих воздействие политических партий на социальное государство.

Список использованных источников

1. *Schmidt, M.* Parties / M. Schmidt // The Oxford Handbook of the Welfare State; F. G. Castles, S. Leibfried, J. Lewis [et al.] (eds). – Oxford: Oxford University Press, 2010. – P. 211–226.
2. *Hibbs, D. A.* Political Parties and Macroeconomic Policy / D. A. Hibbs // American Political Science Review. – 71 (1977). – P. 1467–1487.
3. *Korpi, W.* New Politics and Class Politics in the Context of Austerity and Globalization: Welfare State Regress in 18 Countries, 1975–95 / W. Korpi, J. Palme // American Political Science Review. – 2003. – 97. – P. 425–446.
4. *Esping-Andersen, G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. – Cambridge: Polity Press, 1990. – 435 p.
5. *Bornschier, S.* Cleavage Politics and the Populist Right: The New Cultural Conflict in Western Europe / Simon Bornschier. – Philadelphia: Temple University Press, 2010. – 260 p.
6. *Iversen, T.* Electoral Institutions and the Politics of Coalitions / T. Iversen, D. Soskice // American Political Science Review. – 2006. – Vol. 100, № 2. – P. 165–181.
7. *Ansell, B. W.* University Challenger: Explaining Institutional Change in Higher Education / B. W. Ansell // World Politics. – 2008. – 60. – P. 189–230.
8. *Ferrera, M.* The Boundaries of Welfare. European Integration and the New Spatial Politics of Social Protection / M. Ferrera. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – XII, 299 p.
9. *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition* / H. Kitschelt and S. I. Wilkinson, eds. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 377 p.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

Н. А. Антанович

Белорусский государственный университет, Минск

N. A. Antanovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 323.1+341.231

ДИНАМИКА ТРАКТОВОК ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗАПАДНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ¹

DYNAMICS OF INTERPRETATIONS OF IDENTITY POLITICS IN THE WESTERN POLITICAL SCIENCE

В статье проведен анализ научных публикаций, посвященных проблемам политики идентичности в западной политологии. Термин «политика идентичности» применялся в политическом дискурсе западных стран в связи с развитием феминизма как идеологии, движениями за гражданские права, гендерную свободу, разнообразие и инклюзивность. Показаны трансформации смыслового наполнения термина «политика идентичности» в связи с политической практикой меньшинств, а также деятельностью политических партий. От политической и смысловой «дисперсии» политика идентичности дрейфует в сторону ее понимания как аспекта внешней политики государства, субъектности государства на международной арене, признания ее влияния на развитие государственности и защиту государственного суверенитета.

Ключевые слова: политика идентичности; обзор литературы; права меньшинств; национализм; внешняя политика; государственная политика идентичности; конструирование национальной идентичности.

The article analyzes scientific publications devoted to the problems of identity politics in Western political science. The term "identity politics" has been used in the political discourse of the Western countries in connection with the formation of feminism as an ideology, movements for civil rights, for gender freedom. The transformations of the semantic content of the term "identity politics" are shown in connection with the political practice of minorities, as well as the activities of political parties. From political and semantic "dispersion", identity politics is drifting toward understanding it as an aspect of the state's foreign policy, the subjectivity of the state in the international arena, and the recognition of its influence on the development of statehood and the protection of state sovereignty.

Keywords: identity politics; literature review; minority rights; nationalism; foreign policy; state identity politics; construction of national identity.

Идентичность, трактуемая в широком смысле как личностная характеристика, акцентирует тождественность внутреннего «Я» самому себе, стремление к подлинности бытия. Политическую перспективу идентичность приобретает в силу групповой артикуляции субъектами определенных проблем, исходя из их социального опыта. Теория и практика *политики идентичности* демонстрирует ее многоуровневость, а также неоднознач-

¹ Статья подготовлена в рамках НИР 2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № ГР 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.).

ность трактовок. В западной политической науке смысл политики идентичности (identity politics) варьируется. Термин «политика идентичности» применялся в политическом дискурсе западных стран с конца 1960-х гг. в связи с развитием феминизма как идеологии, движениями за гражданские права, гендерную свободу, разнообразие и инклюзивность. В западной политологии получили распространение трактовки политики идентичности как «политической или социальной деятельности, реализуемой на расовой, этнической, культурной, религиозной, гендерной или другой групповой основе от ее имени, обычно предпринимаемой с целью исправления несправедливости, от которой страдают члены группы» (Энциклопедия «Британика») [1].

В российской политологии политику идентичности с фокусировкой на деятельности государства в ее формировании (государственная политика идентичности) разрабатывает ряд авторов: В. А. Ачкасов, О. В. Бахлова, И. В. Бахлов, А. А. Вилков, Н. В. Гришин, Р. В. Евстифеев, В. В. Титов, И. С. Семененко, О. В. Попова, Л. А. Фадеева и др. В 2023 г. опубликовано учебное пособие «Политика идентичности: понятия, смыслы, практики» [2]. Среди белорусских авторов – Е. М. Бабосов, В. Н. Ватыль, В. В. Данилович, Л. Е. Земляков, Г. Г. Краско, И. А. Марзалюк, А. А. Мушта, Г. И. Осадчая и др. В упомянутом пособии «Политика идентичности» политическая идентичность определяется как комплекс «идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом» [2, с. 12].

Цель статьи – проследить динамику трактовок политики идентичности в западной политологии, ее влияние на развитие государственности и защиты государственного суверенитета.

В Стэнфордской энциклопедии философии *политику идентичности* «в либеральном капитализме» определяют как «спектр политической деятельности и теоретизирования, основанный на общем опыте несправедливости по отношению к определенным социальным группам» [3]. Анализируемый вид политики связывают с обеспечением политической свободы для маргинализируемых политических сил. Идейным предшественником известных движений за гражданские права в США (афроамериканцев, американских индейцев) признается Франц Фанон (теоретик движения «новых левых»), а феминизма – Мэри Уолстонкрафт (британская писательница XVIII в.), Бетти Фридан (американская писательница-феминистка XX в.) и др. [3]. К политике идентичности относят социальные движения, опирающиеся на традиции антирасизма (движения MeToo, Black Lives Matter), возрождения коренных народов, феминизма, сексуального освобождения, различных форм борьбы за инклюзивность (к примеру, защита прав инвалидов). Совокупно они реализуются в рамках комплекса мер, применяемых

в США и англосаксонских странах под названием *DEI* (Diversity, Equity, Inclusion) – *разнообразие, равенство, инклюзивность*.

Приведенная выше трактовка идентичности подвергается критике, которая основывается на тезисе, что практика защиты прав меньшинств приводит к углублению социальных конфликтов и противодействию либеральным свободам в силу попыток отдельных групп добиться защиты своих интересов в ущерб другим группам. Приведем высказывания из Стэнфордской энциклопедии философии: «Опасность политики идентичности заключается в том, что она выставляет в качестве подлинного самопонимание некой группы, которое на деле определяется оппозицией к доминирующей идентичности», продвижение групповой идентичности «усиливает репрессивную иерархию... Либеральный капитализм усиливает “травмированные идентичности”... Политика идентичности – продукт как “крайне правого популизма”, так и “либерального неодобрения”» [3].

Ф. Фукуяма в статье «Против политики идентичности: новый трайбализм и кризис демократии» (2018 г.) также подверг критике трактовку политики идентичности. Он писал, что XX в. был веком экономики в политике, когда шла борьба за права трудящихся, за социальное обеспечение под левыми лозунгами и сокращение госаппарата за счет замены государственных услуг частным рынком поставок – под правыми лозунгами. В XXI в. левые сосредоточились на продвижении интересов маргинализированных групп (этнических меньшинств, иммигрантов, беженцев, ЛГБТ-сообществ), правые же стали выступать за защиту национальной (государственной) идентичности, за патриотизм [4, р. 91]. Идеи Ф. Фукуямы демонстрируют дихотомии: выбор между признанием и перераспределением (материальных благ), между культурными и экономическими факторами. Как мы видим, западные авторы приходят к выводам об ограниченности трактовки политики идентичности лишь в формате защиты групповых интересов, пусть и ущемленных. Признается не меньшая значимость глубокой связи политики идентичности с вопросами власти и ее легитимности в целом.

Некоторые западные ученые [5] в противовес точке зрения Ф. Фукуямы признают, что идентичность в определенных ее формах связана с экономическим статусом и социально-экономическим неравенством. Отсылки в этом плане делаются к марксистскому выводу о том, что отдельные рабочие для защиты своих интересов должны идентифицировать себя с пролетариатом, а не просто определять свою приверженность группе по этнокультурному или региональному признаку. С. М. Липсет и С. Роккан в статье 1967 г., посвященной изучению структуры социальных расколов в западных странах, писали, что «продуктами промышленной революции» были конфликт между земельными интересами и растущим классом промышленных предпринимателей, конфликт между владельцами и работодателями, с одной стороны, и арендаторами и рабочими – с другой. Применительно к XX в., напротив, С. М. Липсет и С. Роккан описывали изменения политических

систем западных стран как отражение сдвига идентичностей больших социальных групп [6]. Они отмечали изменения социальных идентичностей, их движение от классового конфликта к конфликту между приверженностью к универсальным «глобальным» и национальным ценностям.

Еще одно направление трактовки политики идентичности связывает ее с выборами, электоральным процессом, деятельностью политических партий. Г. Табеллини и Н. Дженнайоли (Университет Л. Боккони, Италия) в статье «Идентичность, убеждения и политический конфликт» (2019) утверждают, что применительно к странам Западной Европы и США «национализм и популизм получили поддержку практически везде, часто за счет основания новых партий. Возникли новые измерения конфликта: по вопросам иммиграции, глобализации и гражданских прав, взамен классического разделения по вопросам перераспределения благ» [7]. Решение указанных вопросов связано с пониманием групповой идентичности, ее влияния на политическое поведение в целом. Г. Табеллини и Н. Дженнайоли утверждают, что «социальные идентичности переключаются с конфликта бедных против богатых на конфликт глобалистов и националистов» [7]. Вывод сделан на основе эмпирического анализа в США и странах Западной Европы: «...бедные избиратели, которые традиционно идентифицировали себя с левыми силами, теперь привлекаются национализмом, потому что он соответствует как их культурным взглядам, так и торговым предпочтениям» («эффект импортных шоков») [7].

Применительно к деятельности партий политика идентичности означает выработку стратегии политической мобилизации сторонников и позиционирование по отношению к конкурентам. При этом различают «политику солидарной идентичности» и «политику оппозиционной идентичности». Первая подчеркивает внутреннюю сплоченность партии, вторая – использование чувства «мы против них» [8].

Итак, проведенный анализ продемонстрировал динамику трактовок политики идентичности в западной политологии. Политика идентичности, реализуемая как выражение и защита лишь прав меньшинства, была подвергнута резкой критике. Меньшинства стремятся формировать общенациональную повестку, связанную в том числе с пересмотром традиционных ценностей, встречая сопротивление общества. Это проявилось в поддержке Д. Трампа на выборах 2024 г. в США, в резкой критике DEI (меры по укреплению разнообразия, равенства, инклюзивности) И. Маском в 2025 г.

В XXI в. наряду с трактовкой политики идентичности с точки зрения «обеспечения равных прав меньшинств» [5] политику идентичности связывают с *деятельностью государства в целом*. Отметим, что ускорение протекания социально-политических процессов и социального времени ведет к изменениям «жизненного цикла политических теорий». Российские исследователи Б. А. Исаев и А. С. Власкина считают, что «длительность жизненного цикла современных политических теорий сравнительно невелика»

в силу бурного развития науки, научно-технологической революции, появления новых концепций, увеличения концентрации ученых, работающих в одном исследовательском направлении [9, с. 44].

Российский исследователь политики идентичности Н. В. Гришин в статье «Государство как субъект политики формирования идентичности» (2019) писал, что в англоязычной литературе «отсутствует термин, подходящий для обозначения государственной политики по формированию идентичности» [10, с. 67]. Он также фиксирует движение западной политической мысли к изучению роли государства в выработке политики идентичности [11] и отмечает исследование Р. Брубейкера «Пересмотр национализации государств: проекты и процессы национализации в постсоветских государствах» (2011). «Именно в работах Р. Брубейкера в качестве субъекта политики идентичности стало рассматриваться государство, а не только правящие элиты» [11, с. 231].

Р. Брубейкер изучил политику Эстонии, Латвии, Украины и Казахстана как «национализирующихся государств» с учетом следующих факторов: этнополитической демографии, языковой практики, экономики и политики. В Эстонии и Латвии государственная политика была изначально ориентирована на «защиту, укрепление и расширение прав и возможностей основной нации как четко ограниченной общности, но впоследствии стала более ассимиляционистской...». В Казахстане, несмотря на официальную инклюзивную риторику, государственная политика служила «в первую очередь укреплению основной нации», в Украине – «изменению культурных практик, лояльностей и идентичностей, тем самым... расширяя основную нацию» [12].

Наряду с понятием «политика идентичности» (identity politics) в западной политической науке применяется понятие «построение/конструирование национальной идентичности» – *construction of national identity* [13]. Концепт конструирования национальной идентичности увязывается с развитием государственности и защитой государственного суверенитета. Признается «переход от этнической идентичности к национальной, сопровождаемый механизмами стратегии национального строительства» [13]. М. Альмагро и Д. Андрес-Сересо в статье «Формирование национальной идентичности» (2020) признают роль централизованной политики по формированию идентичности для международной субъектности государства: важна «динамика политики национального строительства и условия, при которых государство может продвигать общую национальную идентичность на своей территории. Дальновидное центральное правительство интернализует динамику идентичности, формирует ее, выбирая уровень государственной централизации» [14, р. 764].

В последние годы в связи с ростом национализма и популизма в западной политике и в социально-политической науке распространяется понимание политики идентичности как аспекта внешней политики государ-

ства, идентичности и субъектности государства на международной арене [15]. Проблематика построения или конструирования национальной идентичности, вплоть до выработки государственной политики в этой сфере, актуализировалась в связи с угрозами государственности и суверенитету, с секьюритизацией политики, неудачами мультикультурализма, а также негативными последствиями глобализации. Государственная политика идентичности, как и политика идентичности, имеет внутри- и внешне-политическое измерение. Очевидна связь политики конструирования национальной/национально-государственной идентичности с исторической политикой.

Таким образом, в статье изучена динамика трактовок политики идентичности в западной политологии от ее становления в 1960-х гг. в связи с движениями за гражданские права, гендерную свободу, феминистским движением к осознанию роли политики идентичности как аспекта внешней политики государства, идентичности и субъектности государства на международной арене. В XXI в. к политике идентичности относят социальные движения, опирающиеся на феминизм, традиции антирасизма (движения MeToo, Black Lives Matter), борющиеся за возрождение коренных народов, сексуальное освобождение, за инклюзивность (к примеру, защита прав инвалидов). Так или иначе, важен учет формирования политики идентичности «снизу», от социальных групп, ведь именно таким образом идентичность социальных групп и организаций, политических партий утверждается во взаимодействии с другими политическими институтами и проявляется в публичной сфере. В статье показано, что от политической и смысловой «дисперсии» политика идентичности в западной политологии и в политической практике дрейфует в сторону признания ее влияния на развитие государственности и защиту государственного суверенитета.

Список использованных источников

1. Identity politics / Brian Duignan. – Encyclopedia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/identity-politics> (дата обращения: 23.01.2025).
2. Политика идентичности: понятия, смыслы, практики: учеб. пособие / отв. ред. Л. А. Фадеева. – Пермь: ИЦ «Титул»: ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2023. – 216 с.
3. Identity Politics // Stanford Encyclopedia of Philosophy. First published 2002; substantive revision 2024. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/> (date of access: 23.01.2025).
4. Фукуяма, Ф. Против политики идентичности: новый трайбализм и кризис демократии / Ф. Фукуяма // Foreign Affairs. 2018. № 97. Р. 90–115. – URL: <https://goo.su/EoyoS9> (дата обращения: 23.01.2025).
5. Pande, R. “Identity politics” is economic policy / R. Pande // Science. Vol 387, Issue 6731. 2025. – URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/science.adu9409> (date of access: 23.01.2025).
6. Lipset, S. M. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments / S. M. Lipset, S. Rokkan // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. New York: Free Press, 1967. – URL: <https://janda.org/c24/Readings/Lipset&Rokkan/Lipset&Rokkan.htm> (date of access: 23.01.2025).

7. *Tabellini, G.* Identity, beliefs, and political conflict / G. Tabellini, N. Gennaioli // VoxEU – The Centre for Economic Policy Research (CEPR's policy portal). 6 Jun 2019. – URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/identity-beliefs-and-political-conflict> (date of access: 23.01.2025).

8. Understanding Identity Politics: Strategies for Party Formation and Growth // Stanford. Center on Democracy, Development and Rule of Law. 2024 – URL: <https://cddrl.fsi.stanford.edu/news/understanding-identity-politics-strategies-party-formation-and-growth> (date of access: 23.01.2025).

9. *Исаев, Б. А.* Теория социальных расколов Липсета – Роккана и возможности ее применения для анализа первой, второй и третьей партийных систем России / Б. А. Исаев, А. С. Власкина // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2016. – Т. 12, № 4. – С. 43–64.

10. *Гришин, Н. В.* Государство как субъект политики формирования идентичности / Н. В. Гришин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 3 (60). – С. 66–72.

11. *Гришин, Н. В.* Государственная политика идентичности: новая ставка в политической борьбе? / Н. В. Гришин // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 55. – С. 231–239.

12. Brubaker, Rogers Nationalizing states revised: Projects and processes of nationalization in post-Soviet states // Ethics and Racial Studies. – 2011. – № 11, vol. 34. – URL: https://www.researchgate.net/publication/233188988_Nationalizing_states_revisited_Projects_and_processes_of_nationalization_in_post-Soviet_states (date of access: 23.01.2025).

13. The Construction of National Identity in Modern Times: Theoretical Perspective / Hüsamettin İnaç, Feyzullah Ünal // International Journal of Humanities and Social Science. – June 2013. – № 11, vol. 3. – P. 223–232. – URL: https://www.ijhssnet.com/journals/Vol_3_No_11_June_2013/24.pdf (date of access: 23.01.2025).

14. *Almagro, M.* The construction of national identities / M. Almagro, D. Andrés-Cerezo // Theoretical Economics. – May 2020. – Vol.15, Issue 2. – P. 763–810. – URL: <https://doi.org/10.3982/TE3040>.

15. Huysseune, Michel Nationalism and identity politics in International relations // Political Science. Vesalius College. 2004. – URL: <https://researchportal.vub.be/en/publications/nationalism-and-identity-politics-in-international-relations> (date of access: 23.01.2025).

(Дата подачи: 26.02.2025 г.)

Ань Нань

Белорусский государственный университет, Минск

An Nan

Belarusian State University, Minsk

БАК 23.00.04

СУБРЕГИОН ЮГА АФРИКИ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

THE SUBREGION OF SOUTHERN AFRICA: APPROACHES TO DEFINITION IN POLITICAL SCIENCE

В современной политической науке до сих пор отсутствует единый подход к определению субрегиона Юга Африки, что также связано с пересечением множества фак-

торов, включая колониальное наследие, национально-освободительные движения и сложные субрегиональные интеграционные процессы. В статье предлагается рассматривать 16 государств – членов Сообщества развития Юга Африки (САДК) как основу для современного определения субрегиона Юга Африки, который в настоящее время стремительно наращивает стратегическое влияние в региональной подсистеме международных отношений.

Ключевые слова: государства Юга Африки; САДК; субрегион; международные отношения; китайская политическая наука.

In modern political science there is still no unified approach to defining the subregion of Southern Africa, which is also associated with the intersection of many factors, including colonial legacy, national liberation movements and complex subregional integration processes. The article proposes to consider the 16 member states of the Southern African Development Community (SADC) as the basis for a modern definition of the subregion of Southern Africa, which is currently rapidly increasing its strategic influence in the regional subsystem of international relations.

Keywords: Southern African States; SADC; sub-region; Belarusian political science; Chinese political science.

Многие исследователи соглашаются с тем, что современный мир – это «мир регионов» [1, с. 1–2], а в международных отношениях все больше проявляется фактор регионализации. Изучение региональной политики – важное направление современных политологических исследований. Для изучения международных отношений определение региона, который выступает объектом исследования, является логической отправной точкой всего исследовательского процесса. Государства Юга Африки как субрегион долгое время считались относительно «маргинальным» субрегионом на международной арене. Определение этого субрегиона до сих пор было предметом широкого спектра дискуссий, но, учитывая историческую, географическую и политическую сложность Юга Африки, существует необходимость его переопределения на основе политической науки. По мнению профессора кафедры международных отношений Университета Йоханнесбурга П. Вэйла (Peter Vale), «понятие Юга Африки, как и понятие Европы, является единым и неделимым» [2, с. 3]. Эта точка зрения показывает уникальность и неделимость государства Юга Африки как региона и подчеркивает необходимость пересмотреть определение государства Юга Африки.

В Республике Беларусь изучение стран Юга Африки остается относительно новым направлением исследований, а их результаты на текущий момент ограничены. Актуализация изучения данного вопроса во многом обусловлена расширением сотрудничества Беларуси со многими государствами субрегиона Юга Африки. По теме роли государств Юга Африки в региональной подсистеме международных отношений одной из значимых публикаций является статья доктора политических наук, профессора Ю. И. Малевич, где анализируются особенности начального этапа сотрудничества Китая с африканскими государствами [3]. Кандидат исторических наук, доцент А. В. Селиванов в своей статье отметил, что африканский

континент является одним из важнейших каналов международного сотрудничества для Беларуси, подчеркнул актуальность углубленного изучения африканского региона [4, с. 22]. В исследовании, проведенном доктором исторических наук, доцентом С. Ф. Свилас, указывается, что Алжир и Марокко играют ключевую роль в культурной политике Франции в Африке, а также подчеркивается, что Беларусь может перенять опыт Франции в использовании «мягкой силы» для продвижения своих интересов в африканском регионе [5, с. 8–9].

В российской политической науке уделяется большое внимание политическим и экономическим аспектам стран Юга Африки. Институт Африки РАН, в частности, заслуживает особого внимания за результаты своих исследований в этой области. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН Л. Я. Прокопенко всесторонне изучает политические и дипломатические отношения стран Юга Африки. В своей статье она глубоко проанализировала высокую степень совпадения национальных интересов России и стран Юга Африки в различных аспектах [6]. Кандидат исторических наук, заведующий Центром изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН Т. С. Денисова изучила перспективы трехсторонних отношений между Европейским союзом, Китаем и Африкой [7]. Коллективная работа Института Африки РАН «Африканские страны в современных международных отношениях: новые рубежи» представляет собой подробный источник информации о государствах Юга Африки [8].

В китайской политической науке появилось несколько выдающихся ученых, активно исследующих государства Юга Африки. Среди них можно выделить таких известных специалистов, как доцент Шанхайского педагогического университета Лю Вэйцай, заведующий отделом исследований безопасности Китайского института африканских исследований Дэн Яньтин и доцент факультета марксизма Шэньсийского университета традиционной китайской медицины У Тао. Лю Вэйцай отметил, что национально-освободительное движение государств Юга Африки способствовало процессу их интеграции [9, с. 84–85]. Дэн Яньтин, исследуя шесть ведущих партий государств Юга Африки, глубоко анализирует механизмы объединенной силы левых правящих партий Африки. Исследования показывают, что традиционное дружеское сотрудничество этих партий будет способствовать историческому процессу африканского единства и возрождения, а также развитию сообщества китайско-африканской судьбы [10, с. 70–72]. В статье У Тао утверждается, что экономический коридор государств Юга Африки имеет уникальные геополитические и экономические особенности, а его стратегическое сопряжение с инициативой «Один пояс – один путь» имеет большие перспективы [11].

Несмотря на то что белорусскими, российскими и китайскими учеными было проведено большое количество исследований, посвященных странам Юга Африки, в белорусской и зарубежной литературе до сих пор не хватает

систематического анализа определения государств Юга Африки. Поэтому существует необходимость в углубленном изучении этого вопроса.

Цель статьи – провести анализ различных подходов к определению государств Юга Африки для уточнения их концептуального определения в политической науке. Представленная статья позволит восполнить наметившиеся упущения в белорусской политической науке и теории международных отношений.

На протяжении истории человечества регионы и субрегионы определялись на основе географических барьеров, таких как горы, реки, озера и моря, а также политических и культурных факторов. Определение стран Юга Африки как отдельного субрегиона представляет особую сложность. Это связано с взаимодействием между историческим разделением и колониальной оккупацией, национально-освободительными движениями современных государств Юга Африки, а также региональным сотрудничеством и конфликтами. В результате в академическом сообществе отсутствует единое понимание регионального определения термина «государства Юга Африки». Интерпретация данного субрегиона варьируется в зависимости от тематики и исследовательских перспектив, что приводит к различным интерпретациям со стороны ученых.

В настоящее время в белорусской, российской и китайской науке отсутствует систематизированная литература, которая бы четко определяла субрегион Юга Африки. Однако анализ существующих исследований показывает, что понятие «государства Юга Африки» долгое время трактовалось по-разному – как в широком, так и в узком смысле.

В узком понимании, согласно Геосхеме ООН (United Nations Geoscheme), к государствам Юга Африки обычно относят пять государств: Ботсвану, Свазиленд, Лесото, Намибию и Южно-Африканскую Республику [12]. Этот перечень также совпадает с территориями, входящими в *Южноафриканский таможенный союз* (ЮАТС).

В широком смысле понятие «государства Юга Африки» трактуется по-разному. Некоторые исследователи включают в этот термин большинство стран, расположенных к югу от Сахары. Однако такое определение является чрезмерно обширным и не предоставляет четких критериев для практического применения.

Существует и другое, *более общее географическое деление*, согласно которому к странам Южной Африки относят территорию Африканского континента, расположенную к югу от 10-й параллели. Это определение основывается на географической протяженности к югу от рек Кунины и Замбези и обычно включает десять государств: Южно-Африканскую Республику, Анголу, Намибию, Замбию, Ботсвану, Зимбабве, Малави, Мозамбик, Свазиленд и Лесото.

Среди китайских исследователей, придерживающихся данной точки зрения, следует отметить профессора Цзяньганского университета Чжан

Лицин, специализирующегося на современных международных отношениях и китайской дипломатии. В своих исследованиях она определяет страны Юга Африки как десять государств, перечисленных выше [13, с. 2]. Кроме того, китайский африканист Гэ Джи в своей книге «Корни беспорядков на юге Африки» определяет круг государств Юга Африки как десять государств [14, с. 12]. Аналогичной точки зрения придерживаются и другие исследователи, включая Му Тао, нынешнего президента Китайской ассоциации по изучению истории Африки [15, с. 25–27].

Российские ученые предлагают различные подходы к определению субрегиона государств Юга Африки. Так, Л. Я. Прокопенко, доцент кафедры истории Института Африки РАН, в своей книге «Новые политические элиты государств Юга Африки» включает в государства Юга Африки девять стран: Южно-Африканскую Республику, Анголу, Ботсвану, Замбию, Зимбабве, Лесото, Мозамбик, Намибию и Свазиленд, исключая из перечня Малави. Эти различия в географических определениях отражают разнообразие научных подходов к изучению юга Африки, формируя многомерную аналитическую основу для региональных исследований [16, с. 5].

С углублением сотрудничества между государствами – членами *Сообщества развития Юга Африки (САДК)* и постепенным развитием организации она стала важной основой для анализа регионального взаимодействия и развития государств Юга Африки. В связи с этим многие исследователи в области международных отношений рассматривают САДК как перспективную платформу для изучения процессов развития региона с различных научных точек зрения. *В их работах САДК часто используется в качестве репрезентативной категории для определения стран юга Африки.*

Исследователь международных отношений в Африке, в настоящее время директор Центра Западной Азии и Африки при Аньхойском университете Фан Вэй в монографии «Исследования внешних связей новой Южной Африки», говоря о южноафриканском измерении, отметил: «При исследовании субрегионального интеграционного сотрудничества между государствами Юга Африки под государствами Юга Африки подразумеваются государства – члены САДК [17, с. 37]. Китайский исследователь Сунь Жуй из Цзянсуского педагогического университета определяет страны Юга Африки как государства – члены САДК [18, с. 4–5]. Кандидат экономических наук А. Д. Хаматшин в автореферате своей диссертации утверждает, что термин «страны Юга Африки» представляет собой обобщенное обозначение государств, входящих в состав САДК [19, с. 5].

Действительно, существуют веские основания для определения стран Юга Африки как единого субрегиона независимо от того, трактуется ли он в узком или широком смысле. Например, с точки зрения Южноафриканского таможенного союза Юг Африки включает пять государств – членов этой организации. Однако в контексте современных процессов субрегиональной интеграции *определение стран Юга Африки может быть расширено за*

счет включения государств – членов САДК. Это связано с тем, что одной из ключевых целей САДК является повышение уровня и качества жизни населения региона [20].

Таким образом, с точки зрения субрегионального сотрудничества «государства Юга Африки» представляют собой динамичную и развивающуюся концепцию. Несмотря на долгосрочную стабильность субрегиона как физико-географической единицы, его современная политическая концептуализация претерпела сложную историческую эволюцию, в которой выделяются два этапа.

На начальном этапе понятие «государства Юга Африки» во многом формировалось под влиянием внешних факторов. С точки зрения колонизаторов, термин «Южная Африка» (South Africa) часто использовался как синоним «государств Юга Африки» задолго до того, как была создана «Южная Африка» в ее современном политическом значении.

Раздел и колонизация Африки в конце XIX – начале XX в. представляли собой сравнительно короткий, но крайне интенсивный процесс, в ходе которого континент был произвольно разделен колонизаторами без учета местных реалий, зачастую пассивно, необдуманно и неразумно.

Первоначально «Южная Африка» (South Africa) относилась в основном к ранней Капской колонии и ее окрестностям. По мере расширения Капской колонии расширялось и понятие «государства Юга Африки», которое постепенно вышло за географические границы современной ЮАР.

В 1910 г., после образования Южно-Африканского Союза, в состав которого вошли Капская колония, Наталь, Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство, была сформирована структура «южноафриканских государств». За пределами Южно-Африканского Союза британцы сохраняли контроль над тремя территориями Верховной комиссии: Басутолендом, Свазилендом и протекторатом Бечуаналенд, которые рассматривались как потенциальные кандидаты для включения в состав Южно-Африканского Союза при определенных условиях.

Во-вторых, Южная Родезия (Southern Rhodesia), находившаяся под управлением Британской южноафриканской компании (British South Africa Company), рассматривалась как территория, которая при определенных условиях могла быть включена в состав Южно-Африканского Союза. Аналогичным образом обсуждалась возможность включения Юго-Западной Африки, находившейся под управлением Германии, и Мозамбика, управляемого Португалией. Кроме того, Северная Родезия (Northern Rhodesia) и Ньясаленд (Nyasaland) также частично относились к «государствам Юга Африки» благодаря их созданию и управлению Британской южноафриканской компанией, а также тесным экономическим связям с Южной Родезией и Южно-Африканским Союзом. Эта структура сохранялась до 1960-х гг., за исключением изменений, вызванных поражением Германии в Первой мировой войне.

После 1960-х гг. движения за независимость местного населения на юге Африки охватили весь субрегион. Такие страны, как Ботсвана, Малави, Лесото, Свазиленд и Замбия, стали независимыми, а Танзания, которая географически является восточноафриканской страной, постепенно стала рассматриваться как часть «государств Юга Африки» в результате ее активного участия в национальном освобождении Юга Африки. В то же время Мозамбик под португальским владычеством, Родезия под властью белых, Юго-Западная Африка и ЮАР также участвовали в формировании сложного политического ландшафта региона. Помимо Мозамбика, к югу Африки была отнесена и Ангола, поскольку Португалия стала важной частью власти белых на юге Африки в результате своего участия в борьбе с черными национально-освободительными движениями.

С середины 1970-х гг. Мозамбик, Ангола и Зимбабве стали независимыми. В 1980 г. эти три страны, а также Ботсвана, Малави, Лесото, Свазиленд, Танзания и Замбия образовали Конференцию по координации развития Юга Африки (SADCC). В 1990 г. Намибия стала независимой и впоследствии присоединилась к этой структуре. В 1992 г. SADCC была преобразована в Сообщество развития Юга Африки. В 1994 г. ЮАР также стала членом САДК. Впоследствии САДК расширилось за счет включения в него Демократической Республики Конго, Мадагаскара, Маврикия и Сейшельских островов.

Сегодня термин «государства Юга Африки» четко определяется как субрегион, включающий 16 государств – членов САДК: Анголу, Ботсвану, Коморские острова, Демократическую Республику Конго, Лесото, Маврикий, Мадагаскар, Малави, Мозамбик, Намибию, Сейшельские острова, Южно-Африканскую Республику, Свазиленд, Танзанию, Замбию и Зимбабве.

Таким образом, определение термина «государства Юга Африки» в политической науке уже не ограничивается только географическим понятием, а является скорее комплексным, включающим в себя географические, политические и экономические элементы. Формирование этого понятия тесно связано с историей западного колониализма, национально-освободительными движениями в субрегионе и процессом субрегиональной интеграции. В политической науке существует множество точек зрения на определение этого понятия. Исходя из концепции субрегиональной интеграции и сотрудничества выявлено, что к странам Юга Африки следует относить 16 государств – членов САДК, при этом признается обоснованность данного определения с других исследовательских позиций.

Следует подчеркнуть, что для государств Юга Африки как геополитической концепции характерна динамичная эволюция. Текущее взаимодействие между различными элементами, включая экономическое сотрудничество, политическую координацию и т. д., продолжит оказывать влияние на будущие масштабы и модели сотрудничества в субрегионе. Этот динамичный характер обуславливает необходимость постоянного внимания исследователей к процессу развития субрегиона.

Список использованных источников

1. 彼得·J·卡赞斯坦. 地区构成的世界: 美国帝权中的亚洲和欧洲 / 彼得·J·卡赞斯坦, 译者: 秦亚青, 魏玲 - 北京: 北京大学出版社, 2007. - 318 p. = *Kaczenштейн, П.* Мир регионов: Азия и Европа в Американском Империуме / П. Кацинштейн; пер. Цинь Яцинь, Вэй Линь. - Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2007. - 318 с.
2. *Dubow, S.* How British Was the British World? The Case of South Africa / S. Dubow // *The Journal of Imperial and Commonwealth History.* - 2009. - Vol. 37, № 1. - P. 1-27.
3. *Малевич, Ю. И.* Начальный этап сотрудничества КНР с африканскими странами / Ю. И. Малевич // Беларусь в современном мире: материалы XI Международной конференции, посвященной 91-летию образования Белорусского государственного университета, Минск, 30 октября 2012 года / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. - Минск: Бело, 2012. - С. 47-48.
4. *Селиванов, А. В.* Африканский вектор деятельности Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в начале 1980-х гг / А. В. Селиванов // Журнал международного права и международных отношений. - 2023. - № 2 (105). - С. 22.
5. *Левчук, А. О.* Культурно-образовательные программы Франции в Африке / А. О. Левчук, С. Ф. Свилас // Международные отношения: история, теория, практика: материалы XIII научно-практической конференции молодых ученых факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, 2 февраля 2023 г. - Минск: Белорус. гос. ун-т, 2023. - С. 8-9.
6. *Прокопенко, Л. Я.* Системообразующая роль политического лидерства в развитии отношений России со странами Юга Африки / Л. Я. Прокопенко // Ученые записки Института Африки РАН. - 2017. - № 2 (39). - С. 16-18.
7. *Денисова, Т. С.* Евросоюз, Китай и Африка: сотрудничество в области содействия международному развитию (проблемы и перспективы) / Т. С. Денисова, С. В. Костелянец // Азия и Африка сегодня. - 2020. - № 1. - С. 17-24.
8. Африканские страны в современных международных отношениях: новые рубежи: коллективная монография / Ю. Д. Верташов, С. Н. Волков, Н. В. Гришина [и др.]. - Москва: Ин-т Африки РАН, 2017. - 264 с.
9. 刘伟才. 南部非洲的民族解放 / 刘伟才 // 中国投资 (中英文). - 2022. - № Z2. - P. 84-85. = *Лю, Вэйцай.* Национальное освобождение Южной Африки / Лю Вэйцай // Китайские инвестиции (на китайском и английском языках). - 2022. - № Z2. - С. 84-85.
10. 邓延庭. 多维视阈下的非洲左翼执政党联合自强 - 以南部非洲六姊妹党为例 / 邓延庭 // 世界社会主义研究. - 2024. - № 7. - P. 70-72. = *Дэнь, Янтин.* Многогранный взгляд на объединение левых партий в Южной Африке для укрепления единства - на примере шести партий Южной Африки / Дэнь Янтин // Исследования мирового социализма. - 2024. - № 7. - С. 70-72.
11. 武涛. 南部非洲次区域发展走廊的缘起、表现与特点 - 兼论“一带一路”与其战略对接的前景 / 国际关系研究. - 2021. - № 3. - P. 114-117. = *Ву, Тао.* Возникновение, проявления и особенности субрегиональных коридоров развития Южной Африки - также о перспективах стратегического сближения с инициативой «Один пояс - один путь» / Ву Тао // Исследования международных отношений. - 2021. - № 3. - С. 114-117.
12. Standard country or area codes for statistical use (M49) // UNSD Work Programme. - URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (date of access: 30.12.2024).
13. 张莉清. 联合国非殖民化机制与南部非洲独立研究 / 张莉清. - 武汉: 武汉大学出版社, 2011. - 271 p. = *Чжан, Лицин.* Механизм деколонизации ООН и изучение независимости Юга Африки / Чжан Лицин. - Ухань: Изд-во Ухан. ун-та, 2011. - 271 с.
14. 葛佑. 南部非洲动乱的根源 / 葛佑, 何雨儿, 杨立华, 孙耀楣. - 北京: 世界知识出版社, 1989. - 190 p. = *Корни беспорядков на юге Африки / Гэ Цзи, Хэ Лизэр, Ян Ли-хуа, Сунь Яомэй.* - Пекин: Изд-во «Мировое знание», 1989. - 190 с.

15. 沐涛. 南非对外关系研究 / 沐涛. – 上海: 华东师范大学出版社, 2003. – 235 p. = *Му, Тао. Исследование о международных отношениях Южной Африки / Му Тао. – Шанхай: Изд-во Восточ.-кит. пед. ун-та, 2003. – 235 с.*
16. *Прокопенко, Л. Я. Новые политические элиты в государствах Юга Африки / Л. Я. Прокопенко. – Москва: Ин-т Африки РАН, 2011. – 252 с.*
17. 方伟. 新南非对外关系研究 / 方伟. – 杭州: 浙江人民出版社, 2014. – 190 p. = *Фан, Вэй. Исследование о международных отношениях новой Южной Африки / Фан Вэй. – Ханчжоу: Чжэцзян. нар. изд-во, 2014. – 190 с.*
18. 孙瑞. 南非促进非洲经济一体化研: 论文 ... 政治学硕士 / 孙锐; 江苏师范大学. – 江苏, 2019. – 55 p. = *Сунь, Жуй. Исследование роли Южно-Африканской Республики в продвижении экономической интеграции Африки: дис. ... магистра полит. наук / Сунь Жуй; Цзян. пед. ун-т. – Цзянсу, 2019. – 55 с.*
19. *Хаматишин, А. Д. Земельные отношения и развитие сельскохозяйственного производства на Юге Африки: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Хаматишин Альберт Дамирович; Ин-т Африки РАН. – Москва, 2014. – 20 с.*
20. 南部非洲发展共同体 // 中华人民共和国外交部. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zjjg_673183/fzs_673445/dqzzhzhjz_673449/nbfzfhz_673493/gk_673495/ (date of access: 19.12.2024). = Сообщество развития Юга Африки // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zjjg_673183/fzs_673445/dqzzhzhjz_673449/nbfzfhz_673493/gk_673495/ (дата обращения: 19.12.2024).

(Дата подачи: 26.02.2025 г.)

Д. А. Буконкин

Белорусский государственный университет, Минск

D. A. Bukonkin

Belarusian State University

УДК 321.011:327.8

ВНЕШНИЕ ИСТОЧНИКИ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ ДЛЯ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

EXTERNAL SOURCES OF CHALLENGES AND THREATS FOR INFORMATION SOVEREIGNTY OF BELARUS

Статья посвящена исследованию внешних источников вызовов и угроз для информационного суверенитета Республики Беларусь. Проанализированы существующие подходы к определению и классификации таких вызовов и угроз, рассматриваются положения действующих нормативных правовых актов концептуального характера по проблемам информационного суверенитета и результаты академических исследований отечественных и зарубежных ученых. Автором предложен подход для обновления типологизации идентифицированных источников вызовов и угроз информационному суверенитету.

Ключевые слова: информационный суверенитет; источник вызовов и угроз; кибербезопасность; информационно-коммуникационные технологии (ИКТ); иностранное влияние.

The article is devoted to the study of external sources of challenges and threats to the information sovereignty of the Republic of Belarus. The existing approaches to the definition and classification of such challenges and threats are analyzed, the provisions of current normative legal acts of a conceptual nature on the problems of information sovereignty and the results of academic research by domestic and foreign scientists are considered. The author proposes an approach to updating the typology of identified sources of challenges and threats to information sovereignty.

Keywords: information sovereignty; source of challenges and threats; cyber security; foreign influence.

Актуализация информационного суверенитета связана в первую очередь с возрастающей ролью информации и информационных технологий в XXI в. Обеспечение национальной безопасности в информационной сфере становится одной из ключевых задач для любого государства. Республика Беларусь не является исключением, и защита ее информационного суверенитета требует пристального внимания к рискам, вызовам и угрозам в указанной сфере. Именно попытки вмешательства извне являются одним из наиболее серьезных факторов, влияющих на суверенитет Беларуси в информационной области [1].

Цель данной статьи – провести классификацию и типологизацию источников вызовов и угроз информационному суверенитету Беларуси, выработать предложения по минимизации их негативного воздействия в текущих условиях.

Над вопросами вызовов и угроз информационному суверенитету работал целый ряд зарубежных исследователей, среди которых Д. Мур, Д. Веллер, Д. Стефенеску. Указанная проблематика является предметом анализа как российских, так и отечественных ученых: А. Иванцова, М. Фалеева, М. Бажиной, Т. Филипповой и др.

Для определения источников угроз и атак на информационный суверенитет Беларуси приняты положения, зафиксированные в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Согласно документу, *источник угроз* определяется как «фактор или совокупность факторов, а также субъектов, их продуцирующих, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы национальной безопасности» [2]. Источники угроз разделяются на внутренние и внешние.

Основными *внешними источниками угроз* названы:

- доминирование ведущих иностранных государств в глобальном информационном пространстве с монополизацией ключевых сегментов информационных рынков иностранными информационными структурами. Это ограничивает возможности Беларуси самостоятельно формировать и продвигать свою информационную повестку на мировой арене;
- действия иностранных государств, международных и иных организаций и отдельных лиц, наносящие вред национальным интересам Республики Беларусь в информационной сфере путем формирования негативного образа государства в мире. Данный фактор направлен на подрыв

международного авторитета Беларуси и ее способности защищать свои национальные интересы;

- усиление информационной конфронтации между ведущими мировыми центрами власти, проведение иностранными государствами информационной войны, что создает обстановку повышенной геополитической напряженности, в которой Беларусь должна найти выход для сохранения своего суверенитета;

- препятствия для распространения национальных интересов Республики Беларусь, ограничения возможностей страны для представления своей точки зрения международному сообществу. Следствие – формирование искаженного образа нашей страны и серьезный ущерб для имиджа;

- широкое распространение в мировом информационном пространстве явлений массовой культуры, противоречащих национальным ценностям, представляющих угрозу сохранению белорусской культурной самобытности. Подобные явления ведут к утрате культурного кода и ориентации общества во времени и пространстве;

- неэффективность механизмов международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных и коммуникационных технологий, препятствующая эффективно противодействовать угрозам информационной безопасности Беларуси [2];

- эксплуатация международными террористическими и экстремистскими организациями современных ИКТ для достижения своих противоправных целей.

В Концепции информационной безопасности 2019 г. в качестве источников угроз информационному суверенитету страны обозначены:

- увеличение числа киберпреступлений, где информационные системы становятся как объектом нападения, так и средством совершения преступлений;

- информационное противоборство между ведущими мировыми центрами силы и целенаправленное формирование информационных поводов для дискредитации политики государства как внутри, так и за его пределами;

- отказ технических средств и сбои программного обеспечения в информационных и телекоммуникационных системах;

- угроза утечки и незаконного вмешательства в частную жизнь граждан, включая похищение персональных данных и компрометацию реквизитов доступа;

- необходимость соблюдения законодательства относительно защиты служебной информации и персональных данных, что становится актуальным в условиях сетевой доступности [3].

Таким образом, анализ внешних источников вызовов и угроз для информационного суверенитета Республики Беларусь показывает, что они являются реальной опасностью, требующей пристального внимания и своевременных мер по их нейтрализации.

Признавая ценность и широкий охват изложенных в указанных документах проблем, с нашей точки зрения, целесообразно уточнить подходы к определению и классификации вызовов и угроз. Можно разделить все вызовы и угрозы на *общие*, свойственные для всех стран и регионов без исключения, *специальные*, связанные с географическим положением и принадлежностью к геополитическим блокам, социально-политическим и экономическим развитием государства, а также *уникальные*, присущие той или иной стране в определенный период.

В качестве общих вызовов и угроз допустимо назвать целенаправленное использование современных ИКТ для совершения различных противоправных действий: незаконный сбор и использование персональных данных, распространение недостоверной, компрометирующей или экстремистской информации, использование киберпространства для скрытого информационно-психологического воздействия и др.

В качестве специальной угрозы для Республики Беларусь может быть названа высокая степень ее зависимости от импорта технологий и оборудования, которые могут быть использованы для оказания давления на республику и ограничения ее суверенных прав в информационной сфере.

Среди уникальных для Республики Беларусь угроз – деятельность ряда международных неправительственных организаций и политизированных групп, направленных на подрыв политической стабильности и пропаганду протестных настроений в белорусском обществе (наподобие «Киберпартизаны») [4].

По нашему мнению, нормативное закрепление предложенной классификации позволит более точно определять приоритеты работы по защите информационного суверенитета, согласовывать действия государственных органов по актуализации мер противодействия.

При классификации источников угроз и вызовов важно учитывать, что цели и технологии их реализации направлены как на решение стратегических задач, так и на получение конкретных ситуационных выгод. Можно спрогнозировать потенциальные действия внешних акторов по:

- 1) нанесению ущерба информационной инфраструктуре и каналам связи;
- 2) оказанию информационно-психологического воздействия на белорусское общество с целью посеять панические настроения;
- 3) нанесению ущерба имиджу, репутации и престижу Республики Беларусь на международной арене;
- 4) овладению стратегически важными информационными ресурсами и сведениями, составляющими государственную тайну;
- 5) подрыву доверия населения к органам государственной власти, формированию сомнения в их эффективности и легитимности [5, с. 45].

В этой связи в качестве основных внешних факторов, формирующих источники вызовов и угроз для информационного суверенитета Республики

Беларусь, опираясь на наработки зарубежных и отечественных исследователей, можно выделить:

- усиление информационного противоборства, приобретающего все более выраженный геополитический характер [6];
- расширение масштабов использования ИКТ в целях давления на суверенные государства, вмешательства во внутренние дела, дестабилизации политической обстановки [7, с. 15];
- усиление конкуренции между формирующимися на постсоветском пространстве геополитическими объединениями за контроль над информационными потоками, ресурсами и каналами коммуникации в регионе;
- стремление мировых центров силы к доминированию в киберпространстве, что создает риски вторжения в национальные информационные системы и подрыва критически важной инфраструктуры государства [8, р. 178].

Современные международные отношения характеризуются нарастанием состязательности между ведущими державами за глобальное информационное доминирование. Развертывается новый этап «информационной войны», в ходе которой противоборствующие стороны используют все доступные методы и средства для воздействия на массовое сознание и дискредитации друг друга [9]. Республика Беларусь, стремясь к сохранению государственного суверенитета, вынуждена реагировать на эти вызовы и противостоять попыткам внешнего информационного давления. Стремительное распространение ИКТ не только позволяет государствам расширять возможности контроля над информационным пространством, но и создает предпосылки возникновения новых угроз информационному суверенитету. Беларусь все активнее использует современные цифровые платформы и сервисы в своей деятельности. Актуальной проблемой является также конкуренция за доминирование в сети Интернет, контроль над которой – ключевой фактор информационного суверенитета в условиях цифровой эпохи [10].

Стирание национальных границ в информационной сфере, усиление роли транснациональных потоков данных и информации также порождает вызовы для государственного суверенитета Беларуси.

В этих условиях автором данной статьи предлагается дополнить список источников вызовов и угроз информационному суверенитету и безопасности Беларуси следующими пунктами:

- активность иностранных СМИ и негосударственных организаций, направленная на нанесение ущерба национальным интересам Республики Беларусь;
- развитие технологий искусственного интеллекта и производства фейков недружественными Беларусью странами;
- создание недружественными Беларусью международными организациями и военно-политическими блоками подразделений, ответственных за ведение киберопераций и организацию кибератак;

- кибертерроризм, киберпреступность и кибершпионаж, использование их различными акторами международных отношений.

Каждый из перечисленных источников формирует спектр вызовов и угроз информационному суверенитету нашей страны. Например, деятельность иностранных СМИ может нести следующие существенные угрозы информационному суверенитету:

- распространение искаженной информации и пропаганды для манипуляции общественным мнением и дестабилизации внутренней политической ситуации;

- атаки на внутренние дела государства для разжигания конфликтов и ухудшения международных отношений;

- подрыв традиций, ценностей и норм общества, что угрожает культурному суверенитету и может привести к культурному колониализму;

- распространение информации, которая противоречит местным законам и нормам, может привести к правовым конфликтам и проблемам с регулированием СМИ на национальном уровне;

- зависимость от зарубежных информационных технологий и платформ, как следствие – неспособность контролировать информационные потоки;

- разработка и применение методов, таких как VPN или обходные сайты, что делает невозможным для государств контролировать и регулировать информацию, поступающую в страну [11, с. 6–86].

Итак, вызовом информационному суверенитету Республики Беларусь является усиление деструктивных информационно-психологических операций внешних акторов, направленных на подрыв внутривнутриполитической стабильности в стране, дискредитацию государственного руководства и действующих институтов власти. Зарубежные информационные каналы (Радио «Свобода», NEXTA, Belaste и др.) целенаправленно распространяют ложную и тенденциозную информацию, пытаются формировать в белорусском обществе ощущение непрочности власти, неспособности государственного управления решать существующие проблемы.

Фиксируются попытки со стороны различных иностранных центров навязать белорусскому обществу нарратив о нелегитимности действующей власти, экономической несостоятельности белорусской модели. Главными проводниками указанных «вбросов» являются зарубежные СМИ, специально созданные telegram-каналы и различные тематические группы в иных социальных сетях, популярных в обществе [12].

Остановился на угрозах кибербезопасности. Инфраструктура критически важных объектов, системы управления государственными информационными ресурсами являются мишенями для кибератак извне, а их взлом способен нанести серьезный ущерб суверенитету страны. Наиболее опасны попытки проникновения во внутренние информационные сети органов власти, выведение из строя ключевых элементов критической инфраструктуры, хищение конфиденциальной информации [13]. Подобной

активностью на белорусском направлении занимаются «Киберпартизаны», ведя целенаправленную работу из-за рубежа. Так, за время своей деятельности они осуществили атаки на железнодорожную инфраструктуру страны, похитили паспортные данные граждан Беларуси, осуществили взлом информационного агентства «БелТА» и похитили более 90 гигабайт личной и финансовой информации [14]. В этих условиях очевиден вопрос о необходимости обеспечения кибербезопасности государственных структур и объектов критической инфраструктуры (АЭС, нефтеперерабатывающие заводы и т. д.).

Для поддержания информационной безопасности и сохранения возможностей государства по реализации суверенной политики в медийно-информационной сфере Беларуси необходимо реализовать следующие меры:

1. Совершенствование правовой базы и механизмов государственного регулирования информационной деятельности в сети Интернет и социальных сетях, в том числе ограничение распространения недостоверной информации и пресечение попыток внешнего вмешательства.

2. Развитие национальной системы кибербезопасности, повышение устойчивости критической информационной инфраструктуры к внешним деструктивным воздействиям.

3. Стимулирование развития национальных информационных ресурсов, способных составить конкуренцию зарубежным медиа, расширение присутствия белорусской государственной информационной повестки в глобальном цифровом пространстве.

4. Укрепление информационной безопасности государства, совершенствование системы защиты государственных информационных ресурсов, обеспечение надежной охраны конфиденциальных сведений.

5. Повышение медиаграмотности граждан, формирование устойчивости общества к деструктивным информационным воздействиям, способность критически воспринимать и противостоять манипуляциям сознанием.

6. Расширение международного сотрудничества в области информационной безопасности, обмен опытом и практиками противодействия угрозам суверенитету государства в цифровом пространстве.

7. Комплексное развитие национальной информационной инфраструктуры, включая системы связи, вещания, хранения и обработки данных, что обеспечит технологическую независимость и безопасность Беларуси в информационной сфере [15].

Таким образом, обеспечение информационного суверенитета Республики Беларусь диктуется прагматическими потребностями сохранения государственной самостоятельности и национальных интересов в условиях глобальной информационной взаимозависимости. Наша страна сталкивается с комплексом внешних источников и угроз информационному суверенитету. Ключевым вызовом становится необходимость защиты критически

важных государственных информационных систем и ресурсов от *внешних* угроз кибербезопасности, а также противодействие *экспансии зарубежных* медиа, способных оказывать существенное влияние на массовое сознание. Комплекс взаимосвязанных мер для обеспечения информационного суверенитета Беларуси включает совершенствование нормативной правовой базы, развитие национальной системы кибербезопасности, поддержку отечественных СМИ и повышение медиаграмотности общества. Эффективная реализация мероприятий позволит поддерживать устойчивое социально-политическое развитие и сохранить национальную государственность.

Список использованных источников

1. *Иванцов, А. В.* The meaning, origins and relevance of information sovereignty / А. В. Иванцов // Journal of the Belarusian State University. International Relations. – 2023. – Vol. 2. – P. 33–38.
2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: решение Всебелорусского народного собрания, 25 апреля 2024 г. № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (дата обращения: 18.02.2025).
3. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001> (дата обращения: 15.02.2025).
4. *Дудчик, А. Ю.* Partisans go cyber: The hacker ethic and partisans legacy / А. Ю. Дудчик // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Философия и конфликтология. – 2023. – Т. 39, № 2. – С. 322–339.
5. *Фалеев, М. И.* Угрозы национальной безопасности государства в информационной сфере / М. И. Фалеев, Г. С. Черных // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2014. – Т. 4, № 1(6). – С. 21–96.
6. *Moore, D.* The geopolitics of information / D. Moore // Business Horizons. – 1981. – Vol. 24, Issue 5. – P. 80–82.
7. Цифровой суверенитет: как государства защищают интересы в сети // Институт изучения мировых рынков. – 2024. – С. 2–21.
8. *Ștefănescu, D. C.* New threats to the national security of states – cyber threat. / D. C. Ștefănescu, A. Papoi // Scientific Journal of Silesian University of Technology. – Series Transport. – 2020. – P. 177–182.
9. *Ventre, D.* La guerre de l'information / D. Ventre // Hermes Science. Lavoisier. – 2007. – P. 282.
10. *Yakushev, M.* Internet governance: politics and geopolitics / M. Yakushev // Security Index: A Russian Journal on International Security. – 2010. – № 16(2). – P. 33–42.
11. *Колосов, Ю. М.* Массовая информация и международное право / Ю. М. Колосов. – 2-е изд., стер. – Москва: Статут, 2014. – 160 с.
12. *Николаева, А. Д.* Информационная война против Беларуси: сравнительный анализ / А. Д. Николаева // Гражданин. Выборы. Власть. – 2022. – № 4(26). – С. 158–168.
13. *Филиппова, Т. А.* Кибербезопасность в Республике Беларусь / Т. А. Филиппова, Е. А. Крачун // Актуальные проблемы современных экономических систем: сб. науч. тр. / редкол.: А. Г. Проровский [и др.]. – Брест: Изд-во БрГТУ, 2022. – С. 92–98.
14. Белорусские «КиберПартизаны» – хактивисты, которые бросили вызов режиму. – URL: <https://www.dekoder.org/ru/article/belaruskie-kiberpartizany-haktivisty-kotorye-brosili-vyzov-rezhimu> (дата обращения: 22.02.2024).

15. Бажина, М. А. Содержание и актуальные угрозы обеспечению информационного суверенитета: на примере Республики Беларусь и Российской Федерации / М. А. Бажина, И. В. Шахновская // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D. – 2023. – № 2 (64). – С. 63–67.

(Дата подачи: 25.02.2025 г.)

М. А. Гребенчук

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

М. А. Hrebianchuk

Belarusian State Medical University, Minsk

УДК 323.232

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

HISTORICAL POLICY AS AN CURRENT DIRECTION OF STATE POLICY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

В статье рассмотрена историческая политика в качестве актуального направления государственной политики Республики Беларусь. Проанализирован процесс развития данного концепта в нашей стране, изучены основные подходы. На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что историческая политика является важным инструментом воздействия на политическую и идеологическую сферы общества.

Ключевые слова: историческая политика; государственная политика; институционализация; институционализация исторической политики; власть; общество; глобальная цифровизация; национальная идентичность.

The article examines historical policy as a current direction of state policy in the Republic of Belarus. The author analyzed the process of development of this concept in our country, studied the main approaches. Based on the conducted research, it was concluded that historical policy is an important instrument of influence on the political and ideological spheres of society.

Keywords: historical policy; state policy; institutionalization; institutionalization of historical policy; authority; society; global digitalization; national identity.

На сегодняшний день актуальность рассмотрения понятия «историческая политика» определяется значимостью интерпретации исторического прошлого в эпоху крупных социальных, политических трансформаций и перемен. Многие государства, особенно расположенные на постсоветском пространстве, испытывают на себе негативные последствия глобальных политических изменений. Республика Беларусь в этом вопросе не стала исключением. Как «унитарное демократическое социальное правовое государство, которое защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный строй, обеспечивает законность и правопорядок» [1], белорусскому государству необходима собственная легитимация, осуществляемая посредством активной государственной политики.

Как следствие, это ведет к пересмотру взглядов на события прошлого, поиску новых интерпретаций в сфере истории, открывая широкие возможности ее использования для достижения определенных политических целей.

Объектом пристального внимания нашего государства стали вопросы исторической памяти и реализации исторической политики как отдельного направления государственной политики. Республика Беларусь определяет целостную картину истории формирования белорусской нации, развития и укрепления белорусской государственности.

Кроме того, проводимая нашим государством историческая политика непосредственно связана со сферой гражданского и патриотического воспитания, а также с созданием национальной идентичности и формированием национального самосознания.

Проводя исторический экскурс, стоит отметить, что в Беларуси тема исторической политики стала приобретать свою важность в общественном обсуждении в 2010-е гг. Последующие политические процессы вывели вопросы, в том числе национальной безопасности, в качестве необходимых приоритетов государственной политики. В этой связи в 2019 г. в Республике Беларусь была утверждена Концепция информационной безопасности, которая стала ответом на новые вызовы эпохи цифровой трансформации. В этом документе вопрос исторической политики отмечен в качестве отдельной задачи по обеспечению безопасности в информационном пространстве (ст. 49): «Требует дальнейшей последовательной реализации государственная историческая политика, направленная на закрепление в Беларуси и за ее пределами белорусской национальной концепции исторического прошлого страны и белорусской модели памяти, построенной в соответствии с настоящей Концепцией в качестве доминирующей» [2].

В этой связи историческую политику в качестве направления государственной политики можно определить как «целенаправленную деятельность государства по формированию официальной версии национальной истории и распространению и утверждению ее в обществе как доминирующей с учетом механизмов обратной связи» [3, с. 3–11].

Глобальная цифровизация поставила перед государствами вопрос защиты своего исторического прошлого. 6 января 2022 г. состоялось совещание по вопросам реализации исторической политики, на котором историческая политика была определена Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко не только в качестве фактора национальной безопасности, но и стратегии самосохранения Беларуси. Как отметил Глава государства, «страницы отечественной истории превратились в информационное поле боя. И случилось это не сейчас. Сегодня историческая политика является для нас стратегией самосохранения в условиях глобального перелома сфер влияния в мире. Это фактор национальной безопасности»... <...> ...«Я хочу, чтобы вы, научные деятели, политологи, эксперты, меня правильно понимали.

Свою историю мы переписывать не должны, и мы это делать не будем. По крайней мере, при нынешнем Президенте. Но и не будем больше умалчивать конкретные факты. Именно факты. Даже если они задевают чьи-то амбиции или национальные чувства»... <...> ...«как в случае с преступлениями белорусских, а также польских, литовских, украинских коллаборационистов в годы Великой Отечественной войны. Недопустимо только критически смотреть на советское наследие, скромно замалчивая достижения и победы эпохи. И я считаю, что как минимум несправедливо облагораживать другие исторические периоды, не придавая значения фактам унижений и дискриминации белорусов» [4].

А. Г. Лукашенко выступил за адекватную оценку исторических периодов на белорусских землях, включая времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой: «Если сегодня литовцы и поляки отрицают вклад белорусского народа в развитие таких исторических форм государственности на нашей земле, как ВКЛ и Речь Посполитая, то что нам мешает дать этим периодам адекватную оценку» [4].

Президент подчеркнул, что «сегодня белорусский народ продолжает писать свою историю»: «Нам нужно перейти на новый этап, как говорят эксперты, начать определять и формировать смыслы в области национально-исторического развития белорусского народа и государства. Мы должны предупреждать новые вызовы и угрозы в сфере национальной памяти. Надо определить стратегию и тактику работы в этой области. Иначе мы, наши дети опять повторим черные дни истории, когда были вынуждены жить под игом чужих хозяев на своей земле... <...> ...Сейчас стоит задача не допустить развития идей, которые могут подорвать страну в будущем. Для этого у нас есть все – и время, и необходимые ресурсы. Поэтому спокойно, без шатаний нам следует данные вопросы отработать и концептуально определиться в подходах, проложить крепкий мост между прошлым и будущим нашей Беларуси» [4].

Глава государства также указал на необходимость выработать «четкую концепцию оценки событий и роли личностей в истории белорусского государства» [4].

В этой связи в Республике Беларусь выработаны основные направления институционализации исторической политики, в том числе посредством:

1) развития правовой базы, а именно принятия нормативных правовых актов, определяющих статус официального исторического нарратива и способ противостояния с его фальсификацией.

Нормативные правовые документы являются одним из важнейших инструментов реализации исторической политики в Республике Беларусь. 14 мая 2021 г. принят Закон № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» [5], 5 января 2022 г. – Закон № 146-З «О геноциде белорусского народа» [6]. Основной целью последнего является «сохранение памяти о миллионах

советских граждан, которые стали жертвами в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период; законодательное обеспечение защиты фундаментальных ценностей белорусского народа, установление действенных барьеров на пути попыток фальсификации событий и итогов Второй мировой войны; дача справедливой оценки злодеяниям нацистских преступников и их пособников, националистических формирований в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период» [6];

2) создания специального органа – Республиканского совета по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь, призванного досконально изучать историю страны, вопросы сохранения исторической памяти и также не допустить ее фальсификации. Данный Совет создан в соответствии с распоряжением Главы государства от 4 февраля 2022 г. № 22рп и является «постоянно действующим межведомственным консультативным и координирующим органом по проведению единой государственной политики в сфере исторической памяти. В его состав на общественных началах вошли известные ученые в области гуманитарных знаний, авторитетные общественные деятели, представители политических партий, общественных объединений, экспертного сообщества, госорганов и организаций» [7].

В компетенции Совета находятся вопросы «определения стратегии и задач исторической политики, разработки подходов и мер по ее реализации; координации деятельности госорганов и иных организаций в сфере исторической политики и контроля за выполнением решений Совета; подготовки в рамках компетенции проектов нормативных правовых актов и заключений; изучения и мониторинга общественного мнения по социально-гуманитарным вопросам» [7].

Кроме того, Совет имеет «право инициировать присвоение наименований географическим объектам и их переименование, увековечение памяти погибших воинов, известных личностей, координировать издательскую деятельность, в том числе давать рекомендации по предупреждению и пресечению нарушений в области сохранения исторической памяти. Решения Совета по вопросам реализации исторической политики обязательны для руководства в работе всех заинтересованных» [7].

Стоит отметить, что документ о создании Совета был подписан в Год исторической памяти в продолжение последовательной политики «сохранения правды о героическом прошлом белорусского народа, формирования историко-государственного мировоззрения, укрепления историко-культурной и духовно-этической общности белорусов» [8].

Сегодня Совет играет важную роль в формировании и реализации исторической политики. В нем действуют четыре комиссии: «по концептуальным основам отечественной истории; по научно-методическому сопровождению исторической политики; по информационно-просветительской работе; по внешнеполитическому сопровождению исторической полити-

ки» [7]. Органом вырабатываются рекомендации по проведению единой государственной политики в сфере исторической памяти, основанные на научных подходах и принципах истории белорусской государственности;

3) установления государственных праздников и дней памяти, посвященных важным историческим событиям, увековечивание знаковых дат, личностей в белорусской истории;

4) перманентной работы по патриотическому воспитанию детей и молодежи с опорой на факты героических подвигов предков, укреплению историко-культурной и духовно-этической общности белорусов и др.

Стоит отметить, что в Республике Беларусь одним из важнейших мотивов исторической политики является нарратив о Великой победе советского народа в Великой Отечественной войне. Особую актуальность данная тема приобрела в связи с 80-летием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и Победы в Великой Отечественной войне.

Также среди основных направлений исторической политики, обращенных к конструированию и закреплению в белорусском обществе памяти о прошлом, белорусские авторы Г. Г. Краско и О. В. Богомаз отмечают:

- «выстраивание в рамках стратегического партнерства совместно с дружественными государствами на взаимном уважении национальных интересов коалиционной исторической политики;

- разработку концепции государственной исторической политики; формирование пантеона национальных героев, исходя из национальных интересов Республики Беларусь и многовековой традиции белорусской государственности;

- «кодификацию» исторической памяти и закрепление на государственном уровне оценок основных событий прошлого, в том числе в законодательстве, и их отражение в научных работах и учебной литературе, памятных датах и государственных праздниках;

- сохранение объектов исторического наследия и памяти о погибших воинах Красной Армии, партизанах, подпольщиках и мирном населении, погибших и пострадавших в годы Великой Отечественной войны;

- ограничение (вплоть до запрета) ревизии устоявшихся подходов к оценкам основных событий прошлого, которые формируют исторические представления граждан Республики Беларусь;

- разработку механизмов участия не только государства, но и гражданского общества в институционализации памяти о прошлом» [50, с. 125–126].

Таким образом, в настоящее время в Беларуси в качестве самостоятельного направления единой государственной политики продолжается формирование исторической политики, обозначенной в Концепции информационной безопасности и институализированной в форме специального органа – Республиканского совета по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь.

Основными направлениями институционализации исторической политики в Республике Беларусь на современном этапе выступают:

- принятие нормативных правовых актов, определяющих статус официального исторического нарратива и режим борьбы с его фальсификацией;
- создание специального органа – Республиканского совета по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь, призванного тщательно изучать историю страны, вопросы сохранения исторической памяти, не допустить ее фальсификации;
- работа по патриотическому воспитанию детей и молодежи с опорой на факты героических подвигов предков, укреплению историко-культурной и духовно-этической общности белорусов и др.

Проведение широкомасштабной исторической политики становится одним из основных государственных приоритетов в Беларуси.

Реализация исторической политики как направления государственной политики способствует обеспечению сохранности и популяризации национального историко-культурного достояния и дальнейшему развитию государственной системы.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на Республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19402875> (дата обращения: 25.02.2025).
2. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: утв. постановлением Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г. № 1 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001> (дата обращения: 25.02.2025).
3. К вопросу об исторической политике / А. Коваленя [и др.] // Беларуская думка. – 2019. – № 8. – С. 3–11.
4. Совещание по вопросам реализации исторической политики // Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosam-realizacii-istoricheskoy-politiki> (дата обращения: 25.02.2025).
5. О недопущении реабилитации нацизма: Закон Респ. Беларусь, 14 мая 2021 г. № 103-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=N12100103&p1=1> (дата обращения: 25.02.2025).
6. О геноциде белорусского народа: Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2022 г. № 146-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=N12200146> (дата обращения: 25.02.2025).
7. О Республиканском совете по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь: распоряжение Президента Республики Беларусь, 4 февр. 2022 г. № 22рп // Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/rasporyazhenie-no-22rp-ot-4-fevralya-2022-g> (дата обращения: 25.02.2025).
8. Об объявлении 2022 года Годом исторической памяти: Указ Президента Респ. Беларусь, 1 янв. 2022 г. № 1 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32200001&p1=1> (дата обращения: 25.02.2025).

9. Краско, Г. Г. Историческая память: прошлое для настоящего и будущего: монография / Г. Г. Краско, О. В. Богомаз. – Минск: Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2022. – 168 с.

(Дата подачі: 28.02.2025 г.)

А. В. Дземідовіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

A. V. Dzemidovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(476:549.3)

АДНОСІНЫ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ З НАРОДНАЙ РЭСПУБЛІКАЙ БАНГЛАДЭШ У ПАЛІТЫЧНАЙ СФЕРЫ: СУЧАСНЫ СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ

RELATIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS WITH THE PEOPLE'S REPUBLIC OF BANGLADESH: CURRENT STATE AND PROSPECTS

Артыкул прысвечаны аналізу адносін Рэспублікі Беларусь з Народнай Рэспублікай Бангладэш у палітычнай сферы на сучасным этапе. Аб'ектам даследавання з'яўляюцца адносіны Рэспублікі Беларусь з Народнай Рэспублікай Бангладэш, прадметам – палітычныя адносіны Рэспублікі Беларусь з Народнай Рэспублікай Бангладэш на сучасным этапе. Мэта артыкула – характарыстыка адносін Рэспублікі Беларусь з Народнай Рэспублікай Бангладэш у палітычнай сферы на сучасным этапе. Вылучаюцца такія формы ўзаемадзеяння, як афіцыйныя візіты, міжпарламенцкае супрацоўніцтва, палітычныя кансультацыі па лініі знешнепалітычных ведамстваў. Звяртаецца ўвага на патэнцыял супрацоўніцтва ў межах іматбаковай дыпламатыі.

Ключавыя словы: знешняя палітыка; Рэспубліка Беларусь; Народная Рэспубліка Бангладэш; Паўднёвая Азія; міжнародныя адносіны.

The article is devoted to the analysis of relations between the Republic of Belarus and the People's Republic of Bangladesh in the political sphere at the present stage. The object of the study is the relations between the Republic of Belarus and the People's Republic of Bangladesh. The subject of the study is the political relations of the Republic of Belarus with the People's Republic of Bangladesh at the current stage. The purpose of the article is to characterize the relations between the Republic of Belarus and the People's Republic of Bangladesh in the political sphere at the current stage. Such forms of interaction as official visits, inter-parliamentary cooperation, political consultations on the lines of foreign policy departments are highlighted. Attention is drawn to the potential of cooperation within multilateral diplomacy.

Key words: foreign policy; Republic of Belarus; People's Republic of Bangladesh; South Asia; international relations.

Народная Рэспубліка Бангладэш – малая краіна Паўднёвай Азіі. Сярод характарыстык краіны, якія вызначаюць яе развіццё, можна адзначыць на-

ступныя: вялікая колькасць насельніцтва (адпаведна дадзеных структур ААН – прыкладна 173,6 млн чалавек па стане на 2024 г.), па гэтым паказчыку краіна знаходзіцца на 8-м месцы ў свеце; высокая шчыльнасць насельніцтва; монаэтнічнасць, нехарактэрная для краін рэгіёна; недыверсіфікаваная структура эканомікі і экспарту. У апошнія дзесяцігоддзі Бангладэш дэманстравала высокія тэмпы эканамічнага росту сярод краін Паўднёвай Азіі, аднак шэраг сацыяльна-эканамічных праблем заставаўся нявырашаным, што дапоўнілася наступствамі палітычнага крызісу 2024 г.

Рэспубліка Беларусь паслядоўна выбудоўвае адносіны з краінамі Паўднёвай Азіі. Дастаткова высокім узроўнем адзначаецца ўзаемадзеянне з лідарамі рэгіёна – Індыяй і Пакістанам. Што датычыцца кантактаў з малымі краінамі, то інтэнсіфікацыя супрацоўніцтва з імі з’яўляецца адной з важнейшых задач беларускай дыпламатыі ў кірунку Паўднёвай Азіі. І Бангладэш у гэтым плане вылучаецца сярод малых краін няпростага рэгіёна, аб чым сведчыць узровень таваразвароту, розныя формы палітычнага ўзаемадзеяння, узровень узаемадаверу. Напрыклад, таваразварот Беларусі і Бангладэш па дадзеных, прадстаўленых МЗС Рэспублікі Беларусь, за 2021 г. склаў 177,0 млн долараў ЗША [1], у той жа час узровень таваразвароту з іншымі малымі краінамі Паўднёвай Азіі значна ніжэйшы. The Financial Express – выданне Бангладэш, якое асвятляе пытанні бізнесу і эканомікі, прыводзіць наступныя дадзеныя: за апошнія 25 гадоў тэмпы росту беларускага экспарту ў Бангладэш склалі 30,4 % у год, павялічыўшыся з 31,1 тыс. долараў у 1996 г. да 23,7 млн долараў у 2021 г. Бангладэшскі экспарт у Беларусь за апошнія 24 гады дэманстравалі ўстойлівы штогадовы рост на 25 %, павялічыўшыся з 89,1 тыс. долараў у 1997 г. да 23,6 млн долараў у 2021 г. [2].

У віншаванні Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі ад 26 сакавіка 2024 г. у адрас Прэзідэнта Бангладэш Махамеда Шахабудзіна з нагоды Дня Незалежнасці было адзначана наступнае: «Беларусь разглядае ўмацаванне сяброўскіх адносін з вашай краінай у якасці важнага кірунку сваёй знешняй палітыкі ў Паўднёвай Азіі» [3].

Аб’ектам дадзенага даследавання з’яўляюцца адносіны Рэспублікі Беларусь з Народнай Рэспублікай Бангладэш; прадметам – палітычныя адносіны Рэспублікі Беларусь з Народнай Рэспублікай Бангладэш на сучасным этапе.

Мэта артыкула – характарыстыка адносін Рэспублікі Беларусь з Народнай Рэспублікай Бангладэш у палітычнай сферы на сучасным этапе.

Беларуская гістарыяграфія пытання не характарызуецца шматграннай распрацаванасцю тэмы, што можна патлумачыць скіраванасцю даследчага інтарэсу менавіта да праблематыкі ўзаемадзеяння Беларусі з краінамі-гігантамі Паднёвай Азіі – Індыяй і Пакістанам. Аднак і ў гэтым напрамку беларускія даследаванні колькасна саступаюць даследаванням іншых рэгіёнаў, напрыклад, Усходняй Азіі альбо Лацінскай Амерыкі. Тым не менш вылучым працы, прысвечаныя тэме. Агульны курс Рэспублікі Беларусь адносна краін Паўднёвай Азіі, у тым ліку і Бангладэш, асвятляецца А. В. Ці-

хаміравым у адпаведнай частцы калектыўнай манаграфіі [4]. Асобна адносіны Беларусі з Бангладэш характарызуюцца ў работах Л. Б. Залескага [5], Ю. А. Шчарбіны [6].

Гісторыя ўзаемастасункаў незалежнай Беларусі і Бангладэш налічвае некалькі дзесяцігоддзяў. Дыпламатычныя адносіны паміж Рэспублікай Беларусь і Народнай Рэспублікай Бангладэш усталяваны 21 лютага 1992 г. [7]. Бангладэш стала першай сярод краін Паўднёвай Азіі у гэтым плане. БССР прызнала ў свой час незалежнасць Бангладэш 24 студзеня 1972 г. Бангладэш і сёння ўдзячна беларускаму народу, тады яшчэ ў складзе СССР, за падтрымку падчас вайны 1971 г., пра што неаднаразова ўзгадвалася на афіцыйным узроўні прадстаўнікамі паўднёваазіяцкай краіны.

Актыўнае практычнае напаўненне двухбаковага фармату ўзаемадзеяння Рэспублікі Беларусь і Народнай Рэспублікі Бангладэш пачалося значна пазней: у другім дзесяцігоддзі XXI ст. Пэўнай вехай адліку сучасных міждзяржаўных адносін умоўна можна лічыць 2012 г. У маі гэтага года адбыўся афіцыйны візіт міністра замежных спраў Бангладэш Д. Моні ў Мінск. У далейшым адбываліся візіты і сустрэчы розных узроўняў: сярод першых падзей падобнага роду ў другім дзесяцігоддзі XX ст., напрыклад, можна вылучыць сустрэчы прэм’ер-міністраў дзвюх дзяржаў (2012, 2013, 2014), міністра замежных спраў Рэспублікі Беларусь і дзяржаўнага міністра замежных спраў Бангладэш (2016, 2017); Беларусь наведвалі главы профільных міністэрстваў (2015, 2019), і наадварот, падобныя візіты адбываліся ў Бангладэш (2017) [7]. Падобная практыка захоўваецца і зараз, пры гэтым асэнсоўваецца неабходнасць інтэнсіфікацыі сустрэч і візітаў на розных узроўнях, што можна трактаваць як форму палітычнага дыялогу, з дапамогай якой рэалізоўваецца ўзаемадзеянне і ў іншых сферах – гандлёва-эканамічнай, гуманітарнай, навукова-тэхнічнай.

Наступнай формай палітычнага дыялогу паміж Мінскам і Дакай з’яўляюцца кансультацыі паміж знешнепалітычнымі ведамствамі, першы раўнд якіх адбыўся ў лістападзе 2000 г. у Мінску на ўзроўні намеснікаў міністраў замежных спраў [7]. Дадзены фармат узаемадзеяння не характарызаваўся надзвычайнай актыўнасцю: 2012 г. (Дака) – другі раўнд, жнівень 2018 г. (Мінск) – трэці, снежань 2019 г. (Дака) – чацвёрты, сакавік 2024 г. (Дака) – пяты.

Знакавым з’яўляюцца кансультацыі 2018 г. Менавіта падчас кансультацый паміж знешнепалітычнымі ведамствамі ў 2018 г. была адзначана мэтазгоднасць правядзення падобных сустрэч на рэгулярнай аснове – штогод; выказана ідэя пра неабходнасць актывізацыі кантактаў па ўсіх кірунках; звернута ўвага на ўмацаванне інстытуцыянальных механізмаў двухбаковых адносін [8].

У сакавіку 2024 г. адбыўся пяты раўнд беларуска-бангладэшскіх кансультацый падчас візіту намесніка міністра замежных спраў Рэспублікі Беларусь Я. А. Шастакова ў Даку, дзе адбылася таксама сустрэча з міні-

страм замежных спраў Бангладэш Х. Махмудам. Падчас кансультацый было абмеркавана шырокае кола пытанняў: падкрэслена неабходнасць актывізацыі палітычных кантактаў, эканамічнага супрацоўніцтва і ўзаемадзеяння ў навукова-тэхнічнай і гуманітарнай сферах, а таксама пашырэння дагаворна-прававой базы. Адбыўся абмен меркаваннямі па праблемах глабальнага і рэгіянальнага развіцця, супрацоўніцтву ў міжнародных арганізацыях [9]. У межах візіту ветлівасці, нанесенага Я. А. Шастаковым міністру замежных спраў Х. Махмуду, палітычны дзеяч Бангладэш выказаў прапанову, каб Рэспубліка Беларусь аказала падтрымку яго краіне ў імкненні атрымаць статус назіральніка пры ЕАЭС і ў справе падпісання Пагаднення аб свабодным гандлі з Еўразійскай эканамічнай камісіяй [2].

Імкненне Бангладэш атрымаць статус назіральніка пры ЕАЭС адназначна падкрэслівае сугучнасць палітычных пазіцый гэтай краіны з пазіцыямі краін – удзельніц Саюзу, паколькі артыкул 109 Дагавора аб Еўразійскім эканамічным саюзе прадугледжвае, што дзяржава, якая атрымае такі статус, абавязана ўстрымацца ад любых дзеянняў, якія могуць нанесці ўрон інтарэсам Саюзу альбо яго ўдзельнікам [10]. У 2019 г. быў падпісаны Мемарандум «Аб супрацоўніцтве паміж Еўразійскай эканамічнай камісіяй і Урадам Народнай Рэспублікі Бангладэш ад 31 мая 2019 года» [11]. Дадзены дакумент вызначыў асноўныя напрамкі супрацоўніцтва ў межах сваёй кампетэнцыі паміж ЕАЭС і Бангладэш, садзейнічаў стварэнню механізма рэгулярных сустрэч і абмену інфармацыяй. Бангладэш стала 13-й па ліку краінай, якая падпісала падобны дакумент з ЕАЭС.

Ацэнка гандлёва-эканамічнага супрацоўніцтва ЕАЭС і Бангладэш была прадстаўлена на другім пасяджэнні (першае адбылося ў лістападзе 2021 г. у Маскве) сумеснай рабочай групы па ўзаемадзеянні, якое прайшло ў анлайн-фармаце 29 сакавіка 2023 г. Адзначана станоўчая дынаміка на працягу апошняга дзесяцігоддзя, у той жа час звернута ўвага і на вялікі нерэалізаваны патэнцыял у гандлёва-эканамічным аспекце, дзе вылучаюцца сферы аграпрамысловага комплексу, тэкстыльнай прамысловасці, тэхнічнага рэгулявання, цыфравізацыі эканомікі, інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій, транспартнай інфраструктуры, энергетыкі, турызму. Былі адзначаны кірункі, прыдатныя для стварэння новых кааперацыйных сувязей – фармацэўтыка, вытворчасць машын, абсталявання і ўгнаенняў, дрэваапрацоўка, цэлюлозна-папяровая вытворчасць. Падкрэслена неабходнасць больш шырокага задзейнічання дзелавых колаў у гандлёва-эканамічныя сувязі [12]. Адзначаныя сферы з’яўляюцца перспектыўнымі кірункамі ўзаемадзеяння Рэспублікі Беларусь з Народнай Рэспублікай Бангладэш. Беларусь гатова паглыбляць сувязі ў шэрагу сфер – фармацэўтыкі, навукі і тэхналогіі, мадэрнізацыі тэнікі; ажыццяўляць пастаўкі ў Бангладэш калійных угнаенняў, пасажырскай, дарожна-будаўнічай тэхнікі, электратранспарту і трактароў. Як адзначалася галавой Рэспублікі Беларусь, гэта будзе садзейнічаць прагрэсу і росту дабрабыту Бангладэш [3].

Міжпарламенцкае супрацоўніцтва ацэньваецца абодвума бакамі як «традыцыйна сяброўскія ўзаемаадносіны» [13]. Адбываюцца сустрэчы кіраўніцтва заканадаўчых органаў краін у межах работы Асамблеі Міжпарламенцкага саюзу. У лютым 2025 г. Рэспубліка Беларусь атрымала статус (заяўка была пададзена ў кастрычніку 2024 г.) назіральніка пры Азіяцкай парламенцкай асамблеі (АПА), што адбылося на яе 15-м пленарным пасяджэнні 19 лютага ў Баку [15]. Паколькі Бангладэш з'яўляецца ўдзельнікам дадзенай арганізацыі, магчыма разлічваць на актывізацыю кантактаў і ў межах гэтай значнай рэгіянальнай міжпарламенцкай структуры. Старшыня Савета Рэспублікі Нацыянальнага сходу Н. І. Качанава падчас свайго выступлення на пленарнай сесіі АПА адзначыла наступнае: «Рэспубліка Беларусь мае даўнія добрыя адносіны з дзяржавамі – членамі асамблеі, падзяляе прынцыпы, закладзеныя ў статуте арганізацыі. Мы з'яўляемся абсалютнымі прыхільнікамі яе аб'яднальных стваральных ідэй: пабудова справядлівага светапарадку і шматпалярнага свету, умацаванне міжпарламенцкага супрацоўніцтва, абмен вопытам у сферы заканацворчасці і меркаваннямі па тэмах рэгіянальнага і глабальнага парадку дня» [14].

Адным з пытанняў, абмеркаванне якога знаходзіць месца падчас афіцыйных сустрэч прадстаўнікоў Беларусі і Бангладэш, з'яўляецца гуманітарны крызіс, звязаны з дыскрымінацыйнай народнасці рахінджа ў М'янме, што надзвычай абвастрыўся ў 2017 г. Суседняя Бангладэш стала прытулкам для бежанцаў, колькасць якіх дасягнула крытычнага ўзроўню. Для перанаселенай Бангладэш крызіс бежанцаў рахінджа становіцца глабальнай праблемай, якую краіна спрабуе вырашыць на пляцоўках міжнародных арганізацый, у першую чаргу ААН, шукаючы садзеяння Беларусі ў дадзенай справе [2; 15]. Падчас сустрэчы ў сакавіку 2024 г. у Даке прадстаўнік Бангладэш агучыў просьбу, звернутую да Беларусі, падтрымаць ініцыятывы ААН і другіх шматбаковых пляцовак па рэпатрыяцыі рахінджа на радзіму [2]. Глава часовага ўрада Бангладэш Мухамад Юнус дэманструе прыхільнасць да вырашэння гуманітарных цяжкасцей і імкненне да міжнароднага супрацоўніцтва ў сферы праблем, якія перакрочылі межы рэгіянальнага вымярэння: «Наш урад будзе працягваць падтрымліваць бежанцаў-рахінджа ў Бангладэш. Нам патрэбны пастаянныя намаганні міжнароднай супольнасці па гуманітарных аперацыях і магчымай рэпатрыяцыі (бежанцаў) у краіну іх паходжання, М'янму, бяспечна, з годнасцю і з поўнай павагай правоў» [16].

Беларусь і Бангладэш супрацоўнічаюць у рамках міжнародных арганізацый, сярод якіх вылучаюцца ААН, Рух недалучэння. Чакаецца паглыбленне ўзаемадзеяння і адкрыццё новых магчымасцей, прычым не толькі ў эканамічнай сферы, у сувязі з магчымым падпісаннем пагаднення аб зоне свабоднага гандлю паміж ЕАЭС і Народнай Рэспублікай Бангладэш.

Асобныя перспектывы актывізацыі супрацоўніцтва Беларусі і Бангладэш можа прадставіць Шанхайская арганізацыя супрацоўніцтва (ШАС).

Рэспубліка Беларусь 4 ліпеня 2024 г. стала паўнапраўным членам Арганізацыі. Бангладэш летам 2024 г. была адной з пяці краін (разам з Арменіяй, Азербайджанам, Камбоджай, Шры-Ланкай), якія актуалізавалі сваё імкненне больш цесна супрацоўнічаць з ШАС, запрасіўшы статус краіны-назіральніка пры ёй [17]. Паўнапраўным членам ШАС можна стаць пры пэўных умовах, адной абавязковай з іх з’яўляецца знаходжанне ў статусе «краіна-назіральнік». У адрозненне ад вышэйзгаданых краін, Бангладэш не з’яўляецца партнёрам па дыялогу ШАС, але для атрымання статусу назіральніка можна і не быць ім. Магчымае набыццё Бангладэш статусу краіны-назіральніка пры ШАС будзе садзейнічаць інтэнсіфікацыі супрацоўніцтва ў межах праектаў па прыярытэтных сферах для ШАС. Імкненне Бангладэш больш цесна супрацоўнічаць з ШАС сведчыць пра раздзяленне ёю ідэалагічных каштоўнасцей і поглядаў Арганізацыі, сярод якіх вылучаюцца «шанхайскі дух», ідэя стварэння шматпалярнага свету і справядлівага палітыка-эканамічнага міжнароднага парадку.

Ацэньваючы магчымасці і перспектывы, заўважым, што Беларусь узаемадзейнічае з усімі краінамі Паўднёвай Азіі (у меншай ступені з Бутанам, што тлумачыцца спецыфікай яго развіцця), ва ўсіх сферах спрабуе рэалізаваць патэнцыял. У той жа час асобную перспектыву нішу для супрацоўніцтва можа пры пэўных умовах ўяўляць узаемадзеянне з інтэграцыйным аб’яднаннем краін Паўднёвай Азіі – Асацыяцыяй рэгіянальнага супрацоўніцтва краін Паўднёвай Азіі (СААРК), якая на сённяшні дзень пазіцыянуе сябе як шматпрофільная арганізацыя. СААРК супрацоўнічае з краінамі-назіральнікамі ў прыярытэтных для яе кірунках: камунікацыі, сельская гаспадарка, ахова здароўя, энергетыка, навакольнае асяроддзе, эканоміка. У яе функцыянаванні малыя краіны, у тым ліку і Бангладэш, выконваюць не апошнюю ролю. Беларусь не з’яўляецца назіральнікам пры СААРК, больш за тое, на сённяшні дзень у арганізацыі дзейнічае мараторый на прыём новых назіральнікаў.

Такім чынам, адносіны Рэспублікі Беларусь з Народнай Рэспублікай Бангладэш у палітычнай сферы рэалізуюцца з дапамогай разнастайных форм: афіцыйных сустрэч і візітаў, палітычных кансультацый паміж знешнепалітычнымі ведамствамі, міжпарламенцкага супрацоўніцтва, фармацатаў шматбаковага супрацоўніцтва з глыбокім патэнцыялам на будучыню. Супадзенне поглядаў на вырашэнне глабальных і рэгіянальных праблем, адсутнасць супярэчнасцей па ключавых пытаннях абумоўліваюць атмасферу ўзаемнага даверу, што спрыяе кантактам і ў іншых сферах.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Торгово-экономические отношения / Посольство Республики Беларусь в Республике Индия // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL: https://india.mfa.gov.by/ru/bilateral_relation/bang/eco/ (дата обращения: 27.02.2025).
2. Bangladesh-Belarus diplomatic relations and economic cooperation // The Financial Express. – Dhaka, Mar, 12, 2024. – URL: <https://thefinancialexpress.com.bd/views/views/bangla->

desh-belarus-diplomatic-relations-and-economic-cooperation#google_vignette (date of access: 27.02.2025).

3. Поздравление Президенту Бангладеш Мохаммеду Шахабуддину // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Минск, 26 марта 2024. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/pozdravlenie-prezidentu-bangladesh-mohammedu-shahabuddin> <https://president.gov.by/ru/events/pozdravlenie-prezidentu-bangladesh-mohammedu-shahabuddin> (дата обращения: 27.02.2025).

4. Тихомиров, А. В. Отношения Республики Беларусь со странами Южной Азии / А. В. Тихомиров // Республика Беларусь – 25 лет создания и свершений: в 7 т. – Минск: Беларус. навука, 2020. – Т. 4. – С. 622–625.

5. Залесский, Б. Л. Беларусь – Азия: вектор партнерства. Хроника взаимовыгодного сотрудничества / Б. Л. Залесский. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2018. – 110 с.

6. Щербина, Ю. А. Отношения Республики Беларусь и Народной Республики Бангладеш: становление и развитие / Ю. А. Щербина // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце: материалы XXI Междунар. науч. конф., посвящ. 101-й годовщине образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е. А. До-станко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2022. – С. 148–152.

7. Политические отношения между Республикой Беларусь и Народной Республикой Бангладеш / Посольство Республики Беларусь в Республике Индия // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Минск, 2007–2025. – URL: https://india.mfa.gov.by/ru/bilateral_relation/bang/pol/ (дата обращения: 27.02.2025).

8. О белорусско-бангладешских межидовских консультациях // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Минск, 30 августа 2018. – URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/af2b7d71fc6354f1.html (дата обращения: 27.02.2025).

9. Беларусь и Бангладеш обсудили активизацию политического и торгово-экономического сотрудничества // БелТА. – Минск, 10 марта 2024. – URL: <https://belta.by/politics/view/belarus-i-bangladesh-obsudili-aktivizatsiju-politicheskogo-i-torgovo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-620365-2024/> (дата обращения: 27.02.2025).

10. Договор о Евразийском экономическом союзе // Евразийский экономический союз. Правовой портал. – URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/236/8429/> (дата обращения: 27.02.2025).

11. Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Правительством Народной Республики Бангладеш // Евразийский экономический союз. Правовой портал. – URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/165/4736/> (дата обращения: 27.02.2025).

12. Механизмы сотрудничества ЕАЭС и Бангладеш позволяют развивать взаимодействие в новых геоэкономических условиях. Евразийская экономическая комиссия // Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://eec.eaeunion.org/news/mekhanizmy-sotrudnichestva-eaes-i-bangladesh-pozvolayut-razvivat-vzaimodeystvie-v-novykh-geoeconomii/> (дата обращения: 27.02.2025).

13. Беларусь и Бангладеш рассчитывают на развитие более тесных экономических и парламентских связей // БелТА. – Минск, 5 апреля 2017. – URL: <https://belta.by/special/politics/view/belarus-i-bangladesh-rasschityvajut-na-razvitie-bolee-tesnyh-ekonomicheskikh-i-parlamentskikh-svjazej-241207-2017/> (дата обращения: 27.02.2025).

14. Беларусь получила статус наблюдателя в Азиатской парламентской ассамблее. Главное из Баку // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/globalnoe-priznanie.html> (дата обращения: 27.02.2025).

15. О визите заместителя Министра иностранных дел Беларуси А. Дапкюнаса в Бангладеш // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/bfcc2130104133a4.html (дата обращения: 27.02.2025).

16. Бангладеш: новый премьер-министр Юнус обещает поддержку беженцам рохинджа // Nova.news. – URL: <https://www.agenzianova.com/ru/news/Новый-премьер-министр-Бангладеш-Юнус-обещает-поддержку-беженцам-рохинджа/> (дата обращения: 27.02.2025).

17. Генсек ШОС рассказал о странах, которые хотят к ней присоединиться // Центральный интернет-портал Шанхайской организации сотрудничества. – URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=39811> (дата обращения: 27.02.2025).

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

Е. П. Ермолович

Белорусский государственный университет, Минск

E. P. Ermolovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 323.2

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

PRECONDITIONS FOR THE FORMATION OF FAMILY POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

В статье анализируются предпосылки формирования государственной семейной политики в период с 1917 г., закрепленные в первой Конституции ССРБ 1919 г., нормы, отражающие радикальные изменения политической, экономической и социальной систем. Исследуются приоритетные направления государственных стратегий развития общества в контексте формирования института семьи. Рассмотрены важнейшие меры реализации в принятых первых «семейных» декретах и постановлениях, проведена актуализация проблематики с целью использования учета исторического опыта развития семейной политики.

Ключевые слова: семейная политика; декреты; Конституция ССРБ 1919 г.; государственные стратегии; права мужчин и женщин; новая семейная мораль; церковный брак; принцип раздельности имущества супругов.

The article analyzes the prerequisites for the formation of state family policy in the period since 1917, enshrined in the first Constitution of the USSR in 1919, norms reflecting radical changes in the political, economic and social systems. The priority directions of state strategies for the development of society are explored in the context of the formation of the institution of family. The most important implementation measures in the adopted first “family” decrees and resolutions were considered, the problems were updated in order to take into account the historical experience of the development of family policy.

Key words: family policy; decrees; the Constitution of the USSR of 1919; state strategies; the rights of men and women; new family morality; church marriage; the principle of separation of property of spouses.

Негативные тенденции трансформации института семьи, появление неблагоприятных мировоззренческих убеждений и принципов поведения личности при осуществлении сознательного выбора системы семейных цен-

ностей, отсутствии формирования «моды» на семью, увеличение возраста вступления в брак, выстраивание личностной ориентации на семейный способ жизни являются источниками угроз национальной безопасности, что нашло отражение в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [1].

В эпоху глобальных внешних и внутренних угроз серьезный акцент государственной политики сделан на укрепление и защиту традиционных семейных ценностей, сохранение духовно-нравственных начал общества, традиций патриотизма и гуманизма, научного потенциала страны.

Объектом семейной политики выступает семья как важный социально-политический институт, основой которого является стабильность всего общества в целом.

Согласно статье 32 Конституции Республики Беларусь, семья определена как группа из двух или более лиц, которые связаны отношениями родства или отношениями, вытекающими из брака, совместно проживающих и имеющих общий бюджет, супруги находятся в равноправных семейных отношениях [3]. Семья – это и основа общества, и значимый фактор политического процесса. Духовно-нравственные ценности, традиции, культура, samобытность составляют сложное многомерное политическое эволюционирующее явление, формирующее фундамент семьи. Имидж семьи рассматривают как элемент имиджа страны в контексте достижения и защиты национальных интересов в политической и экономических сферах [4, с. 58].

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. фиксирует стратегические приоритеты и индикаторы устойчивого развития, среди которых «качественное воспроизводство человеческого потенциала и эффективное его использование» [2].

Сохранение генофонда нации, развитие интеллекта и культуры, повышение уровня здоровья и трудовой активности, а также обеспечение достойной оплаты труда становятся ключевыми аспектами обеспечения национальной безопасности. В эпоху геополитических трансформаций необходимо стремиться к укреплению основ и традиционных ценностей, на которых строится общество, тем самым формируя обеспечение семейного благополучия каждого гражданина страны.

Важнейшим социальным инструментом, консолидирующим общество и способствующим снижению социальной напряженности, актуализации основ ценностей семьи и семейного образа жизни, является семейная политика. Для осмысления особенностей взаимодействия конкретных мер развития семейной политики необходимо учитывать опыт прошлых десятилетий.

Становление и развитие семейной политики в Республике Беларусь является актуальным направлением изучения эволюции государственной семейной политики.

Цель данного исследования – генезис и эволюция семейной политики в период с 1917 г., изучение, анализ и комплексное применение знаний в принятии политических решений и выработке государственных стратегий развития общества, направленных на поддержание института семьи.

Первая традиция анализа семьи как элемента в системе социальных отношений отразилась в трудах ученых, политологов, историков, философов, писателей, церковных, общественных и государственных деятелей: А. И. Загоровского, М. Ф. Владимирского-Буданова, С. В. Пахмана, К. А. Неволина, Д. И. Мейера, Л. Н. Толстого, И. В. Гессена, Н. Л. Дювернуа, Л. И. Петражицкого, Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского, С. М. Соловьева. В политико-философской мысли вопросы исследования семейной жизни рассматривались в трудах Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркса, Э. Энгельса, О. Конта, М. Вебера, П. А. Сорокина.

Поскольку предметом исследования являются предпосылки становления государственной семейной политики, стоит обратить внимание на характерные особенности периода зарождения социальной политики.

Предпосылками формирования семейной политики можно считать проведенную советским правительством радикальную реформу семейного законодательства в декабре 1917 г., принятые Декреты ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния», Декрет «О расторжении брака».

По мнению профессора Н. Н. Тарусиной, именно после 1917 г. в принципе началось зарождение семейной политики, хотя первое время она была «недоношенной» [5, с. 10]. В результате прихода к власти большевиков изменению подверглась вся политическая и правовая система государства. Становление семейной политики развивалось на основе марксистско-ленинского учения, так как законодательство о семье основывалось на работах Ф. Энгельса, К. Маркса, В. И. Ленина. Концепция, изложенная в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стала основой последовательности движения форм семьи.

Ряд важных политических нововведений, закрепленных в декретах, можно отнести к эволюционной парадигме утраты ценности официального церковного брака и признании обязательного гражданского брака, что являлось целью освобождения брачно-семейных отношений от влияния церкви.

Согласно принятым декретам, права мужчин и женщин практически во всех основных вопросах семейных отношений были уравнены: при заключении и расторжении брака, в выборе фамилии, места жительства, воспитании детей и др. [6].

Новая семейная мораль строилась на принципах свободы и равенства. В брак можно было вступить по обоюдному согласию, словесно объявив или письменно подав заявление в отдел записей браков и рождений при городской (районной, уездной или волостной земской) управе, при этом желающие вступить в брак должны были дать подписку о том, что они вступают

в брак добровольно. Заведующий отделом записей браков заносил событие брака в книгу записей браков и объявлял брак вступившим в законную силу, выдавал копию свидетельства о браке. Предоставлялось право бракосочетающимся свободно определить фамилию мужа или жены или соединенную фамилию. Церковный брак можно было заключить только при вступлении в обязательный гражданский брак. В брак разрешалось вступать мужчинам не ранее 18 лет, женщинам – по достижении 16 лет [7].

Важным компонентом принятых декретов можно считать полное искоренение принципа общности имущества супругов. Они могли свободно распоряжаться своим имуществом, заключать договоры и принимать решения, не зависящие от воли другого супруга. Появление права на содержание для нетрудоспособного супруга обеспечивало ему минимальный уровень материальной поддержки. При перемене места жительства одного из супругов другой имел права оставаться на прежнем месте, сохраняя возможность перемены гражданства [8, с. 83].

Особенность, закрепленная в документах, – принципы исполнения родительских прав. Для признания отцом или матерью ребенка необходимо было подать письменное заявление об этом. Отцам предоставлялось право доказывать свое отцовство в судебном порядке, а матерям – возможность подать заявление о беременности вне брака в местный орган ЗАГС. Матерям необходимо было сделать это не позднее чем за три месяца до родов, указав время зачатия и данные об отце. В случае несогласия с заявлением отцу предоставлялось право обратиться в суд в течение двух недель. Положительное решение суда о признании отцовства влекло за собой обязанность отца участвовать в расходах на содержание матери во время беременности, а также в уходе за ребенком после его рождения. Важно отметить, что внебрачные дети уравнивались в правах с детьми, рожденными в браке. В терминологии того времени «дети, произошедшие от сожителства, поступают в собственность Республики» [9, с. 177].

Усыновление как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, не предусматривалась законодательством. Однако государство брало на себя ответственность за детей-сирот и душевнобольных, устанавливая опеку и обеспечивая им жилье в государственных детских домах и интернатах. Важно отметить, что отношение государства к институту семьи претерпевало кардинальные изменения.

С момента принятия декретов государство начало активно вмешиваться в жизнь граждан, пытаясь привнести новые ценности и нормы, не всегда совпадающие с тем, что были приняты в традиционной семейной жизни. Однако такой формат интервенции часто вызывал негативную реакцию общества, которое привыкло к определенным традициям и устоям. Возникло противоречие между «традиционным» и «современным» в общественных установках населения, что проявилось в вопросах установки на брак, рождение детей, формате супружеских отношений [10, с. 156].

Принятие этих законов стало первым шагом к созданию основ семейного законодательства и регулирования отношений между супругами, а также между родителями и детьми, способствовало утверждению принципа равноправия полов и положило начало формированию системы государственных женских пособий.

Декреты устанавливали политико-правовые принципы брака, опеки над детьми, формировали порядок оформления актов гражданского состояния, заменяя церковные обряды регистрации и расторжения браков на гражданские. Благодаря этим законам были установлены новые нормы и правила, которые стали основой для формирования семейной политики.

Стоит отметить некоторые деструктивные меры, которые оказывали негативное влияние на развитие становления семейной политики. «Разрушение до основания старого и построение нового мира» – такая установка несла в себе полное искоренение ценности традиционной семьи, предполагая, что ее заменит социалистическая «ячейка общества», союз свободных индивидуумов [10, с. 156].

Как отмечал политолог К. Менерт, «Советское правительство сразу же после революции повело борьбу с семьей. Семья – это бельмо на глазу, и не только из-за ее консервативности. Их раздражает уже само существование этого единственного в стране не контролируемого ими института, самобытной и замкнувшейся в себе ячейки, инородного тела в государстве, которое во всех остальных отсеках контролируется сверху донизу» [11, с. 66].

Семья является хранительницей не только традиционной культуры, быта, агентом духовно-нравственного воспитания человека, но и фундаментом связи исторических времен, разрушив который общество теряет основу своего бытия.

Одним из важнейших аспектов построения новой семейной морали стало искоренение принципа раздельности имущества супругов. Как утверждал Д. И. Мейер, когда существует согласие между супругами, законное начало разъединения их имущества на деле не существует и не составляет никакого препятствия к пользованию и распоряжению имуществом супругов согласно идее брака, а продолжает лишь некоторые формальности, которые легко могут быть соблюдены. «Но когда идея брака попирается в действительности, – писал Д. И. Мейер, – то, конечно, определения законодательства о разъединении имущества супругов получают применение – да и слава Богу, что получают! И вот, вероятно, причина, побуждающая законодательство сохранить начало разъединения имущественных прав супругов, хотя начало это и не соответствует идее брака» [12, с. 437].

В дореволюционный период принцип равенства супругов в имущественных отношениях проявлялся в раздельности имущества супругов,

в равной возможности супругов иметь свое личное имущество и самостоятельно распоряжаться им.

Вследствие принятия декретов 1917 г. появилась равная возможность супругов стать собственниками совместного имущества, нажитого во время брака, практически независимо от наличия и размера собственного дохода [13, с. 120].

В контексте изучения вопросов опеки над детьми важным является рассмотрение практики размещения детей-сирот в приемные семьи. Нормативное содержание процесса усыновления находилось под запретом, это объяснялось недопустимостью эксплуатации детского труда в приемных семьях. Однако впоследствии эти нормы были пересмотрены в связи с усилением детской беспризорности. Важной нормой законодательства можно считать обеспечение семей, принимающих беспризорных детей, правом на дополнительный надел земли, снижение налогов и получение денежных льгот [14, с. 37].

Противоречивость государственной семейной политики того времени показывает несостоятельность таких теорий и решений. Анализ состояния семейной политики показал, что государство исходило из своих возможных политических и идеологических потребностей. При этом ее собственные институциональные интересы специально не учитывались, семейная политика не носила системного характера и отождествлялась с социальной политикой, формировалась исходя из идеологии, а также обуславливалась необходимостью привлечения женщин к активной производственной деятельности. Так, в промышленной отрасли начали эффективно задействовать женский труд. В послереволюционный период из всей совокупности рабочих женщины составляли от 37 % до 49,6 %. Эта ситуация объяснялась не только экономическими, но и идеологическими факторами. В целях предотвращения массовой безработицы, катастрофического роста числа беспризорных детей, установки на мобилизацию «всяческих человеческих ресурсов» женщина приобщалась к общественно-производительному труду, заменяя труд в домашнем хозяйстве [15, с. 77].

Опираясь на идеологические воззрения исследуемого периода, можно отметить, что главной задачей было полное уничтожение дореволюционной модели семьи. Реалии переходного периода привели к размыванию и утрате ясных духовно-нравственных ориентиров, способствовали существенному изменению социального института семьи. Семья анализировалась в экономическом и социально-политическом аспектах.

Церковный брак замещался товарищеским союзом двух равных и свободных членов общества. Вводился запрет на заключение брака между полнородными и неполнородными братьями и сестрами, родственниками по прямой линии, а также если один из супругов душевнобольной, была закреплена норма, что лица, вступающие в брак свободно, выбирают, чью фамилию принять (мужа, жены или объединенную) [16, с. 51].

Гегемоническая позиция государства сформировала предпосылки для формирования патерналистской модели семейной политики и постепенно минимизировала функции и полномочия семьи.

Дальнейшее закрепление эти меры получили в первой Конституции ССРБ, принятой в 1919 г. [17]. Особенностью Конституции было затрагивание основных вопросов, содержащихся в документах такого рода и в настоящее время: вопрос власти и о правах и свободах своих граждан. Реализация этих норм осуществлялась с учетом идеологии победившей партии. Отражение прав и свобод граждан (трудящихся), их взаимоотношения с государством носили невиданный для того времени характер. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделялась от государства, школа – от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признавалась за всеми гражданами [18, с. 260].

Изучение предпосылок формирования семейной политики послужило основанием для выявления негативных факторов становления проводимой социальной политики государства.

Исходя из уроков прошлого, можно выявить ошибки, которые помогут сделать семейную политику более эффективной и результативной. Поддержка семей и успешно проводимая демографическая политика – ключевые задачи, стоящие перед государством, и только учитывая историю и опыт прошлых лет, можно добиться успеха в процессе становления семейной политики государства.

Список использованных источников

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 62 с.
2. О проекте Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года: постановление Совета министров Респ. Беларусь, 11 дек. 2013 г. № 1066 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 05.01.2025).
3. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 109 с.
4. Рожок, Е. П. Государственная семейная политика в Республике Беларусь / Е. П. Рожок // Приоритетные направления развития правовой системы общества: материалы X Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию юрид. ф-та (Гомель, 29–30 нояб. 2023 г.): в 2 ч. / редкол.: И. И. Эсмантович (гл. ред.) [и др.]; Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. – Ч. 2. – С. 58–61.
5. Тарусина, Н. Н. Законодательство о браке и семье: более ста лет движения по спиралям российской истории / Н. Н. Тарусина // Соц.-юрид. тетрадь. – 2017. – № 7. – С. 5–45.
6. О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния: Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917 // Известия. – 1917. – 20 дек.; Декреты Советской власти. – Москва, 1957. – Т. 1. – С. 247–249.
7. О расторжении брака: Декрет ВЦИК и СНК 16 декабря 1917 г. // Правда. 1918. – 1 янв.; Декреты Советской власти. – Москва, 1957. – Т. 1. – С. 237–239.

8. *Зубарева, О. Г.* Влияние первых декретов советской власти на становление современного семейного законодательства / О. Г. Зубарева // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 4. – С. 80–84.

9. *Цинченко, Г. М.* Политика в отношении семьи в первые годы советской власти / Г. М. Цинченко // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2015. – №1 (37). – С. 174–182.

10. *Носкова, А. В.* Эволюция государственной семейной политики в России: от советских к современным моделям / А. В. Носкова // Вестник МГИМО. – 2013. – № 6 (33). – С. 155–159.

11. *Менерт, К.* Советский человек / К. Менерт. – Москва: Гослитиздат, 1959. – 190 с.

12. *Мейер, Д. И.* Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – 2-е изд., испр. – Москва: Статут, 2000. – 733 с.

13. *Елисеева, А. А.* Равенство супругов в имущественных отношениях: история и современные вызовы / А. А. Елисеева // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5 (78). – С. 118–125.

14. *Шахова, Е. С.* Правовые и организационные мероприятия в области охраны материнства и детства как основные направления борьбы с детской беспризорностью в советской России / Е. С. Шахова // Вестник Омского государственного университета. Серия Право. – 2014. – № 3 (40). – С. 36–39.

15. *Циткилов, П. Я.* Семейная политика в советской России в период революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) / П. Я. Циткилов // Вестник ННГУ. – 2017. – № 5. – С. 73–78.

16. *Пашкова, Д. А.* История становления семейного законодательства в советский период / Д. А. Пашкова // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 1. – С. 49–55.

17. Конституция 1919 года: принята I съездом Советов БССР // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 05.01.2025).

18. *Василевич, Г. А.* Конституция 1919 года как отражение строительства Социалистической Советской Республики Белоруссии / Г. А. Василевич // 1917 год у гістарычных лёсах Беларусі: зб. матэрыялаў Міжнар. навук. канф., Мінск, 30 лістап. – 1 снеж. 2017 г. / рэдкал.: А. Д. Кароль (старш.) [і інш.]. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2017. – С. 260–262.

(Дата подачи: 13.02.2025 г.)

К. И. Костиневич

Белорусский государственный экономический университет, Минск

K. I. Kastsinevich

Belarus State Economic University, Minsk

УДК 32.019.51(476)

**ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ДЕПУТАТОВ ПАЛАТЫ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО
СОБРАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ VII СОЗЫВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО
СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ VIII СОЗЫВА
В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

**REPRESENTATION OF DEPUTIES OF THE HOUSE
OF REPRESENTATIVES OF THE NATIONAL
ASSEMBLY OF THE REPUBLIC OF BELARUS
OF THE 7TH CONVOCATION AND THE STATE DUMA
OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN
FEDERATION OF THE 8TH CONVOCATION IN SOCIAL
MEDIA: COMPARATIVE ANALYSIS**

В статье рассматриваются необходимость и возможности применения социальных медиа Парламентами и депутатами. Автор сравнивает результаты представления депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь VII созыва и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва и привлечения ими аудитории.

Ключевые слова: социальные медиа; Парламент; Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь; Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации; политическая коммуникация; обратная связь.

The article examines the necessity and possibilities of using social media by Parliaments and deputies. The author compares the results of the representation of deputies of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus of the 7th convocation and the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the 8th convocation and attracting their audience.

Keywords: social media; Parliament; House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus; State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation; political communication; feedback.

Широкое распространение социальных медиа не могло не отразиться на развитии политической сферы современных обществ. Социальные сети, мессенджеры, блоги и прочие формы социальных медиа увеличивают вовлеченность граждан в политическое взаимодействие и сокращают дистанцию между политическими лидерами, государственными органами, партиями, общественными объединениями и гражданами.

В связи со стремительным увеличением потоков информации, циркулирующих в социальных медиа, и вызываемой ими трансформации ин-

формационного пространства изучение возможностей применения данных форм коммуникации политическими акторами в процессе взаимодействия с гражданами приобретает все большую актуальность.

Роль социальных медиа и сетевых коммуникаций в политической сфере активно исследуется такими зарубежными учеными, как Й. Бенклер, И. А. Быков, С. В. Володенков, Й. Двиведи, Н. С. Зимова, М. Кастельс, М. Хаман, М. Школьник и др. Среди белорусских ученых, занимающихся данной проблематикой, можно выделить Н. А. Антанович, А. М. Бельского, В. О. Калишука, Н. Н. Левчука, А. В. Посталовского, Д. Г. Ротмана, О. Е. Побережную, Л. В. Слуцкую.

Цель данной статьи – выявление различий в применении социальных медиа и привлечении их аудитории между депутатами Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь VII созыва и депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва.

Социальные медиа стали неотъемлемой частью коммуникации в современном обществе, трансформируя социальное и политическое взаимодействие. Канадские исследователи Ж. Кицман, К. Хермкенс, И. Маккарти и Б. Сильвестр выделяют семь функциональных блоков социальных медиа, которые определяют их роль в рамках взаимодействия. Так, они позволяют осуществлять идентификацию пользователя (т. е. предоставление информации о себе), построение диалога между участниками, распространение информации, обеспечение присутствия пользователя в виртуальном мире, которое влияет и на физическую реальность, налаживание связей между участниками сети, формирование репутации через доверие и создание сообществ [1, р. 243–248].

В Республике Беларусь социальные медиа также достаточно прочно встроились в информационное пространство. По данным Института социологии НАН Беларуси, за первый квартал 2024 г. 70,4 % белорусов пользовались Viber, 33,5 % – Telegram, 33 % – Instagram, 25,1 % – YouTube, 24,8 % – «Одноклассники», 22,2 % – «ВКонтакте», 14,5 % – TikTok, 6,2 % – Facebook, не пользовались мессенджерами 12,4 % респондентов, а социальными сетями – 22,2 % [2]. По результатам исследования DataReportal, в феврале 2025 г. в Республике Беларусь насчитывалось 6,36 млн пользователей социальных медиа, за год данный показатель вырос на 12,9 % (5,63 млн) [3].

Представленные данные указывают на необходимость внедрения социальных медиа в деятельность органов власти для формирования эффективной политической коммуникации, вовлекающей в процесс большое число участников, и оперативного получения обратной связи. Особенно актуально включение социальных медиа в политико-коммуникационную деятельность для депутатов, поскольку они олицетворяют представительную власть. Использование социальных медиа депутатами позволяет им сокра-

тить информационную дистанцию с гражданами, исключив посредников в обмене информацией, которые характерны для традиционной массовой политической коммуникации, а также «расширить охват идей, которые они уже продвигают на других площадках» [4, р. 778]. В перспективе это может способствовать сокращению информационной асимметрии между властью и обществом.

По результатам опроса 115 парламентов или палат парламентов из 86 стран, проведенного Межпарламентским союзом в 2024 г., было выявлено, что 64 % парламентов используют социальные медиа для передачи информации о работе комитетов, 42 % – для получения комментариев и мнений со стороны граждан, 40 % – для публикации результатов деятельности комитетов, 39 % – для трансляции позиций по каким-либо вопросам, 37 % – для непосредственного вовлечения представителей общественности в деятельность комитетов, 21 % – для ответов на представленные материалы и комментарии [5, р. 56–57]. Специалисты Межпарламентского союза отмечают, что использование социальных сетей и мессенджеров в работе парламентов может способствовать упрощению доступа к законодательной информации для граждан, повышению интереса со стороны общества к парламентской деятельности, росту уровня доверия к данным органам власти, обеспечению обратной связи и вовлечению в политическую деятельность маргинальных и недостаточно представленных сообществ [5, р. 57].

В целях изучения уровня проникновения социальных медиа в политико-коммуникационную деятельность депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь мы считаем необходимым осуществить сравнительный анализ. Это позволит нам выявить результаты взаимодействия парламентариев и граждан в контексте международного опыта. Так, в рамках исследования мы проанализируем данные, представленные в работе консалтинговой группы «Полилог» «Депутаты Государственной Думы в социальных сетях: Как парламентарии ведут свои аккаунты спустя два года после избрания?» [6] (2023 г.) с показателями, полученными в ходе исследования социальных медиа депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь VII созыва, проводимого нами с февраля 2024 г.

Сравнение политико-коммуникационной деятельности в социальных медиа депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь VII созыва (действовала с 06.12.2019 г. по 22.03.2024 г.) и депутатов Государственной Думы Российской Федерации VIII созыва (начала работу 12.10.2021 г.) нам представляется релевантным по следующим причинам: сосуществование созывов данных государственных органов в относительно совпадающий период времени и протекающий процесс конвергенции медиапространства Союзного государства [7, с. 146].

Следует указать, что в настоящей работе рассматриваются количественные данные представленности депутатов в социальных медиа. Они позво-

ляют выявить информацию об уровне проникновения этих форм коммуникации в деятельность депутатов и о размерах аудитории. При этом следует учитывать, что в большинстве случаев ссылки на аккаунты в социальных медиа на персональных сайтах депутатов Палаты представителей VII созыва представлены не были. Вследствие этого осуществлялся самостоятельный поиск страниц депутатов в социальных сетях, мессенджерах и видеохостингах, из-за чего исследование проводилось на основе обнаруженных аккаунтов. Еще ряд ограничений исследования связан с наличием части профилей депутатов в социальных сетях, 1) которые носят закрытый характер, 2) последняя запись в которых опубликована до начала работы Палаты представителей VII созыва или 3) в которых не было публикаций и 4) наличие аккаунтов, которые были удалены до начала проведения углубленного анализа. Например, из 62 рассмотренных профилей депутатов Палаты представителей VII созыва в Instagram 17 были закрытыми, в 3 аккаунтах последняя запись была опубликована до начала работы Палаты представителей VII созыва, в 2 – нет ни одной записи, 1 профиль был удален ранее, чем мы смогли его проанализировать [8].

По данным проведенного нами исследования, 91 депутат Палаты представителей VII созыва имел страницы как минимум в одном из социальных медиа (Telegram, Facebook, VK, «Одноклассники», X (Twitter), Instagram, YouTube, TikTok), у 19 депутатов страницы в данных ресурсах обнаружены не были, т. е. у 17,3 % депутатов от их общего числа. В составе Государственной Думы VIII созыва на 2023 г. страницы как минимум в одном из пяти социальных медиа (Telegram, VK, «Одноклассники», Дзен, RuTube) имели 395 депутатов, у 51 депутата не было обнаружено страниц и аккаунтов в данных ресурсах – это 11 % от общего числа депутатов [6]. В итоге мы можем отметить, что депутаты Государственной Думы активнее использовали ресурсы социальных медиа, однако разница с присутствием депутатов Палаты представителей, на наш взгляд, незначительна.

Следует отметить, что в рамках исследования консалтинговой группы «Полилог» отмечаются изменения медиапредпочтений депутатов Государственной Думы VIII созыва в связи с признанием Meta, которой принадлежат Facebook и Instagram, экстремистской организацией на территории Российской Федерации. В результате, по данным «Полилог», самыми популярными ресурсами среди депутатов Государственной Думы являлись VK (были страницы у 347 депутатов), Telegram (340) и «Одноклассники» (200), далее идут Дзен (36) и RuTube (21) [6]. При этом среди депутатов Палаты представителей VII созыва наибольшее распространение аккаунтов было зафиксировано в Instagram (62 страницы) [8], Facebook (60) [9], VK (40)¹ [10], «Одноклассники» (31) [11] и Telegram (19) [12].

¹ В предыдущих публикациях автора указывалось, что был обнаружен 41 аккаунт депутатов в VK, после перепроверки было выявлено, что данный показатель равняется 40.

Депутаты Палаты представителей имели большее представительство в различных социальных медиа (таблица 1). Так, в Государственной Думе VIII созыва депутаты до 35 лет в среднем вели аккаунты в 2,6 социальных медиа (18 депутатов), среди депутатов 35–55 лет – в 2,3 (211 депутатов), а от 55 лет и старше – в 1,98 (217 депутатов). В свою очередь среди депутатов Палаты представителей VII созыва в возрасте до 35 лет на момент избрания (1985 г. р. и младше) данный показатель составил 3,17 аккаунтов в социальных медиа (6 депутатов), 35–54 лет – 2,61 (1965–1984 гг., 56 депутатов), от 55 лет и старше – 2,24 (старше 1965 г., 29 депутатов). В случае, если рассматривать данные депутатов Палаты представителей в пяти наиболее популярных среди них социальных медиа, как это осуществлено в исследовании «Полилог», то результаты незначительно изменятся. Так, страницы на данных ресурсах имеют 89 депутатов (снижение показателя на 2). Среди парламентариев в возрасте до 35 лет число аккаунтов на одного депутата составляло 3 (6 депутатов), 35–54 лет – 2,53 (55), от 55 лет и старше – 2,07 (28).

Таблица 1

Средние показатели числа аккаунтов в социальных медиа депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь VII созыва и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва в зависимости от возраста (данные приведены по отношению к депутатам, имеющим страницы в социальных медиа)

Депутаты	До 35 лет	35–55 лет	от 55 лет и старше
Представительство депутатов Палаты представителей в восьми социальных медиа	3,17	2,61	2,24
Представительство депутатов Палаты представителей в пяти наиболее популярных социальных медиа	3	2,53	2,07
Представительство депутатов Государственной Думы в пяти наиболее популярных социальных медиа	2,6	2,3	1,98

Примечание – Разработка автора на основе [6; 8–15].

Результаты исследования консалтинговой группы «Полилог» показывают, что общее число подписчиков для депутатов Государственной Думы VIII созыва в пяти основных социальных медиа в возрасте до 35 лет составляло 326 930, 35–55 лет – 4 129 328, а от 55 лет и старше – 3 831 251 (таблица 2). Для депутатов Палаты представителей VII созыва аналогичные показатели составили 16 774, 177 416 и 39 331 подписчиков соответственно. Среднее число подписчиков в пяти наиболее популярных социальных медиа составили: для депутатов Государственной Думы моложе 35 лет – 18 163 (медианное значение – 8557), от 35 до 55 лет – 19 750 (7695), старше 55 лет – 17 655 (2728). Среди депутатов Палаты представителей были зафиксированы следующие результаты по указанным параметрам: 2796 (2300), 3285 (1167) и 1405 (492) соответственно.

Таблица 2

Совокупные показатели числа подписчиков в пяти наиболее популярных социальных медиа среди депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь VII созыва и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва

Депутаты	До 35 лет	35–55 лет	от 55 лет и старше
Общее число подписчиков у депутатов Палаты представителей	16 774	177 416	39 331
Среднее число подписчиков у депутатов Палаты представителей	2796	3285	1405
Медианное значение числа подписчиков у депутатов Палаты представителей	2300	1167	492
Общее число подписчиков у депутатов Государственной Думы	326 930	4129 328	3 831 251
Среднее число подписчиков у депутатов Государственной Думы	18 163	19 570	17 655
Медианное значение числа подписчиков у депутатов Государственной Думы	8557	7695	2728
Соотношение среднего числа подписчиков у депутатов Палаты представителей и Государственной Думы с поправкой на численность населения	1/1,22	1/1,45	1 к 6
Соотношение медианных значений подписчиков у депутатов Палаты представителей и Государственной Думы с поправкой на численность населения	1/0,24	1/0,43	1/0,35

Примечание – Разработка автора на основе [6; 8–12].

Однако следует учесть, что по данным на 1 января 2024 г. численность населения Республики Беларусь составляла 9 155 978 человек [16], а Российской Федерации – 146 150 789 [17]. Следовательно, соотношение жителей Беларуси и России составляет 1:16. В результате, если учитывать относительные величины, можно отметить, что соотношение среднего числа подписчиков депутатов Палаты представителей VII созыва и Государственной Думы VIII созыва для депутатов младше 35 лет составило 1/1,22, для депутатов 35–55 лет – 1/1,45, а для депутатов старше 55 лет – 1/6. Соотношение медианных показателей числа подписчиков в пяти наиболее популярных социальных медиа среди депутатов Палаты представителей VII созыва и Государственной Думы VIII созыва для депутатов младше 35 лет равнялось 1/0,24, от 35 до 55 лет – 1/0,43, старше 55 лет – 1/0,35. Медианные значения показывают, что распределение подписчиков среди депутатов Палаты представителей VII созыва более равномерное по сравнению с депутатами Государственной Думы VIII созыва.

Таким образом, в Республике Беларусь фиксируется устойчивый рост числа пользователей социальных медиа, что требует активного внедрения данных форм коммуникации в деятельность органов власти и, в частности,

Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь с целью увеличения эффективности взаимодействия с гражданами.

Социальные сети могут применяться парламентами и палатами парламентов для освещения деятельности самих органов власти в целом и входящих в них комитетов, представления позиции парламента и депутатов, получения обратной связи со стороны общества и вовлечения граждан в процесс принятия решений.

Для более полного понимания результатов использования социальных медиа депутатами Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь VII созыва мы провели сравнительный анализ с показателями депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва. Данные органы власти были выбраны ввиду их деятельности в отчасти совпадающий период времени, а также нарастающего процесса конвергенции информационных пространств Республики Беларусь и Российской Федерации.

По результатам исследования было выявлено, что депутаты Государственной Думы в большей степени были представлены в социальных медиа, однако разница незначительна. Вследствие признания компании Meta экстремистской организацией в Российской Федерации можно наблюдать различия в предпочтительных социальных медиа среди парламентариев рассматриваемых государств. Так, депутаты Палаты представителей VII созыва в наибольшей степени были представлены в Instagram, Facebook, VK, «Одноклассники» и Telegram, тогда как депутаты Государственной Думы VIII созыва – в VK, Telegram, «Одноклассники», Дзен и RuTube. Данное различие может свидетельствовать о необходимости использования различных подходов в работе с социальными медиа и наличии различий в целевых аудиториях информационной деятельности депутатов. Однако подтверждение данного тезиса требует проведения более глубоких исследований.

Что касается представительства в различных социальных медиа, то депутаты Палаты представителей были в большей степени представлены на различных площадках, однако средние показатели общего числа подписчиков у депутатов Государственной Думы выше как в абсолютных, так и в относительных величинах. При этом результаты значительно отличаются в зависимости от возраста депутатов.

Список использованных источников

1. Social media? Get serious! Understanding the functional building blocks of social media / J. H. Kietzmann, K. Hermkens, I. P. McCarty, B. S. Silvestre // *Business Horizons*. – 2011. – Vol. 54, Iss. 3. – P. 241–251. – DOI: 10.1016/j.bushor.2011.01.005.
2. Какие мессенджеры и соцсети наиболее популярны в Беларуси? Рассказал социолог // БЕЛТА: новости Беларуси. – URL: <https://belta.by/society/view/kakie-messendzhery-i-sotsseti-naibolee-populjarny-v-belarusi-rasskazal-sotsiolog-660395-2024/>. – Дата публ.: 11.09.2024.

3. *Kemp, S.* Digital 2025: Country Headlines Report / S. Kemp // Datareportal. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-local-country-headlines>. – Date of publ.: 05.02.2025.
4. *Silva, B. C.* Politicians unleashed? Political communication on Twitter and in parliament in Western Europe / B. C. Silva, S.-O. Proksh // Political Science Research and Methods. – 2022. – Vol. 10, Iss. 4. – P. 776–792. – DOI: 10.1017/psrm.2021.36.
5. World e-Parliament Report 2024 // Inter-Parliamentary Union. – URL: <https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2024-10/world-e-parliament-report-2024> (date of access: 03.11.2024).
6. Депутаты Государственной Думы в социальных сетях: Как парламентарии ведут свои аккаунты спустя два года после избрания? // Полилог. – URL: <https://polylog.ru/research/deputaty-gosudarstvennoj-dumy-v-socialnyx-setyax-kak-parlamentarii-vedut-svoi-akkauny-spustya-dva-goda-posle-izbraniya> (дата обращения: 15.02.2025).
7. *Костиневич, К. И.* Политическая коммуникация власти и общества в Республике Беларусь в медиaprостранстве / К. И. Костиневич // Современная политология: взгляд молодежи. Материалы научных мероприятий кафедры политологии БГЭУ (2023–2024 гг.) / Белорус. гос. экон. ун-т; редкол.: О. Г. Казак, К. И. Костиневич. – Минск: БГЭУ, 2024. – С. 145–150.
8. Instagram. – URL: <https://www.instagram.com> (date of access: 15.02.2025).
9. Facebook. – URL: <https://www.facebook.com> (date of access: 15.02.2025).
10. VK. – URL: <https://www.vk.com> (date of access: 15.02.2025).
11. OK.ru – URL: <https://ok.ru> (date of access: 15.02.2025).
12. Telegram – URL: <https://telegram.org> (date of access: 15.02.2025).
13. TikTok – URL: <https://www.tiktok.com> (date of access: 15.02.2025).
14. X. – URL: <https://x.com> (date of access: 15.02.2025).
15. YouTube. – URL: <https://www.youtube.com> (date of access: 15.02.2025).
16. Численность населения на 1 января 2024 г. по областям и г. Минску // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/naselenie_6/chislennost-naseleniya1_yan_poobl/ (дата обращения: 15.02.2025).
17. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 года // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 15.02.2025).

(Дата подачи: 26.02.2025 г.)

Ли Цзинин

Белорусский государственный университет, Минск

Li Jingying

Belarusian State University, Minsk

УДК 327.7(520+547)

КИТАЙСКО-ИНДИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ В РАМКАХ ШОС

SINO-INDIAN COOPERATION ON COUNTER-TERRORISM WITHIN THE FRAMEWORK OF SHOSK

В статье проанализировано китайско-индийское сотрудничество в области анти-террористической безопасности и развитие китайско-индийского сотрудничества в области безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Раскрыты основные формы антитеррористического китайско-индийского сотрудничества: диалоги по вопросам безопасности и совместные военные учения. Подчеркнуто, что проведение совместных антитеррористических учений рассматривается как «барометр» китайско-индийских отношений. Сделан вывод, что ШОС обеспечило надежную платформу для антитеррористического сотрудничества между Китаем и Индией и позволило расширить его.

Ключевые слова: Индия; Китай; ШОС; индийско-китайское региональное сотрудничество; терроризм, экстремизм; сепаратизм, антитеррористическое сотрудничество.

The article analyzes Sino-Indian cooperation in the field of anti-terrorist security and the development of Sino-Indian security cooperation within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The main forms of Sino-Indian counterterrorism cooperation are revealed: security dialogues and joint military exercises. It is emphasized that joint counterterrorism exercises are considered a "barometer" of Sino-Indian relations. It is concluded that the SCO has provided a solid platform for and expanded China-India counterterrorism cooperation.

Keywords: India; China; SCO; India-China regional cooperation; terrorism, extremism; separatism, anti-terrorist cooperation.

Терроризм – это нетрадиционная угроза безопасности для любой страны мира, именно поэтому сотрудничество в борьбе с терроризмом стало в последние десятилетия одним из ключевых направлений в области безопасности. Терроризм обусловлен историческими, культурными, социальными и экономическими причинами. Средствами, используемыми при террористических атаках, в основном являются насильственные публичные действия террористов-смертников и террористические акты, создающие экстремальные террористические эффекты в политических целях, а также для запугивания или шантажа. Исходя из мирового опыта борьбы с терроризмом, очевидно, что ни одна страна не может справиться с этой задачей в одиночку, поэтому необходимо объединение усилий с другими странами для противодействия террористическим преступлениям. Под сотрудничеством в борьбе с терроризмом в основном понимается подписание уголовно-правовых, военных и других соглашений в области борьбы с тер-

роризмом между двумя или более странами или в рамках международных организаций на основе общей позиции по борьбе с терроризмом для достижения общей цели – обуздания и борьбы с силами терроризма [1].

В XXI в. терроризм набрал силу, возросло количество террористических атак в разных частях мира, что актуализировало проблему исследования терроризма и противодействия ему. Данная проблематика нашла отражение в работах китайских и англоязычных ученых: Чжан Цзиньпин «Международный терроризм и контртеррористические стратегии» [2], «Современный терроризм и контртеррористические стратегии» [3], коллективная монография «Терроризм одинокого агента: интегрированная структура» [4] и др. Изучением международной безопасности, включая контртеррористические исследования, занимаются такие китайские исследователи, как Шэнь Сяочен [5], Мэй Цзяньмин [6; 7], Шао Фэн [8]. Китайский исследователь Шао Фэн отвечает за подготовку глав в ежегоднике «Глобальный терроризм и борьба с терроризмом» в продолжающейся серии «Доклад о глобальной политике и безопасности» (с 2003 г. было издано 22 книги). Индийские исследователи также не обходят вниманием вопросы противодействия терроризму: Антара Десаи [9], Дхавал Д. Десаи, Парджанья Бхатт [10] и Винай Каура [11]. Среди русскоязычных авторов стоит отметить В. Сантаровича [12], который анализирует различные аспекты борьбы с терроризмом, выявляет сущность и характерные черты терроризма, а также отмечает общие принципы антитеррористической деятельности. В статье С. В. Будаевой, Н. В. Дегтяревой [13] рассматривается международное сотрудничество как необходимый элемент антитеррористической деятельности, отмечена необходимость скоординированных и комплексных действий государств в рамках антитеррористической деятельности. В работе Ю. И. Малевич и Яо Цзэньи «Борьба с терроризмом в рамках ШОС: роль Китая и России» представлена деятельность ШОС в борьбе с терроризмом и продвижение в ней Китая и России [14].

Китай и Индия, как ведущие региональные державы, несмотря на конфликты и противоречия по территориальным вопросам, взаимосвязаны с точки зрения интересов национальной безопасности. Ее сохранение служит прочной платформой для двустороннего взаимодействия в сфере противодействия терроризму и направлено на укрепление стабильности и безопасности в регионе. Сотрудничество Китая и Индии в борьбе с терроризмом обусловлено тем, что оба государства сталкиваются с этой проблемой, а также проявлениями этнического сепаратизма. Основная террористическая сила, с которой сталкивается Китай, – Организация Восточного Туркестана (ОВТ). Данная организация действует в китайском регионе Синьцзян, граничащем с восточной частью Центрально-Азиатского региона. Это во многом предопределяет связь террористической группы с региональными силами этнического сепаратизма, экстремистской религиозности и терроризма, которые действуют в Синьцзяне. Члены этой группировки жестоко

расправляются с простыми людьми, убивают религиозных деятелей, ставят под угрозу общественную безопасность, нападают на государственные учреждения и устраивают беспорядки. Так, 22 мая 2014 г. пять террористов на двух автомобилях «Лэнд Крузер» прорвали защитное ограждение утреннего рынка в районе Шейбак города Урумчи, протаранили толпу людей и привели в действие взрывное устройство, в результате атаки погибли 39 человек и 94 получили ранения. 18 сентября 2015 г. группа террористов напала на угольную шахту в уезде Байчэн района Аксу, в результате чего погибло 16 человек и еще 18 получили ранения [15].

Террористическое насилие характерно и для различных штатов Индии. В 2008 г. в Мумбаи произошел теракт, потрясший весь мир: перестрелка между индийской полицией и несколькими террористами в отеле «Тадж-Махал», продолжавшаяся около 60 часов. В результате инцидента погибли 166 человек, в том числе более 10 полицейских, еще более 300 получили ранения [16]. Не только терроризм, но и левый экстремизм способствует внутривнутриполитической и региональной дестабилизации, поэтому власти Индии ведут активную борьбу с их проявлениями. Премьер-министр Индии Сингх назвал левый экстремизм самой большой угрозой национальной безопасности для Индии [17].

Основными формами антитеррористического китайско-индийского сотрудничества являются диалоги по вопросам безопасности и совместные военные учения. Во время визита бывшего премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи в Индию в январе 2002 г. стороны обменялись мнениями о региональной и международной ситуации. Во время встречи Чжу Жунцзи отметил, что Китай последовательно выступает против терроризма во всех его формах и поддерживает международное сотрудничество в борьбе с ним, а индийская сторона подчеркнула, что терроризм – это враг гуманизма и Индия поддерживает глобальное сотрудничество в борьбе с терроризмом [18].

После двусторонней встречи был создан совместный канал диалога по борьбе с терроризмом, а в апреле состоялся первый раунд диалога в Нью-Дели, на котором стороны обменялись мнениями по международным вопросам борьбы с терроризмом и поделились опытом. В 2003 г. в водах Восточно-Китайского моря (недалеко от Шанхая) военно-морские силы Китая и Индии провели первые совместные учения в области нетрадиционной (Non-Traditional security) безопасности под кодовым названием «Дельфин 0311».

Ключевым направлением китайского-индийского сотрудничества в сфере региональной безопасности и противодействия терроризму является проведение совместных учений «Рука об руку», старт которым был дан в 2007 г. Целью таких антитеррористических учений является укрепление взаимопонимания и доверия между Китаем и Индией, в первую очередь между двумя армиями, расширение сотрудничества в нетрадиционных областях безопасности, таких как совместная борьба с «тремя силами зла» (терро-

ризм, сепаратизм, экстремизм) и содействие дальнейшему развитию стратегического партнерства между Китаем и Индией. Представители индийских армий-участниц, выступая перед СМИ, заявили, что совместные военные учения направлены на установление и развитие прочных военных связей между двумя странами и укрепление сотрудничества друг с другом. Индийские СМИ дали положительную оценку совместным военным учениям, считая их хорошим началом для существенной трансформации отношений между двумя странами. Совместные военные учения стали рукопожатием через «горб» (Гималаи) и имели большое значение для обеих стран, отмечала газета «Калькутта Телеграф». В статье говорилось, что впервые после Второй мировой войны индийская армия преодолела «горбатый маршрут», а китайская армия провела совместные военные учения, что свидетельствует о том, что две страны сделали большой шаг навстречу друг другу [19]. По мнению «Трибюн Индии», военные учения свидетельствуют о том, что политическое взаимодоверие между Китаем и Индией поднялось на новый уровень [20]. На сегодняшний день стороны провели девять консультаций по вопросам обороны и безопасности и восемь совместных армейских антитеррористических учений. Среди них совместные учения проводились в 2007–2008, 2013–2016 и 2018–2019 гг., причем годы, когда они не проводились, пришлись на спорный период пограничного вопроса между двумя странами. Поэтому совместные антитеррористические учения также рассматриваются как «барометр» китайско-индийских отношений.

Для лучшего противодействия силам терроризма международным организациям важно объединить усилия всех стран для содействия решению этой нетрадиционной проблемы безопасности. Борьба с глобальными проблемами требует тесного сотрудничества между всеми странами, международными организациями и группами людей по всему миру. Международной организацией, одним из приоритетных направлений которой выступает борьба с «тремя силами зла», является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Для борьбы с терроризмом и экстремизмом ШОС имеет два постоянно действующих органа – Секретариат в Пекине и Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) со штаб-квартирой (Исполкомом) в Ташкенте [21]. Основные задачи Секретариата – координация работы организации, консолидация контртеррористической информации и разработка соответствующих контртеррористических планов, что является основой антитеррористического механизма ШОС. РАТС является ядром антитеррористического организационного механизма ШОС и «координирующим центром борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на региональном и глобальном уровнях» [21].

При создании ШОС главы государств подписали «Декларацию о создании Шанхайской организации сотрудничества» и «Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», где дано опреде-

ление терроризма, сепаратизма и экстремизма и говорится, что совместные усилия в рамках Конвенции являются эффективным способом борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом [22]. Эта Конвенция, а также ряд других конвенций и соглашений, включая «Конвенцию Шанхайской организации сотрудничества о борьбе с терроризмом», которая была подписана в 2009 г. с целью завершения Конвенции, составляют правовую основу для борьбы государств – членов ШОС с «тремя силами зла».

Этническое разнообразие и религиозная сложность Центральной Азии создают благоприятные условия для проникновения экстремистских идеологий и транснационального распространения международного терроризма. Китай рассматривает интеграцию Индии в ШОС как знак готовности взаимодействовать с Китаем по различным направлениям, включая вопросы региональной безопасности. Хотя Индия расположена в Южной Азии, она также глубоко обеспокоена экстремистским терроризмом в Центральной Азии, поэтому для Индии очень важно сотрудничать с государствами – членами ШОС в борьбе с терроризмом и экстремистскими силами, а также в пресечении транснациональной террористической деятельности и транснациональной преступности. Исследователь индийского Фонда наблюдателей Айджаз Вани отмечает, что премьер-министр Нарендра Модии определил приоритеты Индии, основанные на общей культуре и общем будущем региона ШОС, где одним из ключевых приоритетов является сотрудничество в борьбе с терроризмом, экстремизмом и незаконной торговлей наркотиками [23].

Одной из наиболее эффективных форм повышения антитеррористического потенциала государств – членов ШОС является целенаправленное проведение ежегодных совместных учений на основе максимально возможного приближения к реальной оперативной обстановке, сложившейся на пространстве ШОС, и к тактическим принципам действий террористов. На протяжении многих лет компетентные органы государств – членов ШОС развивают плодотворное сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом. В совместных военных учениях принимают активное участие все государства – члены ШОС. Китай и Индия прилагают совместные усилия, чтобы направить войска для участия в учениях, предоставить оружие и технику, а также сотрудничать с другими государствами-членами в борьбе с террористическими силами в рамках совместных учений. По мере расширения и совершенствования масштабов совместных военных учений опыт и негласное понимание сотрудничества в области антитеррористической безопасности между двумя странами также увеличиваются. После вступления Индии в ШОС в сентябре 2018 г. в России прошли первые совместные военные учения под кодовым названием «Мирная миссия», которые стали самыми масштабными из тех, в которых до этого времени участвовали войска, техника и новые виды боевых сил. Эти учения были также первыми совместными военными учениями, организованными совместно всеми го-

сударствами – членами ШОС. В этих учениях страны развернули в общей сложности более 3 тыс. военнослужащих; помимо России направили около 2 тыс. человек, Китай и Индия направили наибольшее количество военнослужащих, из которых около 700 человек из Китая, почти 300 человек из Индии [24].

Совместные антитеррористические учения регулярно проводятся на территории различных государств-членов. Первое совместное военное учение «Мирная миссия» началось в 2005 г., в нем приняли участие только Китай и Россия с численностью почти 10 тыс. военнослужащих. Они успешно проводились восемь раз, а последние «Мирные миссии-2021» – это совместное военное антитеррористическое учение с участием всех восьми государств – членов ШОС, в котором приняли участие почти 55 тыс. человек и тысячи единиц боевой техники, в том числе вооружения: вертолеты Ми-8, самолеты-разведчики СУ-24МР, истребители-бомбардировщики СУ-34 и военно-транспортные самолеты Ил-76 [25]. По сравнению с первыми учениями 2005 г. число участников этих учений увеличилось почти в пять раз, в них были задействованы передовые научно-технические средства и совместные операции всех родов войск, причем сухопутные и воздушные силы действовали как единое целое, скоординированно уничтожая «незаконные вооруженные формирования». На начало 2025 г. существуют серии учений под кодовыми названиями «Мирная миссия», «Тяньшань» и «Антитеррористическое сотрудничество», а также учения под кодовыми названиями городов, в которых они проводятся.

Среди всех антитеррористических учений стоит отметить совместные учения «Евразийский контртерроризм-2023», прошедшие в сентябре 2023 г., которые стали первыми в истории совместными антитеррористическими учениями, проведенными в Кыргызстане компетентными органами государств – членов ШОС и СНГ. Учения продемонстрировали, что СНГ и ШОС имеют общее понимание в области безопасности, общие цели и способность эффективно взаимодействовать. Они дополнили важный опыт успешного антитеррористического сотрудничества ШОС с региональными организациями в области сотрудничества в сфере антитеррористической безопасности. Это также значимая составляющая антитеррористического сотрудничества между Китаем и Индией.

Последние антитеррористические учения в рамках ШОС прошли 23 июля 2024 г. под названием «Антитеррористическое сотрудничество – 2024». Впервые соответствующие ведомства всех государств – членов ШОС приняли участие в совместных антитеррористических учениях с применением боеприпасов. В учениях было увеличено количество участников и численность задействованных в них вооруженных сил, применены беспилотные аппараты и роботизированные системы для борьбы с силами терроризма. На основе предыдущих учений была создана модель с учетом новейших направлений по выявлению и предупреждению террористических

актов: обеспечение противодействия кибертерроризму и финансированию террористической деятельности.

Для укрепления сотрудничества правоохранительных органов в области борьбы с кибертерроризмом ШОС провела три совместных учения по борьбе с кибертерроризмом: в октябре 2015 г., декабре 2017 г. и декабре 2019 г. в Сямэне (Китай). Сямэнь-2017 – это первые кибернетические антитеррористические учения, в которых Индия приняла участие в качестве полноправного члена, а также первые совместные региональные кибернетические антитеррористические учения, в которых приняли участие восемь государств – членов ШОС. Директор Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры ШОС и общий командир учений С. Сосоев отметил, что учения в полной мере продемонстрировали твердую решимость и оперативный потенциал государств-членов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, они имеют большое практическое и долгосрочное значение с точки зрения позитивного реагирования на новые вызовы, стоящие перед международной и региональной ситуацией [26]. Хотя упомянутая выше серия совместных учений Индии и Китая «Рука об руку» в 2017 г. не проводилась, но совместное участие двух сторон в кибернетических антитеррористических учениях «Сямэнь-2017» по линии ШОС все же можно рассматривать как непрерывное сотрудничество в этой области.

Совместные антитеррористические учения позволили как реализовать положения, закрепленные в правовых документах ШОС, так и продемонстрировать потенциал его антитеррористического механизма. В то же время это является позитивным сигналом для внешнего мира о том, что государства – члены ШОС едины в решительной борьбе со всеми формами терроризма и твердом обеспечении мира и стабильности в регионе и во всем мире. В целом за последние годы количество преступлений террористической направленности в странах Центральной Азии значительно сократилось, и общая ситуация остается относительно стабильной. Разработка, развитие и реализация антитеррористической политики и нормативных актов ШОС имеют большое практическое значение для последующей деятельности государств – членов ШОС по эффективной борьбе с терроризмом и уголовными преступлениями.

Таким образом, ШОС обеспечивает надежную платформу для антитеррористического сотрудничества между Китаем и Индией. В рамках данной организации китайско-индийское взаимодействие в области безопасности значительно расширилось. Обе стороны готовы и впредь совместными усилиями укреплять антитеррористическое сотрудничество, бороться с любыми проявлениями терроризма, осуществлять взаимное обучение и обмена на основе равенства и уважения, содействовать развитию глобальной борьбы с терроризмом, защищать международный и региональный мир и стабильность. ШОС не только придала импульс китайско-индийскому сотрудничеству в области борьбы с терроризмом и безопасности, но и сделала

возможным развитие сотрудничества между двумя странами в других областях.

Список использованных источников

1. Сюй, Ш. О китайско-индийском сотрудничестве в борьбе с терроризмом = 论中印反恐合作 / Ш. Сюй // (C) 1994–2022 China Academic Journal Electronic Publishing House. – 2011. – С. 10
2. Чжан, Цз. Международный терроризм и контртеррористические стратегии = 国际恐怖主义与反恐策略 / Цз. Чжан. – Народное изд-во, 2012. – 426 с.
3. Чжан, Цз. Современный терроризм и контртеррористические стратегии = 当代恐怖主义与反恐策略 / Цз. Чжан. – Пекин: Изд-во «Актуальные вопросы», 2019. – 190 с.
4. Holzer, Jacob C. Lone-Actor Terrorism: An Integrated Framework / Jacob C. Holzer, Andrea J. Dew, Patricia R. Recupero. – Oxford: Oxford university press, 2022. – 424 p.
5. Шэнь, С. Современные западные представления о террористической угрозе и цели и пути управления = 当代西方恐怖主义威胁认知与治理目标和路径 / С. Шэнь // Исследования международной безопасности. – 2021. – № 4. – С. 32–56.
6. Мэй, Цз. Характерные черты, проблемы и стратегии реагирования в нынешней борьбе с терроризмом = 当前反恐斗争的特点、挑战及应对策略 / Цз. Мэй // Журнал Университета общественной безопасности – 2016. – № 1. – С. 19–23. – URL: <http://www.gadx.cbpt.cnki.net/WKG/WebPublication/wkTextContent.aspx?colType=4&yt=2016&st=01>.
7. Мэй, Цз. Инновации, вызовы и последствия контртеррористической разведки в информационную эпоху: анализ Соединенных Штатов Америки = 信息化时代反恐情报工作的创新、挑战与启示：基于对美国的分析 / Цз. Мэй // Интеллект. – 2020. – № 11. – С. 1–8.
8. Шао, Фэн. Исследователь, Институт мировой экономики и политики, Китайская академия общественных наук (КАОН) / Фэн Шао. – URL: http://www.iwep.org.cn/yjry/yjry_azmpl/azmpl_q_t/201503/t20150308_1902013.shtml (дата обращения: 25.12.2024).
9. Kaura, V. India's Counter-Terrorism Policy against Jihadist Terror: Challenges and Prospects / V. Kaura // Connections. – 2017. – Vol. 16, № 4. – P. 51–67. JSTOR. – URL: <https://www.jstor.org/stable/26867926> (date of access: 02.01.2025).
10. Dhaval, D. Securing India's Cities: Remembering 26/11, Learning its Lessons / D. Dhaval, Parjanya Bhatt // ORF Special Report. – July 2019. – № 92. – Observer Research Foundation.
11. India's Counterterrorism Diplomacy / Harsh V. Pant (ed) // Routledge Handbook of Indian Defence Policy: Themes, Structures and Doctrines, Routledge. – 2020.
12. Система управления таможенным делом в Республике Беларусь. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/34237/1/santarovich_2012_2_CA_issues_r.pdf (дата обращения: 05.01.2024).
13. Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-v-oblasti-borby-s-terrorizmom/viewer> (дата обращения: 05.01.2024).
14. Борьба с терроризмом в рамках ШОС: роль Китая и России. – URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/79339/1/Malevich_Yu.I.pdf (дата обращения: 05.01.2024).
15. Борьба с терроризмом, дерадикализация и защита прав человека в Синьцзяне (新疆的反恐、去极端化斗争与人权保障). – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-03/18/content_5374643.htm (дата обращения: 15.12.2024).
16. Mumbai 26/11 attacks: Six corpses, a mobile phone call and one survivor. – URL: http://www.xinhuanet.com/world/2018-11/27/c_1210003710.htm (date of access: 15.12.2024).
17. India's Secret War. – URL: <https://web.archive.org/web/20080602152918/http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1810169-1,00.html> (date of access: 09.01.2025).

18. Премьер Чжу и Ваджпай на переговорах затронули такие чувствительные вопросы, как китайско-индийская граница (朱总理与瓦杰帕伊会谈提及中印边界等敏感问题). – URL: <https://news.sina.com.cn/c/2002-01-15/444264.html> (дата обращения: 15.12.2024).

19. China handshake across the “hump”. – URL: <https://www.telegraphindia.com/india/china-handshake-across-the-hump/cid/1566647> (date of access: 09.01.2025).

20. India and China to finalise military exercise. – URL: <https://www.tribuneindia.com/2007/20070522/world.htm#1> (date of access: 09.01.2025).

21. Шанхайская организация сотрудничества (上海合作组织). – URL: <https://ecrats.org/ru/about/history/> (дата обращения: 09.01.2025).

22. The Shanghai Convention on combating terrorism, separatism and extremism. – URL: https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/conventions/the_20shanghai_20convention.pdf (date of access: 15.12.2024).

23. Decoding India's Priorities at the SCO: Connectivity, Counterterrorism, and Afghanistan. – URL: <https://www.orfonline.org/research/decoding-indias-priorities-at-the-sco-connectivity-counterterrorism-and-afghanistan> (date of access: 15.12.2024).

24. «Мирная миссия – 2018»: два ярких момента, которые стоит отметить (“和平使命-2018” : 两大亮点值得关注). – URL: http://www.81.cn/gfbmap/content/2018-08/24/content_214165.htm (дата обращения: 15.12.2024).

25. Совместные антитеррористические военные учения ШОС «Мирная миссия-2021» (“和平使命-2021”上海合作组织联合反恐军演). – URL: <https://chn.sectsc.org/20210929/783212.html> (дата обращения: 15.12.2024).

26. Подведение итогов участия Китая в антитеррористических учениях стран – членов ШОС (盘点中国参与的上合组织成员国间反恐演习). – URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/tp_214132/jsjs/4816346_7.html (дата обращения: 15.12.2024).

(Дата подачи: 13.02.2025 г.)

Лю Лу

Белорусский государственный университет, Минск

Liu Lu

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(510:476)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИТАЯ И РОССИИ В ФОРМАТЕ БРИКС

CHINA-RUSSIA RELATIONS IN THE BRICS FORMAT

В статье рассматриваются предпосылки, особенности и основные результаты взаимодействия между Китаем и Россией в формате БРИКС. На основе анализа документов и специализированной литературы автором дана оценка текущего состояния китайско-российского взаимодействия в БРИКС в контексте общего развития китайско-российских отношений, проанализированы основные аспекты сотрудничества двух стран в БРИКС, определено влияние китайско-российского взаимодействия в БРИКС на глобальное управление в контексте совпадающих интересов и противоречий Китая и России.

Ключевые слова: Китай; Россия; БРИКС; глобальное управление; безопасность; экономика; гуманитарная сфера.

This article examines the prerequisites, features and main results of cooperation between China and Russia in the BRICS format. Based on the analysis of documents and specialized literature, the author evaluates the current state of Sino-Russian cooperation in BRICS in the context of the overall development of Sino-Russian relations, analyzes the main aspects of cooperation between the two countries in BRICS, and determines the impact of Sino-Russian cooperation in BRICS on global governance in the context of the overlapping interests and contradictions of China and Russia.

Keywords: China; Russia; BRICS; global governance; security; economics; humanitarian sphere.

Возникшее в условиях меняющейся глобальной политической и экономической конъюнктуры объединение БРИКС, в состав которого с 2024 г. входят 10 государств (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия, Эфиопия), представляет собой платформу для осуществления диалога и расширения межгосударственного сотрудничества в различных сферах. Значимость БРИКС в современных условиях возрастает, объединение стало важным фактором в мировой политике и мировой экономике.

Китай и Россия являются ключевыми участниками БРИКС. Обе страны стояли у истоков создания этого объединения и приложили немало усилий для его укрепления. Их важная роль в БРИКС подкрепляется рядом факторов:

- значительный ресурсный потенциал (большая площадь территории, значительная численность населения, наличие запасов природных ресурсов, доступ к морям);
- достаточно высокий уровень экономического развития, способность генерировать новые технологии, открытость экономики по отношению к внешнему миру;
- сохранение внутривнутриполитического суверенитета;
- внешнеполитическая активность, выходящая на глобальный уровень, вкуче с наличием статуса постоянных членов Совета Безопасности ООН;
- возможность использования методов «жесткой» и «мягкой» силы при осуществлении своих политических интересов.

Китай и Россия активно поддерживают идею многополярного мира, критически оценивая стремление государств коллективного Запада доминировать в мировой политике посредством использования идеи «мира, основанного на правилах». Во внешнеполитических стратегиях обоих государств подчеркивается приверженность продвижению равноправной и упорядоченной многополярности мира, демократизации международных отношений и развитию глобального управления в направлении большей справедливости и рациональности [1; 2].

Сохраняя суверенный международно-правовой статус, Китай и Россия не принуждают другие государства мира копировать свои политические и социально-экономические модели развития, выступая за равноправное сотрудничество. Также они стремятся к созданию всеобъемлющей системы

глобальной безопасности, несмотря на обладание оружием массового уничтожения (в т. ч. ядерным), и предпочитают решать возникающие проблемы с помощью средств дипломатии.

Совпадение внешнеполитических установок Китая и России создает благоприятные предпосылки для расширения китайско-российского взаимодействия в различных форматах, включая формат БРИКС, который прямо рассчитан на осуществление равноправного диалога между странами-членами.

Укрепляя отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, Китай и Россия осуществляют диалог на различных уровнях государственной власти и управления, обмениваются мнениями по важным глобальным и региональным вопросам на многосторонней основе, включая формат БРИКС, который позволяет им оказывать противодействие унилатерализму и продвигать идею более справедливого многополярного международного порядка. В рамках БРИКС, как и на двустороннем уровне, Россия поддерживает коренные интересы Китая, включая вопросы Тайваня, Синьцзяна и Гонконга, и выступает против вмешательства внешних сил во внутренние дела Китая и их попыток воспрепятствовать политике воссоединения китайского народа. В свою очередь Китай в формате БРИКС выступает за мирное разрешение текущих геополитических конфликтов с российским участием и за отмену экономических санкций, введенных странами Запада в отношении России в 2014 г. и усилившихся в 2022 г. Обе страны вместе с прочими странами – членами БРИКС выступают за усиление роли ООН в международных делах и выражают приверженность нормам международного права в противовес концепту «порядка, основанного на правилах».

Использование формата БРИКС способствует нормализации китайско-индийских отношений, проблемным моментом в которых являются расхождения относительно территориального разграничения. Благодаря содействию России, которая сохраняет с Индией дружественные отношения, Китай перестал возражать против придания Индии статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН. Значимым эпизодом в осуществлении китайско-индийского политического диалога стала встреча руководителей Китая и Индии на полях саммита БРИКС в Казани в октябре 2024 г. Значимость этой встречи повысило то, что после обострения китайско-индийского пограничного спора в 2020 г. встречи руководителей этих двух стран не проводились.

Выступая в роли ведущих стран – членов БРИКС, Китай и Россия содействуют подключению стран, которые входят в это объединение, к формированию более совершенной и сбалансированной системы глобального управления. Их консенсус не только укрепляет международное влияние БРИКС, но и способствует налаживанию коммуникации этого объединения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки и Латинской

Америки и созданию новой модели взаимодействия со странами Глобального Юга.

В контексте работы с Глобальным Югом Китай и Россия солидарно выступают за расширение БРИКС и усовершенствование механизмов сотрудничества «БРИКС плюс» и «БРИКС аутрич». Они исходят из того, что соответствующие процессы позволяют трансформировать БРИКС в многостороннюю платформу сотрудничества, отражающую интересы и чаяния широкого круга развивающихся государств. Во время саммитов и рабочих встреч БРИКС, проходивших под эгидой Китая и России, к участию в их работе неоднократно подключались представители государств, не входящих в указанное объединение. Высокий уровень взаимодействия обеих стран был продемонстрирован при расширении БРИКС в 2023 г. и придании ряду стран статуса партнеров БРИКС в 2024 г.

Выступая в поддержку новых экономических отношений на глобальном уровне, Китай и Россия активно содействуют работе Нового банка развития БРИКС, включая осуществление проектов развития инфраструктуры и защиты окружающей среды. Также они поддерживают деятельность Пула резервных валют БРИКС, которая позволяет смягчать негативные последствия финансово-валютных дисбалансов в отдельных странах, снижая их зависимость от МВФ и иных финансовых структур, в которых доминируют страны коллективного Запада.

При непосредственном содействии Китая и России был разработан ряд программных документов БРИКС, включая План действий по торгово-экономическому сотрудничеству БРИКС, Руководящие принципы по содействию инвестициям БРИКС и Стратегию экономического партнерства БРИКС до 2025 г.

Углубляя двустороннее сотрудничество в энергетической сфере, прежде всего в области торговли нефтью и природным газом, Китай и Россия в рамках платформы энергетических исследований БРИКС изучают отдельные аспекты энергетической политики, разрабатывают инновационные технологии возобновляемых источников энергии и продвигают совместные проекты в области «зеленой» низкоуглеродной экономики.

В формате БРИКС Китай и Россия укрепляют сотрудничество в сферах управления продовольственной безопасностью, экспорта и импорта сельскохозяйственной продукции, обмена сельскохозяйственными технологиями, развития искусственного интеллекта, технологий 5G, кибербезопасности, электронной торговли, онлайн-ритейла и трансграничных платежей.

Китай и Россия едины во мнении, что снижение зависимости от доллара является ключевым фактором для достижения финансовой независимости и повышения экономической устойчивости стран БРИКС. Уже в 2010 г. на валютных биржах двух стран были начаты торги китайским юанем и российским рублем [3]. В 2011 г. Китай и Россия подписали новое соглашение о расчетах в национальных валютах [4].

После введения западных санкций Россия разработала собственную Систему передачи финансовых сообщений (СПФС) и укрепила ее взаимодействие с китайской Трансграничной межбанковской платежной системой (CIPS), с помощью которой стали осуществляться трансграничные платежи. В ноябре 2015 г. китайский юань официально стал российской резервной валютой, что ознаменовало новый этап в осуществлении расчетов в национальных валютах между двумя странами.

Использование национальных валют стало дополнительным стимулом для осуществления китайско-российской торговли товарами и услугами. Новый механизм взаимных расчетов позволил Китаю расширить сферу использования юаня, а России – избежать рисков, связанных с резкими колебаниями валютных курсов в условиях трудностей с использованием валют стран Запада. На саммитах БРИКС Китай и Россия неоднократно призывали другие страны – члены БРИКС последовать их примеру, увеличив долю расчетов в национальных валютах и повысив эффективность механизма конвертации национальных валют.

Китай и Россия выступают за усиление координации стран – членов БРИКС в области международной безопасности. В 2015 г. все участники VII саммита БРИКС в Уфе осудили односторонние интервенции и подчеркнули «исключительную важность неделимого характера безопасности» [5, с. 82]. Там же была достигнута договоренность о проведении на регулярной основе в рамках объединения консультаций по вопросам кибербезопасности и безопасного использования информационно-коммуникационных технологий [5, с. 82–83]. Ответственный подход Китая и России позволяет БРИКС выступать с солидарных позиций в отношении ряда региональных конфликтов (в особенности в Африке и на Ближнем Востоке) и предлагать посреднические услуги в деле их урегулирования (в этом плане участие в БРИКС оказывает воздействие на политику Китая, который на протяжении нескольких десятилетий воздерживался от активного вмешательства в конфликтные ситуации за пределами своей страны [5, с. 86]).

Формат БРИКС позволяет Китаю и России углублять взаимодействие в области культуры, образования, здравоохранения, спорта и туризма посредством использования таких механизмов, как Фестиваль культуры стран БРИКС, Лига университетов БРИКС, Платформа сотрудничества БРИКС в области здравоохранения, Платформа сотрудничества БРИКС по развитию спорта и Механизм сотрудничества БРИКС в сфере туризма. В 2017 г. Россия поддержала инициативу Китая по проведению первых Спортивных игр БРИКС. В июне 2024 г. китайские спортсмены приняли участие в Пятых Спортивных играх БРИКС, проведенных в Казани, несмотря на противодействие со стороны МОК и Всемирного антидопингового агентства [6].

Китай и Россия совместно продвигают создание механизма медиа-сотрудничества между странами БРИКС. Они способствуют организации Медиа-форума БРИКС и развитию собственных каналов распространения

новостей этого объединения, формированию единой позиции стран – членов БРИКС.

Несмотря на тесное сотрудничество Китая и России в рамках БРИКС, их подходы к перспективам развития этого объединения и взаимодействия в его рамках отличаются.

Для Китая приоритетным направлением развития БРИКС является усиление его экономической составляющей. Китайская экономика успешно развивается, несмотря на спад, вызванный ковидной пандемией 2020–2021 гг. В 2022 г. объем ВВП Китая превысил 69 % от общего экономического объема стран БРИКС [7]. Внешнеторговая политика КНР является активной и направленной на расширение экспорта готовой продукции и импорта сырьевых товаров из различных стран мира. При этом значительную часть китайского экспорта составляет высокотехнологичная продукция.

В отличие от Китая особенностями российской экономики до недавнего времени являлись преобладание сырьевого компонента и технологическая отсталость. Конфронтация со странами Запада, возникшая в 2014 г. и усилившаяся в 2022 г., лишила Россию возможности осуществлять нормальные внешнеторговые операции со всеми странами мира, включая страны – члены БРИКС. Значительную часть российских ресурсов после 2022 г. стала поглощать специальная военная операция на Украине.

Таким образом, более серьезными возможностями оказывать воздействие на экономику стран – членов БРИКС располагает Китай, который стал ключевым внешнеторговым партнером и для самой России. Значимость России во внешней торговле Китая также возросла: если в 2022 г. на ее долю приходилось 3 % китайского товарооборота, то в 2023 г. соответствующий показатель увеличился до 4 % [8, с. 20]. Однако структура китайско-российской торговли за последние годы существенных изменений не претерпела. Основу российского импорта в Китай, как и прежде, составляли энергетические и сырьевые товары, металлы и удобрения. В 2023 г. новым компонентом импортных поставок стала лишь продукция АПК [8, с. 21]. Основу российского импорта из Китая составляли поставки машинно-технической и потребительской продукции [8, с. 21].

Сдерживающими моментами в развитии торговли, по мнению российских и китайских экспертов, являлись недостаточно высокое качество транспортно-логистической инфраструктуры и качества управления в сфере логистики, высокая степень неопределенности в политике России и ограничительные меры стран Запада в отношении России (в наибольшей мере они препятствовали развитию связей в области малого и среднего бизнеса) [8, с. 22–24].

Западное давление препятствовало «дедолларизации» китайско-российских торговых операций. Под давлением США крупные китайские банки, интегрированные в мировую финансовую систему, в начале 2024 г. замедлили, а в ряде случаев вовсе прекратили обслуживание торговых рас-

четов между китайскими и российскими компаниями [8, с. 24]. Под вопросом оказалась и реализация совместных инвестиционных проектов [8, с. 24]. Также Китай не возражал против свертывания деятельности Нового банка развития в России после 2022 г.

Трудности в расчетах с Китаем вынуждают российскую сторону активнее продвигать идею мультивалютной системы платежей (с использованием российского рубля) либо иных альтернативных платежных систем. Некоторые российские эксперты считают, что чрезмерная зависимость от китайского юаня может создать потенциальные риски для экономического развития России [9, с. 75–77; 10, с. 78; 11, с. 283]. Однако проблемы в расчетах между Китаем и Россией накладывают негативный отпечаток на деятельность БРИКС.

Помимо экономических проблем между Китаем и Россией просматриваются политические разногласия. Китай с пониманием относится к проблемам, возникшим в отношениях между Россией и Западом после 2014 г. и обострившихся в 2022 г., но не готов вступить в открытую конфронтацию с Западом на стороне России. Китайские официальные лица неоднократно подчеркивали, что отношения стратегического партнерства с Россией не означают создания полноценного военного союза с ней, направленного против третьих стран. Также КНР воздерживается от официального признания новых границ России в том виде, в каком они сформировались в 2014–2024 гг. Китайские предложения по урегулированию конфликта между Россией и Украиной, выдвинутые в 2023 г. и поддержанные некоторыми странами – членами БРИКС в 2024 г. (Бразилией, Египтом, ЮАР), не в полной мере учитывают интересы России. К примеру, российский исследователь Е. Панина высказывает мнение, что совместная китайско-бразильская мирная инициатива, официально выдвинутая в 2024 г., предполагает заморозку конфликта по линии фронта, а это для России неприемлемо [12]. Разногласия между Китаем и Россией затрудняют создание единой платформы безопасности в БРИКС и не приводят к солидарным действиям стран – членов БРИКС в иных международных организациях, прежде всего в ООН (в отличие от стран, которые входят в G7 и по многим вопросам мировой повестки дня выступают единым фронтом).

Определенное несовпадение позиций двух стран просматривается по вопросу расширения БРИКС. В частности, Китай склонен подключать к этому объединению страны, которые принимают участие в реализации его инициативы «Один пояс, один путь», а Россия проявляет повышенный интерес к привлечению тех стран, которые связаны с ее геополитическими инициативами (к примеру, она выступает за подключение к БРИКС стран – членов ЕАЭС).

Расхождение интересов Китая и России может рассматриваться как сдерживающий фактор в развитии этого объединения, но оно не является «обстоятельством непреодолимой силы». В отличие от многих других

стран – членов БРИКС, интерес к участию которых в деятельности этого объединения обусловлен стремлением получить преимущественно экономические дивиденды, Китай и Россия участвуют в деятельности БРИКС исходя из своих экзистенциальных потребностей, осознания себя специфическими «странами-цивилизациями». Усиливающееся давление со стороны Запада усиливает стремление китайских и российских руководителей к поиску консенсуса по многим проблемным вопросам мировой повестки дня. В настоящее время ось «Китай – Россия» является наиболее прочной в рамках БРИКС. Благодаря совместным усилиям этих двух стран рассматриваемое объединение переросло рамки механизма экономического сотрудничества и стало обретать черты механизма осуществления межцивилизационного диалога, способного оказывать реальное влияние на мировую политику. По мнению автора, существующие разногласия и связанные с ними проблемы недостаточны для ослабления партнерских отношений между Китаем и Россией в формате БРИКС. В перспективе влияние Китая и России на развитие БРИКС будет оставаться очень высоким.

Список использованных источников

1. Чжунго вайцзяо чжэнцэ = Внешняя политика Китая // Министерство иностранных дел КНР. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zcwj_674915/200608/t20060824_9868937.shtml (дата обращения: 16.11.2024) (на кит. яз.).
2. Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 11.11.2024).
3. Лубу дуй жэньминьби гуайпай цзяои 15 жи цзай элосы чжэнши цидун = Официальный запуск торгов рубль-юань на российском рынке 15 декабря // Правительство Китайской Народной Республики. – URL: https://www.gov.cn/jrzq/2010-12/15/content_1766648.htm (дата обращения: 05.11.2024) (на кит. яз.).
4. Жэньминь иньхан юй элосы чжунян иньхан цянйшу шанбянь бэньби цесуань седин = Народный банк Китая и Центральный банк России подписали соглашение о расчетах в национальных валютах // Правительство Китайской Народной Республики. – URL: https://www.gov.cn/gzdt/2011-06/23/content_1891529.htm (дата обращения: 05.11.2024) (на кит. яз.).
5. Абденур, А. Э. Могут ли страны БРИКС сотрудничать в вопросах международной безопасности? / А. Э. Абденур // Вестник международных организаций. – 2017. – Т. 12, № 3. – С. 73–93. – DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-73.
6. Спортивные игры БРИКС 2024 // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Спортивные_игры_БРИКС_2024 (дата обращения: 05.11.2024).
7. Цзиньчжуан гоця лянхэ шоуцэ 2023 = Совместный статистический справочник стран БРИКС 2023 // Государственное статистическое управление КНР. – URL: https://www.stats.gov.cn/zt_18555/ztsj/jzgj/jzsc2023/202404/P020240417553133577139.pdf (дата обращения: 05.11.2024) (на кит. яз.).
8. Российско-китайский диалог: модель 2024: доклад № 94 / 2024 / К. В. Бабаев, Ли Цзяньминь, Ю. Ю. Мельникова [и др.]; под ред. С. М. Гавриловой [и др.]; Рос. совет по междунар. делам (РСМД). – Москва: НП РСМД, 2024. – 98 с.
9. Юанизация российской экономики: политизация дискурса / А. И. Вольнский, М. С. Круглова, С. А. Никитина, О. А. Славинская // Пространство экономики. – 2023. – № 1(4). – С. 69–79.

10. Кондратов, Д. И. Проблемы интернационализации китайского юаня / Д. И. Кондратов // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – № 14(5). – С. 74–88.

11. Беркин, В. В. Роль юаня в развитии экономики России / В. В. Беркин // Экономика и социум. – 2023. – № 3-1(106). – С. 280–284.

12. Панина, Е. «Друзья мира» за счет интересов России / Е. Панина // ИА REX. – URL: <https://iarex.ru/articles/139244.html> (дата обращения: 28.09.2024).

(Дата подачи: 11.02.2025 г.)

И. А. Малюк

Белорусский государственный экономический университет, Минск

I. A. Maliuk

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 32.019.57

ИНФОРМАЦИОННОЕ ВЛИЯНИЕ США НА АФГАНИСТАН В XXI ВЕКЕ

INFORMATION INFLUENCE OF THE UNITED STATES ON AFGHANISTAN IN THE 21ST CENTURY

Статья посвящена анализу информационного влияния США на Афганистан в XXI в. с фокусом на формирование образа Талибана в американских медиа. Рассматривается роль изданий Foreign Policy и Foreign Affairs в освещении ситуации в Афганистане, где выявляются ключевые нарративы, используемые для представления Талибана как угрозы региональной и глобальной безопасности. Исследование основано на контент-анализе публикаций 2021–2024 гг., который позволяет определить доминирующие темы, тональность материалов и пропагандистские приемы.

Ключевые слова: информационное влияние; Талибан; идеологическое противостояние; пропаганда; международная безопасность.

The article is dedicated to analyzing the informational influence of the United States on Afghanistan in the 21st century, focusing on the formation of the Taliban's image in American media. The role of publications such as Foreign Policy and Foreign Affairs in covering the situation in Afghanistan is examined, highlighting key narratives used to portray the Taliban as a threat to regional and global security. The study is based on content analysis of publications from 2021 to 2024, which helps identify dominant themes, the tone of the materials, and propaganda techniques.

Keywords: information influence; Taliban; ideological confrontation; propaganda; international security.

Афганистан занимает особое место в мировой политике благодаря своему стратегическому положению и сложной истории, связанной с многочисленными внешними вмешательствами. В XIX в. Афганистан оказался объектом колониальных амбиций, а в XX в. – эпицентром геополитического соперничества, включая ввод советских войск и последовавшую за ним войну. После терактов 11 сентября 2001 г. США и их союзники на-

чали масштабную контртеррористическую операцию, что привело к очередному витку вооруженного противостояния [1, с. 21–22]. Длительные военные действия и вмешательства сделали Афганистан одним из наиболее нестабильных регионов мира, вызвав значительный миграционный кризис и обострение глобальных проблем безопасности. Падение Кабула в 2021 г. и возвращение к власти движения Талибан стало переломным моментом, вызвавшим широкий международный резонанс и новые попытки найти пути к стабилизации страны [2].

В современных условиях основное влияние на ситуацию в Афганистане осуществляется через информационные механизмы, в которых ведущую роль играют США. После вывода своих войск они продолжают формировать образ «освободителя», акцентируя внимание на террористическом характере Талибана. Такой подход игнорирует сложность его политической и социальной роли, связанной с внутренними преобразованиями, а не только с внешними угрозами [3].

Односторонний характер освещения афганской проблематики приводит к упрощенному восприятию ситуации и искажению реальной картины происходящего. Для оценки информационного влияния США на формирование образа движения Талибан в американских медиа был проведен контент-анализ публикаций авторитетных изданий *Foreign Policy* и *Foreign Affairs* за период с 2021 по 2024 г. Цель исследования заключается в выявлении ключевых тематических направлений, характерных нарративов и тональности освещения данной проблемы. Выбор американских изданий *Foreign Policy* и *Foreign Affairs* для контент-анализа обусловлен их авторитетностью, влиянием на аудиторию и тематической релевантностью. Эти издания влияют на восприятие событий в США и международное общественное мнение, активно обсуждая внешнюю политику и международные конфликты, в том числе роль США в афганском кризисе.

В период с 2021 по 2024 г. издание *Foreign Policy* активно освещало деятельность движения Талибан, опубликовав 122 статьи, посвященные различным аспектам их деятельности. В этих материалах обсуждались военная стратегия талибов, их политическая и идеологическая повестка, а также перспективы взаимодействия с международным сообществом.

Публикации *Foreign Policy* отличались резкой и категоричной подачей, что проявлялось как в содержании статей, так и в их заголовках. Прямолинейные и провокационные заголовки, такие как «Талибан не может завоевывать друзей или влиять на людей», выражали скептицизм в способности движения к партнерским отношениям и влиянию. Другие статьи, такие как «Талибан не изменился и никогда не изменится» и «Как бороться с Талибаном», подчеркивали неизменность целей движения и неспособность к диалогу. Более того, публиковались конкретные стратегии противодействия талибам, демонстрируя практическую направленность и антагонистическую позицию издания.

В Foreign Affairs существует специальный раздел, посвященный анализу и обсуждению Талибана. В его заголовке четко определено, что Талибан – это «экстремистская исламистская группировка, которая в настоящее время правит Афганистаном после возвращения к власти в 2021 году» [4].

В исследуемый период изданием было опубликовано 89 статей, посвященных Талибану. Из них: 78 статей анализируют терроризм и меры борьбы с ним, включая военные действия талибов и их предотвращение; 34 статьи посвящены внешней политике США в контексте Талибана, реакции Штатов, их влиянию на регион и попыткам укрепить безопасность; 32 статьи рассматривают аспекты безопасности, включая военную стратегию и обороноспособность в Афганистане и других регионах. Опубликованные статьи отличались выраженным акцентом на религиозную составляющую деятельности Талибана.

Таким образом, в период с 2021 по 2024 г. Foreign Policy и Foreign Affairs опубликовали 211 статей, в которых была освещена деятельность Талибана. Систематизировав весь массив данных, выделим основные аспекты публикаций (таблица 1).

Таблица 1

Основные аспекты публикаций в журналах Foreign Policy и Foreign Affairs

Аспект	Затронутые проблемы
Религиозный	• взгляды Талибана на ислам; • исламистская идеология Талибана; • идеологические разногласия внутри Талибана и их влияние на политику.
Военный	• тактика и военные действия Талибана; • использование террористических методов в регионе; • отношения с вооруженными силами Афганистана.
Политический	• политические цели и стратегия Талибана; • участие в мирных переговорах с политическими деятелями иностранных государств.
Международные отношения и влияние на них	• связи с исламистскими группировками и террористическими организациями; • взаимодействие с иностранными государствами и влияние на региональную стабильность.
Гражданские права и гуманитарная ситуация	• воздействие руководства Талибана на гражданские права, права женщин, детей и меньшинств.
Реакция США	• реакция США на действия Талибана и их влияние на американскую политику; • действия США по борьбе с Талибаном и поддержка Афганистана.

Источник: собственная разработка.

Для выявления доминирующих тем в освещении деятельности Талибана был проведен анализ текстов статей с использованием программного обеспечения QDA Miner Lite. Данная программа предназначена для каче-

ственного и количественного анализа данных, что позволяет исследовать текстовые материалы, выделяя ключевые паттерны, общий тон и частоту употребления определенных кодов. В рамках исследования тексты публикаций о Талибанах были закодированы по основным темам, чтобы определить их относительное преобладание.

Анализ показал, что основное внимание в освещении деятельности талибов уделяется военным действиям (93,8 %) и религиозной составляющей (72 %), подчеркивая влияние вооруженных конфликтов и исламской идеологии. Гражданские (69,6 %) и международные вопросы (57,3 %) также получили значительное внимание, отражая интерес к гуманитарным проблемам и реакции международного сообщества. Политический аспект упоминается реже (51,6 %), а реакция США на деятельность Талибана фигурирует в 45,5 % материалов, что указывает на умеренный интерес к анализу американской политики в Афганистане.

Далее в наиболее популярных тематиках, а именно военной, религиозной и гражданской, был определен основной тон изложения материала (конструктивный, нейтральный, негативный). Под конструктивным тоном подразумевались материалы, акцентирующие внимание на возможных путях решения конфликтов и их последствий. Нейтральный тон отличался отсутствием явной эмоциональной окраски или предвзятости, представляя информацию объективно. Негативный тон, напротив, выражал критику и осуждение, сопровождаясь ярко выраженным отрицательным отношением к обсуждаемой теме.

В большинстве статей (53,5 %) тон публикаций был негативным, что отражает общий настрой западных медиа по отношению к талибам. В таких текстах движение изображалось как террористическая организация, а ее последователи – как радикальные исламисты, чья деятельность приносит страдания и хаос. Например, одна из статей *Foreign Policy* описывала ситуацию так: «Многие из них скрываются от эскадронов смерти Талибана спустя почти два года после победы экстремистов, а многие из тех, кто бежал из страны, живут в бедности, лелея утешающие надежды на свободу на Западе» [5]. Данный фрагмент демонстрирует ключевые элементы, характерные для негативного освещения. Выражение «эскадроны смерти Талибана» акцентирует внимание на жестокости и безжалостности движения. Упоминание о людях, вынужденных бежать или жить в нищете, подчеркивает последствия их прихода к власти, создавая образ неспособности движения обеспечить безопасность и достойные условия жизни. Финальная фраза об «утешающих надеждах на свободу на Западе» подчеркивает разочарование в текущей ситуации и изображает Талибан как препятствие на пути к свободе и демократии.

Foreign Affairs пишет: «Афганистан стал проблемным ребенком в мире, контролируемом неуправляемыми и непредсказуемыми религиозными фанатиками и террористами, которые выбрасывают свои игрушки из коляски

каждый раз, когда их упрекают за плохое поведение, но продолжают добиваться своего» [6]. Пример ярко демонстрирует использование пропагандистской техники «демонизации». Здесь создается образ Афганистана как проблемного региона под контролем «неуправляемых» и «непредсказуемых» фанатиков и террористов. Они, как дети, выбрасывают свои «игрушки» (возможно, подразумеваются вооруженные атаки) каждый раз, когда их в чем-то упрекают (высказывают несогласие с их политикой).

Конструктивный тон занимает наименьшую долю, всего 22,4 %. В текстах прослеживалась идея необходимости налаживания диалога и сотрудничества с Талибаном, а также обсуждались возможные способы решения проблемы, в том числе через дипломатические усилия и переговоры. Одним из примеров может служить отрывок из статьи в *Foreign Affairs*: «Соединенным Штатам следует дипломатическим путем признать правительство талибов в Афганистане... Это будет воспринято многими как болезненное предательство, но альтернатива – допустить опасное скатывание Афганистана в царство-отшельник – будет означать более ужасные последствия для всех» [7]. Текст строится на аргументации относительно ситуаций в Афганистане и предлагает реалистичный подход к возможным решениям, а указание на более катастрофические последствия в случае невмешательства определяет этот путь как меньшее из двух зол.

Нейтральный тон, характеризующийся отсутствием эмоциональной окраски или предвзятости, составляет примерно четверть всех публикаций (24,1 %). Это свидетельствует о попытке авторов подходить к теме с объективной точки зрения и представлять информацию без эмоциональной окраски. В таких материалах избегается принятие одной стороны и читателям предоставляется возможность сформировать собственное мнение на основе представленной информации. Примером нейтрального тона может быть текст из *Foreign Policy*: «Несмотря на первоначальные прогнозы гражданской войны, существенного сопротивления их власти не наблюдается, хотя страна борется с продолжающимся гуманитарным кризисом. Ее молодая, зависимая от помощи экономика сильно сократилась, но еще не взорвалась» [8].

На основании анализа исследованных текстов, большая часть которых характеризует Талибан в негативном контексте, мы подчеркиваем необходимость изучения ключевых терминов, описывающих их деятельность путем выявления частоты употребления. Такой методологический подход способствует выявлению доминирующих категорий, отражающих представление данного движения в международном медиапространстве.

Для исследования был использован частотный анализ с помощью программы *Yoshikoder-0.6.4*, которая автоматически подсчитывает употребление терминов, а также анализирует контекст употребления. Эта программа предоставила возможность выявить однокоренные слова и оценить их смысловые оттенки, благодаря чему была проведена систематизация данных.

Результаты анализа показали, что наиболее часто употребляемые категории включают такие термины, как «террористы», «экстремистская группировка» и «насилие». Например, слово «террористы» использовалось 245 раз, подчеркивая связь Талибана с террористическими действиями. Термин «экстремистская группировка» упоминался 237 раз, акцентируя внимание на их радикальной идеологии. Категория «насилие» встречалась 186 раз, что демонстрирует восприятие Талибана как организации, активно применяющей насильственные методы. Другие популярные категории включают «боевики» (129 упоминаний), «исламисты» (121 упоминание), «женоненавистники» (93 упоминания) и «диктаторская власть» (54 упоминания). Эти термины акцентируют внимание на репрессивной политике Талибана, особенно в отношении женщин, а также на авторитарной структуре их правления.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены ключевые аспекты информационного влияния США на восприятие движения Талибан в рамках публикаций журналов *Foreign Policy* и *Foreign Affairs*. Анализ показал, что публикации в журналах формируют образ Талибана как экстремистской и террористической организации, представляющей угрозу для региональной стабильности и прав человека.

Концептуализируем ключевые приемы, которые формируют негативное восприятие этого движения. Во-первых, широко используются термины с явной отрицательной окраской. Талибан регулярно описывается как «террористическая группировка» или «экстремисты», что сразу вызывает ассоциации с насилием и угрозами. Во-вторых, в статьях подчеркивается глобальная угроза, исходящая от их деятельности. Так, *Foreign Policy* пишет, что «Талибан хочет кусок Пакистана. Правительство Афганистана не признает 130-летнюю границу, а его местные филиалы сеют хаос на пакистанских приграничных территориях...» [9]. В-третьих, используется применение тактики синхронизации, где основной упор делается на связи Талибана с террористической группировкой Аль-Каидой, а также ее государственную поддержку, что автоматически придает талибам негативный статус. На это указывают тезисы из статьи о том, что «захват Афганистана талибами вернул организаторов терактов 11 сентября в кабину террора... группа, взорвавшая башни-близнецы, пользуется гостеприимством Талибана, оставаясь при этом доминирующим идеологическим и оперативным влиянием для джихадистов от Южной Азии до Северной Африки» [10].

Кроме того, значительное внимание уделяется теме нарушения прав человека, особенно в отношении женщин. Ключевыми темами этих сообщений являются запреты на образование и работу, ограничения свободы передвижения, а также насилие и преследования в отношении женщин, которые не придерживаются строгих стандартов, установленных талибами. Отрывок из статьи: «...Каждое новое ограничение в отношении афганских женщин усиливает диктаторскую власть Талибана над всем населением

Афганистана и подпитывает экстремизм...» [11]. В статьях также обращается внимание на международное осуждение подобных действий со стороны правозащитных организаций и правительственных учреждений, что усиливает негативную коннотацию.

Афганистан находится на переломном этапе своей современной истории, когда завершение многолетних конфликтов открыло возможности для самостоятельного развития. Приход к власти движения Талибан ознаменовал конец гражданской войны и иностранной оккупации, предоставив стране шанс на формирование независимой внутренней и внешней политики. Однако перед Афганистаном стоит новый вызов – идеологическое вторжение, проявляющееся в стремлении внешних сил навязать ценности, не учитывающие уникальные культурные и исторические особенности общества.

Информационные кампании, создавая односторонний образ Афганистана как источника угроз, усиливают внутреннюю поляризацию и международную изоляцию. Несмотря на это страна активно развивает сотрудничество с крупными незападными партнерами, такими как Китай, Россия и Иран, что способствует ее интеграции в международное сообщество. Афганистан демонстрирует стремление к равноправным отношениям и опирается на принципы взаимного уважения и невмешательства [12].

Успешное будущее Афганистана зависит от способности его общества самостоятельно определять свой путь и от поддержки международного сообщества, основанной на справедливых и взаимовыгодных условиях. Акцент на внутренние реформы и мирные инициативы может стать фундаментом для устойчивого развития и долгосрочной стабильности в регионе.

Список использованных источников

1. Гасайниев, З. Г. Военная операция США на территории Афганистана в 2001–2014 гг. и ее последствия / З. Г. Гасайниев // Символ науки. – 2020. – № 2. – С. 20–23.
2. Афганское движение «Талибан». Начало пути (1994–2010) // Институт Ближнего Востока. – 2018. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=103699> (дата обращения: 27.07.2024).
3. Феномен движения Талибан // Институт стратегического анализа и прогноза. – 2023. – URL: <https://www.isap.center/article/636> (дата обращения: 28.07.2024).
4. Explore Foreign Affairs' coverage of the Taliban // Foreign Affairs. – 2024. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/tags/taliban> (date of access: 11.08.2024).
5. Afghanistan, 1 Year Later: 'It's a Really Dire Situation' // Foreign Policy. – 2022. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/08/12/afghanistan-1-year-anniversary-taliban-takeover/> (date of access: 11.08.2024).
6. Don't Recognize the Taliban Government // Foreign Affairs. – 2023. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/afghanistan/united-states-dont-recognize-taliban-government> (date of access: 12.08.2024).
7. Let Afghanistan Rebuild // Foreign Affairs. – 2022. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/afghanistan/let-afghanistan-rebuild> (date of access: 15.08.2024).
8. The Return of the Taliban Makes Sense of Afghanistan's Misery // Foreign Policy. – 2023. – URL: <https://foreignpolicy.com/2023/07/19/afghanistan-taliban-kabul-retreat/> (date of access: 15.08.2024).

9. The Taliban Want a Piece of Pakistan // Foreign Policy. – 2023. – URL: <https://foreignpolicy.com/2024/02/20/taliban-pakistan-afghanistan-border-dispute/> (date of access: 15.08.2024).

10. Terrorism Is Making a Comeback, and Africa Is the Hot Spot // Foreign Policy. – 2023. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/05/06/terrorism-africa-hotspot-isis-boko-haram/> (date of access: 15.08.2024).

11. Don't Betray the Women of Afghanistan // Foreign Affairs. – 2022. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/afghanistan/dont-betray-women-afghanistan> (date of access: 17.08.2024).

12. Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределенность / И. А. Сафранчук, М. А. Конаровский, Г. Г. Мачитидзе [и др.]. – Москва: МГИМО, 2022. – 32 с.

(Дата подачи: 08.02.2025 г.)

М. С. Мамекін

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

M. S. Mamekin

Belarusian State University, Minsk

УДК 329.05

ЭЎРЫСТЫЧНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ СІСТЭМНАГА І СТРУКТУРНА-ФУНКЦЫЯНАЛЬНАГА ПАДЫХОДАЎ ДА АНАЛІЗУ ПАРТЫЙНЫХ СІСТЭМ

HEURISTIC POTENTIAL OF SYSTEMIC AND STRUCTURAL-FUNCTIONAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF PARTY SYSTEMS

Арткул прысвечаны разгляду сістэмнага і структурна-функцыянальнага падыходаў як ключавых інструментаў для аналізу партыйных сістэм. Аналізуецца гісторыя развіцця агульнай тэорыі сістэм, уплыў вядомых вучоных на фарміраванне гэтай міждысцыплінарнай галіны даследаванняў, якая аказала значнае ўздзеянне на фарміраванне і распаўсюджанне абодвух падыходаў. Вызначаецца спецыфіка і ключавыя прынцыпы, якія ляжаць у аснове сістэмнага і структурна-функцыянальнага падыходаў. У выніку аўтар здзяйсняе аналіз асноўных параметраў партыйнай сістэмы, грунтуючыся на прынцыпах правядзення сістэмнага і структурна-функцыянальнага падыходаў, што дазваляе яму прапанаваць уласнае азначэнне партыйнай сістэмы.

Ключавыя словы: сістэмны падыход; структурна-функцыянальны падыход; агульная тэорыя сістэм; сістэма; падсістэма; элемент; структура; сувязь; знешняе асяроддзе; функцыя; партыйная сістэма; палітычная партыя.

The article is devoted to the consideration of systemic and structural-functional approaches as key tools for the analysis of party systems. The article analyzes the history of the development of the general theory of systems, the influence of well-known scientists on the formation of this interdisciplinary branch of research, which had a significant impact on the formation and dissemination of both approaches. The specifics and basic principles underlying the systemic and structural-functional approaches are determined. As a result, the author analyzes the main

parameters of the party system based on the principles of systemic and structural-functional approaches, which allows him to propose his own definition of the party system.

Keywords: system approach; structural and functional approach; general theory of systems; system; subsystem; element; structure; communication; external environment; function; party system; political party.

На сённяшні дзень аднымі з найбольш вядомых інструментаў пазнання палітычнай рэчаіснасці з’яўляюцца сістэмны і структурна-функцыянальны падыходы. Іх эўрыстычны патэнцыял абгрунтаваны і даказаны шматлікімі даследаваннямі. Відавочна, што не меншую каштоўнасць абодва падыходы ўяўляюць і для аналізу партыйных сістэм. Мэта артыкула – вызначэнне сутнасці партыйных сістэм на падставе выкарыстання сістэмнага і структурна-функцыянальнага падыходаў.

Абодва падыходы маюць агульныя карані, якія грунтуюцца на падмурку агульнай тэорыі сістэм. Менавіта па гэтай прычыне варта ў першую чаргу звярнуць увагу на асаблівасці станаўлення і фарміравання агульнай тэорыі сістэм як міждысцыплінарнай галіны даследаванняў.

Паняцце «сістэма» з’явілася ў рускай і беларускай мовах праз французскае *système*, якое паходзіла ад лацінскага *systema*, вытворнага, у сваю чаргу, ад грэчаскага *συστήμα*, што ў перакладзе азначае «складанне» [1]. У сучасным значэнні сістэма – гэта цэлае, складзенае з частак.

Разважанні на «перадсістэмную» праблематыку, уключаючы пытанне суадносін частак і цэлага, распачынаюцца яшчэ ў Антычнасці і змяшчаюцца ў працах Арыстоцеля, Зянона Элейскага і інш. У Сярэднявеччы «перадсістэмныя» ідэі антычных філосафаў развіваліся ў працах схаластаў, напрыклад Фамы Аквінскага. У працах айчынных даследчыкаў адзначаецца, што ў XVII–XVIII стст. паняцце «сістэма» трывала ўваходзіць у навуковы зварот у Еўропе і на працягу доўгага часу выкарыстоўваецца для абазначэння ўпарадкаваных ведаў. У гэтым сэнсе паняцце «сістэма» выкарыстоўваецца ў назвах трактатаў і сачыненняў аўтараў таго часу: Э. Б. дэ Кандыльяка, П. А. Гольбаха, Ф. В. Й. Шэлінга [2, с. 6–7].

Фарміраванне агульнай тэорыі сістэм прыходзіцца на першую палову XX ст. Для вытокаў гэтай міждысцыплінарнай вобласці ведаў стаялі А. А. Багданаў, Л. фон Берталанфі і інш. Н. А. Антановіч адзначае, што менавіта А. А. Багданаў (сапраўднае імя – А. А. Маліноўскі) адным з першых адкрыў шэраг сістэмных прынцыпаў і заканамернасцяў у пачатку XX ст. у сваёй працы «Тэкталогія. Усеагульная арганізацыйная навука» (1925–1929). Там ім былі апісаны прынцыпы зваротнай сувязі («падвойнага ўзаемамага рэгулявання») і ўпершыню ў рускамоўнай навуцы быў ужыты тэрмін «сацыяльная сістэма» [2, с. 8–9]. У 1930-я гг. Людвіг фон Берталанфі ўпершыню прапаноўвае стварэнне агульнай тэорыі сістэм, аднак сфармуляваў яе асноўныя прынцыпы і палажэнні ён толькі пасля Другой сусветнай вайны. Галоўным дасягненнем вучонага стала, як вядома, распрацоўка агульнай тэорыі сістэм, якая грунтуецца на агульных прынцыпах і законах паводзін

систэм, не зважаючы на іх тып і прыроду. Навукоўцам было сфармулявана палажэнне, вядомае як «Закона Берталанфі», паводле якога «канчатковы стан адкрытай сістэмы вызначаецца працэсамі, якія працякаюць унутры сістэмы падчас узаемадзеяння з асяроддзем, а не яе пачатковым станам» [3, с. 214].

Не менш важнай постаццю ў працэсе станаўлення агульнай тэорыі сістэм з'яўляецца фізіёлаг У. Кэнана, які выдаў працу «Мудрасць цела» ў 1932 г. Гэта выданне адыграла вялікую ролю ва ўкараненні сістэмнага аналізу ў сацыяльнай навуцы, у прыватнасці ў палітычнай навуцы, непасрэдна паўплываўшы на ўяўленні Д. Істана. Менавіта У. Кэнан упершыню прапаноўвае паняцце «гамеастазіс», якое азначае стан раўнавагі ў сістэме.

Паралельна з агульнай тэорыяй сістэм развіваліся кібернетыка, тэорыі інфармацыі, самарэгуляцыі і гульні. У канцы 1940-х гг. Н. Вінэрам былі прадстаўлены канцэпцыі кібернетычных сістэм і зваротнай сувязі, якія знайшлі прымяненне ў многіх сферах навуковага мыслення, у тым ліку ў паліталогіі.

Паводле заснавальніка агульнай тэорыі сістэм, сістэма была вызначана як комплекс узаемазвязаных элементаў, які ўтварае цэласнасць і мае ўласныя ўласцівасці, што не зводзяцца да сумы ўласцівасцей яе частак [4]. Прасоўванне агульнай тэорыі сістэм з біялогіі ў іншыя галіны навукі пачалося з заснавання ў 1954 г. у ЗША «Таварыства агульнай тэорыі сістэм» (сёння Міжнароднае таварыства навук аб сістэмах) і выпуску ў 1956 г. штогодніка «Агульныя сістэмы» пад рэдакцыяй А. Рапапорта, Л. фон Берталанфі і інш. [5, с. 234–235].

Агульная тэорыя сістэм і сістэмны падыход хутка набылі папулярнасць па ўсім свеце, у тым ліку і ў СССР. У Савецкім Саюзе з 1960-х гг. выходзіў штогоднік «Сістэмныя даследаванні», які асвятляў развіццё тэорыі сістэм у розных галінах. Да значных савецкіх навукоўцаў, якіх можна лічыць прыхільнікамі агульнай тэорыі сістэм і сістэмнага падыходу, адносяцца: І. В. Блаўберг, Д. П. Горскі, Г. М. Повараў, В. М. Садоўскі, Э. Р. Юдзін, Г. П. Шчадравіцкі і інш.

Сёння сістэмны падыход часта называюць агульнанавуковай метадалагічнай праграмай. Сістэмны падыход – напрамак метадалогіі навуковага пазнання і сацыяльнай практыкі, у аснове якога ляжыць разгляд аб'ектаў як сістэм і які арыентуе даследчыка на раскрыццё цэласнасці аб'екта, на выяўленне шматстайных тыпаў сувязяў у ім і звязанне іх у адзіную тэарэтычную карціну [6].

Да асноўных прынцыпаў сістэмнага падыходу ў айчынным навуцы адносяць прынцыпы цэласнасці, эмерджэнтнасці, узаемазалежнасці, іерархічнасці, множнасці апісанняў [2, с. 16]. Расійскі даследчык А. Ф. Шаброў лічыць, што рэалізацыя сістэмнага падыходу патрабуе прытрымлівання трох базавых прынцыпаў: дэкампазіцыі, унутранай узаемазвязанасці

і цэласнасці. Пры гэтым аўтар дадае яшчэ шэсць прынцыпаў, якія ўдакладняюць і дапаўняюць адзін аднаго [3, с. 219–223].

Як мы бачым, сістэмны падыход накіраваны, з аднаго боку, на выяўленне структуры, а з іншага – на раскрыццё цэласнасці сістэмы. Такім чынам, ён аб'ядноўвае ў сабе аналіз (структураванасць, раздзеленасць) і сінтэз (цэласнасць сістэмы). Па гэтай прычыне яго спалучэнне са структура-функцыянальным падыходам з'яўляецца не толькі каштоўным, але і непазбежным.

Структурна-функцыянальны падыход мае тыя ж вытокі, што і сістэмны, і ўзнік з напрацовак у галіне актуальнай тэорыі сістэм. Слова «структура» паходзіць ад лацінскага *structura* – «пабудова», «уладкаванне». У сучасным сэнсе пад структурай разумеецца сукупнасць сувязяў паміж часткамі аб'екта. Слова «функцыя» было запазычана таксама з лацінскай мовы, дзе *functio* азначала «выкананне», «ажыццяўленне», «здзяйсненне». У сучасным сэнсе пад функцыяй разумеецца месца і роля аб'екта ў межах некаторай сістэмы, да якой ён належыць, і адпаведная дзейнасць [7, с. 783].

Асновы структурнага функцыяналізму закладзены ў працах антрапалагаў Б. Маліноўскага і А. Рэдкліф-Браўна, якія разглядалі грамадства як адзінае цэлае, як жывы арганізм у дзеянні. Аўтары вызначылі, што даследаванне структуры грамадства неаддзельнае ад даследавання яго функцый. Аднак структурна-функцыянальны падыход у яго сучасным разуменні сфарміраваўся ў 1940-х гг. у ЗША і звязваецца з імем прафесара сацыялогіі Гарвардскага ўніверсітэта Талкотам Парсансам (1902–1979). Прадстаўнікамі гэтага напрамку лічацца сацыёлагі К. Дэвіс, М. Леві, Н. Луман, Р. Мертан, палітолагі Г. Алманд, Д. Аптэр, Р. Паўэл і інш. [8].

Асноўны метадалагічны прынцып структурна-функцыянальнага аналізу заключаецца ў даследаванні сацыяльна-палітычных з'яў і працэсаў як структурна раздзеленай цэласнасці, дзе кожны элемент мае сваё функцыянальнае прызначэнне. Для прыхільнікаў структурна-функцыянальнага падыходу важна вызначыць, якія структуры выконваюць тыя ці іншыя функцыі.

У грамадскіх навукх першапраходцам ва ўжыванні тэорыі сістэм і яскравым прадстаўніком структурнага функцыяналізму лічыцца амерыканскі сацыёлаг Т. Парсанс. Ён стварыў сістэмную тэорыю грамадства, разглядаючы яго як цэласнасць, якая складаецца з чатырох падсістэм, што ўзаемадзейнічаюць і выконваюць знешнія і ўнутраныя функцыі. Хаця аўтар і вылучыў падсістэму палітыкі, вызначыўшы яе функцыі, ён не вылучаў партыйную сістэму, што ўжо было зроблена прадстаўнікамі палітычных навук.

У палітычнай навуцы адным з першых прыхільнікаў сістэмнага падыходу быў канада-амерыканскі даследчык Дэвід Істан. У сваёй палітычнай сістэме даследчык акцэнтуюе ўвагу на ўласцівасцях сістэмы, якія адлюстроўваюць яе функцыянаванне. Аўтар вызначае палітычную сістэму як сукупнасць узаемадзеянняў, з дапамогай якіх каштоўнасці аўтарытарным

способам прыўносяцца ў грамадства [9, с. 93]. Выкарыстоўваючы сістэмны падыход і кібернетычную мадэль, ён, па сутнасці, вызначае партыйную сістэму як частку палітычнай сістэмы, вызначыўшы яе месца і функцыі.

Як адзначае А. Ф. Шаброў, дзякуючы прадстаўніку структурна-функцыянальнага падыходу Г. Алманду зацвердзілася інстытуцыянальнае прадстаўленне структуры палітычнай сістэмы. Сучасныя даследчыкі, аднак, вывучаюць палітычную сістэму ў сістэмна-кампанентным або сістэмна-структурным аспекце, разглядаючы як кампаненты тыя інстытуты, якія ўдзельнічаюць у вырабе і ўзнаўленні палітычнай улады. Асноўнымі кампанентамі з'яўляюцца дзяржава як ядро палітычнай сістэмы і палітычныя інстытуты, такія як партыі, групы ціску і грамадска-палітычныя рухі [3, с. 226–227]. Пры гэтым Г. Алманд у якасці асноўнай функцыі партый вылучыў функцыю агрэгавання інтарэсаў.

Значны ўнёсак у даследаванне праблематыкі партыйных сістэм зрабілі такія аўтары, як Ж. Бландэль, А. Вайр, Г. В. Голасаў, М. Дзювержэ, Б. А. Ісаеў, І. В. Катляроў, А. Лейпхарт, Б. І. Макаранка, П. Мэйр, З. Нойман, У. Райкер, Д. Сарторы, А. Сіароф і інш. Заснавальнікам тэорыі партыйных сістэм часта называюць М. Дзювержэ, які прысвяціў аналізу партыйных сістэм другую частку сваёй працы «Палітычныя партыі». Аднак у сваёй працы М. Дзювержэ не абапіраўся на агульную тэорыю сістэм, таму партыйную сістэму як сукупнасць «формаў і спосабаў» суіснавання партый ён разумее з дастатковай ступенню ўмоўнасці і браў гэта паняцце ў двукоссе. Хаця М. Дзювержэ і вылучае пэўныя элементы аналізу партыйных сістэм, да якіх ён адносіць тыпы партыйных структур, колькасць партый, іх колькасныя параметры, саюзы (кааліцыі) партый, іх геаграфічную лакалізацыю, размеркаванне ў палітычным спектры [10], такая пазіцыя не ў поўнай меры раскрывае патэнцыял сістэмнага і структурна-функцыянальнага падыходаў.

З пазіцый вышэйзгаданых падыходаў можна заключыць, што партыйная сістэма:

1) з'яўляецца адносна самастойнай структурай, якая захоўвае сваю цэласнасць, нягледзячы на знешнія ўздзеянні. Напрыклад, рост беспрацоўя ці санкцыйны ціск не разбураюць цэласнасці партыйнай сістэмы;

2) мае ўласцівасці, якія не зводзяцца да простае сумы яе кампанентаў. Узаемадзеянне партый стварае новыя якасці, як, напрыклад, стабілізацыя (амартызацыя) палітычнай сістэмы да знешняга ўздзеяння і генерыванне ў працэсе палітычнай канкурэнцыі ці супрацоўніцтва цэннасна-нарматыўных вектараў развіцця палітычнай сістэмы і інш.;

3) выяўляе свае ўласцівасці праз узаемадзеянне з грамадствам, дзяржавай і іншымі палітычнымі і сацыяльнымі інстытутамі. Партыйная сістэма рэагуе на знешнія імпульсы, напрыклад, міжнародны эканамічны крызіс праз стварэнне партыямі праграм і стратэгіі вырашэння крызіснай сітуацыі, у выніку чаго адбываецца стабілізацыя (амартызацыя) палітычнай сістэмы да знешняга ўздзеяння;

4) уяўляе сабой множнасць элементаў, кожны з якіх павінен разглядацца як самастойная сістэма. Паводле гэтага прынцыпу паняцце «аднапартыйная сістэма» не адпавядае сістэмнаму падыходу, бо сукупнасць з аднаго элемента не можа лічыцца сістэмай. Можна пагадзіцца з меркаваннем А. Ф. Шаброва, што ў такім выпадку гаворка можа ісці толькі пра выраджаную сістэму [3, с. 216]. Аднак і мноства зарэгістраваных у краіне партый яшчэ не нараджае сістэмнай цэласнасці, якая можа лічыцца шматпартыйнай сістэмай, бо могуць адсутнічаць іншыя неабходныя сістэмныя параметры. Гэта сцвярджэнне справядліва ў дачыненні да сукупнасці існуючых ў Беларусі да чэрвеня 2023 г. партый. Пры гэтым кожная партыя – асобная сістэма, якая характарызуецца шэрагам сістэмных параметраў, сярод якіх разнародныя элементы (структурныя падраздзяленні, члены партыі), структура (сетка ўзаемасувязяў элементаў, іх іерархія і ўзаемае размяшчэнне ў межах партыі), асяроддзе (сукупнасць сувязяў партыі з навакольным асяроддзем), функцыі партый (напрыклад, прадстаўнічая, праграма-ідэалагічная, функцыя палітычнай сацыялізацыі, палітычная, падсістэмы (кіраўнічай падсістэмы, падсістэм унутрыпартыйных фракцый і інш.);

5) для глыбокага разумення партыйнай сістэмы неабходна выкарыстоўваць некалькі падыходаў. Яе можна аналізаваць з пункту гледжання ідэалогіі, арганізацыйнай структуры, сацыяльнай структуры грамадства, электаральных паводзін і інш.

Цяпер варта апісаць асноўныя параметры партыйнай сістэмы.

Элементамі партыйнай сістэмы з’яўляюцца асобныя палітычныя партыі. Кожная партыя – гэта асобны кампанент сістэмы, які выкладае сістэмнымі параметрамі, апісанымі вышэй.

Структура партыйнай сістэмы – гэта сетка ўзаемасувязяў паміж партыямі, якая вызначае іх узаемадзеянне і размяшчэнне ў палітычнай прасторы. Гэта мадэль узаемасувязяў уключае іерархію партый, іх пазіцыі адносна адна адной, якія фарміруюцца паводле ўзаемадзеяння ў розных вымярэннях сацыяльнай сістэмы. Да такіх вымярэнняў можна аднесці апісаная Б. А. Ісаевым палі партыйнай сістэмы, сярод якіх аўтар вылучае сацыяльнае, электаральнае, ідэалагічнае, парламенцкае і ўрадавае [4, с. 240–241]. У сённяшніх умовах інфарматызацыі грамадства, узростання ролі Інтэрнэта, сацыяльных медыя і сацыяльных сетак можна вылучыць яшчэ адно вымярэнне – інфармацыйнае поле.

Да падсістэм партыйнай сістэмы, якія ўяўляюць сабой адносна незалежныя часткі партыйнай сістэмы, можна аднесці падсістэмы правячых і апазіцыйных партый, кааліцыйныя падсістэмы некалькіх партый, заснаваных, напрыклад, на ідэалагічнай блізкасці, і інш.

Знешняе асяроддзе партыйнай сістэмы – гэта сукупнасць фактараў і ўмоў, якія знаходзяцца за межамі самой партыйнай сістэмы, але аказваюць на яе прамое або ўскоснае ўздзеянне. Абапіраючыся на даследаванні Д. Істана, які вылучыў экстрасацыяльнае і інтрасацыяльнае асяроддзі

палітычнай сістэмы, можна класіфікаваць і асяроддзе партыйнай сістэмы, якая з'яўляецца складнікам сістэмы палітычнай. Такім чынам, атрымаем наступныя вымярэнні асяроддзя: макраасяроддзе – знешнія ў дачыненні да канкрэтнага соцыуму ўздзеянні (эканамічныя санкцыі, ваеннае ўмяшанне, інфармацыйны ціск, экалагічныя катастрофы і інш.); мезаасяроддзе – унутраныя ў дачыненні да канкрэтнага соцыуму ўздзеянні, якія зыходзяць ад іншых падсістэм соцыуму (рост беспрацоўя, высокая інфляцыя; змены ў сацыяльнай структуры грамадства; з'яўленне розных этнічных, рэлігійных або культурных груп і інш.); мікраасяроддзе – уздзеянні, якія зыходзяць ад іншых складніковых элементаў палітычнай сістэмы (адстаўка ўрада; змена інстытуцыянальнага дызайну ўнутры краіны; рэфармаванне выбарчай сістэмы і інш.).

Сувязі ў партыйнай сістэме – гэта ўзаемадзеянне паміж партыямі, а таксама іх сувязі з грамадствам, дзяржавай і іншымі сацыяльнымі і палітычнымі інстытутамі. Гэты параметр партыйнай сістэмы характарызуе кааліцыйныя пагадненні, стварэнне партыйных блокаў, палітычную канкурэнцыю і інш.

Функцыі партыйнай сістэмы:

- стабілізацыя (амартызацыя) палітычнай сістэмы да знешняга ўздзеяння – партыйная сістэма забяспечвае палітычную канкурэнцыю і механізмы адаптацыі, якія дазваляюць сістэме эфектыўна рэагаваць на знешнія выклікі, зніжаючы рызыку канфліктаў і забяспечваючы ўстойлівасць;

- генерыраванне ў працэсе палітычнай канкурэнцыі ці супрацоўніцтва цэннасна-нарматывных вектараў развіцця палітычнай сістэмы – палітычная канкурэнцыя сярод партый спрыяе стварэнню і развіццю цэннасна-нарматывных арыенціраў, якія акрэсліваюць палітычны курс і стратэгіі, адлюстроўваючы інтарэсы грамадства;

- падрыхтоўка і адбор новых палітычных лідараў – партыйная сістэма выступае як платформа для выяўлення і развіцця новых палітычных лідараў, якія могуць прадстаўляць інтарэсы грамадства і прымаць удзел у кіраванні палітычнымі працэсамі, спрыяючы абнаўленню палітычнай эліты.

На падставе выкарыстання спалучэння сістэмнага і структурна-функцыянальнага падыходаў можна заключыць, што партыйная сістэма (у межах артыкула, у адрозненне ад шэрагу публікацый [11–13], мы наўмысна пазбягаем апісання ліку і канкрэтных дыферэнцуючых якасцей элементаў, якія трэба адносіць да партыйнай сістэмы, такіх як прадстаўленасць у парламенце, легальнасць, наяўнасць кааліцыйнага ці шантажнага патэнцыялу і інш.) уяўляе сабой пэўную множнасць партый, якая ўтварае цэласнасць і з'яўляецца адкрытай, арганічнай і дынамічнай сістэмай. Падсумоўваючы, вызначым, што партыйная сістэма ёсць пэўным чынам структураваная сукупнасць партый у краіне, якая адрозніваецца канкрэтным іх узаемным размяшчэннем і роляй у палітычнай прасторы, якія фарміруюцца паводле ўзаемадзеяння партый у розных вымярэннях сацыяльнай сістэмы (сацыяльным,

електаральным, ідэалагічным, парламенцкім, урадавым і інфармацыйным), якой уласціва асаблівая мадэль узаемаадносін (непасрэдна паміж гэтымі палітычнымі партыямі, паміж імі і дзяржавай і паміж імі і іншымі грамадскімі інстытутамі), звязаная з выкананнем канкрэтных функцый у межах усёй палітычнай сістэмы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. – URL: <https://clck.ru/3GdbVd> (дата обращения: 03.01.2025).
2. Антанович, Н. А. Теория политических систем: учеб. пособие / Н. А. Антанович. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 208 с.
3. Шабров, О. Ф. Системный подход в политической науке / О. Ф. Шабров // Современная политическая наука: методология / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Аспект пресс, 2019. – 776 с.
4. Бергаланфи, Л. Общая теория систем – критический обзор / Л. Бергаланфи // Исследования по общей теории систем. – Москва: Прогресс, 1969. – С. 23–82.
5. Исаев, Б. А. Теория партий и партийных систем: учеб. пособие / Б. А. Исаев. – Москва: Аспект Пресс, 2008. – 367 с.
6. Блауберг, И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. – Москва: Изд-во «Наука», 1973. – 271 с.
7. Леонов, Н. Н. Функция / Н. Н. Леонов // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск: Изд-во В. М. Скаун, 1998. – 896 с.
8. Решетников, С. В. Становление методологии функционального подхода в политической науке / С. В. Решетников, Т. С. Решетникова // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2011. – № 1. – С. 98–105.
9. Политология: хрестоматия / сост.: Б. А. Исаев, А. С. Тургаев, А. Е. Хренов. – Санкт-Петербург: Питер, 2006. – 464 с.
10. Дюверже, М. Политические партии: пер. с фр. / М. Дюверже. – 3-е изд. – Москва: Акад. проект: Королев: Парадигма, 2005. – 544 с.
11. Абзалбеков Б. С. Анализ основных теоретико-методологических подходов к исследованию партийных систем / Б. С. Абзалбеков // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017. – № 1. – С. 54–59. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-osnovnyh-teoretiko-metodologicheskikh-podhodov-k-issledovaniyu-partiynyh-sistem> (дата обращения: 27.02.2025).
12. Дюгурова, А. И. Партийные системы: введение в проблему / А. И. Дюгурова // Актуальные вопросы современной науки. – 2009. – № 9-1. – С. 21–31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partiynye-sistemy-vvedenie-v-problemu> (дата обращения: 27.02.2025).
13. Дюгурова А. И. Партийные системы как институт политического пространства: основные характеристики // Наука и современность. – 2010. – № 5-2. – С. 9–13. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partiynye-sistemy-kak-institut-politicheskogo-prostranstva-osnovnye-harakteristiki> (дата обращения: 27.02.2025).

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

А. О. Марчик

Белорусский государственный университет, Минск

A. O. Marchik

Belarusian State University, Minsk

УДК 32.019.5+327:008

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЕ

SYMBOLIC POLITICS IN THE POSTMODERN PARADIGM

Статья посвящена выявлению особенностей символической политики в рамках постмодернистской парадигмы мышления. Проанализированы социально-политические предпосылки формирования концепции символической политики, дана классификация подходов к исследуемой проблематике. Концепция исторической политики рассмотрена как составная часть символической политики.

Ключевые слова: постмодернизм; символическая политика; политический миф; политическая идентичность.

The article is devoted to identifying the features of symbolic politics within the framework of the postmodern paradigm of thinking. The socio-political prerequisites for the formation of the concept of symbolic politics are analyzed, and a classification of approaches to the issues under study is given. The concept of historical politics is considered as an integral part of symbolic politics.

Keywords: postmodernism; symbolic politics; political myth; political identity.

В условиях современных социальных и технологических трансформаций, обусловивших усиление роли постматериальных ценностей в жизни общества, проблематика идейно-символического модуса политики приобретает новое звучание. Вопросы адаптации политических акторов к таким вызовам времени остаются относительно малоизученными, что и задает актуальность тематики символической политики в постмодернистской парадигме.

Существенный вклад в разработку тематики символической политики внесли белорусские и российские ученые: О. В. Богомаз, В. Ф. Гигин, Г. Г. Краско, О. Ю. Малинова, А. И. Миллер, С. П. Поцелуев. Среди зарубежных авторов отметим работы следующих авторов: П. Бурдьё, Ж. Бодрийяр, Ф. Джемисон, Т. Майер, Я. М. Эдельман.

Цель статьи – выявить специфику символической политики в постмодернистской парадигме.

Методологическую основу исследования составили контент-анализ, дискурс-анализ, системный, компаративный, политико-правовой анализ.

Символизация является неотъемлемой частью человеческой природы. По мнению немецкого философа Э. Кассирера, несомненной чертой Homo sapiens является приобретенная в ходе эволюции способность приспосабливаться к окружающему миру не только посредством психических реакций, но и через символизацию окружающего пространства.

Человек на базовом уровне погружен в мир символов и знаков. Любое социальное, а значит, и политическое действие выражается в символической форме. При этом отличаются лишь формы символизации. Немецкий философ Ю. Хабермас в работе «Теория коммуникативного действия» на широком теоретическом материале продемонстрировал, как из символически опосредованных интеракций развивается рациональная социальная коммуникация.

В середине XX в. рационализированное мировоззрение как вершина эволюции символических систем вместе с процессами технологической и экономической модернизации должны были перестроить старые формы политического сознания, основанного на идеологических представлениях. Такой точки зрения придерживался ряд американских социологов и политологов: С. Мартин Липсет, Д. Белл, Э. Шилз [1, с. 9]. Однако, как считает российский политолог О. Ю. Малинова, предположение данных авторов о «конце идеологии» столкнулось с реальной исторической перспективой [2]. На данный момент в пространстве мировой политики мы можем обнаружить, как развитые системы государственного администрирования, где политические отношения высоко институционализированы, соседствуют с массовым восприятием политики как шоу и распространением симулятивных ценностей. В этом отношении Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил: «...как может быть совместима идеология глобального международного проекта устойчивого развития с такими “достижениями” современности, как небывалый голод, эпидемии, нравственная деградация, разгул аномальных ценностей» [3].

Такая актуализация, с одной стороны, роли иррационального восприятия, использующая символы, мифы, визуальные образы, а с другой – критическое осмысление рациональных стратегий в повседневной жизни и политическом процессе, на наш взгляд, обусловлена социальными, культурными и технологическими изменениями, произошедшими в связи со сломом модерна и мировосприятия и переходом к эпохе постмодерна.

Ряд теоретиков постмодернизма изучали изменения современного мироустройства через анализ экономических трансформаций, произошедших во второй половине XX в. Представителями этого направления являются американский культуролог Ф. Джеймисон и бельгийский экономист Э. Мандел [4, с. 148]. Как отмечает Ф. Джеймисон, современный экономический уклад приобрел транснациональный характер. Роль сферы услуг и нематериальных товаров в системе, определяемой культурологом как «поздний капитализм», значительно возрастает [5, с. 345]. Постмодерн в таком понимании представляет собой культурное отображение происходящих в экономике трансформаций.

В свою очередь новые медиа произвели, по выражению Ж. Бодрийяра, «знаковый взрыв». Обилие и скорость передачи данных способствуют разложению целостной картины мира человека. При этом роль визуальных об-

разов, транслируемых интернетом и телевидением, возрастает. Мир, представляемый масс-медиа, благодаря визуальной составляющей мыслится реципиентами как реально существующий, что приводит к слипанию реальности и симуляции. Ж. Бодрийяр называет такое положение вещей «гиперреальностью» [6, с. 54]. В политике «гиперреальность» проявляет себя в форме «политического спектакля», где реальные политические решения заменяются симулятивной комбинаторикой, а массы становятся пассивными созерцателями такого представления.

Исходной посылкой постмодерна следует считать тезис о «конце метанарративов». Первым в таком ключе стал понимать постмодерн французский философ Ж. Ф. Лиотар. В работе «Состояние Постмодерна» мыслитель отмечает, что во второй половине XX в. универсальные концепции описания социума подверглись ревизии сразу несколькими гуманитарными дисциплинами [7, с. 15]. Как раз такие универсальные концепции, доминирующие в культуре и «легитимирующие» знание, социальные институты, образ мышления, Ж. Ф. Лиотар и называет метанарративом [8, с. 456]. Всё, что являлось легитимирующим основанием модерна и было призвано ниспровергнуть докритическое, мифологическое, религиозное в сознании человека: идеи автономности субъекта, непрерывного прогресса научного знания, освобождения личности от «идолов разума» — оказалось метафизической конструкцией, заключает французский философ.

Немецкий социолог Н. Луман соглашается с тезисом о конце метанарративов и определяет постмодерн как «множественность возможностей в дискурсе самоописания общества». Однако, как считает ученый, структурные атрибуты общества модерна в виде ориентации на капитал и кредиты в экономике, сохранение современных правовых доктрин и общая дифференциация социальных подсистем не позволяют говорить о смене исторических эпох [9, с. 582–583]. Соглашаясь с этим тезисом, но учитывая важность теоретических наработок исследователей постмодерна, на наш взгляд, продуктивно будет рассматривать постмодерн не как эпоху, а как культурно-смысловую парадигму. Таким образом, обозначенное явление будет определено нами как «постмодернистская парадигма».

По нашему мнению, именно ввиду трансформаций идейно-смыслового аппарата в постмодернистской парадигме мышления его влияние на символическую политику является наиболее ярко выраженным.

В процессе концептуализации символической политики можно условно выделить два теоретически дифференцированных между собой подхода.

Социально-критический подход в вопросах методологии основывается на символическом интеракционизме, этнометодологии, структурно-функциональном анализе и на исследованиях Франкфуртской школы. К представителям этого направления относятся политологи М. Эдельман, У. Сарцинелли, Т. Майер, С. П. Поцелуев. В рамках этого подхода символическая политика — целенаправленная деятельность политических элит

по трансляции массам мифологических установок, используемых для легитимации, распределения ролей и сохранения политического статус-кво. Эффективность применения мифов в политике обуславливается лежащими в ее основании символами-конденсатами, что побуждает индивидов воспринимать и действовать не рационально, а эмоционально-аффективно [10, с. 23]. При этом власть понимается в неразрывной связи с каналами трансляции символов. Таким образом, происходит сращение власти и СМИ. В свете этого Т. Майер указывает на угрозу, которую несет практика символической политики в эпоху постиндустриальных и постмодерных трансформаций. Аккумулируя каналы трансляции информации, элиты не оставляют пространства для рациональной политической коммуникации массам. Таким образом, символическая политика «снизу» проявляется в единственно возможной форме – в символических акциях неповиновения и политических перформансах [10, с. 28].

Ограниченность данного подхода обнаруживается в сведении практики использования символов в политике к технологиям манипуляции общественным сознанием.

Умеренно-конструктивистский подход рассматривает символическую политику как специфическую форму реальной. Ее основной задачей является производство и навязывание определенного видения социальной и политической действительности [11, с. 101]. Представителями этого подхода являются российские политологи А. И. Миллер и О. Ю. Малинова. Ученые указывают на ряд аспектов политической коммуникации, которые не учитываются в предыдущих концепциях символической политики. Ссылаясь на социальный конструктивизм Т. Лукмана и П. Бергера и социоанализ П. Бурдьё, авторы указывают, что субъекты символической политики не являются исключительно автономными и рациональными, они находятся в поле общеразделяемых символов и смыслов. Усваивая коллективные представления, акторы участвуют в их воспроизводстве на политической арене и повседневном поведении. Таким образом, символическую власть П. Бурдьё определяет как власть конструировать социальный порядок посредством навязывания определенных гносеологических установок [12].

Расставленные социальным конструктивизмом акценты указывают на важность роли символической политики в формировании представлений политических сообществ о себе, о других и о своем прошлом.

В парадигме постмодерна проблематика политических идентичностей принимает наиболее острый характер. Нелинейность, синкретизм постмодерного сознания вкупе с обилием информационных потоков препятствуют формированию целостной идентичности. Классические формы самоотождествления, такие как религиозное вероисповедание, принадлежность к нации и гендеру, мыслятся как форма насилия над субъектом. В новой культурной парадигме единственной нефальсифицируемой формой иден-

тичности остается восприятие себя в качестве потребителя, заключает Ж. Бодрийяр [6, с. 9].

Вместе с западным капиталом в страны периферии и полупериферии стал проникать вариант геокультуры, тянувший за собой весь комплекс проблем и противоречий, характерный для западного постмодерного общества. С нарастающим капиталовложением в исламские страны и страны постсоциалистического блока параллельно рос уровень неприятия и недоверия к ценностям «геокультуры развития» [13, с. 208]. В ряде исламских стран это привело к усилению религиозно-фундаменталистских настроений. В свою очередь постсоциалистические страны встали перед стратегическим выбором новых идейно-символических оснований.

Для многих стран Восточной Европы выходом из сложившегося кризиса идентичности стало обращение к истории и коллективной памяти.

Концепция исторической политики зародилась в 1980-е гг. в ФРГ. Катализатором к становлению данного понятия была попытка переосмысления немецкой истории периода Третьего Рейха. В процессе интеллектуальных споров и родился термин «историческая политика» (Geschichtspolitik).

На наш взгляд, историческую политику следует считать специфической областью символической политики. На это указывает и П. Бурдьё, говоря о том, что в процессе конструирования представлений о социальной и политической реальности самой распространенной моделью является та, что обращается к ретроспективной реконструкции прошлого и адаптации его под нужды настоящего [14, с. 13].

На данный момент правительства Прибалтийских стран, Польши, Чехии, Словакии в рамках исторической политики выбрали стратегию разрыва с социалистическим наследием. В данных странах период вхождения в восточный блок отождествляется со временем нацистской оккупации. К примеру, в Польше реализован ряд нормативно-правовых актов, прямо запрещающих пропаганду коммунизма. Активно проводится политика по уничтожению объектов историко-культурного наследия, связанных с советским прошлым. В отношении подобных мер кандидат исторических наук В. Ф. Гигин отмечает опасность, которую может нести за собой создание «исторической полиции» [15].

Республика Беларусь, как и другие страны постсоветского пространства, в начале 1990-х гг. оказалась на пороге кризиса мировоззренческих установок. Не было однозначности в выборе национальных символов, официального языка, целостного взгляда на исторические события. Но, по нашему мнению, Республика Беларусь на данный момент вышла из идейно-символического кризиса. На современном этапе у государственных органов есть непосредственный запрос на формирование целостного исторического нарратива. Так, депутат Палаты Представителей И. А. Марзалюк подчеркивает: «Нам нужен общий формат исторической памяти: фальшивая история порождает фальшивую политику» [16].

Отечественные историки Г. Г. Краско и О. В. Богомаз, проанализировав обширный материал нормативных документов и проводимых памятных мероприятий, определили ряд направлений белорусской исторической политики на современном этапе:

1) формирование общей со стратегическими партнерами исторической политики на основе учета взаимных интересов и уважения к национальным особенностям;

2) разработка целостной концепции государственной исторической политики;

3) формирование пантеона национальных героев исходя из национальных интересов и многовековой истории белорусского народа;

4) «кодификация» исторической памяти в виде создания нормативных актов, определяющих официальное отношение к событиям прошлого;

5) сохранение объектов исторического наследия, связанных с памятью о войнах Красной Армии, подпольщиках, партизанах и мирных жителях, пострадавших от рук нацистских оккупантов, ограничение ревизии устоявшегося исторического нарратива о войне;

6) «институционализация» исторической памяти посредством кооперации государства и гражданского общества [17, с. 125–126].

Акцент на периоде Великой Отечественной войны, по нашему мнению, на данном историческом этапе является самым знаковым для белорусской исторической политики. Обусловлено это коллективной памятью белорусского народа о трагических событиях войны и героической победе над нацистскими захватчиками. Об этом свидетельствуют социологические данные. Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в первом квартале 2024 г. был проведен опрос общественного мнения, по результатам которого 56,8 % респондентов ответили, что для них Великая Отечественная война – это героический подвиг советского народа, для 53,0 % – это тяжелое испытание для белорусского народа [18].

Президентом, Правительством и Парламентом активно принимаются меры по обеспечению безопасности и развитию духовно-нравственных и гражданско-патриотических ценностей белорусского общества, сохранению памяти о Великой Отечественной войне. В контексте защиты национального исторического нарратива к таким мерам мы можем отнести реализацию норм Конституции Республики Беларусь, Закона от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» и Закона от 5 января 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа». Вышеизложенное говорит о сложившейся системе защиты исторической правды и идейно-символических оснований белорусского народа. Белорусское государство активно и успешно противодействует вызовам бессистемности, имплозии идентичности, которые несут за собой социальные, культурные и экономические трансформации в постиндустриальную эпоху и эпоху постмодерна.

Таким образом, в рамках постмодернистской парадигмы политическое сознание и идентичность приобретают дисперсный, фрагментированный характер. В свою очередь символическая политика как технология производства и навязывания определенного видения социальной реальности является ключевым методом сохранения старых и образования новых политических идентичностей на основе трансляции исторического нарратива и политической символики.

Ряд стран Восточной Европы в постсоциалистический период выбрали стратегию нациестарательства, связанную с дискредитацией советского наследия. Альтернативной позиции придерживается Республика Беларусь. За годы суверенитета определен официальный исторический нарратив и создана система по сохранению и защите патриотических ценностей и исторической правды.

Список использованных источников

1. *Лукаревская, Е. В.* Идеология «конца идеологии» С. М. Липсета / Е. В. Лукаревская // *Политика и общество*. – 2018. – № 5. – С. 1–10.
2. *Малинова, О. Ю.* «Конец идеологии» и проблемы исследования нормативно-символического пространства современной политики / О. Ю. Малинова // *Российская Ассоциация Политической Науки*. – URL: <https://www.rapn.ru/library.php?d=345&n=35&p=8> (дата обращения: 04.01.2024).
3. *Послание белорусскому народу и Национальному собранию* // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2023. – 31 марта. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenko-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta> (дата обращения: 01.02.2025).
4. *Ирхин, Ю. В.* Социум и политика в постмодернистском Зазеркалье: взгляды, подходы, анализ / Ю. В. Ирхин // *Полития*. – 2005. – № 4. – С. 136–160.
5. *Алексеева, Т. А.* Современные политические теории. Опыт Запада / Т. А. Алексеев. – Москва: РОССПЭН, 2000. – 479 с.
6. *Бодрийяр, Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 96 с.
7. *Лиотар, Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – Москва: Ин-т эксперимент. социологии, 1998. – 160 с.
8. *Коротченко, Е. П.* Метанаррация / Е. П. Коротченко // *Постмодернизм. Энциклопедия* / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис: Книж. Дом, 2001. – С. 459–460.
9. *Луман, Н.* Общество общества / Н. Луман. – Москва: Логос, 2011. – 640 с.
10. *Поцелуев, С. П.* «Символическая политика»: к истории концепта / С. П. Поцелуев // *Символическая политика*. – 2012. – № 1. – С. 17–53.
11. *Малинова, О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – Москва: Полит. энцикл., 2015. – 207 с.
12. *Пьер Бурдьё: О символической власти* // Гуманитарный портал. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3052> (дата обращения: 29.01.2025).
13. *Валлерстайн, И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – Санкт-Петербург: Изд-во «Университетская книга», 2001. – 416 с.
14. *Малинова, О. Ю.* Введение. Символическая политика и политика памяти / О. Ю. Малинова, А. И. Миллер // *Методологические вопросы изучения политики памяти:*

сб. ст. / Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН; сост.: А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 224.

15. Гигин: Не нужно создавать историческую полицию // Несвижский новостной портал. – URL: <https://www.nesvizh-news.by/2022/01/06/gigin-ne-nuzhno-sozdavat-istoricheskuyu-policiyu/> (дата обращения: 25.01.2025).

16. Для сохранения общей памяти. Марзалюк заявил о важности создания белорусско-российского исторического журнала // БЕЛТА. – URL: <https://belta.by/society/view/dlja-sohraneniya-obschej-pamjati-marzajluk-zajavil-o-vazhnosti-sozdanija-belorusko-rossijskogo-676886-2024/> (дата обращения: 29.01.2025).

17. Краско, Г. Г. Историческая память: прошлое для настоящего и будущего: монография / Г. Г. Краско, О. В. Богомаз. – Минск: Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2022. – 168 с.

18. Мнение жителей Республики Беларусь о Великой Отечественной войне // Институт социологии НАН. – URL: <https://socio.bas-net.by/mnenie-zhitelej-respubliki-belarus-o-velikoj-otechestvennoj-vojne/> (дата обращения: 25.01.2025).

(Дата подачи: 27.02.2025 г.)

Е. С. Ницименко

Белорусский государственный университет, Минск

Y. S. Nishchymenka

Belarusian State University, Minsk

УДК 37.035.4

МОЛОДЕЖНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ И ПАРЛАМЕНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СССР И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА YOUTH PUBLIC AND PARLIAMENTARY MOVEMENT IN THE USSR AND THE REPUBLIC OF BELARUS AS ONE OF THE COMPONENTS OF CIVIL SOCIETY

Вовлечение молодежи в жизнь государства и формирование у нее активной гражданской позиции – одна из основных задач любого грамотного правительства. Для повсеместного решения данной задачи еще со времен СССР, а затем и в независимой Республике Беларусь активно используются различные молодежные общественные структуры. Создание и активное внедрение молодежных парламентов на различных уровнях стало одной из эффективных форм вовлечения молодежи в общественную работу, а также повышения политической и правовой грамотности. В статье рассматривается роль молодежных общественных объединений, а также молодежных парламентов в вопросах молодежной политики СССР и Республики Беларусь.

Ключевые слова: СССР; Республика Беларусь; Молодежный парламент; молодежь; общественные объединения.

Involving young people in the life of the state and forming their active civic position is one of the main tasks of any competent government. For the universal solution of this task, various

youth public structures have been actively used since the times of the USSR, and then in the independent Republic of Belarus. The creation and active implementation of youth parliaments at various levels has become one of the effective forms of involving young people in public work, as well as increasing political and legal literacy. The article examines the role of youth public associations, as well as youth parliaments in matters of youth policy of the USSR and the Republic of Belarus.

Keywords: USSR; Republic of Belarus; Youth Parliament; youth; public associations.

Активное развитие элементов гражданского общества (партий и, в особенности, общественных объединений) началось во времена СССР. Молодежь является одним из важных элементов любого общества и государства. Государству необходима активность молодежи как наиболее прогрессивной и активной возрастной группы. Именно поэтому государство всегда поддерживало и направляло создание молодежных организаций и движений.

После прихода к власти в октябре 1917 г. большевикам в срочном порядке требовалось привлечение на свою сторону самой активной прослойки любого общества – молодежи. В первую очередь это требовалось для победы в гражданской войне и вовлечения молодых людей в активную борьбу за социалистическое переустройство общества, а затем уже для восстановления разрушенной страны и создания определенного кадрового резерва. Но просто так молодежь не могла консолидироваться, нужна была цель, ради которой стоило работать и рисковать жизнью, а также молодежные организации, которые бы эти цели транслировали среди молодежи и тем самым привлекали ее к себе. 29 октября 1918 г. был создан Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ), который в 1924 г. после смерти В. И. Ленина преобразуется в ВЛКСМ, а уже в 1926 г. и вплоть до 1991 г. становится ВЛКСМ [1, с. 2].

В своей структуре ВЛКСМ во многом скопировал «старшего брата» ВКП(б) (затем КПСС): секретари, аппарат ЦК (союза и Республики), райкомы, горкомы, обкомы (в БССР Республиканская структура ВЛКСМ носила название ЛКСМБ) и др. Комсомол вел активную патриотическую и воспитательную работу среди молодежи через различные направления: комсомольские стройки, охрана правопорядка, спортивные мероприятия, премия за успехи в учебе и науке и др.

ВЛКСМ готовил серьезную базу молодых управленцев, которые затем становились членами КПСС, приходили на руководящие должности в государственные органы и в реальный сектор экономики.

По данным Всесоюзной переписи 1989 г., население в СССР составляло более 286 млн человек [2, с. 10]. В соответствии со ст. 6 Конституции СССР 1977 г. закреплялся принцип «Руководящей и направляющей роли» Коммунистической партии Советского Союза, через которую граждане реализовывали свои политические и иные права [3, с. 5]. Всего на 1989 г. в КПСС состояло почти 19 млн человек и 512 тыс. являлись кандидатами. Партия в стране была одна, однако существовало множество объединений,

которые позволяли гражданам также влиять на политическую жизнь страны независимо от возраста, статуса и иного положения. Так, в соответствии со ст. 7 Конституции провозглашалось, что граждане могут участвовать в управлении государственными и общественными делами, а также решать политические, хозяйственные и социально-культурные вопросы через Профессиональные союзы, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (численность которого в 1989 г. составляла 35 млн человек), кооперативные и другие общественные организации, чьи уставы позволяли заниматься данной деятельностью [4].

Исходя из вышеизложенного можно считать, что большая часть взрослого населения СССР в той или иной форме была вовлечена в политическую и общественную жизнь страны.

После распада СССР в 1991 г. уже в независимой Республике Беларусь большинство данных структур или были распущены, или их деятельность перестала играть существенную роль в жизни уже белорусского общества. По итогам XXX Съезда ЛКСМБ, состоявшегося в декабре 1991 г., было принято решение об изменении устава организации и переименовании организации в «Союз молодежи Беларуси» (СМБ). Пришедшие на смену структуры носили несистемный характер и не могли на должном уровне помогать гражданам и молодежи молодого государства доносить свою позицию и инициативы, не говоря уже о воспитательной функции. Молодежь оказалась предоставлена во многом «сама себе».

Ситуация серьезно изменилась после прихода к власти А. Г. Лукашенко, который одним из основных векторов своей политики выбрал воссоздание общественных структур, особенно молодежных, но уже отвечающих реалиям независимой Республики Беларусь.

В феврале 1995 г. на XXXVII съезде СМБ был преобразован в «Белорусский союз молодежи». 20–21 мая 1997 г. в молодежном движении Республики Беларусь появилась новая организация – «Белорусский патриотический союз молодежи» (БПСМ), а 6 сентября 2002 г. на XXXVIII объединительном съезде ОО «БПСМ» и ОО «БСМ» было принято решение об объединении двух крупнейших молодежных организаций Республики Беларусь в единую – общественное объединение «Белорусский Республиканский союз молодежи» (ОО «БРСМ») [5, с. 10–11]. По данным на 1 января 2024 г. БРСМ объединяет свыше 360 тыс. юношей и девушек, в рядах пионерской организации (БРПО) состоят более 620 тыс. детей и подростков [6, с. 126].

Деятельность БРСМ осуществляется в соответствии со ст. 5 Конституции Республики Беларусь, в которой закрепляется принцип содействия в реализации и защите прав, свобод и интересов человека и гражданина общественными объединениями [7, с. 6]. Развитию молодежного движения способствует и принятый 14 февраля 2023 г. в Беларуси Закон об основах гражданского общества. В нем определено понятие гражданского обще-

ства, установлены правовые и организационные основы взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества в целях обеспечения консолидации усилий личности, общества и государства по реализации национальных интересов Республики Беларусь [8].

В Республике Беларусь на 2024 г. проживало 1 628 339 человек в возрасте от 14 до 31 года, или 17,8 % от общей численности населения страны, и насчитывалось около 30 Республиканских молодежных общественных объединений по самым разным направлениям, в задачу которых входит воспитание молодежи и которые являются связующим звеном между молодежью и государственным аппаратом, что обеспечивает серьезный практический эффект в развитии гражданского общества в Беларуси. Суммарный численный состав всех этих объединений составляет около полумиллиона членов, что делает их массовыми и влиятельными в нашей стране.

Относительно молодым, но уже успешно себя зарекомендовавшим элементом гражданского общества в современной Беларуси можно назвать систему молодежных парламентов, которых ни в советские времена, ни в момент обретения независимости нашей страны не существовало. Молодежный парламентаризм является одним из важнейшим инструментом вовлечения молодежи в политические процессы, формирования гражданского общества, повышение политической и правовой грамотности. Молодые люди, обладающие активным гражданским сознанием, вносят значительный вклад в развитие института демократии и укрепление правового государства. Формирование правовой культуры молодежи является неотъемлемой частью их социализации и подготовки к активному участию в общественной и политической жизни. Это способствует развитию гражданского общества, основанного на законности, справедливости и уважении прав и свобод каждого человека.

Молодежный парламентаризм – это система представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, основанная на создании и функционировании при органах государственной власти и местного самоуправления специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодежи в виде молодежного парламента, молодежного правительства, молодежной палаты, молодежного совета [9, с. 169]. Молодежные парламенты в Республике Беларусь работают на различных уровнях – районном, городском, областном (города Минска) и Республиканском. Общая численность молодых парламентариев в нашей стране составляет более 3 тыс. человек.

Причисление молодежных парламентов к субъектам гражданского общества основано на их фактическом назначении – обеспечить участие молодежи в решении ключевых социально-политических решений [10, с. 508].

Молодежный парламент при Национальном собрании Республики Беларусь создан 2 июля 2020 г. и является консультативно-совещательным

органом, осуществляющим свою деятельность на общественных началах и избирающимся на два года. 28 октября 2024 г. свою работу начал третий созыв Молодежного парламента. Проекты и мероприятия Молодежного парламента при Национальном собрании Республики Беларусь, организованные на республиканском, региональном и местном уровнях, являются наиболее популярными средствами повышения правовой и политической грамотности молодежи, ее социальной активности и гражданского участия.

Цель Молодежного парламента – содействие деятельности Национального собрания Республики Беларусь в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи. В состав Молодежного парламента включены представители работающей и студенческой молодежи в возрасте от 18 до 31 года, являющиеся гражданами Республики Беларусь, как правило, из числа руководителей (представителей) органов молодежного движения [11].

От каждого района и города областного подчинения президиумы соответствующих местных Советов депутатов делегируют в состав Молодежного парламента по 1 кандидату. От города Минска президиум Минского городского Совета депутатов делегирует 10 кандидатов.

В третьем созыве Молодежного парламента состоит 138 человек, из которых все, кроме председателя и двух его заместителей, поделены на 10 комиссий:

- Комиссия по международным делам;
- Комиссия по региональной политике и взаимодействию с органами местного самоуправления;
- Комиссия по информационной политике, технологиям и связям с общественностью;
- Комиссия по социальной политике и здравоохранению;
- Комиссия по вопросам экологии, волонтерскому движению и устойчивому развитию;
- Комиссия по вопросам спорта и туризма;
- Комиссия по вопросам культуры и межнациональных отношений;
- Комиссия по вопросам науки и образования;
- Комиссия по экономике, инновационному развитию и предпринимательству;

• Комиссия по вопросам агропромышленного комплекса.

К основным задачам Молодежного парламента относятся [11]:

- приобщение молодежи к парламентской деятельности, формирование правовой и политической культуры молодежи;
- участие в разработке проектов нормативных правовых актов, затрагивающих права и законные интересы молодежи;
- изучение существующих проблем в молодежной среде и выработка предложений по их решению;

- обеспечение взаимодействия депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь с молодежью, молодежными общественными объединениями и т. п.

Наиболее значимым проектом Молодежного парламента при Национальном собрании Республики Беларусь, который направлен на активизацию и поиск активной молодежи в нашей стране, а также повышение правовой и политической грамотности молодых людей Беларуси и стран постсоветского пространства, является Лидерская платформа «Команда Будущего». Цель проекта – поиск, развитие и поддержка перспективных лидеров, обладающих высоким уровнем личностных качеств и управленческих компетенций.

Задачи проекта:

- формирование у участников компетенций в сфере управления через прохождение обучения и получение обратной связи от экспертов;
- создание коммуникационной площадки для обмена опытом между участниками;
- содействие их дальнейшему развитию и распространению лучших практик.

Идея о проведении лидерской платформы «Команда будущего» была озвучена Молодежным парламентом при Национальном собрании Республики Беларусь на VI Всебелорусском народном собрании в феврале 2021 г. и одобрена Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко.

Особое значение имеет информационно-просветительский проект «Единый парламентский день». С сентября 2022 г. Молодежным парламентом реализуется информационно-просветительский проект «Единый парламентский день», направленный на приобщение молодежи к молодежной парламентской деятельности, формирование правовой и политической культуры. В рамках проекта члены Молодежного парламента ежемесячно в единый день (каждый третий четверг месяца) организывают диалоговые площадки с участием школьников, учащихся колледжей и студентов в разных уголках Беларуси. В ходе диалоговых площадок молодые парламентарии рассказывают о работе, целях, задачах и проектах Молодежного парламента, а также погружают молодежь в актуальную повестку общественно-политической жизни страны, отвечают на актуальные вопросы и получают обратную связь.

Важным проектом Молодежного парламента является деятельность молодежного общественного объединения «Движение ВПЕРЕД». Члены Молодежного парламента, являясь представителями молодежи Беларуси из различных сфер, объединенные общим стремлением сохранить и приумножить имеющиеся в Республике Беларусь достижения, запустили молодежную платформу «Движение ВПЕРЕД». Цель проекта – консолидация молодежи, желающей единства, независимости и развития Беларуси. Проект стартовал в июле 2020 г. За этот период во всех регионах Беларуси

прошли молодежные форумы «Беларусь – это мы», на которых десятки тысяч молодых белорусов имели возможность озвучить свои предложения на платформе «Движение ВПЕРЕД». Идеи молодежи, которые аккумулировала платформа, легли в основу предложений VI Всебелорусскому народному собранию и реформе Конституции Республики Беларусь.

С целью дальнейшей успешной работы по инициативе членов Молодежного парламента в 2021 г. главным управлением юстиции Минского городского исполнительного комитета было зарегистрировано молодежное общественное объединение «Движение вперед». Это движение является добровольным молодежным объединением граждан, созданным на основе общности интересов и свободного волеизъявления граждан для раскрытия потенциала молодежи и совместной реализации гражданских, социальных, культурных и иных молодежных проектов в городе Минске.

Важное значение имеет и еженедельное молодежное ток-шоу «Да! Но» – совместный проект компании СТБ и Молодежного парламента при Национальном собрании Республики Беларусь. Ток-шоу посвящено актуальным вопросам общественно-политической жизни в молодежной среде. Особенность проекта заключается в том, что в нем принимает участие лишь молодежь, которая высказывает свое мнение о тех или иных актуальных событиях, а также предлагает идеи по решению значимых проблем в стране и за ее пределами.

Следует назвать и деловую игру «Голос лидера». В сентябре 2023 г. Молодежным парламентом был запущен новый проект – деловая игра «Голос Лидера», цель которой – развитие у молодежи критического мышления, необходимых коммуникативных компетенций для профессиональной деятельности, умения применять свои знания в культуре спора, а также расширение кругозора с позиции анализа актуальных международных, политических и экономических вопросов. Проект представляет собой моделирование предвыборных дебатов кандидатов в депутаты, которые будут обсуждать актуальные темы по международной повестке, социально-экономическому развитию и молодежной политике Республики Беларусь.

Международное сотрудничество является одним из ключевых направлений деятельности Молодежного парламента при Национальном собрании Республики Беларусь, так как оно играет важную роль в развитии дружественных и доверительных отношений между молодежью Беларуси и других стран.

Стратегически важным партнером в направлении международного сотрудничества Молодежного парламента при Национальном собрании Республики Беларусь является Палата молодых законодателей при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Взаимодействие между Молодежным советом и Палатой молодых законодателей активно развивается уже на протяжении нескольких лет. Традиционной и значимой площадкой для совместной работы молодых парламентариев

становится Форум регионов Беларуси и России, где ежегодно в рамках совместных заседаний активно обсуждается молодежная политика Союзно-го государства.

Молодежный парламент постоянно участвует в мероприятиях и проектах, проведении встреч в формате видеоконференцсвязи, активно сотрудничает с региональными молодежными парламентами и молодежными объединениями Российской Федерации (Нижегородская область, Псковская область, Барнаул, Курская область и др.), Координационным комитетом молодых партийных лидеров и политиков при парламенте Египта, Союзом молодых коммунистов Кубы, Коммунистическим союзом молодежи Китайской Народной Республики и др.

Молодежный совет (парламент) при Национальном собрании Республики Беларусь отражает интересы молодых людей с активной жизненной позицией, приобщает молодежь Республики Беларусь к парламентской и общественной деятельности, формирует ее правовую и политическую культуру, создает условия для эффективной реализации ее потенциала и активного участия в социально-экономических и общественно-политических процессах, что дает существенный толчок в развитии гражданского общества в Республике Беларусь. Таким образом, молодежное парламентское движение способствует реализации молодежной политики как внутри Республики Беларусь, так и за ее пределами при сотрудничестве с молодежными движениями других стран.

Список использованных источников

1. *Медведев И. А.* Молодежная политика в СССР: достижения и просчеты / И. А. Медведев. – Москва, 2019. – 14 с.
2. *Болдырев, В. А.* Итоги переписи населения в СССР / В. А. Болдырев. – Москва: Финансы и статистика, 1990. – 49 с.
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной Седьмой сессии Верховного Совета СССР 7 октября 1977 г. – Москва: Юрид. лит., 1980. – 31 с.
4. Досье: комсомол: история, цифры и факты: официальный интернет-портал Федерального государственного унитарного предприятия «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)». – Москва, 1999–2025. – URL: <https://tass.ru/arhiv/712002> (дата обращения: 05.01.2025).
5. XXXIX съезд ОО «БРСМ», 23 сентября 2005 г.: материалы съезда / Ин-т соц.-полит. исслед. при Администрации Президента Респ. Беларусь, Центр. ком. Общ. объедин. «БРСМ»; редкол.: А. П. Должевский (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Белорус. Дом печати, 2005. – 302 с.
6. *Нищименко Е. С.* Развитие гражданского общества в Республике Беларусь (20-е годы XXI века) / Е. С. Нищименко // Актуальные проблемы взаимодействия политики и права: вызовы и тенденции: материалы круглого стола каф. политологии юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 28 марта 2024 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Н. А. Антанович (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2024. – С. 124–129.
7. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 112 с.

8. Об основах гражданского общества: Закон Респ. Беларусь, 14 февр. 2023 г., № 250-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2003–2024. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300250> (дата обращения: 09.01.2025).

9. Гукова, И. Н. Роль молодежного парламентаризма в развитии общественно-политической активности современной российской молодежи / И. Н. Гукова // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – № 1 (172). – С. 169–174.

10. Хмелевская, И. Г. Молодежный парламентаризм и гражданское общество: компаративная дилемма / И. Г. Хмелевская // NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. – 2024. – Т. 49, № 3. – С. 502–512.

11. Положение о Молодежном совете (парламенте) при Национальном собрании Республики Беларусь // Официальный интернет-портал Молодежного парламента при Национальном собрании Республики Беларусь. – Минск, 2024–2025. – URL: <https://mpns.by/wp-content/uploads/2021/03/POSITION.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

A. B. Панченко

Белорусский национальный технический университет, Минск

A. V. Panchenko

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 32.01

ПЕРЕХОДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

TRANSITIONAL POLITICAL PROCESSES

В статье анализируются сущность, современное состояние и перспективы переходных политических процессов. Анализ исследовательских парадигм – формационной, цивилизационной, тоталитарной и модернизационной – обуславливает потребность в исследовании переходных процессов с точки зрения комплексного подхода на основе анализа динамики исторических и национально-специфических особенностей политического развития государств.

Ключевые слова: переходные политические процессы; постсоветское пространство; научные парадигмы; комплексный подход; историческая и национально-специфическая динамика.

The article analyzes the essence, current state and prospects of transitional political processes. The analysis of research paradigms – formational, civilizational, totalitarian and modernization – determines the need to study transitional processes from the point of view of an integrated approach based on the analysis of the dynamics of historical and national-specific features of the political development of states.

Keywords: political transition processes; the post-Soviet space; scientific paradigms; an integrated approach; historical and national-specific dynamics.

Переходные политические процессы являются антитезой стабильным процессам, обуславливающим поступательное развитие политической системы общества. Отличительные признаки стабильных процессов обычно

связывают с высокой функциональностью политических институтов, гибкостью нормативно-правовой и информационно-коммуникативной подсистем политической системы, а также соответствием ожиданиям и запросам общества культурной подсистемы. Переходные политические процессы входят в противоречие с основными параметрами политической системы и прежде всего противоречат характеру политического режима и его экономическим результатам. К примеру, на территориях постсоветского пространства политические режимы устойчиво декларируют цели построения демократического правового социального (в ряде случаев и светского) государства на основе верховенства прав и свобод человека и гражданина и гарантий их реализации государством, разделения властей, укрепления гражданского общества и т. п. При этом серьезный откат от этих основополагающих принципов и направлений деятельности на практике продолжается на протяжении многих десятилетий.

На постсоветском пространстве (Прибалтика, Украина и др.) политические процессы сопровождаются системными нарушениями прав и свобод, созданием искусственных препятствий развитию культуры, языка, свободы совести русскоязычных жителей. Одновременно политическая практика постсоветского пространства демонстрирует постоянное замещение декларируемых формальных демократических практик неформальными методами рекрутирования политической элиты и обновления политических институтов в направлении утверждения господства этнократов и этнократических групп, что порождает устойчивые потенциальные и реальные конфликты в понимании роли государства и дальнейших социально-экономических и политических преобразований.

На территориях постсоветского пространства серьезными остаются проблемы в сфере государственного строительства и необходимости завершения процесса национальной и государственной суверенизации. Дефицит национально-государственного суверенитета вызывает острую необходимость укрепления демократических политических институтов и политических процессов, призванных разрешить судьбу самого государства. Причем, как отмечает И. В. Чайко, «разрешение этой проблемы возможно либо на путях консолидации общества на основе общих интересов и ценностей, либо на путях самороспуска и ликвидации государства» [1, с. 79]. Острые внутренние проблемы, неблагоприятные внешние факторы серьезно затрудняют демократизацию постсоветского пространства. Вследствие утраты политическими процессами потенциала своего развития та или иная модель политических взаимодействий может фиксироваться, устойчиво сохраняться и воспроизводиться на протяжении достаточно длительного периода времени. «Результатом этого является возникновение не только так называемых «переходных» форм политической организации, неукладывающихся в привычные типологические схемы, но принимающие характер глубокого, постоянно воспроизводящегося кризиса» [1, с. 72].

Подобное состояние переходных процессов складывается под воздействием как самых разнонаправленных тенденций социально-экономического и политического развития, так и сторонников их реализации (правящих и контрэлит) в политической системе. Слабость институтов государственной власти и гражданского общества обусловливается высокой влиятельностью и вовлеченностью во внутренние процессы зарубежных сил, а в ряде случаев и прямым попаданием государств под внешнее управление. Совокупность противоположных разнонаправленных тенденций как в массовом сознании, так и в деятельности элит создает предпосылки для трансформации государств в самых разных направлениях. Это формирует основания для распространения состояния неопределенности, напряженности и высокой конфликтности в обществе. На практике подобные состояния переходных политических процессов становятся питательной средой для качественного изменения векторов государственной политики. По мнению Е. Н. Моцелкова, эти состояния являются некими «точками бифуркации» – критическими состояниями, способствующими выбору принципиально новых моделей развития.

В политической науке в работах по переходным процессам продолжают научные споры о понятии «переходные процессы», их классификации, временных параметрах, структуре и особенностях. Как правило, исследователи изучают переходные процессы либо в контексте изменений отдельных институтов государственной власти, либо в условиях преобразований политической системы в целом. Причем достаточно глубоко изучены переходные процессы второй половины XX в., связанные с крушением мировой системы колониализма в Азии, Африке и Латинской Америке и демократическими транзитами в отдельных государствах, в которых относительно успешно сформированы и функционируют демократические политические институты [2, с. 7–8].

Однако ограниченность этого опыта применительно к постсоветскому пространству очевидна, поскольку Советское государство никогда не было колониальной державой и никогда не проводило колониальную политику. Напротив, в советский период строились школы, открывались институты, университеты, учреждения науки, культуры и искусства на языках всех народов, населявших большое и сложное государство. Ни один национальный язык или культура не были утрачены. Русский язык оставался языком дружбы и взаимопонимания между народами. На русском языке с удовольствием говорили миллионы людей, считая его комфортным средством межнационального общения. Народы государств Азии, Африки и Латинской Америки, освободившиеся от колониальной зависимости, «видели в представителях русскоязычного мира своих подлинных друзей и защитников от империализма и гегемонизма, колониализма и расизма. Именно предшествующим поколениям наших соотечественников – русским, украинцам, белорусам – приходилось вытаскивать народы этих государств

из бедности, отсталости, зависимости и самых архаичных форм рабства [3 с. 75–76].

В науке переходные политические процессы анализирует ряд глобальных научных парадигм: формационная, цивилизационная, тоталитарная и модернизационная. В то же время их историческое появление и господствующее положение обуславливается конкретными условиями и обстоятельствами возникновения. Фундаментальной основой этих парадигм стала идея о восходящем прогрессе человеческого разума, появившаяся на Западе в первой половине XVIII в. в условиях деградации нравов и разложения феодально-аристократических режимов, что входило в непримиримое противоречие с пробивавшими себе дорогу тенденциями к модернизации в области науки, культуры, техники и промышленности. Становился очевидным неизбежный крах политических режимов, и это стимулировало мощный всплеск развития политической мысли в ведущих западных государствах. Этот период вошел в историю как Просвещение. В наши дни представленные теоретические модели (парадигмы) могут способствовать формированию комплексного подхода к анализу переходных политических процессов.

В *формационной парадигме* (К. Маркс, Ф. Энгельс) проблема переходного периода глубоко проанализирована в контексте коммунистической теории в целом, определявшей переход от «азиатского, античного, феодального и нынешнего, буржуазного, способа производства» как прогрессивных ступеней развития общественной экономической формации. Коммунизм определяется не как цель либо идеал, обязательно достигаемый в процессе перехода, но как движение, которое уничтожает нынешнее состояние. Коммунизм – это не формация, а движение по преодолению буржуазного способа производства, и в процессе перехода становятся возможны новые способы производства. Преодоление добуржуазных способов производства человечество осуществляет по результатам социальной, а буржуазный способ производства – по результатам политической революции. Принципиальное отличие социальной и политической революций состоит в следующем: социальные революции не изменяют природу власти, сущность которой остается эксплуататорской, и лишь преодолевают ее эксплуататорскую. Государство в окончательной перспективе перехода должно отмереть, открыв дорогу общественному самоуправлению трудящихся. А само государство, по выражению Ф. Энгельса, люди «сдают в музей древностей рядом с прялкой и бронзовым топором».

На рубеже второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. развернулась широкая научная и общественная дискуссия о природе советской системы, новом прочтении марксистского учения, кризисе марксизма и его перспективах. Такие ученые, как А. П. Бутенко, Г. Г. Водолазов, А. М. Ковалев, Г. С. Лисичкин, О. Лацис, Г. А. Трукан и др., сравнили марксистскую концепцию и сталинский социализм, построенный к концу 1980-х гг., и пришли к выводу, что последний не имел ничего общего с теорией социализма, из-

ложенной К. Марксом и развитой В. И. Лениным. Утверждение сталинизма, по их мнению, означало отход от творческого марксизма к его догматическому варианту. «Сталин сделал Маркса, Энгельса, Ленина крестными отцами своего “марксизма-ленинизма” (то есть сталинизма), своими идеологическими союзниками», – писал Г. С. Лисичкин [4, с. 89–93]. А. П. Бутенко уточнял: «В Советском Союзе в середине 1930-х годов И. Сталин и его окружение завершили узурпацию власти, утвердили безраздельное господство партийно-государственной бюрократии, в результате чего и стало реальностью экономическое и политическое *отчуждение* (выделено мною. – А. П.) трудящихся». Обобщая анализ процесса формирования сталинской политической системы с ее режимом личной власти, А. П. Бутенко сделал вывод, что в Советском Союзе был построен сталинский государственно-административный социализм с господством партийно-государственной бюрократии, с отсутствием гласности, с массовыми репрессиями и человеческим страхом, социализм, соответствующий каноническим представлениям марксизма о «казарменном социализме».

В продолжавшейся научной полемике особое мнение озвучил философ А. С. Ципко, который в конце 1980-х гг. опубликовал серию очерков «Истоки сталинизма». Он утверждал, что И. Сталин строил социализм в соответствии с предначертаниями теории. Более того, А. С. Ципко сделал вывод, что сталинизм вытекает из «доктринальных причин» учения К. Маркса и Ф. Энгельса. Он доказывал, что «в целом и мышление Сталина, и его представление о социализме были типичными для марксистов того времени». «Сталин преобразовывал социальную структуру общества, быт людей, строил социализм в соответствии с предначертаниями теории и пытался как мог ускорить движение России к коммунизму ...» [4, с. 89–93]. В наши дни А. С. Ципко приходит к окончательному выводу, что наступило время «осознать страшную правду, что на самом деле марксизм и коммунизм были мифом», а «сталинское насилие было единственным способом воплощения этого мифа в жизнь» и «при всем величии советскости оно мало что дало для жизни человека, для ценности человеческой жизни» [5].

Тем не менее научная и общественная дискуссия второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. оказалась в итоге «заглохшей». Ее невострребованность объясняется, с одной стороны, тем обстоятельством, что совершенно очевидна бесплодность и ограниченность трактовок учения К. Маркса и Ф. Энгельса как идеологии, лежащей якобы в основе доктринальных причин деформации социализма. С другой стороны, свертывание дискуссии хронологически совпало с произошедшей вскоре геополитической катастрофой XX в., по результатам которой состоялось крушение самого Советского государства, а также официальных идеологических оснований, скреплявших его несущие конструкции.

В современной белорусской политической науке исследователи марксистской направленности вводят в научный оборот новое направление

философии марксизма – «синергетический неомарксизм» [6, с. 28]. Так, В. С. Михайловский определяет «синергетический неомарксизм» как «исследование актуальных способов идейно-политической классовой борьбы господствующего класса в современном западном обществе, которые не позволяют экономической классовой борьбе западного пролетариата перейти в идейно-политическую форму» [7, с. 280–281]. В монографии, посвященной А. В. Бузгалину – известному российскому теоретику марксизма и общественному деятелю, В. С. Михайловский в целях «обеспечения актуальных постколониальных исследований в условиях сформировавшегося в XXI в. капиталистического неоколониального порядка» анализирует ряд синергетико-неомарксистских концепций, среди которых «капиталистического идеологического минимализма», «нелинейной политической самоорганизации капитализма», «политической эффективности глобального капитализма» и «экологического слома капитализма». Автор констатирует, что в современном «западном обществе продолжается классовая борьба, но, достигнув стадии стихийной экономической классовой борьбы, западный пролетариат не переходит в идейно-политическую форму (требования улучшения своего экономического положения в капиталистическом порядке не перерастают в требования по преодолению (отрицанию) этого порядка». Причиной такого положения вещей называется достижение эксплуататорами «идейно-политического классового господства», преодоление которого становится возможным через «экологический слом капитализма» [7, с. 89–90, 91]. Одновременно формационная парадигма, разработанная на Западе, но реализованная в России, оказалась не вполне пригодной для страны, поскольку не сумела овладеть массами органично и по этой причине насаждалась при помощи насилия [8, с. 34–35]¹.

Цивилизационная парадигма (Н. Данилевский, К. Леонтьев, Л. Н. Гумилев, А. Тойнби, О. Шпенглер, С. Хантингтон и др.) является одной из наиболее влиятельных теоретических моделей в наши дни. Эта парадигма, по сути, стала тревожным предощущением ученых надвигающихся националь-

¹ Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин на собрании по случаю 200-летия со дня рождения Карла Маркса 4 мая 2018 г. заявил, что его учение является «мощным идеологическим оружием, позволяющим нам понимать мир, постигать законы, искать истину и изменять мир». «Как великолепный восход солнца, теория Маркса осветила человечеству путь исследования законов истории и осуществления собственного освобождения». Известно, что в КНР существует запрос на адекватное современным реалиям прочтение Маркса. Тем не менее *в Китае давно件но, что в предметном языке теория Маркса противоречива и плохо подтверждаема* (выделено мною. – А. П.). Но они неплохо умеют читать образами и понимать чувствами. Да и во многих других странах мира люди доброй воли уверены, что есть нечто плохо переведенное с немецкого, и самое важное, что «на самом деле» имел в виду Маркс, еще не явлено. Цит. по: *Пястолов, С. М.* Полезные стороны и значимые угрозы философской системы марксизма. Священная слепота востребованной силы / С. М. Пястолов, И. Е. Задорожнюк // Независимая газета. – 2025, 13 мая.

ных катастроф, в результате которых могут погибнуть не только устаревшие политические режимы, но и целые общественные системы (цивилизации). Эти предощущения ученых были вызваны крупными геополитическими сдвигами на евразийском континенте, когда в начале 1870-х гг. после объединения Германии для многих российских мыслителей стало очевидно неизбежное столкновение Германии и России, обусловленное глубокими цивилизационными различиями и историческим противоборством германства (романо-германского типа цивилизации) и славянства (славяно-русского типа цивилизации). Причины враждебного отношения Европы к славянству Н. Данилевский видел в том, что Европа вступила в период своего упадка, в то время как славянская цивилизация входит в период расцвета своих творческих сил. По Н. Данилевскому, двусоставная (творческая) западная цивилизация состоялась в политическом и научном значениях, в то время как русско-славянская цивилизация будет трех- или даже четырехсоставной в четырех областях – религиозной, научной, политико-экономической и эстетической. Свой главный вывод Н. Данилевский формулировал так: «Предназначение славян не в том, чтобы обновить весь мир или найти решение исторической задачи для всего человечества, они представляют особый культурно-исторический тип, рядом с которым могут существовать и развиваться другие типы» [9, с. 32].

С. Хантингтон в конце XX в. дополняет идею о различиях между цивилизациями тезисом об их столкновении или глобальном конфликте в XXI в. Он насчитывает около 7–8 мировых цивилизаций, «линии разлома между которыми станут линиями будущих фронтов». Таким образом, главный тезис цивилизационной парадигмы – глубокие различия между цивилизациями как основание переходов между ними путем слияния, поглощения и даже уничтожения – остается актуальным в наши дни на фоне резкой активизации религиозного исламского фундаментализма – исламизма и его разновидностей и переходящий к открытым формам террора.

Тоталитарная парадигма (Ф. Хайек, Х. Арент, З. Бжезинский, К. Фридрих, Т. Адорно и др.) возникла в середине XX в. и остается востребованной теоретической моделью в настоящее время. Тоталитарная парадигма раскрывает суть переходных процессов с точки зрения осмысления феномена тоталитаризма и реального опыта аномальных тоталитарных политических режимов XX в. и выхода из этих общественных состояний. Тоталитарная парадигма обосновывает сущностные черты гитлеровского (национал-социалистического) и фашистского режимов в Германии и Италии, в основе которых находились террор и репрессии, тотальный контроль над всеми средствами массовой коммуникации и др.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что, например, Х. Арент, З. Бжезинский, К. Фридрих и другие теоретики тоталитаризма выступали, в основном, в роли научных интерпретаторов уже произошедших посттоталитарных переходных политических процессов (например, поражения этих

режимов по результатам Второй мировой войны). Однако западные ученые продолжали разрабатывать прогностические модели применительно к развитию советского тоталитаризма, перенося на практику Советского государства теоретические схемы, применяемые ими в отношении поверженных режимов, что в любом случае находилось в стороне от реальных процессов и мало влияло на их ход. Западные ученые не учитывали реальные политические процессы, которые происходили в советском обществе и которые с трудом удавалось вписать в тоталитарную парадигму, особенно в постсталинский период. После кончины И. Сталина, развенчания его культа личности и начала относительной либерализации, а затем попыток экономической модернизации (реформы второй половины 1960-х гг.), прекращения массовых репрессий в целом положения тоталитарной парадигмы входили во все большее противоречие с советской действительностью. Однако западные ученые по-прежнему настаивали на тезисе о советском тоталитаризме и необходимости его уничтожения по примеру поверженных по результатам Второй мировой войны режимов прошлого, что свидетельствовало скорее об идеологической ангажированности самой парадигмы. По сути, тоталитарная парадигма стремилась не столько раскрыть пагубные черты одиозных политических режимов XX в. и обосновать пути их преодоления, сколько нанести геополитическое поражение своему стратегическому противнику – России и «окончательно вытеснить Россию на периферию Евразии».

З. Бжезинский в своей классической работе «Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы» называет постсоветское пространство «черной дырой», а роль России по отношению к США сводит к безальтернативной дилемме: «Для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть ее партнером, но, как и прежде, слишком сильна, чтобы быть просто ее пациентом» [10, с. 206]. Но как разрешить эту дилемму и предотвратить сползание России к тоталитаризму? З. Бжезинский рекомендует российской «политической верхушке провести модернизацию общества и отбросить тщетные попытки вернуть былой статус мировой державы. Ввиду колоссальных размеров и неоднородности страны децентрализованная политическая система на основе рыночной экономики высвободила бы творческий потенциал народа России и ее богатые природные ресурсы». Децентрализованная и построенная по принципу свободной конфедерации Россия, по утверждению З. Бжезинского, должна состоять из трех государств – «Европейской России», «Сибирской Республики» и «Дальневосточной Республики». «И каждое из этих трех государств конфедерации имело бы более широкие возможности для использования местного творческого потенциала, на протяжении веков подавлявшегося тяжелой рукой московской бюрократии». По убеждению З. Бжезинского, способными «обуздать» Россию и, соответственно «государствами, заслуживающими мощнейшей геополитической поддержки со стороны Америки,

являются Азербайджан, Узбекистан и Украина; все три – геополитические центры» [10, с. 353–354, 259].

Безусловно, большая, крепкая и процветающая Россия никому на Западе не нужна, но она нужна нам, жителям России. Намерения и действия по геополитическому сжатию и удушению России не новы и носят многовековой характер. Агрессивные планы по нанесению России стратегического поражения востребованы на Западе и в наши дни, в том числе с использованием научных подходов. Тем не менее эвристическая значимость самой тоталитарной парадигмы не утрачена, поскольку и в XXI в. это явление – тоталитаризм – не ушло в прошлое.

Модернизационная парадигма (Р. Даль, Г. Алмонд, Л. Пай, А. Лейпхарт, С. Хантингтон, Х. Линц и др.) является одной из наиболее влиятельных в последние десятилетия. В ее русле развивается и собственная модель демократических переходов – «транзитов». Эта парадигма раскрывает динамику преодоления отсталости традиционных государств и перехода к «модерну». Сохраняя в себе некую заданность перехода к «модерну», модернизационная парадигма определяет критерии современного общества, которые обязательно необходимо учитывать традиционным (недостаточно развитым, отсталым) государствам в процессе перехода. При этом западные государства, достигшие высокого уровня развития естественным (органическим) путем, рассматриваются в этой парадигме исключительно как носители эталонных критериев, которых остальным государствам лишь предстоит достичь. Политическая модернизация в переходных процессах становится возможной либо в либеральном, либо в консервативном направлении.

У либерального направления (Р. Даль, Г. Алмонд, Л. Пай) особенности модернизации состоят в утверждении в обществе открытости и свободной конкуренции элит, с одной стороны, а с другой – широкое политическое участие граждан в управлении. Эти два условия обязательно должны присутствовать в процессе перехода, от них зависят и все остальные варианты развития общества в переходный период. В контексте либерального направления Р. Даль выдвинул теорию полиархии, в которой на переходный период к вышеназванным условиям предложил сделать акцент на установлении сильной исполнительной власти как гаранта успеха социально-экономических преобразований в обществе и достижении определенного уровня социально-экономического развития [11, с. 24]. Переход к полиархии, по Р. Далю, сопровождается последовательным овладением элитами консенсусной технологией властвования, обеспечения взаимной безопасности конкурирующих политических элит, установления сильной исполнительной власти и развития местного самоуправления.

Теоретики консервативного направления (С. Хантингтон, Х. Линц) указывают на неподготовленность населения в целом к демократическому политическому участию, что ведет к дестабилизации политических режимов и их коррумпированности. Активное политическое участие населения

в процессе перехода ведет не к политическому развитию, а к политическому упадку. Следовательно, полагал С. Хантингтон, в условиях перехода необходимо сделать упор на организованности, порядке и авторитаризме. Х. Линц также полагал, что лишь авторитарные режимы способны перераспределять власть в пользу оппозиции с целью избегания социального перенапряжения, но сохранять за собой ведущие рычаги власти. И лишь авторитарные режимы со временем, по Х. Линцу, способны пойти на широкую либерализацию в силу ценностных установок в самой правящей элите. Однако в худших случаях авторитарные режимы могут пойти и по пути «тупиковой модернизации», т. е. проведения некоей политики «декомпрессии» – имитации диалога с оппозицией в целях втискивания недовольства масс в законное русло, а затем проведения широких репрессий против оппозиции и установления неототалитарного режима. В принципе, Х. Линц не исключает и революционного развития событий или военной катастрофы, приводящих к непредсказуемым последствиям в переходном процессе [12].

Вместе с тем попытки реализовать модернизационную парадигму на практике породили как подтверждение ее ряда положений, например, о стремлении все большего числа людей к демократизации, установлению демократических политических режимов, так и ее ограниченность. Эта парадигма оказалась не в состоянии объяснить современные переходные политические процессы, где государства постсоветского пространства зачастую добивались крупных успехов в экономическом и социальном развитии, но политическая система этих государств не претерпевает каких-либо качественных демократических изменений.

Таким образом, серьезные трудности, с которыми в настоящее время сталкиваются как ученые, так и государства постсоветского пространства на политической практике, свидетельствуют в том числе и о слабой работанности теоретико-методологических оснований переходных политических процессов. При этом масштабность задач, стоящих перед исследователями, несомненна. Одна из главных задач, на наш взгляд, состоит, с одной стороны, в приемлемом синтезе парадигмальных подходов переходных политических процессов (обоснование интернациональных факторов, связанных с общемировыми тенденциями), а с другой – в выявлении национально-специфических особенностей этих процессов и на этой основе выдвижении обоснованных научных рекомендаций по реализации государственной политики. В этом контексте суть переходных политических процессов последних десятилетий на постсоветском пространстве «можно адекватно понять и объяснить только в гораздо более широком историческом контексте, а именно в глобальном контексте политических и социально-экономических изменений длительной, многовековой протяженности, рассматривая при этом данные перемены только как новый этап, новую фазу нелинейной исторической динамики, имеющей как общемировой, так и национальный аспект» [13, с. 6–7].

Ученые подсчитали, что в конце XX – начале XXI в. переходные политические процессы разворачивались более чем в 100 государствах мира. Их переходность рассматривалась как временное состояние, неминуемо завершающееся установлением демократических политических режимов и приводящее к социально-экономическому процветанию и оформлению справедливой системы международных отношений. Однако в 20-е гг. XXI в. усилились сомнения в достижении таких целей и стали развиваться представления о поспешности подобных ожиданий [14].

Таким образом, современные переходные политические процессы приобретают все более устойчивую динамику эволюции политических систем и политических режимов в направлении либо возвращения к своим тоталитарным корням, либо обретения ими неких новых форм «застывшей» переходности, что, впрочем, не исключает появления неких «окон возможностей» для дальнейших демократических преобразований¹.

Следовательно, создание теории переходных политических процессов должно учитывать два принципиальных момента. Во-первых, анализ переходных политических процессов должен носить комплексный характер на основе динамики исторических и национально-специфических особенностей, учитывающий как идейное своеобразие, так и специфику различных парадигм. Комплексный подход означает также недостаточность обоснования проведения демократических преобразований, перехода к рынку, другими словами, формального учреждения демократического политического режима и решения сугубо хозяйственно-экономических задач. Демократические преобразования и рыночные реформы должны преобразовывать не только структуры и институты, но соответствующим образом должны измениться сами люди, их психология, менталитет, привычки. Следовательно, в переходных политических процессах определяющее влияние должны иметь уже не столько экономические проблемы, сколько *духовные и по-*

¹ «Окно Овертона», или окно возможности, – политическая технология, разработанная в США политологом Дж. Овертоном в середине 1990-х гг. Суть технологии состоит в том, что для реализации любой идеи в обществе существует «окно возможности» или шаг на ценностной шкале. В пределах этой шкалы можно дискутировать, пропагандировать, а затем законодательно закреплять эту идею. Шкала состоит из следующих последовательных «окон»: немислимо – unthinkable, радикально – radical, приемлемо – acceptable, разумно – sensible, популярно – popular, норма или политика – policy. Двигаясь в переходном процессе от одного «окна возможности» к другому, эта идея, которая первоначально кажется немислимой, в конечном итоге становится нормой и закрепляется в законодательстве. Для этого нужно постепенно и плавно передвигать «окно» в направлении этой идеи. Если форсировать события, то большинство людей останутся за пределами границ «окна» и окажутся неспособными воспринять нужную идеологию. Затем необходимо раздвигать «окно» и увеличивать его размеры с тем, чтобы окончательно сформировать нужную идеологию среди большинства людей. Эту технологию хорошо иллюстрирует притча о лягушке, которую не следует сразу бросать в кипящую воду, а лучше посадить в кастрюлю и медленно нагревать воду до тех пор, пока вода не закипит и лягушка сама не заметит, что уже сварилась.

литические (выделено мною. – А. П.). Именно духовные и политические составляющие переходных процессов обладают высокой степенью своего оскудения в реалиях XXI в.

Во-вторых, понятийный аппарат, используемый как западными, так и отечественными исследователями, во многом является недостаточным для объяснения современных переходных политических процессов. Он оказался не в состоянии предсказать в том числе молниеносный распад и скоропалительный крах коммунистических систем и режимов и «застывшую» переходность современных процессов. Этот понятийный аппарат сформировался как отражение процессов XIX–XX вв., поэтому с трудом адаптируется к процессам XXI в., важнейшими характеристиками которых являются деградация и возвратность развития [13, с. 14–15]. С этой точки зрения необходимо обновление понятийного аппарата и создание новых теорий.

Список использованных источников

1. Чайко, И. В. Политический процесс как категория политологии: монография / И. В. Чайко. – Москва: Русайнс, 2024. – 149 с.
2. Хазов, А. М. Переходные состояния политического режима в современной России и перспективы его развития: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Хазов Андрей Михайлович; Моск. гос. област. ун-т. – Москва, 2011. – 29 с.
3. Панченко, А. В. Проблемы и перспективы языковой подготовки иностранных студентов (этнополитологические аспекты) / А. В. Панченко // Этнокультурный и социолингвистический аспекты в теории и практике преподавания иностранных языков в негуманитарных вузах: сб. науч. ст. – Минск: БНТУ, 2023. – С. 71–77.
4. Чит. по: Панченко, А. В. Идеология социальной справедливости: пособие по основам идеологии белорусского государства и политологии / А. В. Панченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Амалфея, 2011. – 152 с.
5. Ципк, А. С. Недоперестроечная Россия. Сталинское насилие было единственным воплощением коммунистического мифа / А. С. Ципко // Независимая газета. – 2025, 12 мая.
6. Михайловский, В. С. Политические концепции синергетического неомарксизма: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01 / Михайловский Вадим Сергеевич; Беларус. гос. ун-т. – Минск, 2024. – 46 с.
7. Михайловский, В. С. Неомарксизм. Синергетика. Классовая борьба: монография / В. С. Михайловский. – Минск: РИВШ, 2024. – 324 с.
8. Панченко, А. В. Политический процесс в современной России: историко-политологический анализ: монография / А. В. Панченко. – Минск: Колорград, 2020. – 160 с.
9. История мировых цивилизаций / Р. Г. Мумладзе, В. И. Антоненко, Т. Ю. Кириллина [и др.]. – Москва: Русайнс, 2024. – 334 с.
10. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – Москва: АСТ, 2023. – 384 с.
11. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Г. Алмонд, Д. Пауэлл, К. Стром [и др.]. – Москва: Аспект Пресс, 2002; Политическая мысль второй половины XX века: хрестоматия / сост. В. А. Мальцев. – Пермь, 1999; Концепции и определения демократии: антология / ред.-сост. А. В. Фоненко. – Москва: КомКнига, 2006.
12. Власть и демократия: зарубежные ученые о политической науке: сб. ст. / под ред. П. А. Дыганкова. – Москва, 1992. – 254 с.

13. Моцелков, Е. Н. История и политика: философские истолкования: монография / Е. Н. Моцелков. – Москва: Аргатак-Медиа, 2013. – 328 с.

14. Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы: монография / отв. ред. Э. Г. Соловьев, Г. И. Чуфрин. – Москва: ИМЭМО РАН, 2020. – 276 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

О. В. Петрашова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

O. V. Petrashova

Academy of Public Administration under the aegis of the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 327.82(476)

НАПРАВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

DIRECTIONS OF PUBLIC DIPLOMACY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

В статье анализируется классификация направлений публичной дипломатии. Отмечено отсутствие на данный момент принятой научным сообществом классификации публичной дипломатии. Определены различные подходы к выделению направлений публичной дипломатии в научной и политической литературе, диссертационных исследованиях. Установлена целесообразность деления публичной дипломатии на три направления – информационное, образовательное, культурное. Рассмотрено основное содержание данных направлений применительно к публичной дипломатии Республики Беларусь. Обращается внимание на необходимость дальнейшей работы по изучению направлений публичной дипломатии.

Ключевые слова: публичная дипломатия; Республика Беларусь; информирование; цифровая дипломатия; образовательные обмены; культурная дипломатия.

The article analyzes the classification of public diplomacy areas. It is noted that there is currently no classification of public diplomacy accepted by the scientific community. Various approaches to identifying public diplomacy areas in scientific and political literature, dissertation research are defined. The expediency of dividing public diplomacy into three areas is established – informational, educational, cultural. The main content of these areas is considered in relation to public diplomacy of the Republic of Belarus. Attention is drawn to the need for further work on studying the areas of public diplomacy.

Keywords: public diplomacy; Republic of Belarus; information; digital diplomacy; educational exchanges; cultural diplomacy

В современном глобальном и технологичном мире публичная дипломатия становится всё более значимым инструментом внешней политики государств, интеграционных объединений, международных организаций. Достижение внешнеполитических целей посредством влияния на обще-

ственное мнение зарубежных аудиторий является ключевой характеристикой публичной дипломатии как области практической деятельности и области научного поиска. Несмотря на отсутствие единого определения публичной дипломатии в научной литературе, исследователи активно разрабатывают классификации и типологии ее составляющих, стремясь охватить богатое многообразие практик и подходов. Важность систематизации предметного поля публичной дипломатии обусловлена необходимостью дальнейшего развития научных представлений о данном феномене, что связано с потребностью органов государственного управления и внешнеполитических ведомств в разработке теоретических оснований практических государственных решений.

В научной литературе в настоящее время не существует общепринятого определения публичной дипломатии, что закономерно приводит к отсутствию консенсуса среди исследователей по поводу выделения отдельных направлений публичной дипломатии. Теоретики и практики публичной дипломатии зачастую используют такие термины, как направления, технологии, инструменты, методы, измерения, элементы, практики, инициативы, составляющие и др., для одного и того же феномена – составляющих элементов публичной дипломатии. Отсутствие общепринятого категориального аппарата является характеристикой публичной дипломатии как области научного интереса. В то же время исследователи продолжают попытки создания всеобъемлющих классификаций и типологий в области публичной дипломатии.

Наибольшую известность в англоязычном научном сообществе получили типологии британского политолога, директора аналитического центра «Европейский совет по международным отношениям» Марка Леонарда и британского историка, основателя и руководителя в 2005–2019 гг. магистерской программы по публичной дипломатии в Университете Южной Калифорнии Николаса Калла.

М. Леонард выделил три измерения публичной дипломатии с разными целями и разными временными горизонтами.

Первое измерение – реактивное – предполагает быструю реакцию на происходящие события. Время его реализации исчисляется часами или днями.

Второе измерение – проактивное – формирование новостной повестки путем организации мероприятий и действий, передающих ключевые сообщения и формирующих определенные установки среди зарубежной общественности. Время исчисляется неделями и месяцами.

Третье измерение – создание долгосрочных связей с зарубежной общественностью посредством продвижения государственных ценностей и убеждений за рубежом, а также, одновременно, изучения зарубежного опыта. Время исчисляется годами [1].

Н. Калл выделил шесть ключевых подходов в публичной дипломатии в зависимости в первую очередь от используемых средств: изучение мнения

зарубежной аудитории, информирование и обеспечение информационной поддержки деятельности внешней политики страны, культурная дипломатия, дипломатия образовательных программ обменов, международное вещание и «психологическая война» (использование публичной дипломатии для достижения военных целей) [2, с. 17–22]. Данные подходы выделены на основании областей практики публичной дипломатии.

Российский исследователь, кандидат политических наук Н. А. Смирнов в кандидатской диссертации «Роль публичной дипломатии в современных политических процессах» в качестве технологий публичной дипломатии называет образовательные технологии, медиатехнологии, интернет-технологии и социальные технологии [3, с. 62–113].

Специалист по СССР Гиффорд Малоун, в 1980–1984 гг. работавший помощником заместителя директора Информационного агентства США, являвшегося органом внешнеполитической пропаганды США в 1953–1999 гг., считал, что термин «публичная дипломатия» является собирательным и описательным обозначением деятельности государства, направленной за рубеж, в области информации, образования и культуры [4].

Значимый российский специалист в области публичной дипломатии, и. о. директора Института Соединенных Штатов Америки в Канаде Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор Наталья Цветкова в докторской диссертации «Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.» выделяет три направления публичной дипломатии: 1) информационные проекты (пропаганда), 2) образовательные и культурные обмены и 3) проекты в сети Интернет (цифровая дипломатия США) [5, с. 27], впоследствии сократив их до трех – информационное, образовательное и культурное [6].

Научный сотрудник Сектора внешней и внутренней политики США Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук, кандидат политических наук Ульяна Артамонова, уточняя названия направлений публичной дипломатии в классификации Н. А. Цветковой, выделяет в публичной дипломатии США три основных направления реализации: 1) образовательно-просветительское, 2) информационно-агитационное и 3) культурно-развлекательное [7, с. 24]. Первый инструмент обладает средним уровнем политизированности, преимущественно ориентирован на решение долгосрочных стратегических задач и отдельные целевые группы аудитории, способные в дальнейшем распространять эффект воздействия, оказанный на них, за пределы группы; второй – высоким уровнем политизированности и нацелен на решение кратко- и среднесрочных тактических задач и преимущественно замкнутые отдельные целевые группы; третий, обладая низким уровнем политизированности, играет роль комплементарного инструмента во внесрочной перспективе, нацеленного на широкую целевую аудиторию.

В то же время в исследованиях публичной дипломатии авторы нередко вводят новые сущности, например, гастродипломатия, спортивная дипломатия, экспертная дипломатия, цифровая дипломатия и др. Так, доцент кафедры информационного обеспечения внешней политики МГУ им. М. В. Ломоносова Наталья Бурлинова считает экспертную дипломатию (деятельность аналитических центров) одним из направлений публичной дипломатии. Помимо экспертной дипломатии Н. Бурлинова выделяет информационную политику и работу со СМИ, в том числе цифровую дипломатию, образовательные программы и академические обмены, программы широкого гуманитарного сотрудничества [8].

Данные практики публичной дипломатии можно рассматривать в рамках более широких направлений публичной дипломатии: информационного, образовательного и культурного. Выделение данных трех составляющих публичной дипломатии является наиболее удачным, так как охватывает широкие совокупности практик публичной дипломатии, без излишней, временами спорной детализации. Эти направления зачастую пересекаются в деятельности отдельных институтов и их нельзя да и нецелесообразно четко разграничить на практике.

Информационное, образовательное и культурное направления публичной дипломатии играют важную роль для достижения внешнеполитических целей Республики Беларусь.

Информационное направление включает в себя в первую очередь предоставление информации органами государственной власти для внешних аудиторий по вопросам, связанным с их функционированием, а также деятельностью государственных и негосударственных средств массовой информации и коммуникации, нацеленных на формирование необходимого общественного мнения в зарубежных странах.

Для зарубежной аудитории, проявляющей интерес к событиям в Беларуси, предназначены радиопередачи национальной радиостанции «Беларусь», транслируемые на восьми языках: белорусском, русском, английском, немецком, польском, французском, испанском и китайском.

Первый международный спутниковый телеканал страны «Беларусь 24», запущенный в 2005 г., функционирует круглосуточно, охватывая более 100 государств с аудиторией свыше 200 млн человек. Контент канала включает актуальные новости и аналитические материалы, посвященные ключевым событиям как внутри страны, так и за ее пределами, а также развлекательные программы и фильмы. Особое внимание уделяется тематическим проектам, рассказывающим о Беларуси: ее богатой истории и культурном наследии, основных достопримечательностях, туристических возможностях, традиционной кухне, известных брендах и выдающихся личностях.

Разнообразная информация размещается на сайтах органов государственного управления Республики Беларусь на английском и других ино-

странных языках, давая возможность иностранцам ознакомиться с их деятельностью.

Важную роль в донесении информации до целевых аудиторий в современном мире играет цифровая дипломатия, под которой в широком смысле понимается использование информационно-коммуникационных технологий для достижения целей дипломатии. Наиболее характерные методы цифровой дипломатии – интернет-вещание эфирных СМИ, размещение информации на своих интернет-порталах печатных СМИ, создание цифровых библиотек, использование сайтов и социальных сетей для формирования новостной повестки и взаимодействия с целевыми аудиториями.

В рамках образовательного направления существуют различные инструменты, которые могут быть успешно задействованы для достижения целей публичной дипломатии. К ним относятся программы высшего и послевузовского образования для иностранных граждан, программы дополнительного образования, студенческая мобильность, стажировки и гранты для преподавателей, открытие национальных учебных заведений за рубежом, организация дистанционного обучения и курсов на платформах массовых открытых онлайн-курсов, участие в реформировании образовательных систем других государств. Эти направления позволяют не только формировать необходимые знания и компетенции, но и способствуют укреплению межкультурного диалога и взаимопонимания между странами.

Программы высшего образования для иностранных граждан представляют собой значимый инструмент публичной дипломатии, поскольку именно в период обучения у молодых людей складываются базовые ценности и мировоззрение. В юном возрасте люди особенно восприимчивы к новым идеям и концепциям, активно адаптируясь к окружающей среде. Находясь за рубежом, студенты не только осваивают язык страны пребывания, но и погружаются в ее культуру, заводят полезные связи, а иногда даже создают семьи. Многие выбирают зарубежное образование, чтобы овладеть иностранным языком и получить опыт взаимодействия с другой бизнес-культурой, что существенно повышает их конкурентоспособность на рынке труда, особенно при работе в международных компаниях или организациях.

Успешно интегрировавшись в зарубежную систему образования и приняв особенности местного образа жизни, такие выпускники, вернувшись на родину, часто становятся эффективными посредниками, представляющими интересы страны, где они получили знания. Они способны передавать опыт, ценности и практики, приобретенные во время учебы, тем самым укрепляя мосты между культурами и способствуя развитию международного сотрудничества.

Обучение в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы детей, в первую очередь элит многих стран Третьего мира, обеспечило Советскому Союзу долгосрочное влияние в данных странах. Наибольшего развития образовательное направление достигло в публичной дипломатии

США. В мировом рейтинге престижных университетов QS университеты США занимают наибольшую долю в топ-100 [9].

Деятельность иностранных учреждений высшего образования, центров академических обменов на территории Беларуси, гранты и бесплатное обучение белорусских студентов в зарубежных университетах направлены в том числе и на решение задач публичной дипломатии зарубежных стран.

Республика Беларусь, в свою очередь, превратилась в привлекательную для иностранных студентов страну. Белорусское образование привлекает иностранных студентов благодаря сочетанию классических традиций с инновационными методами обучения, доступной стоимостью и непрерывным процессом совершенствования системы преподавания. Эти факторы делают его все более популярным у иностранных студентов.

Согласно данным опросов, проводимых среди иностранных студентов и выпускников белорусских вузов, дополнительными преимуществами страны являются высокий уровень безопасности, гостеприимство местного населения и возможность совмещать учебу с работой по специальности [10].

Интерес к образованию в Беларуси демонстрируют студенты из различных стран мира, включая Китай, Туркменистан, Шри-Ланку, Россию, Индию, Узбекистан, Ливан, Израиль, Иран, Нигерию и Казахстан. Это подтверждает растущую значимость образовательного направления публичной дипломатии Республики Беларусь.

Культурную дипломатию можно определить как попытку актора управлять международной средой посредством знакомства зарубежных аудиторий со своими культурными ресурсами и достижениями и (или) содействия трансляции культуры за рубеж [2, с. 17]. Культурная дипломатия в широком смысле – это продвижение страны через культуру – идеи, историю, искусство, систему ценностей и традиций. Некоторые авторы включают в предметное поле культурной дипломатии науку, спорт, образование.

Основными координаторами международного культурного сотрудничества Республики Беларусь выступают Министерство культуры и Министерство иностранных дел.

Министерство культуры Республики Беларусь «способствует популяризации белорусской национальной культуры и национальных культурных традиций в иностранных государствах, в том числе среди белорусов зарубежья, устанавливает и развивает культурные связи с организациями культуры иностранных государств; содействует открытию и деятельности культурных центров Республики Беларусь в странах проживания белорусов зарубежья...» [11].

Министерство иностранных дел традиционно занимается созданием политико-правовой основы для развития культурных отношений между государствами, а также представляет интересы Беларуси в международных организациях.

В современных условиях публичная дипломатия представляет собой комплексный инструментарий, направленный на достижение внешнеполитических целей государства через взаимодействие с зарубежной общественностью. Анализ существующих подходов к классификации направлений публичной дипломатии показывает, что наиболее универсальной является триада: информационное, образовательное и культурное направления публичной дипломатии. Республика Беларусь задействует все три направления публичной дипломатии. Их эффективное взаимодействие позволит стране успешно реализовывать свои внешнеполитические цели и повышать международный авторитет. Дальнейшее развитие этих направлений требует системного подхода и постоянного совершенствования используемых методов и инструментов.

Список использованных источников

1. *Leonard, M.* Public Diplomacy / M. Leonard, C. Stead, C. Smewing. – London: The Foreign Policy Centre, 2002. – 183 p.
2. *Cull, N.* Public Diplomacy: Lessons from the Past. CPD Perspectives on Public Diplomacy / N. Cull. – Los Angeles: Figueroa Press, 2009. – 52 p.
3. *Смирнов, Н. А.* Роль публичной дипломатии в современных политических процессах: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Смирнов Никита Александрович; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 167 л.
4. *Malone, G. D.* Political Advocacy and Cultural Communication: Organizing the Nation's Public Diplomacy / G. D. Malone. – Lanham, MD: University Press of America, 1988. – 162 p.
5. *Цветкова, Н. А.* Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.15 / Цветкова Наталья Александровна; С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2015. – 552 л.
6. *Цветкова, Н. А.* Публичная дипломатия США / Н. А. Цветкова // Публичная дипломатия зарубежных стран / под ред. А. Н. Панова, О. В. Лебедевой. – Москва: Аспект-Пресс, 2018. – С. 103–125.
7. *Артамонова, У. З.* Публичная дипломатия США как политическая технология: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Артамонова Ульяна Звнидиевна; Федерал. гос. бюджет. науч. учреждение «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук». – Москва, 2023. – 244 л.
8. *Бурлинова, Н. В.* Публичная дипломатия / Н. В. Бурлинова // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/publicnaia-diplomatiia-051c87>. – Дата публ.: 07.11.2023.
9. QS World University Rankings 2025: Top global universities // QS World University Rankings. – URL: https://www.topuniversities.com/world-university-rankings?items_per_page=100 (date of access: 19.01.2025).
10. Учиться в Беларуси // Президент Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/social/education/foreigners> (дата обращения: 19.12.2024).
11. Вопросы Министерства культуры: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 17 янв. 2017 г. № 40; в ред. от 6 сент. 2024 г. № 661 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 23.10.2024).

(Дата подачи: 24.02.2025 г.)

О. Е. Побережная

Белорусский государственный университет, Минск

O. E. Poberezhnaya

Belarusian State University, Minsk

УДК 321.01(476)

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ БЕЛАРУСИ¹

SOCIAL IDENTITY CONSTRUCTION IN MODERN POLITICAL DISCOURSE ON THE EXAMPLE OF BELARUS

В статье рассматривается процесс смыслового наполнения содержания социальной идентичности человека и общества под влиянием и воздействием современного политического дискурса через механизмы политического языка, путем внедрения в общественное сознание определенных нарративов, определяющих самоидентификацию, ответы на социально-политические запросы общества, их взаимообусловленность в контексте концепций развития. При этом социальная идентичность интерпретируется как высшая результирующая форма самоопределения и самоидентификации человека и общества в рамках идеологии белорусского государства и политики идентичности.

Ключевые слова: социальная идентичность; политический дискурс; политический язык; общественное развитие; идеология белорусского государства.

The article considers the process of semantic filling of the content of social identity of a person and society under the influence and impact of modern political discourse through the mechanisms of political language, by introducing into public consciousness certain narratives that determine self-identification, responses to socio-political demands of society, their interdependence in the context of development concepts. At the same time, social identity is interpreted as the highest resulting form of self-determination and self-identification of a person and society within the framework of the ideology of the Belarusian state and identity politics.

Keywords: social identity; political discourse; political language; social development; ideology of the Belarusian state.

Происходящие в ходе формирования современной белорусской государственности сложные политические изменения и преобразования, характеризующиеся как эрозией советских политических институтов на начальном этапе, так и последующим строительством суверенного государства, укреплением, ростом и развитием его институтов, во многом определялись и определяются заложенными в понимании обществом и политическими субъектами оснований самоидентификации и позиционирования Беларуси в окружающем мировом политическом пространстве. По этому поводу

¹ Статья подготовлена в рамках НИР 2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № ГР 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.).

белорусские исследователи Л. Е. Земляков и А. В. Шерис замечают, что «распад советской политической системы привел к девальвации, объединявшей граждан страны общенациональной идентичности и поиску новых оснований социальных солидарностей. Общественная трансформация, определяемая властью страны в 1990-е гг. как движение к демократии и сопровождавшаяся кризисом переходного этапа, стимулировала активность современной Беларуси к переопределению своего статуса и формированию объединяющей идентичности» [1, с. 110].

Смыслы и основания для формирования идентификации и позиционирования Беларуси складывались в процессе конструирования нового содержания социальной идентичности белорусского общества в ходе интенсивного политического дискурса, сопровождающего процессы государство- и социостроительства, политический процесс в целом. Как уже отмечалось нами ранее, концепт социальной идентичности имеет особое значение в процессах формирования социальной структуры общества, конструирования социального поведения и выбора поведенческой стратегии [2, с. 85] как на уровне личности, так и на уровне общества в целом. Наполнение его фундаментальными смыслами и их трактовками – важнейший вопрос контроля суверенного политического пространства, включая информационное, обеспечения его стабильности и безопасности от внутренних и внешних угроз.

Цель данной статьи – выявление особенностей процесса наполнения содержания социальной идентичности «смыслами» под влиянием и воздействием современного политического дискурса и составляющих его значимых тем и нарративов.

Взаимосвязь и взаимообусловленность социальной идентичности и политического дискурса – одно из значимых направлений исследований в современной политической науке. Российский политолог И. С. Семенко в научном докладе «Идеи, идеологии, идентичности: от дискурсов к дискурсивной силе» обратила внимание на «метаморфозы идентичности» в современном научном и политическом поле. «Этот концепт стал общепотребимым не только в научной дискуссии о тенденциях общественного развития и об изменениях в структуре современного миропорядка, но и в публичной политике, и в медийном пространстве. Идентичность превратилась в своего рода мейнстрим научного и политического дискурсов на основе многолетних исследований массового сознания и идентичности» [3, с. 69].

Изучение проблемы идентичности в контексте политического дискурса различными белорусскими и российскими учеными, в первую очередь такими, как Г. Г. Дилигенский, Л. Е. Земляков, Н. А. Антанович, И. С. Семенко, А. В. Шерис, О. Е. Побережная, Ю. Ю. Суханов, К. В. Волобуев, Т. И. Хайнацкая и др., выявило несколько устойчивых тенденций в наполнении идентичности новыми содержательными коннотациями, зачастую прямо противоположными (например, идентизм, суверенность, традицио-

нализм либо дискредитация и дискриминация идентичности, секьюритизация идентичности и т. д.).

В первую очередь речь идет об обращении к социальной идентичности в контексте государственной политики идентичности для объяснения и установления контроля на дискурсивном поле в вопросах обсуждения фундаментальных сдвигов в структуре современного миропорядка, внешнего позиционирования и внутреннего устройства государства. Поскольку социальная идентичность – результирующая, объединяющая, стабилизирующая форма идентичности, то такая политика не будет сводиться к борьбе за право на идентичность меньшинств, характеризующих реальность атомизированных обществ, а будет включать в деятельность государства по формированию макрополитической идентичности политику исторической памяти, языковой и символической политики. К приоритетным сферам реализации такой политики относятся сферы культуры и образования.

Другим важным направлением выступает определение идентичности как ресурса общественного развития, выявление основных дискуссионных тем, наполняющих «образ будущего». К ним, главным образом, относятся темы и порождаемые ими смыслы, связанные с приоритетами современной общественной (публичной) политики, в частности с экологической повесткой, проблемами энергодифицита, вызовами миграции, новыми разделительными или консолидирующими линиями в современных обществах, устойчивым развитием, национальной и этнической идентичностью. Основной сферой формулирования нарративов и коннотаций в этом контексте выступают, например, широко практикуемые в Беларуси диалоговые площадки, посвященные значимым актуальным темам политической жизни общества, экспертные обсуждения, прямые диалоги государственных служащих с гражданами.

Следующим важным направлением в наполнении идентичности выступает непосредственно сам политический дискурс, формирующий совокупность необходимых для политики идентичности дискурсивных практик. Дискурсивные практики составляют стратегию поведения субъектов дискурса в процессе многосторонней политической коммуникации. С этой точки зрения политический дискурс традиционно занимает одно из наиболее заметных мест в перечне статусно-ориентированных видов коммуникации, характеризующихся высокой степенью институционализации и иерархичности общения [4, с. 201]. Для такого типа общения характерна коммуникация по линии «государство – граждане», что предполагает приоритетную роль политических институтов и представляющих их политических лидеров как носителей и отправителей соответствующих профессионально ориентированных видов знания.

Современный политический дискурс ориентирован на пропаганду определенных идей, эмоциональное воздействие и побуждение людей к политическим действиям, для принятия и обоснования политических и социальных

решений, выработки общественного согласия через противопоставление и выстраивание коммуникативного взаимодействия между субъектами политической деятельности, мышлением, языком и политическим состоянием общества.

Российский исследователь К. В. Волобуев отмечает: «В политическом дискурсе определяется институциональное общение, которое, в отличие от лично-ориентированного общения, использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, то есть обладает собственным подязыком, лексикой, фразеологией...» [5].

Институциональное общение с использованием «особого» языка выступает как свидетельство обширной вовлеченности современного социума в политические процессы, выстраивания коммуникации людей через призму их принадлежности к определенной социальной группе, концептуальной взаимозависимости идентичности и политической убежденности людей в диалектико-политической трансформации общества.

Современный политический дискурс и его особенности служат для конструирования идентичности, выстраивания знаково-символической и языковой идентификации в системе «свой – чужой». Формирование нарративов идет на всех уровнях развития иерархии идентичности [6, с. 86], их постоянное повторение формирует коллективное политическое сознание и закрепляет в индивидуальной идентификации и активности политических субъектов. Нарративы политического дискурса становятся основой конструирования идеологии белорусского государства, выстроенной в результате целенаправленной политической коммуникации социальной идентичности.

Особая роль в формировании идентификационных дискурсивных практик и проведении политики идентичности в Республике Беларусь среди всех политических субъектов принадлежит государству. Государство в лице своих представителей, в первую очередь Главы государства, депутатов Национального собрания Республики Беларусь, членов правительства и др., обеспечивает формирование политической «повестки дня», использует инструменты публичной политики для создания позитивного восприятия происходящих в стране процессов, системы управления, представительства интересов, политической стратегии и т. д. путем реализации устойчивых дискурсивных практик.

Ценностные ориентации общества, смысловое наполнение социальной идентичности осуществляется также через создание и реализацию концептуальных документов, например Конституции, Концепций национальной, информационной безопасности и т. д., выражающих консолидированное мнение общества и государства по основным смысловым вопросам, вопросам развития. Здесь главным актором политического дискурса в нашей стране выступает Всебелорусское народное собрание, прерогативой которого является их обсуждение и принятие.

Л. Е. Земляков и А. В. Шерис подчеркивают: «Одной из важнейших политических задач для нашей страны (Республика Беларусь) остается суверенное развитие и оптимизация общественных механизмов формирования гражданского самосознания, концентрированного вокруг государства как основного политического института. С этой позиции становится понятно, что становление и формирование идентичности, а также самоидентификации граждан приобретают, в частности для практики государственного управления, важнейшее значение» [7, с. 65].

Исходным кодом для нарративов политического дискурса и деятельности государства в области политики идентичности служат национальные интересы белорусского народа, которые в Концепции национальной безопасности определяются как «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права и свободы, высокое качество жизни граждан, согласие в обществе, незыблемые устои народовластия и правового государства, его независимость, территориальную целостность и суверенитет» [8].

Взаимообусловленность политического дискурса и социальной идентичности, тем не менее, описывается политической наукой на данном этапе в контексте постмодернистской парадигмы осмысления политической реальности как нечто постоянно конструируемое, принципиально подвижное, изменяющееся (т. н. «слабая» версия понимания идентичности, как в случае с современными ситуативными, кризисными, пересекающимися и т. п. идентичностями) [7, с. 66], где самоидентификация внутри социума индивида или группы определяется маркерами заложенного в дискурс этнического, политического или иного шаблона. Верно также и обратное: подвижная самоидентификация формирует актуальные вопросы политического дискурса, его социетальный системный контекст.

Значение социальной идентичности, приверженность сообществу, с которым индивид себя отождествляет, позитивному видению будущего, его нацеленность на личностное и общественное развитие определяются ценностными ориентациями, формирующими социальный климат в обществе, важную для понимания социальных перспектив реальность, субъективную по своей природе, но объективную по значимости для дискурсивных практик.

В условиях роста структурного и функционального разнообразия современных обществ, появления новых экзистенциальных угроз, радикализации социально-политического пространства, ускорения процесса реформирования механизмов глобальной связанности в сторону формирования отдельных замкнутых региональных социально-экономических и социально-политических кластеров стратегии политического дискурса приобретают ярко выраженный ценностный, прецедентный и идеологический характер.

Наполнение социальной идентичности необходимым содержанием осуществляется как путем выбора для общественного обсуждения поли-

тическими субъектами «значимых мейнстримных тем» и их постоянного воспроизведения в пространстве публичной политики, так и через их деятельность по поддержанию социальной идентичности, через целенаправленную политику идентичности.

Наиболее четко данная взаимообусловленность прослеживается в концепциях общественного развития. Общественное развитие подразумевает движение, приращение нового качества, утверждение новых ориентиров и рубежей, поиски смыслов. «Нынешние поколения живут в условиях радикальных трансформаций информационной технологической среды; идеи и подходы, предлагаемые для анализа характера и социальных последствий этих сдвигов, быстро сменяют друг друга, зачастую требуя пересмотра и переоценки» [9, с. 45].

Концептуализация «развития» в меняющейся социально-политической реальности, критерии ее описания, возможности выявления ее будущих контуров постоянно актуализированы в современном политическом дискурсе. Общественный запрос на «образ будущего» – это запрос, который мотивирует человека на соотнесение личных ценностных установок и социально значимых ориентиров, отраженных в индивидуальных и коллективных идентичностях во временной перспективе. И. С. Семененко отмечает, что «отличительной чертой, характеризующей современные нарративы о развитии, – их политизация: смыслы, вкладываемые в понятие “развития”, оказываются объектом острых политических противостояний между странами, между приверженцами социального государства и их политическими оппонентами из неолиберального лагеря, между сторонниками экологизма и противниками экологического империализма, национализма и космополитизма и т. д.» [9, с. 47]. При этом условность свободного выбора социальных ролей и идентификаций как показателя «высокого уровня развития общества» сопровождается фрагментацией и диффузией идентичностей. Размывание устойчивых ориентиров свидетельствует о кризисе идентичности и необходимости ее пересобрать с учетом распространения политической субъектности на общество в целом, политизации «образа будущего», объективного процесса цифровизации различных сфер общественной жизни и сетевизации политической коммуникации. Нарративы о сетевизации и информатизации социальной жизни делают упор на противоречивых последствиях этих процессов для общественного развития, на необходимости глубокой рефлексии и применении социального воображения для управления процессами государственного развития [9, с. 52].

Пример осмысления данных нарративов в пространстве развития социально-политической реальности позволяет носителям различных идентичностей взаимодействовать вокруг согласованных приоритетов развития, политики его реализации.

Политическое измерение развития в современном политическом дискурсе, в том числе и в нашей стране, также представлено концепциями мо-

дернизации незападного типа, которая предполагает отказ от универсализма в определении социальной идентичности и осмысление общественной динамики в парадигме разделенных и сложных обществ. Основной идеей здесь становится обеспечение управляемости и социально приемлемого качества жизни в условиях растущей сложности современных обществ. Обеспечение управляемости возможно через рационализацию политического процесса и адекватную оценку возможностей и ограничений роста. Немаловажным является и обеспечение национальной безопасности с учетом растущих внутренних (распад) и внешних (военное противостояние) угроз.

Трудности в поисках эффективной и комплексной модели общественно-го развития, которые проявляются по итогам описания древа, объясняются, в том числе, недостаточной связанностью отдельных компонентов той «сложной системы», которую представляют собой современные общества как структурные элементы меняющегося миропорядка [10, с. 69].

Таким образом, процесс наполнения содержания социальной идентичности в современном политическом дискурсе выражается через последовательность действий политических субъектов, в первую очередь государства, по формированию особенной языковой знаково-символической системы, через которую описывается идентичность и идет консолидация общества; последовательным проведением политики идентичности через воспроизводство и повторение определенных значимых тем и нарративов, а также конструирование идентичности в пространстве концепций развития с учетом сложности современных обществ и постоянной задачи обеспечения национальной безопасности со стороны государства.

Список использованных источников

1. *Земляков, Л. Е.* Политика идентичности в развитии идеологии белорусского государства / Л. Е. Земляков, А. В. Шерис // У истоков и в авангарде белорусской политологии: материалы науч. конф., посвящ. 30-летию каф. политологии Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 нояб. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Н. А. Антанович (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2020. – 109–114.
2. *Антанович, Н. А.* Роль научного изучения этнокультурных отношений в формировании политики идентичности / Н. А. Антанович, О. Е. Побережная // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2022. – № 1(75). – С. 81–91.
3. *Семененко, И. С.* Идеи, идеологии, идентичности: от дискурсов к дискурсивной силе / И. С. Семененко // Идентичность в условиях трансформации миропорядка: дискурсы и нарративы. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2023. – № 4. – С. 67–84.
4. *Суханов, Ю. Ю.* Политический дискурс как объект лингвистического анализа / Ю. Ю. Суханов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – № 1. – С. 200–212.
5. *Волобуев, К. В.* Политический дискурс: его стратегия, тактика и функции / К. В. Волобуев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 6-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-ego-strategiya-taktika-i-funktsii> (дата обращения: 02.10.2024).

6. Спиридовский, О. В. Современный политический дискурс: общедоступность или специализированность? / О. В. Спиридовский. // Политическая лингвистика. – 2024. – № 4 (106). – С. 235–240.

7. Земляков, Л. Е. Формирование политической идентичности в современной Беларуси / Л. Е. Земляков, А. В. Шерис // Беларуская думка. – 2019. – № 8. – С. 64–71.

8. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь / Решение Всебелорусского народного собрания, 25 апреля 2024 г. № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0005>.

9. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семененко; ИМЭМО РАН. – Москва: Изд-во «Весь Мир», 2023. – 512 с.

10. Семененко, И. С. «Общественное развитие» в лабиринтах научного дискурса и в приоритетах политической повестки / И. С. Семененко, Т. И. Хайнацкая // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 6. – С. 54–74.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

Ю. Е. Подлесная

Военная академия Республики Беларусь, Минск

Y. E. Podlesnaya

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 323

ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА КАК КРИТИЧЕСКИ ВАЖНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ДЛЯ ПОСТСОВЕТСКИХ НАЦИЙ

SELF-ESTEEM AS A CRITICAL CIVIL COMPETENCY FOR THE POST-SOVIET NATIONS

В статье представлен анализ чувства собственного достоинства как гражданской компетенции. Личное достоинство, являясь точкой внутренней опоры индивида, приобрело особую важность для постсоветских обществ с нарастанием глобальной напряженности в процессе перехода от однополярной к многополярной модели мироустройства. Автором описано, как личное и коллективное чувство собственного достоинства граждан России и Беларуси стало объектом системных гибридных агрессий. Указано, какой должна быть система мер адекватного противодействия деструктивному воздействию для решения задач устойчивого развития Союзного государства.

Ключевые слова: гражданская компетентность; гражданские компетенции; гибридная война; чувство собственного достоинства; симулякр чувства собственного достоинства; индуцированный комплекс неполноценности.

The article presents an analysis of self-esteem as civil competency. Personal dignity, being the point of internal support of the individual, has gained particular importance for post-Soviet societies with an increase of global tension in the process of transition from a single-polar to a multipolar model of the world order. The author describes how the personal and collective sense of self-esteem of citizens of Russia and Belarus have become objects of systemic hybrid

aggression. It is indicated what should be the system of measures of adequate opposition to the destructive impact to solve the tasks of sustainable development of the Union State.

Key words: civil competence; civil competencies; hybrid war; self-esteem; simulacrum of self-esteem; induced complex of inferiority.

В период глобальных геополитических изменений особое значение приобретает внутренняя устойчивость национальных общественно-политических систем. На наш взгляд, она во многом зависит от качества национальной консолидации, то есть консенсуса граждан по поводу происходящих событий и их поддержки действий своего правительства. Мнения и действия людей становятся особенно важны.

В этом смысле целесообразно смещать фокус внимания исследователя в область квалифицирующих предпосылок гражданских процессов, то есть насколько граждане способны, имеют желание и возможность исполнять свои обязанности, реализовывать права или, иными словами, в какой мере они компетентны.

В политологическом аспекте категория гражданской компетентности нами рассматривалась ранее. В узком смысле *гражданская компетентность* выступает как необходимый параметр деятельности личности, социализированной под влиянием гражданских ценностей, норм и правил и выражающийся в наличии знаний и навыков применительно к сфере политического, реализуемых в конкретных институциональных условиях [1].

Еще более предметно гражданская компетентность актуализируется через т. н. *кластеры гражданских компетенций* – перечни конкретных, «узких» гражданских знаний и способностей применительно к различным сферам деятельности индивида: общественно-политической, профессиональной, личной.

Важное место среди гражданских компетенций занимают также психологические и этико-нравственные личностные установки, лежащие в основе мыслительных и поведенческих реакций людей.

После распада СССР новообразованные национальные сообщества столкнулись с объективными масштабными трансформационными процессами, и это обернулось серьезным морально-психологическим стрессом для всех постсоветских граждан.

Впоследствии стало ясно, что т. н. *эпоха после Холодной войны* (*post-Cold War era*) не означала наступление мира и спокойствия. Противостояние России с центром однополярного мира в лице США и Британии продолжилось в формате гибридной войны, перешедшей в феврале 2022 г. в фазу открытого военного конфликта в виде *прокси-войны*¹ на территории Украины.

¹ *Прокси-война* (англ. *proxy war*, также *опосредованная война*, *война по доверенности*, *война чужими руками*) – международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь своих целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьей страны, под прикрытием разрешения внутренне-

Запад не ожидал поддержки Специальной военной операции (СВО) России в Украине как российским обществом [2], так и большей частью стран мира [3]. Его элиты не могут осознать, что главной причиной такой поддержки является банальная усталость людей от того, что их принимают за «недочеловеков». Унижать страны – наследницы великих древних цивилизаций (русской, арабской, китайской, индийской, османской, южноамериканской) нельзя до бесконечности, ибо настает момент предела терпения их народов. Что же именно произошло?

В рамках гибридной войны против бывшего СССР более 30 лет ведется системная работа по деморализации, изменению сознания и поражению психического здоровья как лично граждан, так и постсоветских наций в целом. Отдельной целью для западных политтехнологов стал подрыв *чувства собственного достоинства* (англ., *self-esteem*), которое в социологии и психологии отражает эмоциональную оценку собственной значимости, а также отношение индивида к себе как к личности. Сюда включается мнение о себе и связанные с этим эмоции (например, *радость/отчаяние, гордость/стыд, вера/неверие*). Основанное на глубинных эмоциях, оно непосредственным образом влияет на свободу суждений, силу личной воли, принятие решений и, в итоге, отражается на поведении [4]. Так, по мнению американского ученого-обществоведа Эрика Хоффера, чувство собственного достоинства является «ключом к самореализации» [5].

Вице-президент Российского общества психологов, академик Федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования», профессор Александр Асмолов отмечает: «Любое чувство достоинства основывается на доверии к миру и вере в себя» [6]. А доверие (или недоверие) к миру закладывается с самого раннего детства, и прежде всего в отношениях с матерью. Взаимоотношения с Родиной у человека строятся по такому же принципу. В русском языке мы и называем Родину Матерью. В этом смысле взросление ребенка и воспитание гражданина – идентичные процессы.

Доверие к Родине, любовь к ней как к общему дому и питающей нас земле с самого детства закладывают у человека или чувства доверия, уважения и опоры на нее, или обиду, опасение и ощущение вечной бездомности. В результате разрушения доверия и глубинной связи с Родиной человек на всю жизнь оказывается в самоощущении сироты, стоящего один на один с огромным и холодным миром, сжавшийся от страха и бессильный что-либо изменить. Подобные глубоко лежащие эмоции, сформированные в детстве, впоследствии очень плохо подвергаются коррекции даже высокопрофессиональными специалистами по работе с психикой.

го конфликта в этой третьей стране (классическое определение, данное Карлом Дойчем в 1964 г.).

Именно такое самоощущение и парализованность воли к действию стараются сформировать у постсоветских граждан западные политтехнологии путем системно организованной и стабильно финансируемой работы. Разумеется, столько усилий Запад прилагает не ради морального удовлетворения, а из чисто практических соображений в рамках более широкой программы по колониальному подчинению и ограблению наших территорий.

Разрушение чувства собственного достоинства постсоветских обществ проводится в рамках программы т. н. «декоммунизации» – избавления от наследия «коммунистического тоталитаризма» во всех сферах жизни. Под предлогом декоммунизации на нас льется ложь о нашем общем прошлом, происходит переписывание истории, стирание памяти о подвигах и достижениях наших великих отцов и дедов, отменяется огромный пласт советской культуры с одной только первоочередной целью: разрыв связи поколений, выбивание из-под ног опоры на славную Родину, загон нас в состояние вечного стыда, парализация воли и мысли. И, в конечном счете, полное вверение себя и своего имущества западным менеджерам как представителям «более развитой цивилизации», или, как ими принято себя называть, «всего цивилизованного мира».

Александр Лукашенко на встрече с творческой молодежью, проходившей в Минске 20 марта 2018 г., заявил: «Были потеряны идеалы, чувство собственного достоинства, вера в себя, а с ними – сила, независимость, безопасность страны, как внутренняя, так и внешняя» [7]. По его словам, сегодня необходимо «поднимать национальное достояние», «вспоминать те великие имена», «вспомнить о своем достоянии не только на словах, но и на деле» [7]. Президент Беларуси совершенно верно сказал, за исключением одного нюанса: достоинство не было потеряно само собой – оно было уничтожено.

Уничтожение чувства собственного достоинства проводилось с целью формирования *индуцированного комплекса неполноценности*. Люди с комплексом неполноценности находятся в состоянии перманентной скрытой депрессии, неудовлетворенности, которую они естественно переносят на внешний мир. Ведь многие из этих людей внешне успешны, с хорошим профобразованием и социальным статусом. То есть формально у них нет причин для недовольства и – неосознаваемое – оно годами скрывается внутри.

Из-за неосознанности причин недовольства такие люди хронически ищут объяснение своего дискомфорта вовне, что создает расщепление психики на автономные блоки. А это уже разновидность состояния измененного сознания, по сути, транс в бодрствующем состоянии, которое есть базовое для внедрения в мозг необходимых гипнотизеру нарративов.

Людям в измененном состоянии сознания западная пропаганда предлагает причину для недовольства как объяснение их дискомфорта и инструкцию – что с этой причиной следует делать. Индивиду дают конкретных виновных во всех бедах, на роль которых выбираются те или иные группы

людей с расовыми, политическими, социальными либо любыми другими формами отличия. Важно, что есть тот или те, кому можно отомстить. Если интеллектуальные навыки реципиента недостаточны, это моментально и без всякой критики воспринимается как повод к действию.

Одновременно с причиной и планом действий манипуляторы формируют *симулякр*¹ чувства собственного достоинства – создают ложные конструкции, параллельную реальность: вранье по поводу истории, высоких достижений, выдающихся качеств, менталитета нации, ее текущей ситуации и перспектив. Майданным борцам в 2014 г. рассказывали, что они «справжні» (*настоящие*), белорусским змагарам в 2020 г. – что они «*невероятные*». После Майдана от украинцев часто можно было услышать, что «люди наконец-то почувствовали гордость за страну и нацию».

Как иллюстрацию методики создания искусственных миров приведем цитату из статьи сотрудника Волынского центра исторических и геофизических исследований «Ровно-Суренж» В. А. Демьянова «Укры и украинцы: забытая история предков»: «Укры – это специфическая группа людей, древняя каста, интеллектуальная верхушка древнего общества, носители высоких духовных знаний. Это одаренные от Бога люди, люди древних духовных Знаний, люди с чрезвычайной развитой собственной энергетикой (биоэнергетикой), которые способны влиять на окружающих людей и мир. Это носители очень древнего духовного мировоззрения, которое они распространяли тысячелетиями на огромных просторах Евразии!» [8].

Непрерывный поток подобных вбросов действует как идеологический «виртуальный наркотик» – средство для искусственного облегчения боли и вхождения в состояние эйфории. Но каждая новая «порция» такого наркотика требует все более сильнодействующего и поражающего воображения, в результате чего информационный абсурд неизбежно прогрессирует. В итоге появляется масса индивидов, верящих в сбивание вражьего беспилотника банкой огурцов с балкона [9], изнасилованного пятью российскими десантниками годовалого ребенка [10], подрыв украинской девушкой-военнослужащей 52 русских танков и пр. [11].

В результате такого рода манипуляций с достоинством людей в обществе порождается своеобразная «армия» прозападных «зомби наяву» – та самая «пятая колонна»². Поэтому если мы ответственные граждане своей страны, то просто обязаны обеспечить у себя наличие самоуважения и здорового мышления. В этом смысле полноценное чувство собственного до-

¹ *Симулякр* (фр. *simulacre* от лат. *simulacrum* – подобие, копия) – ключевой термин постмодернистской философии, означающий образ, лишенный идентичности с предметом, но создающий эффект подобия.

² «Пятая колонна» (исп. *quinta columna*) – наименование агентуры генерала Франко, действовавшей во время Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. В современном политическом сленге словосочетание употребляется по отношению к различным типам внутреннего противника.

стоинства – личная гражданская компетенция, критично важная для нашего общества.

Для обеспечения такого чувства, полагаем, нам следует вести работу по двум направлениям.

Первое направление – выстраивание в обществе системы по противодействию гибридным операциям, исцелению и построению защитных механизмов психики нации.

Второе направление – систематическое разъяснение гражданам о необходимости их собственных усилий, направленных на диагностику и коррекцию своего личного сознания и поведения. Каждому гражданину важно осознать, что инсинуации западной пропаганды о нас – просто грязная ложь. Несомненно, наше общество, как и любое другое, не является идеальным. Но суть в том, что нам по праву есть чем гордиться и в прошлом, и в настоящем.

При этом важно понимать масштаб воздействия на свою психику и осознанно стремиться нивелировать его эффекты. Признаком успеха будет изменение личного эмоционального состояния, когда человек станет искренне, от души гордиться своей страной, нацией, достижениями предков и с оптимизмом смотреть в будущее, не унижая и не ненавидя при этом другие страны и народы.

Время для такого понимания гражданами Союзного государства объективно настало. Как ни грустно констатировать, но СВО стала своеобразным катарсисом для травмированной психики постсоветских обществ, когда, с одной стороны, россияне вновь ощутили собственную внутреннюю правоту, а с другой – они начали активно действовать.

Сам факт действия очень важен. По мнению менеджера проектов Российского общественного объединения инвалидов «Перспектива» Михаила Новикова, чувство собственного достоинства человек обретает тогда, когда ощущает себя самостоятельным и независимым [6], то есть он выносит собственные суждения и осуществляет активные действия. СВО стала инструментом восстановления поруганной чести советско-русского народа, утверждения им себя как активного актора на современной глобальной арене, возвращения контроля за своей жизнью и страной в собственные руки.

Отъезд «чести и совести нации» на историческую родину в Израиль и другие недружественные страны тоже стал симптомом реального очищения общества, его исцеления от скрытых деструктивных установок и освобождения от вредоносных элементов. Даже экспроприация зарубежных активов у российских олигархов, по мнению народа, заслужена ими.

Беларусь после 2020 г. также увидела исход т. н. «креативного класса» в западном направлении. Уезжали считавшие себя «лучшими», однако спустя четыре года очевидно, что жизнь в стране только получила новый импульс для позитивного развития. Многие из «испуганных патриотов» возвращаются или планируют вернуться домой после предательства и де-

монстрации своего истинного отношения к российскому и белорусскому народам. Будем надеяться, они извлекут уроки из прежних ошибок.

Однако возврат к прежнему состоянию общества невозможен. Когда все вместе мы не смогли предотвратить, по сути, гражданскую войну братских российского и украинского народов, самые глубокие пласты психики нации пришли в тектоническое движение, и дороги назад быть более не может: «Поле есть мир; доброе семя – это сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого; Враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века» (Евангелие от Матфея, 13 глава, 38–43).

Идет диалектически неизбежный переход на новый уровень спирали общественного развития. В этот момент исцелить общее и личное чувство собственного достоинства, начать решительно действовать в своих интересах – гражданский долг каждого.

Список использованных источников

1. Подлесная, Ю. Е. Гражданская компетентность в современном обществе: политологические аспекты формирования и развития: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Подлесная Юлия Евгеньевна; МГУУ Правительства Москвы. – Москва, 2006. – 21 с.
2. Специальная военная операция: мониторинг. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-monitoring-20223006> (дата обращения: 09.02.2025).
3. Кто поддерживает войну России, кто нейтрален, кто за Украину: карта мира от The Economist. – URL: <https://news.liga.net/politics/news/kto-podderzhivaet-voynu-rossii-kto-nejutralen-kto-za-ukrainu-karta-mira-ot-the-economist> (дата обращения: 09.02.2025).
4. Зайцева, Ю. Чувство собственного достоинства в структуре личности / Ю. Зайцева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. – 2008. – Вып. 4. – С. 289–297.
5. Хоффер, Э. Истинноверующий: мысли о природе массовых движений / Э. Хоффер. – Минск: ЕГУ, 2001. – С. 41.
6. Психологи рассказали, как воспитать чувство собственного достоинства. – URL: <https://ria.ru/20121017/903339431.html> (дата обращения: 05.12.2024).
7. Встреча с творческой молодежью. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-tvorcheskoj-molodezhju-18363> (дата обращения: 05.12.2024).
8. Демьянов, В. Укры и украинцы: забытая история предков / В. Демьянов. – URL: https://rivne-surenzh.com.ua/ru/our_articles/117 (дата обращения: 05.12.2024).
9. Жену Зеленского высмеяли за историю про сбитие дрона банкой помидоров. – URL: <https://easaily.com/ru/news/2023/03/17/zhenu-zelenskogo-vysmeyali-za-istoriyu-pro-sbitie-drona-bankoy-pomidorov> (дата обращения: 09.02.2025).
10. Украинский омбудсмен уволена за большие фантазии. – URL: <https://rg.ru/2022/05/31/ukrainskij-ombudsmen-uvolena-za-bolnye-fantazii.html> (дата обращения: 09.02.2025).
11. «Фейк», «спектакль» и «провокация»: Российские политики – о событиях в Буче. – URL: <https://rtvi.com/news/feyk-i-provokatsiya-medvedev-i-volodin-o-sobytiyakh-v-buche> (дата обращения: 09.02.2025).

(Дата подачи: 26.02.2025 г.)

О. А. Посталовская

Белорусский государственный экономический университет, Минск

O. A. Postalovskaya

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 327+502.1

КОММУНИКАЦИИ КАК ФАКТОР ЭКОПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

COMMUNICATIONS AS A FACTOR OF ECO-POLITICAL ACTIVITY

Статья посвящена комплексному исследованию коммуникационных оснований экологической политики, которая понимается как системная социальная технология. Раскрывается понятие «экологическая коммуникация». Автор приходит к выводу, что эффективность экологической политики зависит от возможности конструктивной коммуникации всех субъектов экополитического процесса.

Ключевые слова: экологическая политика; коммуникация; экокоммуникация; экополитический процесс.

The article is devoted to a comprehensive study of the communication foundations of environmental policy, which is understood as a systemic social technology. The concept of “environmental communication” is revealed. The author comes to the conclusion that the effectiveness of environmental policy depends on the possibility of constructive communication of all subjects of the ecopolitical process.

Keywords: environmental policy; communication; ecocommunication; ecopolitical process.

Коммуникация является необходимой составной частью политической сферы жизнедеятельности общества, что обусловлено природой политики как коллективной, сложно организованной целенаправленной деятельности. Все сферы жизни общества априори содержат в себе коммуникационное основание. В политической сфере в качестве такого основания выступает интеракция различных субъектов политики – индивидов, социальных групп, институтов по поводу установления, функционирования или изменения власти в обществе. При помощи коммуникации осуществляется взаимодействие внутри политической системы – между ее элементами и с внешней средой – между политической системой и обществом в целом. Концепт коммуникации является актуальным, сложным и неоднозначным в современной политической науке. Практики коммуникации выступают в качестве инновационного потенциала, с помощью которого можно управлять общественным сознанием, оказывать влияние на становление ценностных ориентаций и социальных установок.

Цель представленной статьи – политологический анализ коммуникаций, выступающих фактором формирования экополитической деятельности и экополитического процесса в целом.

В настоящее время коммуникация является необходимым фактором экополитической деятельности. В условиях изменения глобального мирового порядка и трансформации современного общества ее роль в формировании и реализации экологической политики постоянно возрастает. Решение экологических проблем в любой стране зависит не только от государственного и международного контроля над соблюдением природоохранного законодательства, финансирования мероприятий в области охраны окружающей среды, но и от привлечения усилий всего мирового сообщества для их разрешения, что требует активной коммуникации среди всех его членов. «Посредством коммуникации происходит системное внедрение в сознание людей новых взглядов на окружающую среду и ценность природного мира» [1, с. 838].

Экологические знания стали источником для появления новых научных направлений, закрепив рассмотрение экологических проблем в научной литературе на основе междисциплинарного подхода. «Экологические идеи овладели массами, став одним из главных трендов современной политической науки. При этом появление политической экологии способствовало дальнейшим исследованиям в области развития отношений между политическими, экономическими и социальными факторами, связанными с проблемами охраны окружающей среды» [2, с. 199]. В современном мире научное сообщество сходится на том, что «от результатов реализации инструментов политики в экологическую сферу напрямую зависит не только долговечность любого государства, но и мира в целом, поэтому углубление в особенности формирования, содержания и направленности экологической политики становится всё более важным» [3, с. 7].

Учитывая, что природная среда является как социальной, так и политической категорией, а экологическая политика – это системная социальная технология и деятельность социальных субъектов по управлению экологической сферой в целях обеспечения рационального использования природных ресурсов и регулирования воздействия общества на природу [4, с. 29–30], в современном научном знании возникает новый термин «экологическая коммуникация». Сущность экологической коммуникации – циркуляция экологической информации, которой на межличностном, групповом и организационном уровнях обмениваются участники коммуникационного процесса, осуществляя деятельность, направленную на создание благоприятной экологической среды [1, с. 838]. В рамках заявленной стратегии исследований «экологическая политика является обязанностью управления экологической сферой для обеспечения рационального использования природных ресурсов и регулирования воздействия общества на природу» [3, с. 10].

Российский исследователь Е. В. Панова выделяет следующие типы экологической коммуникации: социальная, кризисная и стратегическая. «Социальные экологические коммуникации носят горизонтальный харак-

тер и направлены на информирование целевых аудиторий, при этом их пассивное участие ограничивает степень влияния на экологическую программу. Кризисным коммуникациям характерна вертикальная структура, которая предполагает наличие одного центра управления коммуникативными потоками. Стратегические коммуникации отличает долгосрочная направленность действий и мобилизация сообщества для проведения устойчивых социальных изменений» [5, с. 628]. Определяя основные характеристики названных типов, исследователь указывает, что именно «стратегические экологические коммуникации носят глобальный характер. Они направлены на достижение цели, которая касается развития общества в целом» [5, с. 634].

«Коммуникационные основы экологической политики осуществляют прагматическую и конституциональную функции. Сущность первой сводится к обучению, предупреждению, убеждению, сотрудничеству, второй – формированию понимания экологических проблем большими человеческими коллективами» [1, с. 838].

Экологический алармизм в информационном поле способствует включению большего количества акторов в экоммуникационный процесс. Степень их воздействия на экологическую политику различна по своим масштабам, она зависит от целей и задач деятельности этих субъектов, возможностей и положения, которое они занимают в системе политических отношений. Но очевидным является факт, что проблемы охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности не могут быть успешно решены усилиями одних лишь государственных институтов. Начало систематического осуществления государствами экологической политики было результатом развития гражданских экологических инициатив и массового алармистского экологического движения в США и Западной Европе в середине XX в. Именно общественные организации первыми начали привлекать внимание общественности к экологическим проблемам, предпринимать меры по изменению общественного сознания в сфере отношений «человек – общество – природа». Экологические организации повсеместно начали борьбу за включение экологических проблем в политическую повестку, и эта их деятельность стала началом их собственного участия в формировании и проведении экологической политики.

Одним из ключевых источников алармизма выступает экспертное общество, представители которого взаимодействуют со всеми субъектами экологической политики и оказывают большое влияние на экополитический дискурс. Они могут предлагать общественности новые подходы к анализу экологической политики, формированию новых политических практик, рационализации процесса принятия политических решений в области экологии, что будет способствовать формированию эффективной и целеориентированной экологической политики. «Включение новых акторов усиливает алармистские настроения, поэтому можно утверждать, что традиционный

подход правительства к реализации политики «сверху вниз» дополняется активностью «снизу вверх» [6, с. 65–66]. Активными участниками коммуникативного взаимодействия в рамках экополитической деятельности являются государства, политические партии, общественные организации, средства массовой информации и коммуникации. В настоящее время о себе как о субъектах экологической политики активно заявляют транснациональные корпорации, бизнес-структуры, научные и общественные объединения, группы интересов и лоббирования, политические и неполитические международные организации и т. д. Изучение их влияния на государственную экологическую политику позволяет глубже взглянуть на процесс ее формирования и механизмы реализации.

Необходимо отметить, что в условиях эконокоммуникативной интеракции важной становится такая ценность, как политическая ответственность. Она носит глобальный характер несмотря на то, что ее носителями становятся конкретные политические институты. «Государство должно принять на себя еще одну характеристику, становясь, наряду с правовым, социальным еще и экологическим. Особенностью экологического государства является политика ответственности в рамках принципа, согласно которому, неся ответственность за планету, ты защищаешь государство, а не наоборот» [7, с. 221]. Государству и научному сообществу необходимо максимально информировать население о полной картине имеющихся экологических проблем. «Необходимо большее взаимодействие между национальными правительствам, а правительствам нужна новая ступень взаимодействия в деле выработки новой планетарной экологической политики» [8, с. 30]. Экологизация всех сторон жизнедеятельности общества, и прежде всего механизмов ответственности, в перспективе приведет к возрастанию социальной составляющей в развитии современного государства и реализации прав человека на здоровую окружающую среду. «Экологизация сознания и широкое распространение экологических знаний являются одним из главных направлений экологической политики наряду с технологическими и инновационными решениями, новыми экологическими стандартами для устойчивого развития, экологической экспертизой и проектами зеленой экономики» [9, с. 149].

Коммуникации присуща идеологическая составляющая. Общий политический и социально-экономический контекст находит проявление в любом виде коммуникации. «Формирование концептуальных основ экологической идеологии позволяет сделать качественный скачок как в увеличении ее влияния, так и в понимании фундаментальных процессов современного социального и политического развития» [7, с. 221]. Развитие экологической идеологии, совершенствование общественных и личных ценностей с опорой на систему экологического образования и воспитания населения повышает участие гражданского общества в принятии экологических решений. «Усиление процессов коммуникации и вовлечение в процесс принятия и реали-

зации решений в сфере экологии новых участников позволит установить баланс интересов государства – общества – личности» [10, с. 39].

Экологические проблемы в современной политике достаточно остро стоят практически перед всеми странами и, по сути, ставят на повестку дня вопрос о будущем всего человечества. «Экология играет важную роль в современном переустройстве международных отношений» [11, с. 60]. «Расчет понимание того, что климатическая чрезвычайная ситуация является не только экологической проблемой, но в первую очередь – проблемой человеческого развития» [6, с. 66]. Поэтому рассматривать коммуникацию, в том числе в сфере экологии, целесообразно и как явление, относящееся к множеству связей системы международных отношений. «С точки зрения политического потенциала экологические проблемы и охрана окружающей среды сопоставимы с экономическим инструментарием, “мягкой силой” и даже военно-политическим фактором» [12, с. 180]. Включение климатических и экологических вопросов в политическую повестку дня ведущих стран стало реальностью. «За ростом алармизма неизбежно последует ужесточение экологических норм. Поэтому сегодня важно выстроить такую экологическую и климатическую политику, которая будет соответствовать реальным вызовам и угрозам, и искать возможности конструктивного взаимодействия вовлеченных в поиски решений субъектов» [6, с. 66].

Конструктивная коммуникация между участниками эколого-политических отношений и органами государственной власти, стремление сделать такое сотрудничество гибким и открытым, активно иницилирующим диалоги обеих сторон, быть готовым к компромиссам – это в перспективе позволит решить многие экологические проблемы. Изучение коммуникации как фактора экополитической деятельности выступает одним из важнейших направлений экополитологии. В условиях геополитической турбулентности проблема взаимодействия всех участников экополитического процесса приобретает все большую остроту. Важен «анализ политических процессов в связи с опытом взаимодействия сообществ людей, государственных, политических систем с экологическими проблемами, включая оценку принимаемых управленческих решений и их последствий, научный анализ последствий этих решений в конкурентной борьбе сообществ людей и государственных систем за ограниченный ресурс биосферы» [13, с. 107].

Новым современным и одним из самых эффективных инструментов экологической политики должна стать интегративная политика в сфере экологии: вовлечение в процесс ее реализации всех субъектов экополитического процесса, установления диалога между ними. «Развитие технологий и средств коммуникации, рост экологической проблематики и социальных требований оказывают существенное влияние на формирование современной экологической политики» [14, с. 765].

Таким образом, анализ коммуникации как фактора экологической политики показал, что в современных условиях, во-первых, коммуникация

становится ориентиром для политических решений в сфере экологии, она объединяет участников экополитического процесса, способствуя формированию системы норм, убеждений, ценностей, на основе которых происходит разработка государственных эколого-политических программ, проектов, мероприятий, определяются механизмы для их успешной реализации. Во-вторых, коммуникация становится фактором экологизации сознания граждан. Становление нового типа сознания общества – экологического сознания, с одной стороны, представляет собой целенаправленную деятельность субъектов экологической политики, а с другой – является следствием их деятельности. «Основная задача на XXI век – глобальная программа, ориентированная на формирование экологического мышления, подготовка к решению проблем ближайшего будущего» [15, с. 166]. Результативность проведения современной экологической политики во многом зависит от полноты содержания экологической информации. В условиях изменения глобального мирового порядка и трансформации современного общества информированность общественности по вопросам охраны окружающей среды, конструктивное взаимодействие с органами государственной власти выступают в качестве необходимых факторов экологической политики современного государства.

Список использованных источников

1. Писковский, Д. М. Коммуникационные основы экологической политики / Д. М. Писковский, Л. С. Гагаркина // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2022. – Т. 3. – С. 837–838.
2. Мармазова, Т. И. Политическая экология: теория и прикладное значение / Т. И. Мармазова, М. В. Фоменко // Право и практика. – 2021. – № 1. – С. 198–204.
3. Волох, В. А. Экологическая политика: некоторые вопросы теории и практики / В. А. Волох // Вестник Института мировых цивилизаций. – 2022. – Т. 13, № 1(34). – С. 6–12.
4. Посталовская, О. А. Экологическая политика: теория и социально-политическая практика: монография / О. А. Посталовская. – Минск: РИВШ, 2020. – 144 с.
5. Панова, Е. В. Экологические коммуникации: основные типы и характеристики / Е. В. Панова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 628–643.
6. Хайнацкая, Т. И. Экологический алармизм как политический дискурс / Т. И. Хайнацкая // Южно-российский журнал социальных наук. – 2021. – Т. 22, № 2. – С. 53–73.
7. Волков В. А. Формирование концептуальных основ экологической идеологии / В. А. Волков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 201–224.
8. Кошмаров, М. Ю. глобальные аспекты коммуникации экологической идеологии / М. Ю. Кошмаров, А. В. Маноило // Вестник Московского университета. – 2021. – № 1. – С. 23–35.
9. Душкова, Д. О. Экологизация сознания как один из основных принципов экологической политики / Д. О. Душкова, С. Н. Кириллов // Вестник ВолГУ. Серия 3. – 2017. – Т. 19, № 2. – С. 148–158.
10. Вульфович, Р. М. Политическая экология как методологическая основа определения эффективной экологической политики / Р. М. Вульфович, М. С. Ефремова // Южно-российский журнал социальных наук. – 2023. – Т. 24, № 2. – С. 35–37.

11. Панова, Е. В. Экологическая политика развитых государств: общее и различие / Е. В. Панова // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2023. – Т. 25, № 1. – С. 59–83.
12. Харитонова, Н. И. Экогеополитика как новый концепт в геополитической парадигме международных отношений / Н. И. Харитонова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – Вып. 86. – С. 178–199.
13. Якуцени, С. П. Политическая экология и безопасность России / С. П. Якуцени // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 4. – С. 107–109.
14. Панова, Е. В. Место и роль экологической коммуникации в современной экологической политике / Е. В. Панова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2023. – Т. 12, № 4. – С. 763–783.
15. Астанин, Д. М. Пятый уровень организации природоохранных систем: международное право. Эволюция институтов экологической глобальной политики / Д. М. Астанин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского – 2017. – Т. 2 (68), № 1. – С. 163–175.

(Дата подачи: 11.02.2025 г.)

В. А. Пресняков

Белорусский государственный экономический университет, Минск

V. A. Presnyakov

Belarus State Economic University, Minsk

УДК 323

КОНЦЕПТ СТАБИЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ОТ КЛАССИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К СОВРЕМЕННЫМ ИНТЕРПРЕТАЦИЯМ

THE CONCEPT OF STABILITY IN SOCIO-POLITICAL THOUGHT: FROM CLASSICAL APPROACHES TO MODERN INTERPRETATIONS

В статье рассматривается концепт стабильности в социально-политической мысли через призму классических и современных теоретических подходов. Анализируются два ключевых подхода к интерпретации стабильности: структурный, основанный на институциональной устойчивости, и процессуальный, рассматривающий стабильность как динамический процесс адаптации и саморегуляции. В статье акцентируется внимание на том, что стабильность не является статичным состоянием, а представляет собой результат сложного взаимодействия структурных и динамических факторов.

Ключевые слова: политическая стабильность; институциональная устойчивость; адаптация; саморегуляция.

The article examines the concept of stability in socio-political thought through the prism of classical and modern theoretical approaches. Two key approaches to the interpretation of stability are analyzed: structural, based on institutional stability, and procedural, considering stability as a dynamic process of adaptation and self-regulation. The article emphasizes that stability is not a static state, but a result of the complex interaction of structural and dynamic factors.

lity as a dynamic process of adaptation and self-regulation. The article emphasizes that stability is not a static state, but is the result of a complex interaction of structural and dynamic factors.

Keywords: political stability; institutional stability; adaptation; self-regulation.

Концепция стабильности в социально-политической теории уже давно находится в центре научных исследований, прослеживая ее эволюцию от классических философских основ к современным подходам. В данном контексте стабильность означает не только поддержание порядка в обществе, но и устойчивость политических структур перед лицом перемен. Классические теоретики, такие как Платон и Аристотель, рассматривали стабильность через призму добродетели и идеального государства, утверждая, что этическое управление имеет решающее значение для социальной гармонии. Напротив, современные интерпретации расширяют этот дискурс, охватывая более широкий спектр факторов, включая экономические условия, социальную сплоченность и влияние глобализации. Рассмотрение этого развития показывает историческую основу стабильности в социально-политической мысли и подчеркивает ее актуальность для формирования политики и повышения устойчивости современных обществ.

В рамках анализа существующих научных подходов к изучению стабильности можно выделить две ключевые концептуальные парадигмы. Первая (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, П. Бурдьё, Т. Парсонс, В. Парето) интерпретирует стабильность как результат функционирования институциональных механизмов и устойчивых социальных структур. Вторая (И. Пригожин, Э. Гидденс) исходит из понимания стабильности как динамического процесса, основанного на адаптации, саморегуляции и трансформационных изменениях. Таким образом, в настоящем исследовании стабильность анализируется через взаимодействие двух взаимодополняющих концепций: *структурной (статической)*, опирающейся на институциональную устойчивость, и *процессуальной (динамической)*, подчеркивающей адаптивную природу социальных систем.

В таком ключе интересно рассмотреть концепцию стабильности с точки зрения статики и динамики. Статика сосредоточена на изучении структуры общества в конкретный момент времени, включая анализ институтов, организаций и иерархий, предоставляя неподвижный обзор установленных элементов общества, а динамика охватывает процессы изменения в обществе со временем, такие как социальные движения, политические реформы, экономические трансформации и т. д. Понимание взаимодействия между статикой и динамикой позволяет не только выявить устойчивые элементы, но и определить факторы, способствующие изменениям в социальной структуре, что является ключом к разработке эффективных стратегий для повышения устойчивости общества.

В рамках своего позитивистского подхода О. Конт, как трактует И. Н. Юренков [1], рассматривал стабильность общественной системы через призму гармоничного взаимодействия ее элементов, где порядок фор-

мируется за счет структурного равновесия и симметрии. В его концепции стабильность предстает как состояние, при котором система сохраняет свою целостность за счет закрепления норм и минимизации деструктивных факторов. Такой подход отражает классический концепт социально-политической мысли, в которой стабильность интерпретируется как результат жесткой институциональной фиксации, обеспечивающей предсказуемость общественного развития. В этом контексте общество мыслится как закрытая система, где устойчивость обеспечивается сохранением традиционных механизмов регулирования и предотвращением радикальных трансформаций.

Альтернативная позиция была у английского ученого Г. Спенсера. В своих трудах он писал, что «изменчивость есть закон всех вещей, справедливый по отношению к каждому отдельному предмету и ко всей вселенной. Природа в ее бесконечной сложности постоянно стремится к новому развитию. Каждый последовательный результат порождает нового деятеля для изменения в известной степени всех последующих произведений» [2, с. 34]. Иными словами, высказывания Г. Спенсера исключают статичность, подчеркивая фундаментальную изменчивость природы и общества. Кроме того, устойчивость систем может быть достигнута только при условии адаптации к изменениям, что позволяет нам рассматривать стабильность через призму адаптивного поведения систем.

Э. Дюркгейм считал, что стабильность и изменения социальной системы опираются на институты. В своей работе он отмечал, что «человеческие общества представляют собой новое явление особой природы, заключающееся в том, что определенные способы действия навязываются или по крайней мере предполагаются извне индивидуума и дополняют его собственную природу: таков характер “институтов” ...Они приобретают субстанциальность по мере смены людских поколений, причем эта смена отнюдь не вредит преемственности институтов» [3, с. 366]. Данное утверждение акцентирует внимание на специфике общественных систем, в рамках которых институты формируются как ключевые механизмы социального регулирования, интегрирующие индивидуальные практики в более широкую структуру общественного порядка. В процессе исторического развития институты не только закрепляют нормы и правила, но и адаптируются к изменяющимся условиям, обеспечивая преемственность и устойчивость социальной системы.

Принципиально важным является утверждение Дюркгейма о том, что смена поколений не разрушает институты, а, напротив, способствует их адаптации и продолжению существования. Это положение подтверждается эмпирическими наблюдениями: политические, экономические и культурные институты, несмотря на трансформации, сохраняют свою функциональную значимость, поскольку в процессе социализации индивиды усваивают их как естественные элементы общественной структуры. Например,

институт государства, несмотря на изменения форм правления и политических режимов, продолжает выполнять свои базовые функции регулирования и управления.

В подтверждение ключевой роли государства как системообразующего элемента стабильности общества можно привести мнение французского мыслителя П. Бурдьё, который в своем курсе лекций определял государство как «принцип организации согласия как присоединения к социальному порядку, к фундаментальным принципам социального порядка, что оно есть основание не обязательно консенсуса, но самого наличия обменов, приводящих к разногласию» [3, с. 51–52]. Согласно его интерпретации, государство не просто навязывает определенные нормы, но действует на более глубоком уровне, структурируя социальное восприятие и формируя представления об естественности установленного порядка. Этот процесс происходит не только через институты принуждения (например, суды), но и через систему символической власти, включающую образование, медиа и политические дискурсы.

Если исходить из понимания, что социальные (общественные) системы представляют собой сложные образования, функционирование которых зависит от взаимодействия разнообразных структурных компонентов, то для достижения устойчивой институционализации в этих системах необходимо, чтобы институты следовали определенным ценностям и нормам. Однако сами эти ценности и нормы могут стать частью институциональной структуры лишь тогда, когда они активно воплощаются в жизнь через действия конкретных групп и ролей в процессе формирования и поддержания социальной структуры.

В связи с этим нам необходимо перейти к пониманию общества в социальной системе, которое будет наиболее точно определять процессы стабильности и устойчивости. В данном контексте целесообразно обратиться к концептуальному подходу Т. Парсонса, который интерпретировал общество как наиболее самодостаточный тип социальной системы, обладающий способностью к автономному функционированию в рамках окружающей среды. Как отмечал мыслитель, «общество есть тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы ...Самодостаточность в отношении среды означает стабильность отношений взаимодействия и способность контролировать взаимообмен в интересах своего функционирования» [4, с. 20]. Иными словами, общество как социальная система характеризуется высокой степенью самодостаточности, позволяя поддерживать стабильность и контролировать взаимообмен с окружающей средой.

Идеи В. Парето отражают представление о социальной системе как инерционном образовании, обладающем способностью к саморегуляции и восстановлению исходного состояния после воздействия внешних фак-

торов. В его концепции общество рассматривается как структура, которая не только сопротивляется изменениям, но и стремится вернуться к установленному равновесию [5, с. 318]. В. Парето подчеркивает, что любые внешние вмешательства, нарушающие стабильность системы, вызывают ответные реакции, направленные на восстановление прежней конфигурации. Этот механизм свидетельствует о внутренней устойчивости социальных структур и их способности адаптироваться к изменениям без потери целостности. Таким образом, стабильность в его понимании представляет собой не просто сопротивление трансформациям, а сложный процесс регуляции, при котором система стремится к балансированию между необходимостью перемен и сохранением фундаментальных основ своего функционирования.

В качестве примера системы с описанными выше свойствами можно рассмотреть функционирование правового государства. Так, когда система сталкивается с внешним воздействием, например, с политическим кризисом, механизмы саморегуляции вступают в действие: парламент может инициировать пересмотр законодательства, чтобы устранить причины кризиса, судебная система обеспечивает соблюдение законов, а исполнительная власть обеспечивает реализацию необходимых мер для стабилизации общественно-политической ситуации. Кроме того, адаптивность системы во многом определяется качеством обратной связи между государственными институтами и обществом. Чем более прозрачны и институционализированы механизмы учета общественного мнения, тем выше способность системы сохранять устойчивость без радикальных изменений ее основ. Так, правовая система, будучи динамичной структурой, не только обеспечивает порядок и предсказуемость, но и играет ключевую роль в регулировании социальных и политических процессов, предотвращая хаос и создавая условия для эволюционного развития общества.

В контексте исследования стабильности значимым моментом стало изучение структурных процессов лауреатом Нобелевской премии по химии И. Пригожиным. В своей работе он разработал концепцию самоорганизующихся систем, где устойчивость достигается не за счет сохранения структуры, а за счет адаптации и эволюции.

Анализ структурной устойчивости в концепции И. Пригожина демонстрирует, что системы реагируют на внедрение новых элементов, которые могут воспроизводиться и оказывать влияние на внутренние процессы. Исследуя поведение сложных систем, ученый описывает, что вводимые в небольшом количестве в систему новые составляющие приводят к возникновению новой сети реакций между ее компонентами. Новая сеть реакций начинает конкурировать со старым способом функционирования системы. Если система структурно устойчива относительно вторжения новых единиц, то новый режим функционирования не устанавливается, а сами новые единицы («инноваторы») погибают. Но если структурные флуктуации

успешно «приживаются», то вся система перестраивается на новый режим функционирования: ее активность подчиняется новому «синтаксису» [6, с. 251].

Изучение концепта структурной устойчивости, основанный на исследованиях И. Пригожина, позволяет сделать вывод о том, что стабильность социальных систем определяется их способностью реагировать на внедрение новых элементов. Ключевым фактором выступает механизм адаптации: если система обладает ресурсами для нейтрализации или ассимиляции внешних воздействий без утраты своей целостности, она сохраняет существующий порядок и продолжает функционировать в установленном режиме. В противном случае успешная интеграция новых элементов ведет к трансформации структуры, инициируя переход системы на иной уровень организации. На наш взгляд, данный подход создает теоретические основания для изучения политической стабильности с позиции теории сложных систем, позволяя рассматривать ее как динамический процесс, обусловленный взаимодействием множества факторов. Такой анализ дает возможность выявить механизмы адаптации политических институтов, оценить их способность к саморегуляции и предсказать условия, при которых система сохраняет устойчивость, балансируя между порядком и необходимостью изменений.

Следующей вехой развития мысли о процессах устойчивости и стабильности в социуме стала теория структуризации Э. Гидденса. Под стабильностью, а также постоянством и социальной устойчивостью ученый понимал «“фиксированный” характер атмосферы, в которой протекает повседневная жизнь, переплетается с рутинной ежедневного существования» [7, с. 22]. Английский исследователь делает важное наблюдение: стабильность в обществе – это не просто отсутствие изменений, а результат устойчивости институциональных практик, встроенных в ежедневную жизнь индивидов. Предсказуемость социальной среды, по его мнению, создает условия для нормализации поведения, закрепления коллективных ценностей и укрепления социальных институтов. Стабильность, таким образом, формирует базу для социальной сплоченности, что, в свою очередь, укрепляет институциональные структуры и способствует устойчивому развитию.

В рамках теоретического подхода Э. Гидденса ключевым является различие между структурой и социальными системами [7, с. 68–69]. Структура в его концепции представляет собой совокупность устойчивых норм, правил и ресурсов, которые обеспечивают воспроизводство социальных институтов и формируют основу общественной жизни. Эти элементы не привязаны к конкретному времени и пространству, а существуют как устойчивые модели взаимодействия, закрепленные в коллективной памяти и социальных практиках. Социальные системы, напротив, обладают динамическим характером и проявляются через повторяющиеся действия и взаимодействия индивидов. Они формируются и воспроизводятся в конкретных исторических

и пространственных условиях, отражая ситуативную активность субъектов. Таким образом, если структура является абстрактной матрицей социальных отношений, то социальные системы представляют собой ее эмпирическое выражение, изменяющееся под влиянием конкретных социальных процессов. Это различие позволяет рассматривать политическую стабильность общества не как фиксированное состояние, а как процесс, в котором устойчивые элементы структуры взаимодействуют с постоянно трансформирующимися социальными практиками.

Из этого вытекает, что структура социальной системы является ее концептуальным каркасом, определяющим принципы функционирования, механизмы воспроизводства и степень устойчивости институционального порядка. Именно через устойчивые нормативные и ресурсные элементы поддерживается преемственность социальных и политических практик, что позволяет сохранять целостность системы даже в условиях внешних и внутренних изменений. В то же время социальные системы, в отличие от структуры, обладают высокой степенью динамичности, поскольку формируются и изменяются в процессе взаимодействия индивидов и групп. Они представляют собой временно-пространственные конфигурации социальных отношений, что делает их способными адаптироваться к трансформациям среды. Такое разграничение подчеркивает ключевую дихотомию: стабильность организации коренится в структуре, тогда как ее адаптивные возможности зависят от гибкости социальных систем. Данная дихотомия позволяет рассматривать стабильность не как статичное состояние, а как баланс между сохранением институционального порядка и способностью к трансформации в ответ на изменяющиеся условия.

В заключение следует отметить, что устойчивость общества не является статичным состоянием, а представляет собой сложный процесс, включающий механизмы институциональной устойчивости и адаптивной самоорганизации. Структурные подходы акцентируют внимание на институциональных механизмах воспроизводства социальных норм и порядка, тогда как процессуальные концепции рассматривают стабильность как динамическое равновесие, достигаемое за счет саморегуляции и трансформационных процессов. Современные вызовы, включая глобальную турбулентность, цифровизацию, институциональные кризисы и изменяющуюся структуру власти, требуют переосмысления механизмов устойчивости социально-политических систем. Политическая стабильность сегодня определяется не только прочностью институтов, но и их способностью к адаптации в условиях многовекторного развития общества. Таким образом, ключевой задачей научного анализа становится разработка интегративной модели стабильности, способной учитывать как структурные, так и процессуальные факторы, обеспечивающие сбалансированное развитие социально-политических систем.

Список использованных источников

1. Юренков, И. Н. Оборонно-промышленный комплекс в контексте социальной стабильности: социологический анализ: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01 / Юренков Игорь Николаевич. – Саратов, 2018. – 169 с.
2. Спенсер, Г. Политические сочинения: в 5 т. / Г. Спенсер. – Москва; Челябинск: Социум, 2014. – Т. 2: Социальная статика: изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. – 527 с.
3. Дюркгейм, Э. Правила социологического метода / Э. Дюркгейм; пер. с фр. В. Желнинова. – Москва: Изд-во АСТ, 2021. – 384 с.
4. Бурдьё, П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / П. Бурдьё; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой. – Москва: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 720 с.
5. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. – Москва: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
6. Парето, В. Компендиум по общей социологии / В. Парето; пер. с итал. А. А. Зотова. – Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 511 с.
7. Пригожин, И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин; пер. с англ. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – Москва: Прогресс, 1986. – 432 с.
8. Гидденс, Э. Устройство общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс; пер. И. Тюрина. – Москва: Академ. Проект, 2005. – 528 с.

(Дата подачи: 20.02.2025 г.)

С. Ф. Свилас, Д. В. Полуйко

Белорусский государственный университет, Минск

S. F. Svilas, D. V. Polujko

Belarusian State University, Minsk

УДК 327.700Н+327(510)

ВКЛАД КНР В МИРОТВОРЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ООН

CHINA'S CONTRIBUTION TO UN PEACEKEEPING OPERATIONS

В статье прослежена эволюция участия Китая в миротворческой деятельности ООН, начиная с 1980-х гг. Выделены четыре этапа участия, раскрыто их содержание, дана оценка результатам. Определены кадровый и количественный состав китайских миротворцев, их задачи, страны и регионы действий. Подчеркнут вклад КНР в подготовку миротворцев других стран и обеспечение их безопасности. Рассмотрены сотрудничество с государствами – членами ООН на двухсторонней и многосторонней основе, диалог с руководством организации и ее аппаратом. Особое внимание уделено Инициативе глобальной безопасности, предложениям и обязательствам Китая по поддержке и повышению эффективности миротворческих операций ООН.

Ключевые слова: Китай; ООН; миротворческая деятельность; Фонд мира и развития Китай – ООН; Инициатива глобальной безопасности.

The article traces the evolution of China's participation in UN peacekeeping since the 1980s. Four stages of participation are identified, their content is disclosed, and the results are evaluated. The personnel and quantitative composition of Chinese peacekeepers, their tasks, countries and regions of action have been determined. China's contribution to the training of peacekeepers from other countries and ensuring their security was emphasized. Cooperation with the UN member states on a bilateral and multilateral basis, dialogue with the leadership of the Organization and its staff were considered. Special attention is paid to the Global Security Initiative, China's proposals and commitments to support and enhance the effectiveness of UN peacekeeping operations.

Keywords: China; UN; peacekeeping; China-UN Foundation for Peace and Development; Global Security Initiative.

Актуальность исследуемой темы обусловлена высокой значимостью Китайской Народной Республики в международных отношениях на глобальном и региональном уровнях. КНР является авторитетным членом ООН, стратегическим партнером Республики Беларусь. Анализ миротворческой деятельности Китая в рамках ООН может быть полезен для целостной характеристики внешней политики этого государства на современном этапе и ее прогнозирования, а также для повышения эффективности участия Беларуси в миротворческих операциях под эгидой ООН.

Цель статьи – проследить эволюцию позиции КНР по вопросу миротворческой деятельности ООН, начиная с 1980-х гг. и до настоящего времени. Исследование основано на аналитике экспертов Международного института мира (ИПИ), Королевского института объединенных оборонных исследований Великобритании, а также на материалах публичных выступлений китайских политических лидеров. Источником информации об основных достижениях Китая в миротворческой деятельности послужила издаваемая Государственным советом КНР «Белая книга». Авторы использовали системный подход и следующие методы исследования: анализ документов, ретроспективный, институциональный, структурно функциональный.

Миротворческие операции ООН являются важным средством поддержания мира и безопасности. С 1948 г. ООН учредила более 70 миротворческих миссий в Азии, Африке, Латинской Америке и Европе. По данным на начало 2025 г., в 11 миссиях насчитывается примерно 60 тыс. миротворцев [1].

КНР всегда поддерживала международную систему с ООН в качестве ядра. По данным на июль 2024 г., Китай участвовал в 29 санкционированных Советом Безопасности операциях ООН по поддержанию мира, направив туда более 49 тыс. миротворцев и более 2700 полицейских. Почти 1800 китайских миротворцев выполняют свои миссии в 8 регионах, тем самым Китай занимает 8-е место среди стран, предоставляющих войска для этой цели. По такому критерию, как численный состав миротворческого контингента, КНР достигла первенства среди пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. В течение последних двух лет по финансированию

миротворческой деятельности Организации Китай занимал второе место среди всех государств-членов [2].

В апреле 1990 г. КНР направила своих военных наблюдателей в состав такой структуры, как Орган ООН по контролю за выполнением условий перемирия на Ближнем Востоке. В 1992–1993 гг. 800 китайских инженеров были командированы для реализации несиловых акций ООН в Камбодже, что стало первым случаем участия страны в подобных мероприятиях [3, с. 260].

Произошли существенные изменения в кадровом и количественном составе миротворцев, направляемых КНР: первоначально командировались только военные наблюдатели, а затем – целые подразделения инженеров, медиков, транспортников, вертолетчиков, пехотинцев и других специалистов. Высокую оценку получила деятельность китайских миротворцев в более чем 20 странах (Камбоджа, Ливан, Кипр, Демократическая Республика Конго, Либерия, Судан, Южный Судан, Мали, Центральноафриканская Республика) [4].

По состоянию на август 2020 г. 13 китайских военнослужащих занимали должности командующего миссией, заместителя командующего, командующего театром военных действий. В штаб-квартире ООН действовали 84 военных миротворца. Они отвечали за патрулирование, наблюдение, надзор за прекращением огня, поддержание связи, ведение переговоров, оперативное командование, организационное планирование. В июле 2006 г., во время ливано-израильского конфликта, погиб китайский военный наблюдатель Ду Чжаоюй. Посмертно он был награжден Орденом первой степени Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и Медалью Хаммаршельда [4].

Важнейшей задачей миротворцев является защита гражданского населения. Во время вооруженного конфликта в Джубе (Южный Судан, 2016 г.) китайские пехотинцы защитили безопасность более 9 тыс. мирных жителей. Во время миссии героически погибли двое солдат, Ли Лэй и Ян Шупэн, посмертно награжденные Медалью Хаммаршельда. Гражданские сотрудники аппарата ООН, попав в зону боевых действий на юге Судана в марте 2017 г., были также спасены китайскими миротворцами. Эта операция была оценена Миссией ООН как успешный пример спасательной операции [4].

Инженерные, транспортные, медицинские, вертолетные и другие подразделения материально-технического обеспечения являются основным компонентом миротворческих сил Китая в настоящее время. Участвуя в миротворческих миссиях, они подтверждают такие бренды, как «китайское качество», «китайская скорость» и «китайские стандарты».

В январе 2020 г. миротворческий лагерь Тессалит миссии Африканского союза в Мали подвергся нападению террористов, и китайская медицинская бригада доставила в свое расположение раненых чадских миротворцев. В мае 2020 г. китайский миротворческий инженерный отряд, не отступая от

высоких стандартов, завершил строительство моста Соп на западе Южного Судана [4].

По данным на 2020 г., в течение 30 лет китайские военные направили более сотни инженерных подразделений (около 26 тыс. человек) в восемь районов миротворческих миссий (Камбоджа, Демократическая Республика Конго, Либерия, Судан, Ливан, Дарфур, Южный Судан и Мали). Миротворцы занимались восстановлением и строительством инфраструктуры, обезвреживанием мин и неразорвавшихся боеприпасов [4].

Китайские миротворческие силы активно участвуют в послевоенном восстановлении стран пребывания. В 2007–2013 гг. китайский инженерный отряд вырыл 14 колодцев в районе Дарфур (Судан), оказав существенную помощь местному населению в решении проблемы нехватки воды [5, с. 156]. Более 1000 китайских женщин-миротворцев работали медиками, саперами, патрульными, содействовали гендерному равенству и защите женщин и детей [5, с. 161].

Придерживаясь принципа взаимовыгодного сотрудничества, китайские эксперты активно помогают другим странам повышать уровень подготовки их миротворческих войск. Усилия, предпринимаемые в этом направлении, координируют Министерство обороны и Министерство общественной безопасности КНР. В 2015–2022 гг. курсы профессиональной подготовки прошли примерно 1500 миротворцев из более чем 60 стран. Специалисты из КНР вели подготовку минеров (для Камбоджи, Лаоса, Эфиопии, Судана, Замбии, Зимбабве) и сотрудников миротворческой полиции [5, с. 155].

Китайские военные ведут активный обмен визитами с коллегами из других стран. Так, в 2010 г. в Пекине состоялись первые китайско-американские консультации по вопросам поддержания мира, а спустя пять лет министры обороны Китая и Вьетнама подписали в китайской столице межведомственный меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области миротворчества; Китай провел первые миротворческие консультации в рамках БРИКС. В 2017 г. в Великобритании прошли первые китайско-британские консультации по вопросам миротворчества, годом позже представители России, Франции, Великобритании и США в Военно-штабном комитете ООН посетили Китай и провели обмен мнениями по вопросам миротворческих операций. В 2018 г. Китай и Пакистан подписали протокол о политическом сотрудничестве в этой области [4].

Китай иницирует и принимает участие в многочисленных международных семинарах по миротворчеству на двухсторонней и многосторонней основе. Летом 2009 г. китайские и монгольские вооруженные силы провели первые совместные миротворческие учения под кодовым названием «Миротворческая миссия – 2009» [4].

В целях содействия многостороннему сотрудничеству Китай учредил Фонд мира и развития Китай – ООН. Особое внимание фонд уделяет финансированию проектов, направленных на предотвращение конфликтов и без-

опасность миротворцев. Существенная финансовая помощь оказывается Сообществу по вопросам развития стран Юга Африки [6, с. 99].

Пекин придает важное значение укреплению стратегической коммуникации с высокопоставленными должностными лицами Организации. В сентябре 2015 г. Председатель КНР Си Цзиньпин с трибуны Саммита ООН по поддержанию мира изложил предложения и обязательства Китая по поддержке и совершенствованию миротворческих операций [5, с. 152], а вскоре китайские дипломаты организовали фотовыставку, посвященную 25-й годовщине военного участия Китая в миротворческих операциях Организации [7].

Гибель китайских военнослужащих в Мали и Южном Судане повлияла на позицию КНР по вопросам безопасности миротворцев. Фонд мира и развития Китай – ООН оказал финансовую поддержку при подготовке в 2017 г. доклада бразильского дипломата генерал-лейтенанта Сантуша Круза, направленного на повышение безопасности миротворцев. В марте 2020 г. под председательством Китая в Совете Безопасности единогласно была принята резолюция 2518. Основываясь на резолюциях 2436 (2018) и 2378 (2017), она стала первой тематической резолюцией о безопасности миротворцев [7].

На совещании высокого уровня в штаб-квартире ООН в Женеве (январь 2017 г.) председатель КНР Си Цзиньпин обосновал концепцию «Сообщества единой судьбы человечества», а в апреле 2022 г. на церемонии открытия ежегодного совещания Беооского азиатского форума китайский лидер представил Инициативу глобальной безопасности (концептуальный документ опубликован в феврале 2023 г.). Она дополнила уже выдвинутые КНР инициативы («Один пояс, один путь», глобального развития и глобальной цивилизации). Пекин исходит из того, что каждая страна независимо от размеров ее территории, численности населения, экономической и военной мощи имеет право на безопасность, суверенитет, самостоятельное участие в международной системе [7].

В июне 2023 г. на веб-сайте Министерства национальной обороны КНР (и на YouTube) был размещен двухминутный фильм под названием «Нере I Ам», изображающий НОАК как силу, поддерживающую справедливость и мир. Сочетая реальные кадры и анимацию, фильм подчеркивает военные достижения страны в миротворческой деятельности ООН [2].

9 апреля 2024 г. все 218 миротворцев 27-го китайского миротворческого контингента в Демократической Республике Конго были награждены медалью ООН «За мир», а глава Миссии ООН по стабилизации в ДРК и Специальный представитель Генерального секретаря ООН по ДРК г-жа Бинту Кейта высоко оценила их профессионализм [8].

9 сентября 2024 г. СБ ООН провел открытое обсуждение вопроса об операциях по поддержанию мира. Выступая в дебатах, Постоянный представитель КНР при ООН Фу Цун подчеркнул необходимость соблюдения

трех принципов миротворчества (согласие заинтересованных сторон; сохранение нейтралитета; неприменение силы, за исключением случаев самообороны или осуществления разрешения). Миротворческие миссии должны служить помощью, а не подменять автономные усилия переживающей внутренний конфликт страны. Фу Цун обратил внимание, что расходование взносов на миротворческие операции требует соблюдения строжайшей финансовой дисциплины. Важными направлениями трансформации миротворческой деятельности ООН является укрепление способности Африки самостоятельно поддерживать мир и стабильность, а также усиление поддержки африканских региональных соглашений. Китай поддерживает предоставление устойчивой финансовой поддержки независимым миротворческим операциям Африканского союза и рассчитывает на скорейшую реализацию рамочных соглашений, изложенных в резолюции 2719 Совета Безопасности [9].

Таким образом, в 1980-х гг. КНР постепенно признала легитимность операций ООН по поддержанию мира, приняла участие в обсуждениях и голосовании в Совете Безопасности по вопросам миротворчества. В 1990-е гг. Китай направляет свои контингенты для участия в миротворческих операциях.

В XXI в. роль КНР в миротворческой деятельности ООН усиливается посредством финансовой поддержки, увеличения численности китайских миротворцев, в том числе в аппарате Организации, повышения качества их подготовки, расширения спектра операций участия. Тем самым укрепляется международный авторитет Китая и обеспечивается благоприятная внешняя среда для внутреннего развития страны.

Миротворческие миссии ООН становятся все более сложными по масштабам и сфере действия мандатов, что учитывает китайская дипломатия. КНР рассматривается мировым сообществом как «ключевой элемент» и «ключевая сила» в миротворческой деятельности. Пекин придерживается подхода, что поддержка Организацией и государством возможностей для качественной подготовки и оснащения может сделать миссии миротворцев более безопасными. Вклад Китая в миротворческие операции и его стремление развивать свой миротворческий потенциал имеют решающее значение для укрепления региональной и глобальной безопасности. В год 80-й годовщины основания Организации и 35-летней годовщины с начала участия Китая в миротворческих операциях ООН он продолжает следовать концепции единой судьбы человечества и усиливает свою роль в поддержании международного мира и безопасности.

Список использованных источников

1. UN Peacekeeping Operations and China's Participation in the Time of Great Changes / U.N. Association of China. – URL: <https://www.unachina.org/en/article/781#:~:text=As%20a%20permanent%20member%20of,10%20peacekeeping%20missions> (date of access: 10.02.2025).

2. Small Eagle, Big Dragon: China's Expanding Role in UN Peacekeeping / Royal United Services Institute. – URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/small-eagle-big-dragon-chinas-expanding-role-un-peacekeeping/> (date of access: 13.02.2025).

3. Зародов, И. А. Китай в миротворческой деятельности ООН / И. А. Зародов // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 6. – С. 259–263.

4. 《中国军队参加联合国维和行动30年》白皮书 [电子信息] / 中华人民共和国中央人民政府. – 存取方式: https://www.gov.cn/zhengce/2020-09/18/content_5544398.htm. – 存取时间: 09.02.2025. (Белая книга о военном участии Китая в миротворческих операциях ООН за 30 лет / Государственный Совет КНР). – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2020-09/18/content_5544398.htm (дата обращения: 09.02.2025) (на кит. яз.)

5. Ли, Цянь. Миротворческая деятельность Китая в ООН: особенности, вызовы и перспективы / Цянь Ли // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2023. – № 4. – С. 142–172.

6. Нечай, А. А. Участие КНР в миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций / А. А. Нечай // Социально-политические науки. – 2022. – Т. 12, № 5. – С. 96–103.

7. China's Small Steps into UN Peacekeeping Are Adding Up / IPI Global Observatory. – URL: <https://theglobalobservatory.org/2023/05/chinas-small-steps-into-un-peacekeeping-are-adding-up/> (date of access: 13.02.2025).

8. 2024年4月10日外交部发言人毛宁主持例行记者会[电子信息] / 中华人民共和国外交部. – 存取方式: https://www.mfa.gov.cn/fyrbt_673021/202404/t20240410_11279513.shtml. – 存取时间: 11.02.2025. (Очередная пресс-конференция официального представителя МИД Мао Нина 10 апреля 2024 г. / Министерство иностранных дел КНР). – URL: https://www.mfa.gov.cn/fyrbt_673021/202404/t20240410_11279513.shtml (дата обращения: 11.02.2025) (на кит. яз.)

9. 中国代表：维和行动不应介入当事国内部事务[电子信息] / 新华通讯社主办公司官网. – 存取方式: <http://www.news.cn/world/20240910/6f0fd32aea40410d91ca86b7889cd9e5/c.html>. – 存取时间: 11.02.2025. (Представитель Китая: Миротворческие операции не должны вмешиваться во внутренние дела соответствующих стран / Официальный сайт информационного агентства Синьхуа). – URL: <http://www.news.cn/world/20240910/6f0fd32aea40410d91ca86b7889cd9e5/c.html> (дата обращения: 11.02.2025) (на кит. яз.)

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

В. О. Серебряков

Институт пограничной службы Республики Беларусь, Минск

V. O. Serebryakov

The Border Service Institute of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 327(4/9):930.22(4/9)

САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

SANCTIONS POLICY AS AN ELEMENT OF TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS

В статье рассматривается нелегитимная практика применения санкционной политики США и стран коллективного Запада в отношении как Республики Беларусь, так и Российской Федерации. Анализируются причины введения ограничительных мер, факторы их эффективности, результативность и экономические последствия для государств. Проанализированы труды специалистов в области санкционной политики на предмет эффективного использования и негативного воздействия ограничительных мер в краткосрочной и долгосрочной перспективах, раскрыты детерминанты внешних вызовов и угроз, предложены рекомендации по противодействию санкциям.

Ключевые слова: Республика Беларусь; санкционная политика; ограничительные меры; международные отношения; Соединенные Штаты Америки; коллективный Запад.

The article examines the illegitimate practice of applying the sanctions policy of the United States and the countries of the collective West in relation to both the Republic of Belarus and the Russian Federation. The reasons for the introduction of restrictive measures, factors of their effectiveness, efficiency and economic consequences for states are analyzed. The scientific work analyzes the works of specialists in the field of sanctions policy for the effective use and negative impact of restrictive measures in the short and long term, reveals the determinants of external challenges and threats, and offers recommendations for countering sanctions.

Key words: Republic of Belarus; sanctions policy; restrictive measures; international relations; United States of America; collective West.

В современных условиях мировое сообщество сталкивается с все более жесткими попытками одних государств оказывать принудительные меры воздействия на другие страны, а также субъекты геополитического влияния. В стремлении удержать мировое господство и лидирующие экономические позиции, Соединенные Штаты Америки используют весь свой политико-интеграционный и торгово-экономический потенциал в качестве инструмента принудительной силы в отношении независимых субъектов международных отношений и государств, проводящих самостоятельную политику. Обладая крупнейшей экономикой в мире, США оказывают значительное влияние на процессы, связанные с глобальной торговлей, инвестиционной деятельностью, финансовыми возможностями в мировом пространстве. Характерно, что в качестве основного инструмента принудительных мер в отношении ряда независимых государств Вашингтон использует политику санкционного давления и вынужденного сдерживания.

В Республике Беларусь непосредственный интерес к исследованию санкционной политики возник в последние годы после введения внешних ограничительных мер в 2020 г. Вместе с тем история независимого государства представлена множеством примеров политического и экономического давления со стороны США и коллективного Запада, а также недружественными действиями соседних государств. Очевидно, возросший интерес отечественных и иностранных ученых-политологов к данной проблематике и сегодня сосредоточен на прикладных аспектах противодействия незаконной санкционной политики.

Так, российский ученый, доктор экономических наук В. С. Осипов в своих работах описывает санкционную политику как инструмент протекционизма. В частности, обладая финансовым величием и инновационным потенциалом, развитые страны имеют возможность ограничивать экономику своих государств от потенциальных конкурентов, которые могут создать угрозу стабильности и благополучия своим гражданам. Вместе с тем дискурс в контексте неопротекционистских взглядов в большей степени направлен на политическую конкуренцию, что в значительной степени оказывает влияние на процессы, происходящие в мире. Цель санкционной политики заключается в принуждении суверенного государства изменить свой внешнеполитический курс развития [1].

Аналогичной позиции придерживается известный нидерландский профессор Петер ван Бергейк. По мнению ученого, ограничительные меры основаны на двух основных принципах. Во-первых, санкционная политика призвана лишить объект воздействия (государство, целевые группы) возможности получения выгоды от торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с другими странами. Во-вторых, санкции направлены на изменение внешнеполитического курса подсанкционной страны, на снижение уровня жизни и благосостояния государства-объекта. Безусловно, санкционные ограничения могут иметь различные формы, выраженные в установлении дополнительных пошлин, экспортного контроля, эмбарго, запрета на импорт продукции, замораживания активов, сокращения финансовой, материальной помощи и др. [2].

На сегодняшний день становится очевидным, что геополитическое соперничество и борьба за мировые рынки стали триггерами распространения применяемой практики санкционной политики. В настоящее время более 40 государств на планете оказались объектами санкционной политики, инициатором которой выступали развитые страны. Учитывая тот факт, что в мире насчитывается порядка 200 стран, данная цифра составляет 20 % от общего количества и имеет тенденцию в сторону увеличения.

Следует отметить, что необходимым фактором противодействия ограничительным мерам для страны-объекта является изучение, анализ и дальнейшее прогнозирование воздействия санкционной политики на ближайшие годы. В частности, российский ученый Д. И. Ушкалова в своих научных

работах разделяет санкции на несколько групп, значение которых в заметной степени отличаются как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективах. К примеру, *финансовые санкции* автор рассматривает как наиболее чувствительные на начальном этапе санкционного давления на государство. Во-первых, происходит девальвация национальной валюты, что неблагоприятно влияет на покупательскую способность граждан. Во-вторых, возникает сложность при оплате международных договоров, внешнеторговых контрактов с партнерами, устанавливаются запретительные меры на проведение транзакций, происходит отключение от международной межбанковской системы передачи информации и совершения платежей SWIFT, осуществляется заморозка активов за рубежом в банках-корреспондентах. На этом фоне возрастает неопределенность для дальнейшего сотрудничества. В равной степени к ощутимым ограничительным мерам следует отнести *логистические санкции*. По мнению ученого, данный вид рестрикций наносит значительный ущерб всей транспортно-логистической отрасли, существенно влияет на грузопотоки экспортно-импортной продукции, а также механизмы страхования товаров и услуг. В этой связи происходит отказ от сотрудничества крупнейших компаний контейнерных перевозок с подсанкционной страной, что негативным образом влияет на передвижение экспортных товаров и скорость доставки грузов. Наибольшую озабоченность с позиции автора вызывают *прямые ограничения экспорта и импорта товаров*, заключающиеся в повышении таможенных пошлин на отечественную продукцию, запрете поставок значительной номенклатуры товаров, отмене режима наибольшего благоприятствования со стороны ряда развитых государств. Так, под влияние санкционной политики данной группы попадают важнейшие экспортные позиции государства, а также введение ограничений против отдельных физических и юридических лиц, национальных и зарубежных компаний, которые в большей мере задействованы во внешнеторговых операциях [3].

В свою очередь профессор Рауль Карузо выделяет три категории санкций: бойкоты, эмбарго и финансовые санкции. Итальянский ученый рассматривает *бойкот* товаров или импортное ограничение поставок продукции как результат сокращения валютных поступлений в подсанкционную страну и, следовательно, уменьшения покупательской способности населения. Вместе с тем в результате бойкота существенный ущерб может быть нанесен определенной отрасли или сектору экономики страны. Однако, по мнению ученого, данный вид санкций не является эффективным ввиду того, что страны – объекты санкционной политики имеют возможность найти альтернативные варианты сбыта своей продукции или источники обхода ограничительных мер. Ко второй категории относится *эмбарго* или ограничение экспорта в подсанкционную страну. Данный метод является наиболее распространенным в мире и обеспечивается системой экспортных лицензий и вспомогательных мер. Запрет на поставку экспортной продукции мо-

жет быть полным и частичным, что в незначительной мере может нанести экономический ущерб. Характерным инструментом принуждения являются *финансовые санкции*, которые способствуют прекращению кредитования и заморозке иностранных активов посредством влияния определенных стран на международные кредитные рынки, а также призваны к ограничению инвестиционной деятельности в подсанкционной стране [4].

В современных условиях контент межгосударственной системы характеризуется не только торгово-экономическими отношениями, но и политическими интересами и разногласиями. Несомненно, что политические разногласия и противоречия создают базис для дальнейшего использования ограничительных мер против суверенных государств.

Рассматривая санкционную проблематику в контексте политической науки, российский ученый И. Н. Тимофеев изучает политическое поведение стран, выраженное в принятии решений по использованию ограничительных мер и противодействию санкциям. Санкционная политика представляет собой комплекс мер, при помощи которых страны-инициаторы и страны-объекты исполняют принятые решения руководством своих государств. Автор отмечает, что экономические санкции, прежде всего, являются политической проблемой, так как представляют собой меры принудительного характера в системе международных отношений, а также демонстрируют комплекс определенных бюрократических и институциональных практик [5].

В то же время российские ученые-экономисты И. Ф. Суханова и М. Ю. Лявина утверждают, что санкции представляют собой определенные ограничительные меры в отношении государств, организаций и компаний, физических и юридических лиц, используемые в качестве репрессивных мер за конкретные действия и проступки. Результатом такой деятельности могут стать негативные последствия для отдельных направлений развития экономики и социальной сферы. В условиях санкционного давления происходит принуждение отдельных субъектов к изменению выбранной стратегии поведения [6].

Характерно, что в современных условиях в качестве актуального вопроса эксперты выделяют эффективность реализации санкционной политики и соответствующие последствия ограничительных мер.

Во-первых, санкционная политика влияет на торгово-экономические связи между государствами, в результате чего нарушаются процессы взаимного товарооборота, логистических цепочек поставок товаров, что вызывает рост мировых цен, прежде всего на продовольственную продукцию. Инфляция стоимости данной категории товаров в большей степени отражается на малообеспеченных социальных группах населения. В результате протекающих процессов происходит постепенное снижение реальных доходов граждан, что, в свою очередь, может привести к усилению тенденции социальных волнений, а также рисков для мировой финансовой стабильности.

Во-вторых, механизм воздействия санкционной политики на государства проявляется в снижении деловой активности, увеличении уровня безработицы, неравномерного распределения доходов. Сокращение объемов внешней торговли, уменьшение поступления доходных средств вызывает дополнительную нагрузку на бюджет государства, что отрицательно может сказываться на финансировании расходов социальной и бытовой сфер.

В-третьих, в условиях проведения санкционной политики ограничивается возможность доступа к зарубежным банкам и международным платежным системам, что существенным образом затрудняет процесс выплаты по внешним иностранным обязательствам. Характерно, что данные обстоятельства могут стать причиной платежного дефолта и серьезно подорвать репутацию государства по долговым гарантиям перед иностранными кредиторами.

В-четвертых, в результате санкционной политики снижаются расходы на научные исследования и технические разработки, сокращаются инвестиции в модернизацию предприятий, замедляется технологический суверенитет государства. Очевидно, на этом фоне существует возможность ухудшения конкурентоспособности производственных субъектов, снижения качества товаров, сокращения объемов выпускаемой продукции и рабочих мест. Санкционному давлению на первоначальном этапе подвергаются такие отрасли экономики, как оборонная, авиационная, химическая, энергетическая, которые имеют технологический приоритет в отношении конкурентов. В то же время к наиболее распространенным подсанкционным товарам следует отнести оружие, технологии, продукцию двойного назначения, ювелирные изделия, предметы роскоши и др.

В настоящее время США и их сателлиты позволяют принимать на себя функции Совета Безопасности ООН, что в корне подрывает устоявшуюся систему международных отношений, в полной мере нарушает принципы международного права и Устава ООН. В соответствии со ст. 39 Устава ООН, только Совет Безопасности имеет право определять наличие любой угрозы миру или акта агрессии и в условиях своих полномочий предоставляет рекомендации или принимает решение о том, какие меры необходимо предпринять для поддержания или восстановления мира и безопасности. Так, в ст. 41 Устава ООН зафиксировано, что Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений государствами – членами ООН. Эти меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений [7]. Для введения санкционных ограничений необходима поддержка большинства государств – членов Совета Безопасности, а также отсутствие вето со стороны его постоянных членов. В контексте международно-правовой системы санкционная поли-

тика может применяться международными организациями и государствами в качестве мер политического и экономического воздействия за нарушения норм и правил.

Вместе с тем государства-инициаторы санкционной политики предполагают, что ограничительные меры в отношении страны-объекта станут безупречным кризисным явлением, негативно будут воздействовать на экономические показатели страны и создадут протестные настроения в обществе. Так, в 2014 г. в отношении Российской Федерации было введено беспрецедентное количество политических и экономических рестрикций. К санкционной политике в отношении России присоединились 48 государств коллективного Запада, что в значительной мере усугубило определенные направления развития и сферы экономики в стране на начальном этапе. Однако становится очевидным тот факт, что страна, обладающая интеллектуальным потенциалом, богатыми природными ресурсами, вовлеченная в глобальные мирохозяйственные связи и логистические цепочки, не может быть объектом односторонней санкционной политики. В данном случае от целенаправленных ограничительных мер могут страдать и сами инициаторы введения санкций. Очевидно, если в отношении государства применяется санкционная политика на нелегитимном уровне, в нарушение Устава ООН, тогда подсанкционным государством может приниматься решение об ответных ограничительных мерах. В частности, ответным действиям за проведение санкционной политики в отношении России подверглись такие страны, как США, Канада, Япония, Австралия, Европейский союз и др.

В настоящее время не существует точного смыслового определения санкционной политики, механизма воздействия, причинно-следственной связи, мотивов, побуждающих к принятию решения на процесс формирования ограничительных мер. Характерно, что санкционная политика получила широкое распространение в системе международных отношений, однако на практике применение санкций в отношении Республики Беларусь не подлежит аргументированным аспектам нормативных правовых документов ООН.

Новый виток санкционной политики, запущенный США и их сателлитами в феврале-марте 2022 г., оказал серьезное давление на финансовую систему нашей страны. Вместе с тем сбалансированная денежно-кредитная политика государства позволила оперативно реагировать на текущие изменения на валютном рынке и стабилизировать ситуацию в данной отрасли. Разработанный Правительством Республики Беларусь антикризисный план поддержки экономики заключался в содействии экспорта отечественных товаров, диверсификации продукции на зарубежные рынки, импортозамещению изделий, упрощению таможенного регулирования, кредитной поддержки национальных экспортеров, выстраивании новых транспортно-логистических маршрутов. Значительная часть отечественных производителей улучшили свои экономические позиции путем вхождения как на

внутренний, так и на российский рынок, где ранее присутствовали иностранные компании, поддерживавшие санкционную политику руководства своих государств. Новые инвестиционные возможности возникли в секторе услуг. Модернизация промышленного производства и сельского хозяйства в условиях санкционной политики обусловлена формированием новых подходов в рамках высокой зависимости от уровня потребностей глобального рынка.

В условиях трансформации системы международных отношений и глобальной нестабильности общественных связей, на фоне беспрецедентного санкционного давления со стороны США и коллективного Запада Республика Беларусь кардинальным образом защищает свои национальные интересы, поэтапно адаптируется к новым реалиям, постепенно перестраивается на современный уклад жизни в соответствии с возникающими вызовами. В настоящее время в стране динамично развивается производственно-промышленная экономика, в значительных объемах увеличивается экспортный потенциал.

Таким образом, в основе противодействия санкционной политике коллективного Запада во главе с США необходимо выделить некоторые аспекты. Во-первых, мобилизацию государств по принципу этнических, исторических, культурно-нравственных особенностей, способных объединить страны в полноценные региональные объединения и союзы. С точки зрения немецкого философа Э. Фромма, внутренняя потребность значительно эффективней любого внешнего давления для мобилизации всех человеческих сил [8]. В данном контексте необходимо отметить, что, несмотря на различного рода внешнее давление на государство, внутренние интересы страны гораздо сильнее и способны в полной мере оперативно мобилизовать население. В современных условиях мы наблюдаем возросший уровень патриотизма в тех странах, которые находятся под санкциями. Несмотря на возникающие временные трудности, происходит адаптация к сложившимся условиям, а проводимая самостоятельная политика ведет их к дальнейшему развитию. Во-вторых, экономика Республики Беларусь в значительной мере зависима от западных наукоемких технологий, продукции машиностроительного сектора, электронного оборудования. В этой связи необходима ускоренная разработка и реализация программы импортозамещения. В основе данной политики заложены развитие цифровых технологий, автоматизация процессов, внедрение эффективных систем управления, перспективы создания новых предприятий, ориентированных на выпуск качественной высокотехнологичной продукции, аналоги которых ранее импортировались в нашу страну. В-третьих, необходима диверсификация экспортных поставок продукции, поиск торговых партнеров и разработка новых логистических маршрутов, которые будут способствовать устранению негативных проявлений санкционной политики. В-четвертых, анализ текущего состояния и дальнейшего развития международных отношений

показывает, что для противостояния западной гегемонии необходимо установление концептуально нового миропорядка, учитывая ошибки прошлых лет. Характерно, что в настоящее время региональная интеграция рассматривается в качестве противодействия недружественной политике со стороны Вашингтона и его сателлитов. В рамках интеграционных объединений, таких как БРИКС, ШОС, ЕАЭС, обладающих значительным человеческим потенциалом и природными ресурсами, существует высокая вероятность создания уникальных форм межгосударственного сотрудничества, независимых от действий западных стран.

Список использованных источников

1. *Осипов, В. С.* Политическая экономия санкций: источники протекционизма / В. С. Осипов // ЦИТИСЭ. – 2024. – № 1. – С. 373–384. – URL: https://ma123.ru/wp-content/uploads/2024/03/Osipov_CITISE_1-2024.pdf (дата обращения: 25.02.2025).
2. *Bergeijk, P. A. G. van.* Economic diplomacy and economic security / P. A. G. van Bergeijk, S. Moons // New Frontiers for Economic Diplomacy. – 2009. – 20 July. – P. 37–54.
3. *Ушкалова, Д. И.* Внешняя торговля России в условиях санкционного давления / Д. И. Ушкалова // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3. – С. 218–226.
4. *Caruso, R.* The impact of international economic sanctions on trade – an empirical analysis: paper prepared for the Europ. Peace Science Conf., June 1–3 2003, Amsterdam / R. Caruso // SSRN. – URL: <https://ssrn.com/abstract=895841> (date of access: 25.02.2025).
5. *Тимофеев, И. Н.* Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования / И. Н. Тимофеев // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 22–36.
6. *Суханова, И. Ф.* Экономические санкции: содержание, цели, мотивы, эффективность / И. Ф. Суханова, М. Ю. Лявина // Аграрный научный журнал. – 2018. – № 4. – С. 88–93.
7. Устав ООН (полный текст): принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 25.02.2025).
8. *Фромм, Э.* Бегство от свободы. Человек для себя: пер. с англ. / Э. Фромм. – Москва: АСТ, 2004. – 571 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

Л. В. Слуцкая

Белорусский государственный университет, Минск

L. V. Slutskaya

Belarusian State University, Minsk

УДК 323+323.15

НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ¹

NATIONAL AND ETHNIC POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Статья посвящена государственной политике Республики Беларусь в сфере межэтнических отношений, ее правовой основе и институциональным механизмам. Национально-этническая политика, проводимая в Беларуси, направлена на сохранение и развитие национального культурного пространства государства, уважительное отношение ко всем национальным и религиозным традициям. Подчеркивается, что государственная политика Республики Беларусь в сфере межнациональных отношений позволяет сохранять традиционную культуру белорусов, а также сформировала условия для свободного, равноправного и гармоничного развития культур, традиций, обычаев и языков представителей всех общностей, проживающих в стране.

Ключевые слова: этническая политика; национальная политика; национально-этническая политика; национальные меньшинства; Республика Беларусь; Уполномоченный по делам религий и национальностей.

The article is devoted to the state policy of the Republic of Belarus in the sphere of interethnic relations, its legal basis and institutional mechanisms. The national-ethnic policy pursued in Belarus is aimed at preserving and developing the national cultural space of the state, respectful attitude to all national and religious traditions. It is emphasized that the state policy of the Republic of Belarus in the sphere of interethnic relations is aimed both at preserving the traditional culture of Belarusians and at creating and implementing conditions for the free, equal and harmonious development of cultures, traditions, customs and languages of representatives of all communities living in the country.

Keywords: ethnic policy; national policy; national-ethnic policy; national minorities; Republic of Belarus; Commissioner for Religious and National Affairs.

Республика Беларусь – многонациональное государство, в котором на протяжении многих веков наряду с белорусами проживали русские, евреи, литовцы, поляки, украинцы, татары, цыгане и др. В советский период национальный состав стал еще более многообразным: в стране осели армяне, осетины, азербайджанцы, грузины и представители других Республик союза. Распад СССР, возникновение самостоятельных государств, вспыхнувшие национальные конфликты в бывших советских Республиках способ-

¹ Статья подготовлена в рамках НИР 2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № ГР 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.).

ствовали репатриации белорусов, значительно увеличив долю титульной нации молодого белорусского государства.

В условиях международной турбулентности первых десятилетий XXI в., глобализации и цифровизации, процессов миграции, увеличения потоков беженцев в связи с конфликтами анализ государственной политики Республики Беларусь в сфере межэтнических отношений приобретает особую актуальность. Данные переписей населения 1999 и 2019 гг. наглядно демонстрируют влияние этих процессов на этнический состав белорусского государства и его социальную структуру: если в 1999 г. на территории Беларуси проживало более 130 национальностей, то к 2019 г. их количество увеличилось до 156 [1].

Цель исследования – проанализировать национальную (этническую) политику Республики Беларусь в 2020-е гг.

Национальной политике и ее реализации в Республике Беларусь посвящены работы Е. М. Бабосова, Н. П. Денисюк, Е. В. Давлатовой, И. Л. Кирилкиной, Н. А. Сугако. Этническая структура населения Беларуси и ее динамика рассматриваются в трудах А. Г. Манакова, А. С. Соколова, П. Э. Суворкова, А. Г. Злотникова. Специфику идентичности белорусов в контексте этнического и религиозного состава населения анализируют Н. Л. Балич, Д. В. Белявцева, И. Н. Харитонов и др.

В русскоязычном дискурсе распространено синонимичное использование терминов «национальная политика», «этнополитика», «этническая политика», «этнонациональная политика», «национально-этническая политика». Следует отметить, что термин «национальная политика» более широкий в сравнении с термином «этническая политика», поскольку этнополитика является лишь частью государственной национальной политики наравне с социальной политикой, конфессиональной, демографической и другими видами. Тем не менее в программах, концепциях, стратегиях государств, направленных на обеспечение и реализацию прав этнических общностей, используется термин «национальная политика».

«Национальная политика (этнополитика) – система законодательных, организационных и идеологических мер, осуществляемых государством, направленных на учет, сочетание и реализацию национальных интересов, на разрешение противоречий в сфере национальных отношений» [2, с. 252].

Этническая политика в узком смысле – это стратегический курс правительственных структур, политических партий, общественных движений многонациональных (полиэтнических) государств в национальном вопросе, находящих свое закрепление в законодательных актах, специальных программах и других соответствующих документах [3, с. 160].

Национальная политика – это комплекс доктрин и действий государства по отношению к различным народам (национальностям), проживающим на территории страны [4, с.152].

Национальную (этническую) или национально-этническую политику можно определить как совокупность законодательных и организационных мер, направленных на защиту и реализацию прав этнических общностей, а также на сохранение и развитие их национальной культуры и идентичности, гармонизацию межэтнических отношений в стране.

Национальная политика различается по цели, формам и методам осуществления, которые могут варьироваться в зависимости от исторической, политической, демографической и культурной ситуации в стране. Новые вызовы, связанные с глобализацией и формированием единого экономического пространства, приводят к размыванию национальных традиций нетитульных этнических групп многонациональных государств. Для предотвращения негативного влияния этих тенденций национально-этническая политика может быть направлена на сохранение национальной идентичности, обеспечение равноправия и защиты представителей различных этнических групп, их гармоничного сосуществования и предупреждения межэтнических конфликтов, а также интеграции национальных меньшинств в общество.

Для достижения этих целей этнополитика государства может включать в себя различные методы: разработка и реализация законодательства, направленного на защиту прав национальных меньшинств; учреждение государственных органов, отвечающих за реализацию национальной политики; реализация программ для сохранения и развития национальной культуры, а также интеграции национальных меньшинств. Соответственно, национально-этническая политика должна охватывать все уровни и формы национальных отношений (общегосударственный, региональный и местный), при этом необходимо учитывать вопросы национальной безопасности, мировой опыт регулирования межэтнических отношений и решения межнациональных проблем.

Основополагающей задачей Республики Беларусь как многонационального государства является гармонизация межнациональных отношений, их координация, а также реализация прав этнических общностей, проживающих на его территории с целью предотвращения межэтнического противостояния и недопущения конфликтов. В Республике Беларусь создана прочная законодательная база, заложившая основу межнационального согласия в стране и регламентирующая национально-этнические отношения. Основополагающими документами в сфере регулирования и защиты национально-этнических отношений являются: Конституция Республики Беларусь; законы Республики Беларусь «О национальных меньшинствах», «О языках в Республике Беларусь», «О гражданстве», «Об основах гражданского общества», «О свободе совести и религиозных организациях»; Кодекс Республики Беларусь об образовании, Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры; Концепция развития национального культурного пространства во всех сферах жизни общества на 2024–2026 годы, Концепция национальной

безопасности Республики Беларусь, Программа развития конфессиональной сферы, национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом на 2021–2025 годы.

Согласно ст. 14 Конституции Республики Беларусь, «государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов», а ст. 15 провозглашает «свободное развитие всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь» [5, с. 7]. В соответствии со ст. 50 «Каждый имеет право сохранять свою национальную принадлежность, равно как никто не может быть принужден к определению и указанию национальной принадлежности. Каждый имеет право пользоваться родным языком, выбирать язык общения. Государство гарантирует в соответствии с законом свободу выбора языка воспитания и обучения» [5, с. 16].

Законом Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» от 1992 г. гражданам Беларуси, относящим себя к национальным меньшинствам, гарантированы равные политические, экономические и социальные права и свободы (ст. 6). Государство содействует созданию условий для развития образования и культур национальных меньшинств путем выделения из Республиканского и местных бюджетов необходимых для этого денежных средств (ст. 8), историко-культурные ценности национальных меньшинств являются частью культуры Республики Беларусь и охраняются государством (ст. 11).

В Беларуси запрещена любая дискриминация по национальности и вероисповеданию: «В стране сегодня сложилась уникальная этноконфессиональная модель, которая могла бы стать примером для многих. Мы вместе – власти, представители всех конфессий – вывели общую формулу: уважение – понимание – согласие. Наш народ привык жить именно так и даже не представляет себе, что бывает по-другому», – подчеркнул А. Г. Лукашенко на встрече с представителями религиозных конфессий в стране, состоявшейся 10 февраля 2025 г. [6].

Важной составляющей национальной (этнической) политики является сохранение и развитие национального культурного пространства государства, уважительное отношение ко всем национальным и религиозным традициям, что нашло отражение в законодательных актах, прямо или косвенно регулирующих этническую сферу белорусского общества. Беларусь наравне с другими государствами сталкивается с новыми вызовами, сопровождающими глобализацию, урбанизацию, миграционные процессы, формирование мирового информационного пространства, усиление социально-политического неравенства государств. Эти вызовы представляют угрозу прежде всего для малых национально-этнических групп, чьи традиции, обычаи и языки оказываются под угрозой исчезновения. Согласно исследованиям Института языкознания РАН, свыше 40 % языков находятся под

угрозой исчезновения. Координатор проекта «Исчезающие языки» Анна Белью, отмечает: «Мы наблюдаем массовое вымирание. Из 700 языков, которые умолкли за всю историю человечества, больше 30 % вымерли в течение последних 60 лет» [7].

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь» государство проявляет заботу о свободном развитии и употреблении всех национальных языков, которыми пользуется население Республики (ст. 2), и реализует право на воспитание и получение образования на национальном языке (ст. 21). Министр иностранных дел М. Рыженков, выступая 21 февраля 2025 г. на торжественном мероприятии по случаю Международного дня родного языка, подчеркнул приверженность толерантной политике в отношении языков национальных меньшинств: «Представители абсолютно всех национальностей, проживающих в нашей стране (а их более 150), имеют все возможности для сохранения родных языков» [8]. Билингвизм белорусов и закрепление статуса русского языка как государственного наравне с белорусским способствует межнациональному согласию: «В этом двуязычии наши сила и своеобразие, – резюмирует М. Рыженков. Это основа мира и национального единства, которыми испокон веков славится Беларусь» [8].

Право на свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих на территории Республики Беларусь, на культурную самобытность, возрождение, сохранение и развитие национальных культурных традиций закреплено в Кодексе Республики Беларусь о культуре (ст. 2, 27).

В Беларуси ведется системная работа по поддержке развития культур национальных меньшинств. В соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании в стране реализуется поликультурное воспитание, направленное на формирование у обучающихся толерантного отношения к представителям других культур, национальностей, вероисповеданий (ст. 17, п. 5.13), созданы условия для изучения языка и литературы национального меньшинства при получении дошкольного и среднего общего образования (ст. 82, п. 6; ст. 139, п. 4; ст. 150, п. 5; ст. 163, п. 3–4).

В Беларуси созданы институциональные механизмы, которые обеспечивают возможность всем национальным общностям участвовать в выработке совместных решений по наиболее важным вопросам, касающимся их деятельности. При Уполномоченном по делам религий и национальностей действует Консультативный межэтнический совет. В настоящее время в составе Совета 19 членов – представители национально-культурных общественных объединений и их союзов, в том числе общественное объединение «Ромская диаспора», общественное объединение «Союз поляков на Беларуси», общественное объединение «Минское городское армянское культурно-просветительское общество «Айастан», Международное общественное объединение «Конгресс азербайджанских общин», Международное общественное объединение «Палестинская община», Белорусское об-

пещественное объединение украинцев «Ватра», Союз белорусских еврейских общественных объединений и общин и др. [9]. Учет этнических особенностей и культурных различий представителей национальных меньшинств, проживающих в нашей стране, не только способствует обогащению и развитию самой белорусской культуры, привносит в нее новые грани, но и формирует взаимоуважение, толерантное отношение друг к другу.

Органы государственного управления Республики Беларусь стремятся к обеспечению условий для сохранения и укрепления межнационального согласия, развития самобытности, культур и языков национальных меньшинств как на общенациональном, так и на региональном уровне. В Беларуси создан Республиканский центр национальных культур, который регулярно проводит круглые столы, республиканские семинары национально-культурных объединений по проблемам развития национальных культур и взаимодействия с национальными культурно-просветительскими объединениями, праздники, концерты, фестивали [10]. Под его эгидой в стране уже более 20 лет проводятся республиканские фестивали национальных культур, имеющие большое значение для сохранения межнационального согласия и социальной стабильности в Беларуси. Столицей праздника является город Гродно. Республиканский фестиваль – это уникальное мероприятие, где можно соприкоснуться с культурой народов, проживающих на территории Беларуси, с их традициями и обычаями. Эти фестивали имеют не только культурно-исторические, но и общественно-политическое значение: в заключительных мероприятиях фестиваля участвуют представители руководства страны, дипломатического корпуса, международных организаций.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь подчеркивается, что «в Беларуси отсутствуют предпосылки для этнической, конфессиональной, расовой, политической дискриминации и нетерпимости», а «отдельные факты носят несистемный и единичный характер» [11]. Это свидетельствует о выверенной, взвешенной государственной политике в сфере межнациональных отношений.

Таким образом, государственная политика Республики Беларусь в сфере межнациональных отношений направлена как на сохранение традиционной культуры белорусов, так и на создание и реализацию условий свободного, равноправного и гармоничного развития культур, традиций, обычаев и языков представителей всех общностей, проживающих в стране. Последовательно проводимая политика в этой сфере способствует сохранению межнационального согласия и стабильности в обществе, бережного отношения к культурному наследию представителей всех национальностей.

Список использованных источников

1. Перепись населения Республики Беларусь 2019 года: миграционные и этнокультурные характеристики. – URL: <https://unece.org/sites/default/files/2024-04/7.Census%20WP14%20BEL%20Vasilevskaya%20RUS.pdf> (дата обращения: 19.02.2025).

2. Тавадов, Г. Т. Этнология: современный словарь-справочник / Г. Т. Тавадов. – 2-е изд. – Москва: АНО «Диалог культур», 2011.
3. Назаров Р. Р. Межэтнические отношения и этнополитические процессы в постсоветском Узбекистане / Р. Р. Назаров // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. – 2021. – № 4. – С. 159–178.
4. Паин, Э. А. Этничность, нация и политика: критические очерки по этнополитологии / Э. А. Паин. – Москва: Новое лит. обозрение, 2023.
5. Конституция Республики Беларусь с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022.
6. О конфессиональных центрах, религиозном образовании и общих ценностях. Подробности встречи у Лукашенко. – URL: <https://belta.by/president/view/o-konfessionalnyh-tsentrakh-religioznom-obrazovanii-i-obschih-tsennostjakh-podrobnosti-vstrechi-694930-2025/> (дата обращения: 19.02.2025).
7. Пирогова, Е. Сколько языков останется к концу XXI века и что мы можем с этим сделать. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/637e28359a7947fed8323eb7> (дата обращения: 22.02.2025).
8. Рыженков: в Беларуси представители всех национальностей имеют возможность сохранения родных языков. – URL: <https://belta.by/society/view/ryzhenkov-v-belarusi-predstaviteli-vseh-natsionalnostej-imejut-vozmozhnost-sohraneniya-rodnyh-jazykov-697674-2025/> (дата обращения: 22.02.2025).
9. Выступление заместителя Министра иностранных дел Беларуси Ю. Амбразевича на 113-й сессии Комитета по ликвидации расовой дискриминации (15 августа 2024 г., г. Женева) // Официальный сайт МИД Республики Беларусь. – URL: <https://mfa.gov.by/press/smi/db84d299b03ad19c.html> (дата обращения: 19.02.2025).
10. Государственное учреждение смешанного типа Республиканский центр национальных культур. – URL: <http://nationalcultures.by/>.
11. О рассмотрении проекта Концепции Национальной безопасности: постановление Совета безопасности Республики Беларусь, 6 марта 2023 г., № 1 / Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=p924v0005> (дата обращения: 19.02.2025).

(Дата подачи: 25.02.2025 г.)

Я. И. Фёдоров, С. Ф. Свилас

Белорусский государственный университет, Минск

Y. I. Fedorov, S. F. Svilas

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(73)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ США В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИИ ДЖО БАЙДЕНА (2021–2024 ГГ.)

GEOPOLITICAL ADAPTATION OF THE U.S. IN THE ASIA-PACIFIC REGION DURING THE JOE BIDEN ADMINISTRATION (2021–2024)

В статье содержится анализ политики, проводимой администрацией Джо Байдена в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в сравнении с его предшественником Дональдом Трампом. Основное внимание уделено «Индо-Тихоокеанской стратегии». Раскрыты ее компоненты: политика в отношении Китая, укрепление традиционных военных альянсов, модернизация четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD), развитие трехстороннего партнерства в области безопасности с Австралией и Великобританией (AUKUS), укрепление партнерства с АСЕАН. Определены сложности реализации стратегии. Комплексный анализ документа позволил сделать вывод о том, что администрация Джо Байдена стремилась к созданию нового регионального порядка, сдерживающего Китай и отвечающего прежде всего интересам США.

Ключевые слова: США; Китай; АТР; геополитическая адаптация; Джо Байден; концепция «комплексного сдерживания»; Южно-Китайское море; «двойное лидерство».

The article analyzes the Biden administration's Indo-Pacific policy, comparing it to that of his predecessor, Donald Trump. The focus is on the "Indo-Pacific Strategy", detailing its components: China policy, strengthening traditional military alliances, modernizing the Quadrilateral Security Dialogue (QUAD), developing the Australia-UK-US (AUKUS) security partnership, and enhancing ASEAN partnerships. The article also identifies challenges to implementation. A comprehensive analysis concludes that the Biden administration aims to establish a new regional order that contains China and prioritizes US interests.

Keywords: US; China; Asian-Pacific Region; geopolitical adaptation; Joe Biden; concept of "integrated deterrence"; South China Sea; "dual leadership".

Актуальность исследования обусловлена усилением роли Азиатско-Тихоокеанского региона в международных отношениях в связи с его бурным экономическим ростом и местом в глобальной системе безопасности. Анализ Индо-Тихоокеанской стратегии, принятой при администрации Джо Байдена, может быть полезен в ходе системного исследования внешней политики США и ее прогнозирования. Цель статьи – раскрытие содержания основных направлений геополитической адаптации Соединенных Штатов в АТР в период президентства Джо Байдена.

Политика США в АТР продолжает оставаться ключевой темой для исследователей, что объясняется тем влиянием, которое они оказывают на региональную и глобальную системы международных связей. Особый интерес представляют работы российских экспертов А. С. Харланова (Дипломатическая академия МИД России), А. А. Байкова (МГИМО МИД России), А. А. Гарина (Институт востоковедения РАН), Е. А. Фомичевой (Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН) [1–4]. В белорусской историографии вопрос политического курса США в АТР системно не изучался. Некоторые вопросы отношений между США и КНР были рассмотрены в публикации А. А. Розанова [5]. В западной историографии отметим таких авторов, как А. Барбантан, Т. Д. Шоенбаум и Р. Суттер. Они констатируют ослабление мирового лидерства США и определяют Пекин как основного соперника в реализации Вашингтоном своих интересов. Учитывая растущее влияние Китая в регионе и его действия в Южно-Китайском море, эти эксперты указывают на необходимость использования Соединенными Штатами многосторонних альянсов и демонстрации силы.

В основу статьи положена «Индо-Тихоокеанская стратегия», разработанная администрацией Джо Байдена [6], а также официальные документы, заявления и выступления высших должностных лиц и дипломатов США. Авторы использовали системный подход, анализ документов, институциональный и структурно-функциональный методы, метод анализа документов.

Администрация Байдена рассматривала Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) как ключевой элемент глобальной стратегии США, а Китай – как основной стратегический вызов для АТР и мирового сообщества. Она активно участвовала в дипломатических инициативах, наращивала военное присутствие и продвигала двусторонние экономические соглашения, стремясь привлечь союзников как внутри региона, так и за его пределами к противостоянию с Китаем при сохранении регионального лидерства США.

Несмотря на сложности в реализации стратегии в АТР (необходимость поддержания глобального стратегического баланса, нехватка финансирования, трудности в координации действий союзников и их непоследовательность в политике), администрация продолжала внедрять политические инициативы, оказывающие влияние на политическую и экономическую обстановку, а также на безопасность в регионе, препятствуя устойчивому развитию Китая.

Стремясь избавиться от наследия Трампа, администрация Байдена внесла значительные изменения во внутреннюю и внешнюю политику, однако в отношении азиатско-тихоокеанской стратегии Байден сохранил риторику о «свободном и открытом АТР», разделяя схожие стратегические взгляды на Китай. Новая администрация, оценивая Китай как «стратегический вызов», подчеркивала важность сотрудничества с глобальными и региональными союзниками и партнерами для соперничества с Пекином в АТР [6,

р. 8]. Временное руководство по стратегии национальной безопасности (март 2021 г.) констатировало изменение глобального баланса сил в связи с появлением «новых угроз», при этом Китай рассматривался как «единственный конкурент, способный объединить экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь для вызова стабильной и открытой международной системе». Месяцем спустя Управление национальной разведки признало Китай равным конкурентом США, бросившим им вызов в экономической, военной, технологической сферах, а также в глобальном управлении [6, р. 4].

В феврале 2022 г. администрация Байдена обнародовала Индо-Тихоокеанскую стратегию США с подробным обоснованием стратегических интересов и целей Вашингтона в регионе. В документе подчеркивалось, что США являются «азиатско-тихоокеанской державой» и не потерпят конкуренции; безопасность и процветание в АТР имеют стратегическое значение для Америки не только по экономическим соображениям, но и в силу обязательств по безопасности перед своими союзниками [6, р. 4–5].

В стратегии отмечалось, что АТР сталкивается с возрастающими вызовами, особенно со стороны Китая, который стремится усилить свое влияние, объединяя экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь. Определялись пять стратегических целей США в регионе: продвижение свободы и открытости; укрепление связей в регионе и за его пределами; обеспечение регионального процветания; укрепление безопасности; повышение устойчивости к транснациональным угрозам [6, р. 5].

В политическом плане стратегия направлялась на продвижение ценностей «свободы и демократии», чтобы противостоять китайскому «авторитаризму» и обеспечить доступ США к сферам влияния в регионе. Руководствуясь экономическими интересами, США стремились противостоять китайской инициативе «Один пояс, один путь». В военной сфере за счет «комплексного сдерживания» США решали задачу укрепления своего военного присутствия и превосходства. В области регионального управления стратегия была призвана повысить способность региона реагировать на климатические изменения и COVID-19 посредством увеличения инвестиций и сотрудничества. В контексте союзнических отношений стратегия Байдена была направлена на укрепление двусторонних военных союзов с азиатско-тихоокеанскими партнерами, создание небольших многосторонних альянсов по конкретным вопросам и усиление регионального лидерства США, что позволило бы объединить усилия с союзниками для отражения вызовов со стороны Китая.

Цели Индо-Тихоокеанской стратегии Байдена в основном совпадали с целями его предшественника Трампа, поскольку обе администрации стремились защитить политические и экономические интересы, а также безопасность США в регионе. Однако, в отличие от администрации Трампа,

которая делала акцент на военной безопасности и придерживалась односторонней политики «Америка превыше всего», администрация Байдена уделяла внимание комплексному подходу, связывая политику, экономику и вопросы безопасности.

Президент Байден продвигал свою Индо-Тихоокеанскую стратегию по пяти ключевым направлениям:

1. *Политика в отношении Китая.* В 2021 г. координатор Совета национальной безопасности в АТР Курт Кэмпбелл и директор Стратегической инициативы по Китаю Раш Доши провели встречу с представителями Японии и Южной Кореи по вопросам стратегии в отношении КНР. Участники пришли к мнению, что для «восстановления порядка в Азии» США должны действовать в тесном сотрудничестве с альянсами и партнерами, углубляя отношения, в которых Вашингтон играет ведущую роль [7].

2. *Укрепление традиционных военных альянсов.* Президент провел встречи с лидерами Японии, Южной Кореи и Австралии, чтобы урегулировать разногласия по вопросам финансовой нагрузки на военные гарнизоны, а также обсудить экономические и торговые вопросы. Он также направил ключевых членов своего кабинета, включая госсекретаря и министра обороны, в эти страны и на Филиппины для подтверждения важности союзников. Байден рассматривал отношения с ними как значимый стратегический ресурс, который следует эффективно использовать. В своей первой речи о внешней политике он заявил, что американские альянсы – это «величайший актив», и призвал активизировать взаимодействие с ключевыми партнерами [8, p. 84–98].

3. *Модернизация QUAD.* Администрация Байдена уделяла пристальное внимание четырехстороннему диалогу по безопасности (QUAD) между США, Японией, Индией и Австралией. В феврале 2021 г. администрация инициировала видеоконференцию с участием министров иностранных дел этих стран, где было решено проводить ежегодные встречи и регулярные переговоры на высоком уровне. Обсуждались вопросы сотрудничества в борьбе с COVID-19 и изменением климата, а также региональные проблемы безопасности [9]. В марте 2021 г. по предложению президента состоялся первый саммит лидеров, где обсуждались вопросы укрепления сотрудничества для создания «свободного и открытого Азиатско-Тихоокеанского региона». Были созданы рабочие группы (по вакцинам, новым технологиям, климату), а также подтверждена поддержка центральной роли АСЕАН. В сентябре 2021 г. в США состоялась первая личная встреча лидеров QUAD. Они подчеркнули важность сотрудничества по следующим вопросам: борьба с COVID-19, развитие инфраструктуры, изменение климата, новые технологии [10].

4. *Развитие трехстороннего партнерства в области безопасности с Австралией и Великобританией, известного как AUKUS.* В сентябре 2021 г. было объявлено о создании этого альянса с целью углубления об-

мена информацией и технологиями между тремя странами и более тесной интеграции в оборонной сфере. В совместном заявлении подчеркивалась необходимость расширения трехстороннего сотрудничества (по вопросам кибербезопасности, искусственного интеллекта, квантовых технологий) и покупки Австралией атомных подводных лодок у партнеров [11].

Стремясь изменить в перспективе баланс сил в регионе, США, Великобритания и Австралия подписали соглашение об обмене военно-морскими ядерными технологиями (ноябрь 2021 г.), создали группу для разработки плана оборонного сотрудничества на ближайшие полтора года [12]. В апреле 2022 г. три страны объявили о планах по расширению сотрудничества в области гиперзвукового и антисверхзвукового оружия. AUKUS стал первым после окончания «холодной войны» оборонным партнерством такого рода, созданным США. По замыслу Вашингтона, этот альянс усиливает роль Австралии в сдерживании Китая и призван быть на переднем плане американской архитектуры безопасности в АТР.

5. *Укрепление партнерства с АСЕАН.* Администрация Байдена активизировала дипломатические усилия, демонстрируя важную роль Ассоциации и американского присутствия в регионе. Президент участвовал в Восточно-азиатском саммите и саммите США – АСЕАН, а также инициировал специальный саммит в Вашингтоне (май 2022 г.), где подчеркнул поддержку центральной роли Ассоциации и необходимость укрепления сотрудничества в таких областях, как здравоохранение, торговля, морская безопасность и изменение климата, пообещав выделить 150 млн долларов на эти цели [13]. Были признаны перспективными такие области взаимодействия, как «энергетика, транспорт, гендерное равенство, социальная справедливость» [6, р. 9–10].

Индо-Тихоокеанская стратегия подтвердила юридическую силу решения Арбитражного трибунала по Южно-Китайскому морю и отвергла территориальные претензии Китая в этом регионе [14, р. 11–30]. В соответствии с Законом о национальной обороне в 2022 финансовом году АСЕАН было выделено 50 млн долларов для реализации инициативы по морской безопасности, нацеленной на укрепление военно-морского потенциала стран Юго-Восточной Азии [15].

Министр обороны США Ллойд Остин в июне 2021 г. представил концепцию «комплексного сдерживания», предполагающую использование военного потенциала США и их союзников для противодействия принуждению и агрессии в любых формах и сферах. Она ориентировала на инновации в военных технологиях, совместные учения, оперативную совместимость и укрепление общего военного потенциала за счет интеграции оборонных баз, цепочек поставок и совместного производства ключевых технологий. Планировалось также расширение присутствия Береговой охраны США в АТР для поддержки партнеров в обеспечении гражданской безопасности [6, р. 12–13].

В результате в АТР сложилась ситуация «двойного лидерства»: экономическая зависимость от Китая сочеталась с опорой на США в сфере безопасности. Многие страны региона извлекли выгоду из экономического роста Китая, став его крупнейшими торговыми партнерами. В то же время они продолжали сотрудничество с США в сфере безопасности, сохраняя военные и стратегические связи с Вашингтоном. От стратегии «разворота к Азии» при Обаме до «Индо-Тихоокеанской стратегии» Байдена основным стратегическим вызовом США оставалась КНР, опасения утраты доминирующего положения в регионе. Стратегия Байдена, направленная на создание нового регионального порядка, отвечающего интересам прежде всего США, включала план сдерживания Китая.

Список использованных источников

1. Харланов, А. С. Особенности международной политики в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в процессе нарастающего блокового противостояния и полицентрического мироустройства / А. С. Харланов // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации: сб. ст. – Москва: ИД «УМЦ», 2023. – С. 449–456.
2. АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы / А. А. Байков, Д. Д. Бачило, Е. С. Бурова [и др.]. – Москва: Аспект Пресс, 2023. – 608 с.
3. Гарин, А. А. Значение AUKUS для южной части Тихого океана: последствия для внешней политики и безопасности Австралии / А. А. Гарин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития – 2022. – Т. 1, № 1(54). – С. 223–233.
4. Фомичева, Е. А. Новые вызовы единству и международной роли АСЕАН / Е. А. Фомичева // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2021. – Т. 3, № 3(52). – С. 36–50.
5. Розанов, А. А. Отношения США и КНР в Юго-Восточной Азии / А. А. Розанов // Беларусь в современном мире: материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 97-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т. – Минск: БГУ, 2018. – С. 37–38.
6. INDO-PACIFIC STRATEGY OF THE UNITED STATES / The White House (2022). – URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wpcontent/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (date of access: 10.02.2025).
7. Zongyou, Wei. The Impact of America First on the US South Korea and US Japan Alliances / Wei Zongyou // Research on International Issues. – 2019. – № 6. – P. 84–98.
8. Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. / Office of the Director of National Intelligence (2021). – URL: <https://www.intelligence.gov/annual-threat-assessmen> (date of access: 10.02.2025).
9. Joint Statement from Quad Leaders / The White House (2021). – URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefingroom/statements_releases/2021/09/24/joint-statement-fromquad-leaders/ (date of access: 10.02.2025).
10. Secretary Blinken's Call with Quad Ministers. / U.S. Department of State (2021). – URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/secretary-blinkens-call-with-quad-ministers/> (date of access: 10.02.2025).
11. Australia Signs Exchange of Naval Nuclear Propulsion Information Sharing Agreement / Australian Government Defence (2021). – URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2021-11-22/australia-signs-exchangenaval-nuclear-propulsion-information-sharing-agreement> (date of access: 10.02.2025).

12. Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom Announcing the Creation of AUKUS. / The White House (2021). – URL: https://www.globalsecurity.org/military/library/news/2021/09/mil210915white-house01.htm#google_vignette (date of access: 10.02.2025).

13. ASEAN (2022). ASEAN–U.S. Special Summit 2022, Joint Vision Statement / ASEAN (2022) – URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/05/Final-ASEAN-US-Special-Summit-2022-Joint-Vision-Statement.pdf> (date of access: 10.02.2025).

14. Fifth Anniversary of the Arbitral Tribunal Ruling on the South China Sea / U.S. Department of State (2021). – URL: <https://2021-2025.state.gov/fifth-anniversary-of-the-arbitral-tribunal-ruling-on-the-south-china-sea/> (date of access: 10.02.2025).

15. Congressional Research Service (2022). Renewed Great Power Competition: Implications for Defense-Issues for Congress / Congressional Research Service (2022). – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R43838/87> (date of access: 10.02.2025).

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

М. В. Фролкова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь;
Администрация Первомайского района, Минск

M. V. Fralkova

Academy Management under the President of the Republic of Belarus;
Administration of Pervomaisky district, Minsk

УДК 323.22/28

НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

DIRECTIONS OF IMPLEMENTATION OF THE STATE YOUTH POLICY IN THE CONTEXT OF THE USE OF YOUTH SOCIO-POLITICAL ORGANIZATIONS

В статье анализируются направления реализации государственной молодежной политики в контексте использования молодежных общественно-политических организаций. Объектами для анализа были определены шесть основных общественно-политических организаций Республики Беларусь и Российской Федерации. Анализируемые автором молодежные общественные объединения в статье рассматриваются как системообразующие для реализации государственной молодежной политики и в целом для молодежного движения обеих стран. В процессе анализа деятельности организаций также отражены основные направления реализации государственной молодежной политики.

Ключевые слова: государство; молодежь; молодежная политика; молодежные объединения; политическая социализация молодежи; правовые основы государственной молодежной политики; общественное объединение; направления государственной молодежной политики; перспективы развития государственной молодежной политики.

The presented article analyzes the directions of implementation of the state youth policy in the context of the use of youth socio-political organizations. Six main socio-political organizations of the Republic of Belarus and the Russian Federation were identified as objects for analysis. The article considers the youth public associations analyzed by the author as systemically important for the implementation of state youth policy and, in general, for the youth movement of both countries. In the process of analyzing the activities of organizations, the main directions of the implementation of the state youth policy are also reflected.

Keywords: the state; youth; youth policy; youth associations; political socialization of youth; legal foundations of state youth policy; public association; directions of state youth policy; prospects for the development of state youth policy.

Молодежная политика в Республике Беларусь относится к числу наиболее значимых стратегий реализации государственной политики [1]. Особое внимание к молодежи со стороны государства обусловлено высокой степенью воздействия процессов, происходящих в стране, на общественно-политическое и производственно-экономическое развитие республики в будущем, а также высокими рисками для государства вследствие недостаточной контролируемости и управляемости тенденциями в молодежной среде.

В Республике Беларусь основы молодежной политики определены рядом законодательных актов. Среди них – Закон об основах государственной молодежной политики (2009 г.). Данным законодательным актом определена роль, задачи и направления молодежной политики, в том числе ее реализация, регулирование и финансирование. В республике принята и реализуется Стратегия развития государственной молодежной политики до 2030 года. Этот системообразующий для молодежной политики законодательный акт определил долгосрочные национальные цели и приоритеты в реализации молодежной политики в Республике Беларусь по 12 стратегическим направлениям. В стране также реализуется ряд программ и проектов, нацеленных на реализацию государственной молодежной политики.

Особое внимание в законодательных актах, регулирующих реализацию государственной молодежной политики в Республике Беларусь, отводится:

- созданию условий для эффективной самореализации молодежи;
- социально-правовой защите молодого поколения и формированию у него патриотизма.

Стратегия реализации молодежной политики на ближайший период определена в Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 гг. [2].

Как следует из данных, размещаемых в открытых источниках государственными органами, в Беларуси осуществляется достаточно эффективная молодежная политика. Одним из основных направлений реализации Государственной программы «Образование и молодежная политика» [2] в 2023 г. стало создание возможностей для саморазвития и реализации молодежи. Как следует из данных Министерства образования Республики Беларусь, по итогам за 2023 г.:

- до 95,2 % возросла доля молодежи в возрасте от 15 до 24 лет, которая учится, работает и приобретает профессиональные навыки;
- в Беларуси различными формами общественно-политической, экономической, социальной и культурной деятельности при поддержке государства было охвачено 87,0 % молодежи;
- в республике были реализованы разноплановые проекты, целью которых являлось формирование в молодежной среде национального, гражданского самосознания молодежи, уважения к истории, культуре, традициям белорусского народа, сохранение преемственности поколений [3].

В процессе реализации данного направления работы с молодежью государственными органами и общественными молодежными объединениями использовались как традиционные формы и методы работы с молодежью, так и новые. Работа с юношами и девушками осуществлялась в том числе с учетом Программы патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 гг. [4].

Основные сведения о деятельности общественно-политических молодежных организаций белорусские юноши и девушки могут почерпнуть на специализированном портале «Молодежь Беларуси» [5]. На этой информационной платформе молодежь страны также может узнать о государственной молодежной политике, социальных льготах и гарантиях для молодых граждан всех категорий (призывников, молодых специалистов, студентов и т. д.). Молодежная интернет-платформа публикует ленту актуальных новостей о достижениях молодежи в образовании, науке и творчестве. Молодежным порталом регулярно осуществляются опросы в молодежной среде по актуальным вопросам. Здесь же представители активной части белорусской молодежи могут внести предложения по молодежным инициативам и обратиться к психологу.

На портале «Молодежь Беларуси» расположен наиболее полный перечень молодежных общественно-политических объединений страны [6]. К числу влиятельных общественно-политических организаций республики, посредством которых реализуются ключевые направления государственной молодежной политики, относятся Общественное объединение «Белорусский Республиканский союз молодежи» (БРСМ), Общественное объединение «Белорусская Республиканская пионерская организация» (БРПО), Республиканское общественное объединение «Белая Русь» [6]. Эти три организации обеспечивают прочный фундамент как для реализации государственной молодежной политики, так и для установления в республике надежной преемственности поколений и поступательного целенаправленного перехода юношей и девушек по мере взросления из одной социально-возрастной категории в другую. В рамках этих общественных организаций реализуются следующие направления государственной молодежной политики: патриотическое воспитание молодежи, трудоустройство, правовая и социальная поддержка, реализация творческого и научного потенциала,

личностный рост и самосовершенствование, профессиональная ориентация, общественно-политическая деятельность.

Разработка и реализация государственной молодежной политики, как и деятельность молодежных общественно-политических организаций в Республике Беларусь, осуществляется при наиболее полной и разносторонней поддержке со стороны Главы государства А. Г. Лукашенко.

Формирование морально-этических ценностей, закрепление традиционного национального кода белорусского народа, исторической и патриотической преемственности белорусской молодежи начинается в БРПО, которая на сегодня является одним из самых массовых детских объединений в стране.

БРПО осуществляет свою деятельность в рамках реализации государственной молодежной политики в Республике Беларусь, основываясь на идеологии белорусского государства, общечеловеческих ценностях, лучших традициях работы с детскими и молодежными общественными объединениями и движениями республики [6]. В основе работы БРПО гражданское и патриотическое воспитание детей и подростков, духовно-нравственное становление современной личности, популяризация здорового образа жизни, спорта и туризма, социальная защита детей, воспитание информационной культуры и осуществление благотворительной и международной деятельности.

Современная БРПО была преобразована и начала работу в новом формате 13 сентября 1990 г. на X Республиканском слете пионеров. Слоганом организации является: «БРПО – территория детства».

БРПО – динамичное детское объединение, впитавшее в себя лучшие исторические традиции прошлого пионерского движения и современные инновационные технологии. Переформатированное под новые запросы детей и подростков, БРПО продолжает оставаться одним из наиболее популярных и востребованных детских объединений республики, его ряды активно пополняются новыми инициативными, креативными и талантливыми ребятами. Численность объединения превышает 600 тысяч человек.

Об особом вкладе БРПО в воспитание белорусской молодежи, начиная с раннего возраста, а также о значимом месте общественного объединения в реализации государственной молодежной политики говорит высокая награда от Президента Республики Беларусь. В 2022 г. БРПО была удостоена специальной премии Президента Беларуси «За духовное возрождение» – за значительный вклад в гражданское и патриотическое воспитание подрастающего поколения, реализацию социально значимых детских проектов и инициатив [10, с. 72].

Следующим важным этапом в жизни белорусской молодежи становится членство в БРСМ. Это объединение стало не только кузницей молодых кадров для страны, но и значимой ступенькой для юношей и девушек, сопровождающей их переход из детско-юношеского возраста в период взросления

и формирования осознанных устремлений и приоритетов. Осуществляя реализацию основных направлений государственной молодежной политики, БРСМ одновременно открывает белорусской молодежи новые горизонты возможностей, связанных с постепенным вхождением во взрослую жизнь, делая переход из детско-подростковых иллюзий в юношеские идеалы осознанным и не столь болезненным [6].

Благодаря проектам БРСМ белорусская молодежь может попробовать себя в различных сферах общественно-политической жизни – от участия в программах и проектах до взаимодействия с государственными органами власти, включая встречи с Президентом Республики Беларусь и участие в молодежном парламенте. Основными направлениями деятельности БРСМ являются: гражданско-патриотическое воспитание, в том числе движение молодежных отрядов охраны правопорядка (МООП); трудоустройство молодежи; поддержка талантливой и одаренной молодежи; пропаганда здорового образа жизни; развитие волонтерского движения; международное сотрудничество; работа с молодежью в информационном пространстве; правовое воспитание молодежи; поддержка молодежных инициатив.

Главная цель Союза молодежи – создание условий для эффективного участия молодых людей в общественно-политической и культурной жизни общества, формирование у них активной жизненной позиции и подготовка кадров для всей государственной системы [6].

БРСМ, как и БРПО, – объединение с богатым историческим прошлым, впитавшее в себя лучшие традиции двух молодежных организаций – Белорусского союза молодежи (БСМ) и Белорусского патриотического союза молодежи (БПСМ). Два объединения стали единым целым в 2002 г. и ознаменовали своим слиянием новую веху в развитии молодежного общественно-политического движения Беларуси.

Членство в РОО «Белая Русь» становится завершающей стадией социализации и перехода в полноценную взрослую жизнь для белорусской молодежи. Приходя в это объединение, молодежь Беларуси уже имеет достаточный начальный опыт общественно-политической деятельности и реализации себя в различных программах и проектах, полученный в рамках БРСМ. РОО «Белая Русь» [7] логично завершает формирование личности молодых людей, цементирует их взгляды, идеи, морально-этические ценности, последовательно ранее сформированные и закрепленные в БРПО и в БРСМ.

Вступая в ряды РОО «Белая Русь», молодежь приходит в состав этого объединения с пониманием исторического наследия, исконных морально-этических и культурных ценностей белорусского народа, перспектив и направлений реализации государственной политики на различных уровнях, государственной молодежной политики. Это позволяет молодым людям эффективнее и глубже понимать различные процессы, происходя-

щие в стране и мире, осуществлять более продуктивную профессиональную и общественно-политическую деятельность.

Патриотическое движение «Белая Русь» зародилось в 2004 г. в Гродно по инициативе общественности. В июне 2007 г. к идеологическому проекту присоединились все области и г. Минск. Началась подготовка к созданию РОО «Белая Русь» [7]. Первоначальная цель объединения – всесторонняя и многоуровневая поддержка политического курса Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. Но с течением времени идейная платформа РОО естественным образом распространилась и на поддержку идеологии белорусского государства и существующей модели общественного развития.

На сегодня основной целью объединения считает построение независимой, сильной и процветающей Беларуси путем консолидации общества и всех конструктивных сил на основе приоритетности национальных интересов, патриотических и духовно-нравственных ценностей белорусского народа, культурных традиций, общего понимания его исторической судьбы и стремления к сохранению суверенитета и независимости государства [7].

Претворяя в жизнь основные положения Программы, РОО «Белая Русь» содействует: построению в Республике Беларусь общества, в котором гарантируется социальная справедливость; созданию политических, экономических и социальных условий для реального участия граждан в управлении делами государства и общества; обеспечению социальной безопасности населения страны, законных прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией Республики Беларусь.

Следует отметить, что белорусская молодежь достаточно активно участвует в различных молодежных организациях – об этом говорит и численность молодежных объединений, и данные об активностях юношей и девушек. Так, различными формами молодежного самоуправления по итогам 2023 г. было охвачено более 120 тыс. обучающихся, более 76 тыс. молодых людей стали участниками волонтерских мероприятий (благотворительных акций, онлайн-семинаров, проектов). Участниками студенческих трудовых отрядов стали 129,4 тыс. человек, в том числе: в 2021 г. – 34 738 человек в составе 2455 отрядов, в 2022 г. – 43 548 человек в составе 3003 отрядов, в 2023 г. – 51 143 человека в составе 3660 отрядов [3].

Важной характеристикой белорусского молодежного движения является создание молодежных общественных объединений как на государственном, так и на локальном уровне (к ним относятся региональные, студенческие и другие узконаправленные объединения). Большинство молодежных объединений сосредоточено в столице и областных центрах страны. В районных центрах и в сельской местности молодежные объединения представлены в основном ячейками крупных организаций.

Повсеместно в республике, как в областных, так и в районных центрах и сельской местности, осуществляют деятельность такие молодежные

объединения, как БРСМ, БРПО, РОО «Белая Русь». Благодаря широкому распространению и проникновению в различные социальные слои этих организаций и обеспечению ими последовательной и преемственной воспитательной работы с молодежью в стране осуществляется наиболее полная реализация государственной молодежной политики. Различными программами и проектами, воспитательной и идеологической функцией молодежь охватывается начиная с детско-подросткового возраста и вплоть до перехода молодежи в категорию граждан среднего возраста.

В свою очередь эффективно реализуемая государственная молодежная политика через БРСМ, БРПО, РОО «Белая Русь» позволила:

- не допустить резкой поляризации молодежной среды, обеспечив доступ к различным государственным проектам и программам молодежи разного возраста и из разных социальных слоев;
- успешно противостоять различным негативным тенденциям в детско-подростковой и молодежной среде;
- постепенно и последовательно формировать и закреплять в сознании молодежи традиционный код белорусского народа: приверженность историческому прошлому, традиционным морально-этическим, культурным и идеологическим ценностям;
- обеспечить патриотическое воспитание молодежи в духе уважения к историческому прошлому, традициям и культуре белорусского народа, любви к Родине в различных возрастных и социальных категориях – среди детей, подростков, студенческой, рабочей и сельской молодежи.

При этом, как пишет белорусский ученый, профессор Ф. И. Храмцова, идеологическая матрица образовательного процесса, патриотического воспитания выступает как когнитивный метод «программирования кодов» национальной культуры, языка, истории для решения мировоззренческих задач социализации молодежи как субъекта государственного строительства [11, с. 70].

Назначение идеологической матрицы как мировоззренческой категории образовательной, молодежной и социальной политики состоит в нормативной трансляции ценностных идей в ходе образовательного процесса с учетом специфики дисциплины; проводимых идейно-воспитательных мероприятий молодежных объединений; социальной защиты и поддержки уязвимых категорий молодежи на уровне всех субъектов государственной молодежной политики в контексте принципов идеологии белорусского государства, государственных программ, проектов; политической повестки государственного строительства.

Государственные органы власти и руководители молодежных общественных объединений, а также лидеры белорусских общественно-политических организаций республики при осуществлении государственной молодежной политики активно используют опыт Российской Федерации в организации молодежного движения.

К числу главных молодежных объединений Российской Федерации относятся:

- Российский союз молодежи (Росмолодежь). Возник на базе комсомольской организации и действует с 31 мая 1990 г. Относится к категории одной из самых массовых в России. Действует в 77 регионах страны. В состав организации входит свыше 150 тысяч человек. Объединение фактически является аналогичным БРСМ [8].

- Российское движение школьников (РДШ). Создано по личному распоряжению В. В. Путина в 2015 г. Объединяет молодежь в возрасте от 8 до 18 лет. Организация является аналогом БРПО [8].

Главной по значимости общественно-политической организацией Российской Федерации является партия «Единая Россия» [9].

Проводя параллели между структурой российского и белорусского молодежного движений, можно прийти к следующим выводам.

В Республике Беларусь и Российской Федерации созданы организации, которые являются системообразующими для реализации государственной молодежной политики и в целом государственной политики. В своей социализации российская и белорусская молодежь проходит через три основные организации – аналоги пионерской организации, комсомольской организации и вступает в число сторонников главных политических объединений стран – «Белая Русь» и «Единая Россия» – с определенным опытом участия в общественно-политических движениях.

Государственная молодежная политика в обеих странах реализуется последовательно и целенаправленно, а также достаточно успешно. Ее полноценными и эффективными проводниками являются различные молодежные общественные объединения.

В Республике Беларусь основная воспитательная и идеологическая функция в рамках реализации государственной молодежной политики возложена на три основные организации – БРСМ, БРПО и РОО «Белая Русь». Для последующего развития государственной молодежной политики в контексте использования молодежных объединений рекомендуется усиливать взаимодействие между этими организациями.

Как следует из общемировой практики, а также из опыта реализации государственной молодежной политики в Республике Беларусь и в Российской Федерации в предшествующие периоды развития, процессы, наблюдаемые в молодежной среде и не управляемые государством, могут приводить к нежелательным последствиям и препятствовать продуктивному развитию страны в различных сферах жизнедеятельности. Подобные негативные тенденции могут наблюдаться ввиду отсутствия или недостаточного количества перспективных кадров из молодежной среды, которые могли бы обеспечить преемственность поколений и в целом руководящих кадров в стране, а также ввиду сбоев ценностных, морально-этических и идеологических ориентиров у молодежи. Однако функционирование системообра-

зующих общественно-политических организаций способно в корне менять ситуацию, что и показывает опыт Российской Федерации и Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Государственная программа «Образование и молодежная политика». – URL: <https://edu.gov.by/gosudarstvennaya-programma-obrazovanie-i-molodezhnaya-politika/> (дата доступа: 15.02.2025).

2. О Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы / Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 57. – URL: <https://adu.by/images/2021/02/gos-pr-obrazovanie-molod-politika-2021-2025.pdf> (дата доступа: 17.02.2025).

3. Информация о реализации государственной программы «Образование и молодежная политика» в 2023 году. – URL: <https://edu.gov.by/gosudarstvennaya-programma-obrazovanie-i-molodezhnaya-politika/informatsiya-o-realizatsii-gosudarstvennoy-programmy-obrazovanie-i-molodezhnaya-politika-v-2023-godu/> (дата доступа: 17.02.2025).

4. О Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы / Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2021 г. № 773. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100773&p1=1> (дата доступа: 18.02.2025).

5. Молодежь Беларуси: основной государственный информационный ресурс в сфере молодежной политики. – URL: <https://xn--d1acdremb9i.xn--90ais/> (дата доступа: 18.02.2025).

6. Молодежные общественные организации. – URL: <https://xn--d1acdremb9i.xn--90ais/molodezhnye-obshchestvennye-organizatsii/> (дата доступа: 19.02.2025).

7. Республиканское общественное объединение «Белая Русь». – URL: <https://1br.by/aboutus> (дата доступа: 19.02.2025).

8. Главные молодежные организации России, в которых ждут новобранцев. – URL: <https://parus.kp.ru/content/chitat/glavnye-molodezhnye-organizatsii-rossii-v-kotorykh-zhdut-novobrantsev/> (дата доступа: 19.02.2025).

9. Единая Россия: о партии. – URL: <https://er.ru/party> (дата доступа: 19.02.2025).

10. Котова, О. В. Роль молодежных общественных объединений в реализации молодежной политики / О. В. Котова, В. В. Сенько, Т. К. Лукашевич // Высшая школа. – 2023. – № 2. – С. 3–7.

11. Храмцова, Ф. И. Модернизация государственного управления сферой молодежной политики на материалах Республики Беларусь / Ф. И. Храмцова // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – Vol. 7-2 (70). – Р. 66–72.

(Дата подачи: 26.02.2025 г.)

Хань Юй

Белорусский государственный университет, Минск

Han Yu

Belarusian State University, Minsk

УДК 327

КИТАЙСКИЕ СТРАТЕГИИ СТАБИЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

CHINESE STRATEGIES FOR STABILIZING THE SITUATION ON THE KOREAN PENINSULA

В статье проанализирована китайская стратегия стабилизации ситуации на Корейском полуострове. Учитывая важность мирной и стабильной обстановки на Корейском полуострове для Китая, им были разработаны и приняты стратегии «активного участия» и «двойных связей и противовеса». Выявлено, что активное установление дружественных отношений с США, Россией и Японией оказывает положительное влияние на ситуацию на Корейском полуострове.

Ключевые слова: Китай; страны Корейского полуострова; США; Россия; Япония; денуклеаризация; региональная безопасность; китайская стратегия.

The article analyzes China's strategy for stabilizing the situation on the Korean Peninsula. Given the importance of a peaceful and stable situation on the Korean Peninsula for China, China has developed and adopted the strategies of "active engagement" and "dual ties and counterbalance". It also found that actively establishing friendly relations with the United States, Russia and Japan has a positive impact on the situation on the Korean Peninsula.

Keywords: China; Korean Peninsula countries; United States; Russia; Japan; denuclearization; regional security; Chinese strategy.

Особое географическое расположение Корейского полуострова делает его стратегическое положение особенно заметным и важным, а фактическая ситуация в странах и регионе вокруг него в корне усиливает важность этого стратегического положения. Географически Корейский полуостров расположен в центре Северо-Восточной Азии, граничит с Китаем и Россией на севере и Японией на востоке, служит «мостом» между азиатским континентом и Японией и важной стратегической буферной зоной для Китая, России и Японии. Рядом с Корейским полуостровом находится Корейский пролив – основной путь морских перевозок в Северо-Восточной Азии. Он играет решающую роль в контроле над этим крупным морским центром Северо-Восточной Азии. Помимо того, что Японское море в пределах пролива является особым районом для военно-морской деятельности США, России и Японии, оно также играет важную роль в военных стратегиях этих стран. Корейский пролив – чрезвычайно важный стратегический морской маршрут в Северо-Восточной Азии, так как он соединяет не только Японское и Восточно-Китайское моря, но и всю Азию с Тихим океаном. Поскольку Корейский полуостров граничит с Китаем, стабильность и дену-

клеаризация Корейского полуострова оказывают большое влияние на безопасность Китая и внутреннее экономическое развитие.

В связи с вышесказанным Корейский полуостров имеет уникальное значение для Китая. В результате с начала XXI в. китайское правительство приняло стратегии «активного участия» и «двойной связи и противовеса».

Стратегия «активного участия». Когда в XXI в. на Корейском полуострове разразился второй ядерный кризис, Китай изменил свою позицию, закрепленную в период первого ядерного кризиса, и начал активно продвигать многосторонние переговоры, приняв стратегию «активного участия».

Когда в 1994 г. разразился первый ядерный кризис, Китай избегал прямого участия и выступал за мирное разрешение кризиса между Северной Кореей и США путем построения двустороннего диалога, поскольку его национальная мощь, экономическая сила и международное влияние в то время были относительно ограничены. Кроме того, Китай считал, что конфликт между Соединенными Штатами и Северной Кореей должен решаться между данными государствами без вмешательств других государств. Поскольку Северная Корея считает, что его главная угроза возникла от США, китайское правительство решило, что именно американцы должны мирно устранять страх Северной Кореи вместо угрозы применения ядерного оружия [1].

Отношение Китая было четко сформулировано Цзэминь в докладе на XVI съезде партии в 2002 г.: «Независимо от изменений в международном климате, мы последовательно проводим независимую и мирную внешнюю политику. Целью внешней политики Китая является поддержание мира во всем мире и содействие общему развитию. Мы готовы работать со всеми народами для совместного продвижения благородного дела мира и развития во всем мире... В сфере безопасности должно быть взаимное доверие, совместное поддержание, новая концепция безопасности, предусматривающая взаимное доверие, взаимную выгоду, равенство и сотрудничество, разрешение споров путем диалога и сотрудничества без применения силы или угрозы ее применения» [2]. На данном этапе развитый Китай придерживается этого же принципа, что четко выражено в докладах XVII, XVIII и XIX Всекитайских партийных съездов. Более того, вступая в XXI век, Китай стремительно развивается и увеличивает свою экономическую и военную мощь и международное влияние по сравнению с тем, что было раньше. В результате КНР приняла стратегию активного участия на Корейском полуострове, чтобы взять на себя больше международных обязательств и представить себя миру как ответственную державу. Таким образом, он надеется своевременно стабилизировать ситуацию на Корейском полуострове и усилить свое влияние на сам Корейский полуостров, регион Северо-Восточной Азии в целом.

В 2002 г., когда президент США Джордж Буш-младший вступил в должность, он включил КНДР в список стран «оси зла» и сделал ее одной из

целей упреждающих ядерных ударов [3]. В октябре США заявили, что обнаружили секретную ядерную программу Северной Кореи и доказательства закупок ею технологий и оборудования, а также доказательства секретных ядерных сделок. Джеймс Келли, помощник госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана в администрации Джорджа Буша-младшего, срочно отправился в КНДР на встречу с Кан Сок Чжу, заместителем министра иностранных дел КНДР, предъявил ему «доказательства» импорта КНДР центрифуг для обогащения урана. США считают, что КНДР нарушает Соглашенное рамочное соглашение 1994 г. между США и КНДР. В то же время КНДР настаивала на мнении, что США также не выполнили свои обязательства по соглашению [4]. Отношения между КНДР и США вновь зашли в тупик, тем самым сформировав второй северокорейский ядерный кризис.

Поскольку продолжение выполнения обязательств рамочного соглашения между США и КНДР было уже невозможно, американская сторона направила госсекретаря США Колина Пауэлла в Китай в надежде, что китайская сторона сможет вмешаться и помочь решить проблему. Первоначально была рассмотрена возможность приглашения представителей КНДР и США в Китай для проведения трехсторонних переговоров. После визита Колина Пауэлла в Китай китайская сторона предприняла усилия по налаживанию диалога с КНДР и направила туда специального посланника. В итоге КНДР согласилась провести трехсторонние переговоры. 22 апреля того же года Министерство иностранных дел Китая опубликовало публичное сообщение, в котором говорилось: «Китай всегда выступал за мирное решение ядерной проблемы КНДР путем диалога, что также является консенсусом для всех заинтересованных сторон и международного сообщества. Исходя из вышеуказанного консенсуса, КНДР и США будет предложено направить делегации в Китай для переговоров» [5]. Трехсторонние переговоры вызвали большой интерес со стороны Южной Кореи и Японии и привлекли повышенное международное внимание к переговорам. США потребовали расширить многосторонние переговоры, включив в них Южную Корею и Японию, на что Китай согласился с условием включения России в процесс переговоров. В результате трехсторонние переговоры были преобразованы в шестисторонние.

С апреля 2003 г. по октябрь 2007 г. был проведен раунд трехсторонних переговоров между Китаем, США и КНДР и шесть раундов шестисторонних переговоров с участием Южной Кореи, Японии и России. Переговорный процесс был непростым, но организованный диалог позволил держать ядерную ситуацию под контролем. Китай продолжал играть роль посредника, выслушивая широкий спектр мнений со всех сторон, нанося визиты и оказывая множество «тихих дипломатических добрых услуг». Три документа, принятые по итогам шестисторонних переговоров, – «Совместное заявление четвертого раунда шестисторонних переговоров от 19 сентября 2005 г.», «Первоначальные действия по реализации совместного заявления

от 13 февраля 2007 г.» и «Реализация второго этапа Совместного заявления от 3 октября 2007 г.» – заложили важный фундамент в развитии шестисторонних переговоров [6–8].

Тем не менее подписанные соглашения часто не выполнялись, в частности из-за ужесточения отношения президента Дж. Буша-младшего к КНДР. После его переизбрания и последовательных ядерных испытаний, проведенных КНДР, переговоры часто срывались, а ситуация вновь и вновь становилась напряженной. 14 апреля 2009 г. Министерство иностранных дел КНДР объявило в Пхеньяне о выходе из шестисторонних переговоров по ядерной проблеме. После этого шестисторонние переговоры зашли в тупик [9]. Хотя и КНДР, и США позже заявляли о своей готовности возобновить шестисторонние переговоры, они не возобновлены до сих пор, поскольку участники не смогли удовлетворить требования друг друга.

Но это не означает, что Китай отказался от своих добрых услуг. Он по-прежнему пытается заставить США и Северную Корею решить свои проблемы путем мирных переговоров. 28 апреля 2017 г. министр иностранных дел Китая Ван И принял участие в министерском заседании Совета Безопасности по денуклеаризации Корейского полуострова в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. В ходе встречи Китай выдвинул инициативы «взаимная сдержанность» и «двухколейный подход», согласно которым КНДР должен приостановить свою ядерную и ракетную деятельность, а США и Южная Корея в ответ приостановят масштабные совместные военные учения, параллельно продвигая процесс реализации денуклеаризации полуострова и создания мирного механизма на полуострове, активно убеждают в мире и содействуют переговорам для поддержания мира и стабильности на полуострове и создания условий для политического решения проблемы полуострова [10]. Китай мог бы также внести свой вклад, наряду с Соединенными Штатами и Южной Кореей, в долгосрочный переговорный процесс, предложив Северной Корее дополнительные меры безопасности и экономические стимулы, техническую помощь в области контроля над вооружениями и заверив ее в своей приверженности поддержанию мира на Корейском полуострове.

На сегодняшний день ядерная проблема остается нерешенной, но принципы и позиция Китая не изменятся. Как близкий сосед полуострова и важная сторона в вопросе полуострова, Китай будет продолжать придерживаться стратегии «активного взаимодействия», последовательно настаивая на денуклеаризации полуострова, поддержании мира и стабильности на полуострове, а также решении вопроса путем выстраивания диалога и организации консультаций.

Стратегия «двойной связи и противовеса». Учитывая взаимосвязанную динамику сил и переплетение интересов крупных держав на Корейском полуострове, стратегия безопасности Китая в отношении Корейского полуострова не может ограничиваться двусторонними отноше-

ниями с КНДР и Южной Кореей – в фокусе его стратегических соображений также оказались стратегические соображения крупных держав (особенно США) в Северо-Восточной Азии. Поэтому стратегия геобезопасности Китая в отношении Корейского полуострова заключается прежде всего в построении дружественных отношений с США, Японией, Россией, Южной и Северной Кореей. Защищая национальный суверенитет и безопасность, Китай стремится искать точки соприкосновения с общими интересами других стран. С одной стороны, он в полной мере использует общие интересы с США для координации действий и сотрудничества на полуострове, а с другой – не позволяет разногласиям между странами на полуострове перерасти в вооруженные конфликты. Китай будет делать все возможное, чтобы управлять ситуацией в той степени, в которой его собственных сил достаточно для контроля над ней, использовать игру между крупными державами для усиления своей дипломатической мощи на полуострове и максимально возможно обеспечивать свои национальные интересы. Поэтому Китай принимает грандиозную стратегию «двойной связи и противовеса», чтобы максимизировать свое дипломатическое пространство и ответить на стратегию «сдерживания» США против Китая [11, с. 5].

Первый тип связей – это связи между Китаем и США. Можно сказать, что они являются «первоочередными», о чем свидетельствуют частые встречи и заявления лидеров двух стран.

Китай поддерживает и укрепляет свое взаимодействие с США, насколько это возможно, в том числе путем определенных компромиссов для обеспечения координации усилий с США, тем самым получая свободу действий и влияние для сдерживания неконфронтационным способом, для убеждения и уравнивания США. В некотором смысле это «мягкий противовес». В отношении Корейского полуострова Китай пользуется решением ядерной проблемы КНДР как возможности для расширения сотрудничества с США. Выступая активным посредником между США и КНДР, Китай не только стабилизировал ситуацию на полуострове и сохранил мир в Северо-Восточной Азии, но и смог использовать силу других стран для конкурентной игры с США по вопросу Корейского полуострова, используя сложившиеся условия в свою пользу. Укрепление диалога и сотрудничества с США также способствует началу процесса диалога между двумя странами по вопросам региональной безопасности за пределами Корейской тематики и созданию благоприятных условий для диалога по решению тайваньского вопроса.

Второй тип связей заключается в стремлении поддерживать, улучшать и развивать двусторонние отношения с Японией, Южной Кореей, Россией и КНДР. Помимо основной цели – улучшение отношений с каждым отдельно взятым государством и налаживание с ним связей, – Китай стремится получить доступ к широкому спектру дипломатических ресурсов, чтобы действовать в качестве прямого или косвенного, видимого или невидимого

го противовеса или сдерживающего фактора для США в целях более эффективного обеспечения национальных интересов. Основные угрозы безопасности Китая в Северо-Восточной Азии исходят из двух источников: во-первых, потенциал вооруженного конфликта, возникающего в результате противостояния между альянсами США – Япония и США – Южная Корея и Северной Кореей; во-вторых, усиление влияния США в Северо-Восточной Азии альянсами США – Япония и США – Корея, что усиливает военное давление США на Китай. Поэтому улучшение и развитие двусторонних отношений с Японией и Южной Кореей, расширение обменов, повышение доверия и устранение сомнений сыграли важную роль в ослаблении враждебности между Китаем, Японией и Южной Кореей.

В частности, нормализация китайско-корейских отношений не только способствует миру и стабильности в Северо-Восточной Азии, но и играет важную роль в содействии Южной Корее в большей степени преодолеть «дипломатию только для США» и достичь баланса сил между крупными державами. Новая эра китайско-российского всеобъемлющего стратегического партнерства важна для поддержания согласованного баланса сил в Северо-Восточной Азии и реализации интересов безопасности всех стран [12].

Кроме того, 19 июня 2024 г. был подписан Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой. В ст. 3 договора предусмотрено, что «в случае возникновения непосредственной угрозы совершения против одной из Сторон акта вооруженной агрессии Стороны по требованию одной из Сторон незамедлительно задействуют двусторонние каналы для проведения консультаций с целью координации своих позиций и согласования возможных практических мер по оказанию помощи друг другу для содействия устранению возникшей угрозы»; а в ст. 4 предусмотрено, что «в случае, если одна из Сторон подвергнется вооруженному нападению со стороны какого-либо государства или нескольких государств и окажется таким образом в состоянии войны, то другая Сторона незамедлительно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами» [13].

Автор считает, что подписание данного договора между Россией и Северной Кореей послужит сдерживающим фактором и противовесом альянсу США – Япония – Южная Корея, а также окажет определенное влияние на стабильность Корейского полуострова. Однако в ст. 10 договора упоминается сотрудничество сторон в сфере мирной атомной энергии, что вносит неопределенность в процесс денуклеаризации Корейского полуострова [13]. Китай сохраняет нейтральную позицию в отношении подписания договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между двумя странами. Официальный представитель МИД КНР Линь Цзянь на очередной пресс-конференции заявил: «Мы неоднократно четко излагали свою позицию ка-

сательно двусторонних контактов и сотрудничества между Россией и КНДР. КНДР и Россия – два независимых и суверенных государства, и то, как они развивают свои двусторонние отношения, является их личным делом» [14].

В контексте нынешней международной обстановки Китай, придерживаясь принципов Устава ООН, продолжает укреплять свою государственную мощь и расширять международное политическое, экономическое и культурное влияние, при этом решительно выступая против экспансии военных союзов, избегая войн между государствами и стабилизируя мировой порядок посредством политики добрососедства. В плане внешней политики в отношении стран Корейского полуострова Китай принял стратегию «активного участия» и «двойных связей и противовеса», устанавливая дружественные отношения с США и соседними странами, которые могут повлиять на ситуацию на Корейском полуострове (например, Россия, Япония и т. д.). Важно сбалансировать интересы различных стран на Корейском полуострове, стараясь при этом избежать конфликта на Корейском полуострове и сохранить региональную безопасность и стабильность. Для Китая важно не допустить перерастания разногласий между странами на Корейском полуострове в вооруженный конфликт, поскольку Китаю необходима мирная и стабильная обстановка, чтобы продолжать развивать свою государственную мощь. Кроме того, успешное посредничество между странами на Корейском полуострове укрепит дипломатическую мощь Китая и продемонстрирует его международное влияние во внешнем мире.

Список использованных источников

1. Киссинджер, Г. О Китае / Г. Киссинджер; [пер. с англ. В. И. Верченко]. – Москва: АСТ, 2015. – 635 с.
2. 江泽民同志在党的十六大上所作报告全文 [电子资源] // 中华人民共和国外交部. – 存取模式: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/200211/t20021118_277874.shtml. – 访问日期外: 20.12.2024 (Полный текст доклада товарища Цзянь Цзэмина на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China). – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/200211/t20021118_277874.shtml (дата обращения: 20.12.2024).
3. President Delivers State of the Union Address January 2002: release Office of the press secretary, Jan. 29, 2002 // The White House. – Mode of access: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (date of access: 01.10.2022).
4. US-DPRK Agreed framework/Six-party talks: signed: Geneva, 21 Oct. 1994. – URL: <https://media.nti.org/pdfs/aptagframe.pdf> (date of access: 07.02.2022).
5. 2003年4月22日外交部发言人在记者招待会上答记者问 [电子资源] // 中华人民共和国外交部. – 访问模式: https://www.mfa.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhsl_673025/200304/t20030422_5403759.shtml. – 访问日期: 24.12.2024 (Пресс-секретарь Министерства иностранных дел отвечает на вопросы на пресс-конференции 22 апреля 2003 года // Министерство иностранных дел КНР). – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhsl_673025/200304/t20030422_5403759.shtml (дата обращения: 24.12.2024).
6. 第四轮六方会谈共同声明 [电子资源] // 中华人民共和国驻朝鲜民主主义人民共和国大使馆. – 存取模式: http://kp.china-embassy.gov.cn/zt/cxbdhwt/cxbdhwtzl/200701/t20070108_1345212.htm. – 访问日期外: 23.11.2024 (Совместное заявление четвертого раунда шестисторонних переговоров // Посольство Китайской Народной Республики в Ко-

рейской Народно-Демократической Республике). – URL: http://kp.china-embassy.gov.cn/zt/cxbdhw/cxbdhwzt/200701/t20070108_1345212.htm (дата обращения: 23.11.2024).

7. **落实共同声明起步行动** [电子资源] // 中华人民共和国外交部. – 存取模式: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200702/t20070213_9867650.shtml. – 访问日期外: 23.11.2024 (Первоначальные действия по реализации совместного заявления // Министерство иностранных дел КНР). – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200702/t20070213_9867650.shtml (дата обращения: 23.11.2024).

8. **落实共同声明第二阶段行动** [电子资源] // 中华人民共和国外交部. – 存取模式: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200710/t20071003_7947123.shtml. – 访问日期外: 23.11.2022 (Реализация второго этапа Совместного заявления // Министерство иностранных дел КНР). – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200710/t20071003_7947123.shtml (дата обращения: 23.11.2022).

9. **(盘点) 朝鲜这些年退出的条约和会谈** [电子资源] // 加西网. – 存取模式: http://www.westca.com/pda/forums/op=view_prev/t=496867/lang=tchinese.html#0. – 访问日期外: 23.11.2022 ((Опись) Договоры и переговоры, из которых Северная Корея вышла за прошедшие годы // <http://www.westca.com>). – URL: http://www.westca.com/pda/forums/op=view_prev/t=496867/lang=tchinese.html#0 (дата обращения: 23.11.2022).

10. **中国外长王毅在安理会提出解决朝鲜半岛问题的《双轨并进》和《双暂停》主张** [电子资源] // 联合国. – 访问模式: <https://news.un.org/zh/story/2017/04/274892>. – 访问日期: 25.11.2022 (Министр иностранных дел Китая Ван И предлагает «двухсторонний подход» и «взаимную сдержанность» для решения проблемы Корейского полуострова в Совете безопасности ООН // ООН). – URL: <https://news.un.org/zh/story/2017/04/274892> (дата обращения: 25.11.2022).

11. 时殷弘. **中国对美外交和战略15年:演化过程、基本经验和尚存问题** / 时殷弘 // 国际观察. – 2004. – 第2期. – 頁1–6頁 (*Ши, Иньхун*. 15 лет китайской дипломатии и стратегии в отношении США: эволюционный процесс, основной опыт и остающиеся проблемы / Ши Иньхун // *Междунар. обозрение*. – 2004. – № 2. – С. 1–6).

12. 蓝庆新. **中韩产业内贸易的实证分析与促进策略** / 蓝庆新 // 国际经贸探索. – 2011. – 第2期. – 頁34–39頁 (*Лань, Цинсинь*. Эмпирический анализ и стратегии продвижения китайско-корейской внутриотраслевой торговли / Лань Цинсинь // *Междунар. экон. и торг. исслед.* – 2011. – № 2. – С. 34–39).

13. **Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой** // Министерство иностранных дел РФ. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000eaa6b9d4221f25b909359d20f92818b8056fc32f64087743d220de21ed4ce240085d8e411614300058ee659e0edfcca547ddb88f551fe92bbad1afad952980635aa9ea13f1d33859e4f6ff0b3f40c37f8ef80462ef7bc1f3 (дата обращения: 12.02.2025).

14. **2024年11月12日外交部发言人林剑主持例行记者会** [电子资源] // 中华人民共和国外交部. – 存取模式: https://www.mfa.gov.cn/wjdt_674879/zcjd/202411/t20241112_11525112.shtml. – 访问日期外: 12.02.2025 (Очередная пресс-конференция 12 ноября 2024 г. у официального представителя МИД КНР Линь Цзяня // Министерство иностранных дел КНР). – URL: https://www.mfa.gov.cn/wjdt_674879/zcjd/202411/t20241112_11525112.shtml (дата обращения: 01.03.2022).

(Дата подачи: 27.02.2025 г.)

А. В. Худяков

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

A. V. Khudyakov

Academy of Public Administration under the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 323:316.4.051.2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

POLITICAL CYCLES: ESSENCE AND CONTENT

В статье политические циклы рассмотрены как неотъемлемая часть политического бытия. Они представлены как повторяющееся у политического объекта с установленной периодичностью состояние, состоящее из нескольких фаз, отличающихся по содержанию. Показано влияние периодической смены политических циклов друг на друга и на политические процессы в государстве. В рамках исследования рассмотрена взаимосвязь электорального цикла с политико-деловым циклом, циркуляцией элит, «сменой поколений», жизненным циклом партии, чередованием в идеологической сфере.

Ключевые слова: цикличность; политический цикл; электоральный цикл; «смена поколений»; политико-деловой цикл; циркуляция элит; жизненный цикл.

The article examines political cycles as an integral part of political existence. They are presented as a state that is repeated in a political object with a set periodicity, consisting of several phases that differ in content. The influence of periodic changes in political cycles on each other and political processes in the state is shown. The study examines the relationship between the electoral cycle and the political-business cycle, the circulation of elites, «generational change», the life cycle of the party, and alternation in the ideological sphere.

Keywords: cyclicity; political cycle; electoral cycle; «generational change»; political-business cycle; circulation of elites; life cycle.

На идею цикличности мысль человека натолкнулась довольно рано. Она опиралась на доступные непосредственному восприятию факты – смена сезонов, движение небесных тел, биологические ритмы. В XX в. понятие цикличности прочно вошло и в науку, в том числе и политическую [1–3]. В условиях высокого динамизма политических процессов актуализируется необходимость теоретического осмысления роли политических циклов в процессах, происходящих в государстве, формирования результативной методологии прогнозирования их динамики.

Слово «цикл» греческого происхождения и означает в переводе «круг». Циклическими принято называть совокупность процессов, круговых или близких к круговым, при осуществлении которых какие-то свойства, качества или состояния периодически появляются и исчезают. Особенность циклических процессов заключается в том, что здесь конечный результат серии изменений становится исходным пунктом новой серии аналогичных изменений. В цикле диалектически соединяются непрерывность процесса

и его дискретность, повторяемость и неповторимость, необратимость движения и частичные возвраты к пройденным состояниям.

С позиций мыслителей древности цикличность представляет собой монотонное повторение одних и тех же состояний или процессов, исключая развитие. Так, например, политическое развитие описывали Платон и Аристотель [4, с. 105–106]. Вместе с тем современная наука давно уже вышла за подобные узкие рамки толкования цикличности. Под циклом сегодня понимается не просто круговой, а «якобы круговой» процесс.

Цикл является частью более широкого процесса. При этом не любая его часть, а относительно завершенная, далее неразложимая. Процесс как более широкое явление и складывается из них. Цикл – это не разложимая в рамках данной целостности единица развития. Всякий процесс, всякое явление, взятые в конкретно-исторической форме, членятся на циклы и измеряются именно циклами, а не фазами цикла, относительно целыми структурными образованиями, а не частями этого целого. Принято различать краткие и длительные циклы, простые и сложные, завершенные и незавершенные, замкнутые и разомкнутые, автономные и органически включенные в другие циклы.

Всякий процесс, в том числе и политический, складывается из последовательности циклов. «Циклы связаны друг с другом так, что конечная фаза одного цикла причинно, информационно обуславливает и детерминирует начало другого цикла. Без совпадения окончания и начала двух циклов не было бы самого развития» [5, с. 166].

Цикличность составляет внутреннюю основу всякого изменения, в том числе и политического. Многие политические изменения носят циклический характер. К таковым можно отнести политические процессы, функционирование политической системы, политических партий и общественных объединений, политические конфликты. Эти закономерности нашли отражение в понятии политического цикла. «Это изменение, при котором состояние политического объекта в более поздний момент повторяет ранее состояние политического объекта с определенной периодичностью» [6, с. 125].

Соединяя конечную точку одного этапа движения с началом другого, политический цикл демонстрирует непрерывность и бесконечность развития, основанного на появлении и разрешении противоречий. Подход к политическому развитию как к циклическому процессу приводит к пониманию его следующий свойств: его завершение является одновременно и формированием условий для воспроизводства его на новой основе; устойчивость основных его характеристик является предпосылкой непрерывности изменений в целом; суммирование однородных циклов порождает стойкую направленность изменений.

Последовательная периодическая смена политических циклов, их взаимное влияние являются движущей силой возникновения, развития и распада государств. Нельзя не согласиться с мнением современных ученых

[7], что ключевым циклом в политике, задающим динамику политической системе и процессов, происходящих в ней, является электоральный (избирательный) цикл. Отметим, что динамика политической системы также подвержена циклическим изменениям.

Электоральный цикл как научная категория представляет интерес для широкого круга исследователей выборов. В научный оборот понятие «электоральный цикл» впервые было введено в рамках политологической науки.

Электоральные циклы позволяют наиболее полно оценить избирательные процессы на разных уровнях власти, охарактеризовать институциональные особенности развития политической системы страны.

Электоральные циклические процессы являются «упорядоченной последовательностью действий и взаимодействий политических акторов, происходящих в логической динамической очередности и связанных с реализацией властных интересов, созданием и воспроизводством политических институтов, осуществлением публичной политики» [8, с. 10].

Подобный подход позволяет рассматривать электоральный цикл как составную часть большего цикла или как «цепочку» ряда избирательных процессов, олицетворяющих циклический электоральный процесс в целом, происходящий в масштабах динамичного развития политической системы страны.

При рассмотрении отдельного электорального цикла в нем можно выделить три относительно самостоятельных и независимых подцикла:

- предвыборный – целенаправленная подготовка к выборам, когда основные субъекты процесса определяют стратегию и тактику предвыборной борьбы, работают с электоратом;
- выборный – время активных действий основных субъектов, вступающих в отношения электорального соревнования за голоса избирателей;
- поствыборный – этап открытого общенационального политического дискурса, который понимается истеблишментом как пассивная подготовка к выборам, поэтому граждане определяются им преимущественно как ресурс в достижении тех или иных политических целей.

Электоральные циклические процессы с точки зрения внутреннего содержания олицетворяют технологию получения власти, репрезентирующую совокупность в отношении самостоятельных действий субъектов, структур и институтов государства и гражданского общества, направленных на достижение конечной цели – формирование представительных органов публичной власти.

Процесс выборов является составной частью масштабного политического процесса, происходящего в каждой стране. Соответственно, его содержание и устремленность зависят от характера и природы политической системы.

Отметим, что электоральный цикл представляет собой чередование черед определенных временных интервалов выборов, чья характеристика в за-

зависимости от политического контекста может изменяться. Итоги выборов оказывают влияние не только на изменение политической конфигурации в стране (регионе), но и задают новые рамки политического контекста.

Границы электорального цикла устанавливаются Конституцией страны, нормативными правовыми актами, регламентирующими порядок проведения выборов и референдумов. Изменение границ, как правило, свидетельствует о качественных изменениях, происходящих в политической системе страны, а также является результатом выборов.

В зависимости от исследовательских задач электоральные циклы по интервалам времени делят на крупные и мелкие, охватывающие одну или несколько избирательных кампаний, а в зависимости от политических институтов – президентские, парламентские, органов местного самоуправления, партийные и др.

В широком смысле электоральный цикл включает не только президентские и парламентские выборы, но и выборы более низкого уровня, а в узком – выборы в рамках отдельных политических институтов.

Одним из распространенных подходов в изучении электорального цикла является хронологический подход. Разбивка цикла на отдельные подциклы позволяет лучше оценить характер взаимодействия между отдельными событиями в определенный период, а также выявить различия между выборами. Вместе с тем хронологический подход не всегда позволяет выявить и охарактеризовать изменения, их существенные характеристики. Решению данной задачи способствует применение разных подходов для исследования феномена, его классификации и типологизации. Так, в категориях социальных действий электоральный процесс следует отнести к направленным. «Они отличаются тем, что, во-первых, ни одна фаза такого процесса не совпадает с другой, не может быть ей идентичной, во-вторых, тем, что каждая последующая по времени фаза приближает состояние системы к определенному избранному образцу – желаемого, прогнозируемого, отрицательно-го» [9, с. 457].

Избирательный процесс является частью политического процесса, соответственно, и в нем можно выделить этапы. К ним можно отнести нормирование, институционализацию, реализацию и контроль.

Электоральный цикл представляет собой сложный цикл, состоящий из других подциклов: президентских, парламентских, а в части Республики Беларусь – и Всебелорусского народного собрания.

Кроме того, электоральный цикл тянет за собой и другие взаимосвязанные циклические и повторяющиеся процессы. Рассмотрим некоторые из них.

Политические деловые циклы обусловлены деятельностью политических субъектов по принятию решений в экономической сфере, направленной на победу на выборах с целью получения/удержания власти. Характерными его чертами являются колебания экономической активности: от

высокой перед и после выборов до низкой в промежуточный период. В рамках политического делового цикла в предвыборном периоде могут повышаться темпы экономического роста, что приводит к росту цен и инфляции.

После выборов начинается борьба с инфляцией, что приводит к замедлению темпов роста экономики и повышению уровня безработицы. Перед очередной электоральной кампанией принимаются меры по стимулированию экономики и активному вовлечению населения в экономическую активность, что неизбежно ведет к появлению инфляции. Накануне выборов правильная реализация подобной политики может обеспечить рост занятости населения и уровень инфляции, не вызывающий негативных изменений.

Циркуляция элит направлена на ее замену в ключевых институтах общества на представителей других социальных групп. «Для закрытых элит рекрутирование носит самовоспроизводящийся характер» [10, с. 108]. Данный процесс находится в том числе и под влиянием цикла «смены поколений» и жизненного цикла.

Открытое рекрутирование происходит в рамках двух моделей. «Для первой характерна высокая степень институализации процесса отбора, медленный путь вверх, воспроизведение характерных черт существующей элиты, закрытый круг лиц, отбирающих элиту. В рамках второй модели индивид, стремящийся попасть в элиту, стремится заручиться не только поддержкой внутри управленческой системы, где они собираются делать карьеру, но и влиятельных людей вне этой системы» [10, с. 123].

Отбор бюрократической элиты происходит в рамках первой модели, политической элиты – в рамках второй. Итоги избирательных кампаний приводят не только к избранию (переизбранию) руководителей государств, появлению новых лиц или возвращению старых в законодательные и исполнительные органы власти, но и к другим изменениям.

При рассмотрении функционирования деятельности политической партии в рамках концепции жизненного цикла утрату ею влияния в законодательных и исполнительных органах власти по итогам электорального цикла можно рассматривать как точку бифуркации в ее развитии. «Попытки руководства партии апеллировать к изжившим себя установкам ведут к деградации организации» [11, с. 147]. Смена руководства в процессе циркуляции элит и переоценка системы ценностей может привести к «перезагрузке» партии или ее гибели. «Как только система ценностей перестает отвечать интересам ее членов, разрушается идеологическая целостность организации. Она начинает терять своих сторонников, становится невостребованной» [11, с. 148].

На протяжении электорального цикла происходят изменения в поддержке избирателями политических партий. «В середине электорального цикла победившая на парламентских выборах партия теряет свою популярность. Перед очередными выборами она восстанавливает доверие избирателей» [12, с. 270].

Итоги избирательных кампаний приводят к изменениям и в системе ценностей. Так, в ряде стран западной демократии в идеологии и экономике происходит чередование либеральной и консервативной повестки. В ряде постсоветских стран прослеживалась еще одна закономерность: интенсивность (не)законных мероприятий, организаторами которых выступали деструктивные силы, и информационно-психологического воздействия на жителей страны коррелирует с электоральным циклом.

Таким образом, политический цикл является неотъемлемой частью политического бытия. Он представлен как повторяющееся у политического объекта с установленной периодичностью состояние, состоящее из нескольких фаз, отличающихся по содержанию. Показано влияние периодической смены политических циклов друг на друга и на политические процессы в государстве. В рамках исследования рассмотрена взаимосвязь электорального цикла с динамикой политической системы, с политико-деловым циклом, циркуляцией элит, «сменой поколений», жизненным циклом партии, чередованием в идеологической сфере.

Список использованных источников

1. Драгунский, Д. В. Длинные волны истории и динамика политической власти / Д. В. Драгунский // Полис. – 1992. – № 1. – С. 17–22.
2. Логинов, А. В. Теория политического цикла как методологическая основа для исследования политического процесса / А. В. Логинов // Известия высших учебных заведений. Общественные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 9–19.
3. Меньшиков, С. М. Длинные волны в экономике / С. М. Меньшиков, Л. А. Клименко. – Москва: Междунар. отношения, 1989. – 272 с.
4. Худяков, А. В. Проблема цикличности в природе и обществе в наследии философов Древней Греции / А. В. Худяков // Вес. Брэсц. ун-та. Сер. 1. Філософія. Паліталогія. Сацьялогія. – 2022. – № 1. – С. 102–108.
5. Новикова, А. С. Политические циклы / А. С. Новикова // Междунар. журнал гуманитар. и естеств. наук. – 2018. – № 5 (20). – С. 125–128.
6. Ашихмина, Я. Г. Концептуальное осмысление понятия «электоральный цикл» / Я. Г. Ашихмина // ПОЛИТЭКС. – 2014. – Т. 10, № 4. – С. 68–81.
7. Ротар, Н. Политическое участие граждан Украины в системных трансформациях переходного периода / Н. Ротар. – Черновцы: Рута, 2007. – 472 с.
8. Штомко, П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомко. – Москва: Логос, 2005. – 664 с.
9. Крюков, О. И. Политико-управленческая элита Украины как фактор создания государства / О. И. Крюков. – Киев: Изд-во НАДУ, 2006. – 252 с.
10. Шендик, Т. А. О жизненном цикле общественно-политических организаций / Т. А. Шендик // Проблемы упр. – 2015. – № 4 (57). – С. 144–149.
11. Miller; W. L. Partisanship and party preferences in government and opposition: the mid-term perspective / W. L. Miller, S. Tagg, K. Britto // Political Studies. – 1986. – V. 21. – P. 263–279.

(Дата подачи: 17.02.2025 г.)

И. А. Чувилов

Белорусский государственный университет, Минск

I. A. Chuvilov

Belarusian State University, Minsk

УДК 327

ДИНАМИКА КИТАЙСКО-АВСТРАЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ КНР В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

DYNAMICS OF CHINESE-AUSTRALIAN RELATIONS IN THE CONTEXT OF STRENGTHENING GEOPOLITICAL INFLUENCE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE ASIA-PACIFIC REGION

В статье изучена динамика развития китайско-австралийских отношений в начале XXI в., что позволило раскрыть внешнеполитическую стратегию КНР в разрезе ее взаимодействия с важной региональной державой АТР. После прихода к власти Си Цзиньпина Китай начал стремительный пересмотр собственной роли в глобальной мире, что вызвало у Австралии опасения по поводу собственной национальной безопасности. К настоящему времени китайско-австралийские отношения находятся на этапе пересмотра ключевых направлений сотрудничества, а активизировавшийся за последние годы политический диалог может стать важным фактором налаживания связей и укрепления доверия между Австралией и КНР.

Ключевые слова: Китай; Австралия; АТР; внешняя политика КНР; китайско-австралийские отношения.

The article examines the dynamics of the development of Chinese-Australian relations at the beginning of the 21st century, which allowed to reveal the foreign policy strategy of the PRC in the context of its interaction with an important regional power of the Asia-Pacific region. After Xi Jinping came to power, China began a rapid revision of its own role in the global world, which caused Australia a number of concerns about its own national security. At present, Chinese-Australian relations are at the stage of revising key areas of cooperation, the political dialogue that has intensified in recent years can become an important factor in establishing ties and strengthening trust between Australia and China.

Keywords: China; Australia; Asia-Pacific region; foreign policy of the PRC; China-Australia relations.

Китайско-австралийским отношениям присуща динамичная смена векторов взаимодействия, которые претерпевают сложные периоды напряженности, сменяющиеся достаточно продуктивными этапами налаживания контактов и диверсификации сложившихся механизмов сотрудничества.

Изучение китайско-австралийских отношений представляет собой важное научное направление в современной политической науке в контексте глобальных трансформаций системы и подсистем международных отношений. КНР расширяет собственное влияние уже не только в Северо-

Восточной Азии, но и во всем международном пространстве. Австралийский Союз, ориентированный исторически на сотрудничество с США и Великобританией, вынужден искать способы сдерживания растущей мощи Китая и выработки прагматичной стратегии балансирования [1, с. 4].

Выстроенная модель взаимоотношений КНР и Австралии особо примечательна с научной точки зрения в контексте стремления китайского руководства в лице Председателя КНР Си Цзиньпина по переформатированию глобального международного порядка, в котором Республика Беларусь выразила полную поддержку Китаю. Современные политические, торгово-экономические и культурно-гуманитарные инициативы и проекты Китая, в число которых входят инициатива «Один пояс – один путь», сообщество единой судьбы человечества, стратегии глобальной цивилизации и глобальной безопасности, концепт глобального управления, направлены на формирование новой международной реальности с ведущей ролью КНР в ней.

Растущее могущество Китая вызывает полемичную реакцию у одного из главных союзников США в Азиатско-Тихоокеанском регионе – Австралии. Австралийский Союз на протяжении XXI в. выработал прагматичную политику в отношениях с КНР, пытаясь поддерживать стабильное сотрудничество с Китаем в области торговли и инвестиций и при этом стремясь сохранить военно-политический союз с США и проамериканскими союзниками.

Таким образом, рассмотрение поступательной смены этапов двусторонних отношений на примере обозначенных в данной статье государств представляется актуальной темой, исследование которой позволит раскрыть внешнеполитическую стратегию КНР в пространстве XXI в. в разрезе ее взаимодействия с важной региональной державой АТР (Австралией).

Цель исследования – установить особенности китайско-австралийских отношений в периоды председательства Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина, обусловленные ростом влияния Китая в мировой политике и экономике.

Уже в первые годы XXI в. Китай начал демонстрировать успешные показатели в экономическом росте, реформаторская политика Дэн Сяопина дала значимые, ощутимые результаты. В 2003 г. в должность Председателя КНР вступает Ху Цзиньтао, сместивший на этом посту Цзян Цзэминя. Для политической стратегии Китая вплоть до 2013 г. была характерна преемственная модель развития, ориентированная на поступательные реформы внутренней политической и социально-экономической систем. Китай в первом десятилетии XXI в. не проявлял желания (по крайней мере, на официальном уровне) стать ведущим глобальным актором мировой политики и обозначал себя как развивающееся государство, представляющее интересы глобального Юга. Китай до прихода к управлению страной Си Цзиньпина выступал с позиций равномерного перехода к новому этапу политического и экономического развития, фокусировался на внутреннем росте. В период Ху Цзиньтао Китай продолжил стратегию «тао гуан ян хуэй» – «держаться в тени, не

выпячивать себя». Как указал кандидат политических наук Го Цзиньлун, с 2013 г. наступило время перелома и отказа от подхода «держаться в тени, не выпячивать себя» к всесторонней реализации внешнеполитических приоритетов Китая [2, с. 1].

После установления дипломатических отношений в 1972 г. КНР долгое время не рассматривала Австралию как перспективного партнера в регионе. В начале 2000-х гг. направленность на сохранение внутривнутриполитической стабильности и плавной реформы системы политических институтов, концентрация на собственном экономическом росте определили подход КНР к сотрудничеству с Австралией. В XXI в. Австралия вступила с либеральной партией у власти, во главе которой находился Дж. Говард, занявший пост партийного лидера еще в 1996 г. и сохранявший его до 2007 г. [3, с. 75]. Австралийское правительство выражало заинтересованность в укреплении торгово-экономического сотрудничества с КНР, поэтому официальная Канберра стремилась не противодействовать росту китайского экономического влияния.

Ху Цзиньтао находился в должности Председателя КНР в 2003–2013 гг. В данный период Китай стал постепенно позиционировать себя как «ответственную мировую державу», которая принимает активное участие в деятельности международных организаций и механизмов и которая не собирается перестраивать существующую систему международных отношений и функциональных механизмов в ее рамках [4, с. 17]. При этом КНР оставалась приверженной стратегии позиционирования себя как представителя развивающихся государств, что доказывается ярким примером: на предложение США о создании G2 (Большой двойки) Китай отреагировал отрицательно, мотивировав отказ недостаточным уровнем политического и экономического влияния по сравнению с США. По отношению к Австралии КНР проявляла преимущественно экономический интерес, пыталась заручиться у этой страны поддержкой также в политической области.

В августе 2003 г. Дж. Говард совершил официальный визит в Китай и провел переговоры с Ху Цзиньтао, который организовал ответный визит в Австралию в октябре 2003 г., в ходе которого выступил на совместном заседании австралийского парламента. В апреле 2005 г. Дж. Говард вновь посетил Китай, что стало его пятым визитом в эту страну с тех пор, как он был избран премьер-министром. В 2003 г. КНР и Австралия заключили торгово-экономическое соглашение, которое заложило основу для более тесных экономических связей между двумя странами. Подписанное соглашение, призванное либерализовать торговлю и инвестиции, стало значительным шагом в построении более тесных экономических и торговых связей. Оно включало в себя обязательства обоих правительств «провести детальное совместное исследование осуществимости и преимуществ соглашения о свободной торговле между Австралией и Китаем» [5]. При Дж. Говарде Австралия придерживалась стратегии, направленной на активизацию тор-

говых отношений, что проявилось в активной вовлеченности в разработку будущего китайско-австралийского соглашения о свободной торговле, при этом в рамках стратегии Австралия отказывалась от тесного политического сотрудничества с КНР.

Китай, который в этот период был сфокусирован на решении внутренних вопросов, не отказывался от сотрудничества с Австралией и видел в этой стране перспективы установления и налаживания доверительных экономических отношений. В 2003 г. в Австралии была издана Белая книга по внешней политике и торговле «Продвижение национальных интересов». В этом издании китайское направление находится на 3-м месте среди главных направлений внешней политики Австралии, а поддержание «успешного партнерства с Японией» и создание «стратегического экономического партнерства с Китаем» были выделены как основные задачи внешней политики Австралии [6, с. 43].

Продвигая двусторонние контакты, КНР и Австралия приоритетно обозначили подписание соглашения о свободной торговле в качестве ключевой цели. Последующая динамика китайско-австралийских отношений преимущественно ориентировалась на достижение консенсуса по стратегически важным для обеих сторон вопросам, решение которых в процессе консультаций и переговоров смогло бы привести к подписанию обозначенного документа.

Новый толчок к продуктивной динамике китайско-австралийских отношений был дан после того, как в 2007 г. премьер-министром Австралии был избран К. Радд – представитель лейбористской партии. Как выдающийся специалист в области китаеведения, знаток китайской культуры и истории, К. Радд ставил своей целью укрепление китайско-австралийских отношений и направление траектории их развития в область всесторонней политической координации. В 2008 г. К. Радд выступил перед студентами Пекинского университета, где назвал КНР «ответственным глобальным актором» [7]. Австралийское правительство посчитало оправданным пойти на более тесное сотрудничество с КНР, что было встречено китайским руководством с особым энтузиазмом. К. Радд предложил новую стратегическую инициативу – «Азиатско-Тихоокеанское сообщество» (Asia Pacific Community). Предложение К. Радда было направлено на преодоление разобщенности существующих региональных институтов путем создания эффективного форума лидеров, на котором основные политические, экономические вопросы и проблемы безопасности можно было бы решать целостно, а не по частям [8]. Нереализованная идея К. Радда предполагала включение в нее КНР в качестве активного участника.

Ху Цзиньтао в 2009 г. заявил, что в сложной и нестабильной международной ситуации укрепление китайско-австралийских отношений имеет стратегически важное значение и выдвинул предложения по укреплению двусторонних связей: поддержание динамики контактов между прави-

тельствами для стратегического взаимного доверия; углубление торгово-экономического сотрудничества и продвижение переговоров по соглашению о свободной торговле, расширение взаимовыгодного сотрудничества в таких областях, как энергетические ресурсы, охрана окружающей среды, наука, технологии и образование; расширение многостороннего сотрудничества по международным и региональным вопросам (среди которых, к примеру, изменение климата) [9].

Несмотря на достаточно тесные экономические и политические связи, а также приверженность к дальнейшему продуктивному, взаимовыгодному сотрудничеству, к 2009 г. военная модернизация КНР стала рассматриваться в Австралии как потенциальная угроза безопасности в регионе. В Белой книге по обороне 2009 г. ключевыми партнерами Австралии были названы Япония и Индия, при этом альянс с США – «самыми важными оборонными отношениями» [10]. По поводу КНР отмечалось, что Австралии необходимо «вовлечь Китай в качестве ответственной заинтересованной стороны в поддержку общего желания видеть стабильные, процветающие страны в регионе» [10]. Правительство К. Радда вынуждено было учитывать опасения остальных партий и не продвигать китайско-австралийское сотрудничество без учета озабоченности по проблемам региональной безопасности. В данном случае необходимо указать на влияние США, которые сдерживали стремление Австралии к всеобъемлющему партнерству с КНР.

Таким образом, в период Ху Цзиньтао китайско-австралийские отношения были сконцентрированы вокруг обсуждения будущего соглашения о свободной торговле и реализации совместных инвестиционных, торговых проектов, когда китайская экономика показывала явное опережающее развитие. Для этого периода характерна поступательная динамика без существенных усугублений в двусторонних отношениях.

Приход к власти Си Цзиньпина в качестве Председателя КНР в 2013 г. продемонстрировал переосмысление внешнеполитических ориентиров Китая. Си Цзиньпин сразу же выдвигает масштабные инициативы: «Один пояс – один путь», сообщество единой судьбы человечества. Затем Китай учреждает Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, предлагая тем самым новую форму международного сотрудничества в сфере экономики. Си Цзиньпин призывает граждан КНР к строительству социализма с китайской спецификой, реализации «мечты о великом возрождении китайской нации».

Смелые внешнеполитические идеи нового руководства КНР были восприняты в Австралии с осторожностью. Австралия поддержала учреждение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, но отказалась от участия в инициативе «Один пояс – один путь». Внутренние социальные противоречия и экономические проблемы (рост безработицы, нехватка рабочих мест, нелегальная миграция) в Австралии привели к разобщенности в подходе к сотрудничеству с КНР. Отдельный австралийский штат Викто-

рия в 2018 г. подписал с Китаем меморандум о сотрудничестве по совместной реализации инициативы «Один пояс – один путь». Это уникальный пример в мировой политике. Правительство штата Виктория было не согласно с политикой Канберры и считало, что сотрудничество по инициативе «Один пояс – один путь» может помочь решить внутренние проблемы штата.

Китай в 2014 г. оформил с Австралией всеобъемлющее стратегическое партнерство, продолжил активно вести переговоры по соглашению о свободной торговле с Австралией. Оно было подписано в 2015 г. и предусматривало ряд преференций в торговле [11]. Документ стал важным достижением в китайско-австралийских отношениях. Для Китая соглашение стало демонстрацией его открытости и стремления к усилению роли страны в регионе. Для Австралии соглашение о свободной торговле было важно с точки зрения диверсификации экономики и повышения конкурентоспособности товаров австралийского производства.

На фоне положительной динамики в сфере торговли и экономического сотрудничества при Си Цзиньпине актуализируется проблема невысокого уровня политического доверия между двумя государствами. Австралия продолжала быть сторонницей проамериканского курса во внешней политике и укрепляла союз с США в области обороны. Рассматривая Китай как стратегически важного торгового партнера, Австралия видела угрозу в росте политического влияния КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе для собственной национальной безопасности.

В 2018 г. отношения особенно обострились, когда на фоне растущей обеспокоенности по поводу влияния КНР на австралийскую политику правительство Австралии приняло спорный закон, призванный ограничить и контролировать влияние зарубежных стран в вопросах внутренней политики. В Австралии были запрещены все иностранные пожертвования, в том числе от китайских предприятий, которые были крупнейшими иностранными донорами в австралийской политике [12]. В 2018 г. Австралия также подписала соглашение с Соломоновыми Островами и Папуа-Новой Гвинеей о создании подводной кабельной интернет-системы между тремя странами, вытеснив аналогичное предложение со стороны китайской компании «Huawei». На саммите АТЭС помимо увеличения финансовой помощи Австралии странам Южно-Тихоокеанского региона (Океании) премьер-министр Австралии С. Моррисон пообещал открыть дипломатические представительства в Палау, Маршалловых островах, Французской Полинезии, Ниуэ и Островах Кука, а также усилить оборонное сотрудничество в регионе. При содействии США Австралия также высказала намерение сотрудничать с Папуа-Новой Гвинеей для реконструкции совместной военно-морской базы Ломбрум на острове Манус [12]. Недружественные по отношению к Китаю действия Австралии вынудили его усилить взаимодействие со странами Океании и укрепить позиции в этом регионе за счет интенсифицированной кредитной и инвестиционной политики.

В генезисе стратегии Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе кандидат политических наук К. И. Ярмошук выделяет два этапа: 2008–2020 гг. – на фоне конкуренции КНР и США в регионе Австралия применяет стратегию балансирования между США (ее главный военно-политический партнер) и КНР (ее главный торгово-экономический партнер); с 2020 г. по настоящее время – стратегия балансирования претерпела ряд изменений, в результате чего Австралия применяет новую стратегию балансирования, направленную на снижение экономической зависимости от КНР посредством диверсификации экспорта [1, с. 15–16; 13, с. 242]. Австралия усилила собственные лидерские позиции в Южно-Тихоокеанском регионе, перешла на новый формат оборонного сотрудничества с США. В 2021 г. был образован альянс AUKUS, в который наряду с Австралией и США также вошла Великобритания. Австралия планирует построить в Аделаиде новый флот из восьми атомных подводных лодок, которые начнут службу в 2040-х гг. в рамках масштабной трансформации национальной обороны. Премьер-министр Э. Албанизи объявил об этих новых проектах вместе с президентом США Дж. Байденом и премьер-министром Великобритании Р. Сунаком в Сан-Диего в 2023 г., что стало одним из самых важных решений с тех пор, как три страны заключили соглашение AUKUS [14]. Интенсификация стратегического взаимодействия Австралии с США может способствовать укреплению связей Австралии с Индией и Японией, которые также тесно связаны с США. Вместе с тем, согласно мнению кандидата исторических наук А. А. Гарина, участие Австралии в попытках США по сдерживанию Китая негативно сказывается на австралийско-китайских отношениях, что может повлечь за собой серьезные последствия для экономики Австралии в среднесрочной и долгосрочной перспективе [15, с. 108].

Последующее обострение китайско-австралийских отношений произошло после начала пандемии коронавируса. Неправомерные обвинения со стороны Австралии еще больше усугубили двустороннюю повестку, были прекращены контакты на политическом уровне. Стоит отметить, что до 2023 г. последний визит австралийского премьер-министра в КНР был осуществлен в 2016 г. Правительства М. Тернбулла, С. Моррисона постоянно критиковали Китай, отказывались от поиска компромиссных решений. Китайское руководство вынуждено было сократить импорт австралийских товаров. Китай прекратил закупку как минимум семи категорий австралийских товаров (включая уголь, медь, вино, ячмень, сахар). Приостановка импорта не коснулась железной руды, крупнейшего экспортного товара Австралии в Китай [16].

Потепление в отношениях двух стран наметилось в 2022 г., когда лидеры двух стран провели переговоры в Индонезии. По приглашению премьера Госсовета КНР премьер-министр Э. Албанизи совершил официальный визит в Китай с 4 по 7 ноября 2023 г., чтобы отметить 50-летие первого визи-

та в Китай австралийским премьер-министром Э. Г. Уитлэмом. Состоялась встреча Э. Албанизи с Си Цзиньпином. Обе стороны подтвердили важность совместного коммюнике 1972 г. об установлении дипломатических отношений и подтвердили приверженность позициям, содержащимся в нем, включая взаимное уважение, равенство, взаимную выгоду, стабильное развитие и поддержку Австралией политики одного Китая. На встрече было обозначено, что обе страны смогут развивать двусторонние отношения и отстаивать национальные интересы, если будут мудро преодолевать имеющиеся разногласия [17]. Постепенное налаживание политических контактов и переход на более стабильное торгово-экономическое сотрудничество обусловлены пересмотром новым премьер-министром стратегии по отношению к КНР и осознанием необходимости конструктивного диалога с этой глобальной державой.

В динамике китайско-австралийских отношений начала XXI в. наблюдались сложные конфигурации изменения приоритетов двустороннего взаимодействия между странами.

На основании приоритетов внешнеполитического курса КНР определено, что в динамике китайско-австралийских отношений в XXI в. можно выделить два этапа, соответствующих времени нахождения у власти разных председателей КНР. Так, в период председательства Ху Цзиньтао Китай и Австралия плодотворно развивали торгово-экономическое партнерство, в динамике отношений не наблюдалось серьезных разногласий. Оба государства были привержены достижению консенсуса по либерализации двусторонней торговли. После прихода к власти в КНР Си Цзиньпина были выдвинуты глобальные внешнеполитические инициативы «Один пояс – один путь», сообщество единой судьбы человечества, стратегия глобальной цивилизации и глобальной безопасности. Китай начал стремительный пересмотр собственной роли в глобальном мире. Трансформация позиционирования КНР в регионе и в международной системе вызвала у Австралии ряд опасений по поводу собственной национальной безопасности. Усиление влияния КНР в АТР было встречено негативно, так как Австралия в области политики и безопасности ориентирована на сотрудничество с США.

Таким образом, к настоящему времени китайско-австралийские отношения находятся на этапе пересмотра ключевых направлений сотрудничества, активизировавшийся за последние годы политический диалог может стать важным фактором налаживания связей и укрепления доверия между Австралией и КНР.

Список использованных источников

1. *Ярмошук, К. И.* Стратегия безопасности Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Ярмошук Карина Игоревна; БГУ. – Минск, 2023. – 25 с.

2. *Го Цзиньлун*. Внешняя политика КНР в условиях реформирования политической системы: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Го Цзиньлун; БГУ. – Минск, 2023. – 22 с.

3. *Чувилов, И. А.* Дж. Говард, К. Радд, Дж. Гиллард, Т. Эбботт и М. Тёрнбулл как основные проводники австралийского внешнеполитического курса по отношению к КНР и региону Юго-Восточной Азии / И. А. Чувилов, Ю. И. Малевич // Беларусь в современном мире: материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. – Минск: Изд. центр БГУ, 2017. – С. 75–76.

4. *Боровой, В. Р.* Внешняя политика КНР эпохи Ху Цзиньтао: основные особенности и тенденции / В. Р. Боровой // Труды факультета международных отношений: науч. сб. – 2015. – Вып. 6. – С. 15–18.

5. Trading links between Australia and China // Parliament of Australia. – URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/Senate/Foreign_Affairs_Defence_and_Trade/Completed_inquiries/2004-07/china/report01/c03 (date of access: 12.01.2025).

6. *Каткова, Е. Ю.* Китайский вектор внешней политики Австралийского Союза в 1996–2016 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Каткова Евгения Юрьевна; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2018. – 197 л.

7. Rudd rewrites the rules of engagement // Sydney Morning Herald. – URL: <https://www.smh.com.au/national/rudd-rewrites-the-rules-of-engagement-20080412-gds972.html> (date of access: 15.01.2024).

8. Kevin Rudd's multi-layered Asia Pacific Community initiative // East Asia Forum. – URL: <https://www.eastasiaforum.org/2009/06/22/kevin-rudds-multi-layered-asia-pacific-community-initiative/> (date of access: 15.01.2024).

9. Chinese President Hu Jintao Meets with Australian Prime Minister Kevin Rudd // Embassy of the People's Republic of China in the Democratic Republic of Timor-Leste. – URL: http://tl.china-embassy.gov.cn/eng/xwtd/200904/t20090407_1111799.htm (date of access: 15.01.2024).

10. Defending Australia in the Asia Pacific Century: Force 2030 (2009 Defence White Paper) // Parliament of Australia. – URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp1516/DefendAust/2009 (date of access: 15.01.2024).

11. Free Trade Agreement between the government of Australia and the government of the People's Republic of China // Australian Government. – URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/chafra-agreement-text.pdf> (date of access: 03.02.2025).

12. Chinese-Australian relations have had a rollercoaster year in 2018 // Australian Broadcasting Corporation. – URL: <https://www.abc.net.au/news/2018-12-27/chinese-australian-relations-have-had-a-rollercoaster-year/10638590> (date of access: 29.01.2024).

13. *Малевич, Ю. И.* Изменение стратегии безопасности Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Ю. И. Малевич, К. И. Ярмошук // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. – Минск, 2021. – Вып. 9. – С. 242–262.

14. New fleet of eight nuclear submarines to be built in Australia in \$368 billion deal // The Sydney Morning Herald. – URL: <https://www.smh.com.au/politics/federal/new-fleet-of-eight-nuclear-submarines-to-be-built-in-australia-in-368-billion-deal-20230314-p5crt9.html> (date of access: 03.02.2025).

15. *Гарин, А. А.* Фактор Китайской Народной Республики во внешней политике Австралийского Союза (1972–2020): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Гарин Артём Алексеевич; Институт востоковедения Российской академии наук. – Москва, 2021. – 235 л.

16. China to Halt Key Australian Imports in Sweeping Retaliation // Bloomberg. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-11-03/china-to-halt-key-australian-commodity-imports-as-tensions-mount?fbclid=IwAR0Sh-VKHzqcDsVkcwGUGnSFnDT_13_fTdYomYKKk51goZieVczrZYMpQpI (date of access: 11.05.2024).

17. Statement on joint outcomes of the China-Australia annual leaders' meeting // Prime Minister of Australia. – URL: <https://www.pm.gov.au/media/statement-joint-outcomes-china-australia-annual-leaders-meeting> (date of access: 02.02.2025).

(Дата подачи: 25.05.2025 г.)

Е. А. Шарапов

Военная академия Республики Беларусь, Минск

Y. A. Sharapau

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 32

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

SELF-DETERMINATION OF TERRITORIAL COMMUNITIES: REVIEW OF THE LITERATURE

Статья посвящена анализу научной литературы, посвященной феномену самоопределения территориальных общностей в политологическом и правовом контексте. Выявляются ключевые этапы формирования понятия самоопределения – от философских представлений Античности до его закрепления в международно-правовых актах и современных научных трактовках. Анализируется развитие концепции территориальной общности как феномена, формирующегося под воздействием природно-географических, культурных и политических факторов. Делается вывод о целесообразности использования категории «территориальная общность» в качестве ключевого субъекта права на самоопределение.

Ключевые слова: самоопределение; территориальная общность; международное право; идентичность; субъекты самоопределения.

The article is devoted to the analysis of scientific literature on the phenomenon of self-determination of territorial communities in the political science and legal context. The key stages of the formation of the concept of self-determination are identified - from the philosophical ideas of Antiquity to its consolidation in international legal acts and modern scientific interpretations. The development of the concept of territorial community as a phenomenon formed under the influence of natural-geographical, cultural and political factors is analyzed. A conclusion is made on the advisability of using the category of territorial community as a key subject of the right to self-determination.

Key words: self-determination; territorial community; international law; identity; subjects of self-determination.

Вопрос самоопределения в современном мире сохраняет актуальность как в научной, так и в политико-правовой плоскости. При этом традиционное понимание субъектов самоопределения (этнос, народ, нация) не всегда позволяет адекватно описывать реальные процессы, происходящие в условиях территориальных конфликтов, глобализации и трансформации государственных границ. Научный поиск сущностей и закономерностей

термина «самоопределение территориальных общностей» показывает, что в современной науке данный феномен представлен отдельными дефинициями: самоопределение и территориальная общность. Цель данной работы – выявление и обоснование теоретических оснований для их исследования как единого понятия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления традиционных подходов к понятию самоопределения в условиях современных территориальных и политических конфликтов.

Истоки самоопределения восходят к понятию свободы личности, интерес к которому проявлялся еще в Античности. В Эпоху Просвещения это понятие наполнилось новым содержанием – правом личности на выбор жизненного пути. Идея национального самоопределения стала важным принципом в период Французской и Американской революций, самоопределение стало рассматриваться как право общности на определение своей идентичности. Конституция Франции 1791 г. закрепила нацию как «источник суверенитета» [1, с. 112], заложив основу теории самоопределения общностей.

Концепция самоопределения частично отражена в Декларации независимости США, где народ провозглашен носителем права на изменение формы правления для защиты неотчуждаемых прав – жизни, свободы и стремления к счастью [2, с. 167]. В конце XIX в. теория самоопределения применялась к жителям территорий, выбирающим сюзерена, что использовалось для обоснования аннексий. В то же время она стала инструментом объединения общностей, как в случае с Италией и Германией, и послужила идейной основой для создания СССР.

Термин «право наций на самоопределение» впервые прозвучал на Берлинском конгрессе 1878 г. Впоследствии он стал основой концепции национального государства, где этническая общность рассматривалась как носитель суверенитета. И. Сталин и В. Ленин признавали за нацией право на автономное устройство и отделение.

В политологическом контексте важно отметить, что в уставе ООН закреплён принцип равноправия и самоопределения народов. Он также отражен в декларациях 61/295 и 1514, касающихся прав коренных народов, и в пактах 1966 г., где повторяются положения Декларации 1960 г., подчеркивая универсальность этого права в международной правовой системе.

Принцип самоопределения был наиболее полно раскрыт в Декларации о принципах международного права, закрепившей право на самоопределение за народом [3, ст. 1].

В настоящее время перечисленные понятия употребляются как для определения термина «самоопределение», так и для обозначения субъекта, имеющего на это право.

Современные исследователи по-разному трактуют самоопределение. Т. Евменова рассматривает его как право народов на выбор политического

пути, юридические словари определяет его как возможность самостоятельно решать судьбу и форму организации, а Ю. Барсегов – выражение демократизма в международных отношениях. С. Черниченко, к примеру, видит в этом отношении между «народом и государством» [4, с. 27].

Различные исследователи при изучении термина «самоопределение» выделили этапы развития самоопределения народов, провели историко-правовой анализ, систематизировали подходы к самоопределению, подчеркнув неполноту исследований, и акцентировали внимание на неясности дефиниций и трактовке понятия «народ – как этническое или территориальное сообщество» [5, с. 5].

Таким образом, несмотря на относительное согласие в понимании самоопределения как явления, вопрос о субъекте, обладающем этим правом, остается открытым. В научной литературе чаще всего рассматриваются народ, нация и этническая группа, при этом подчеркивается их неоднородность и внутренняя сложность, обусловленная множеством взаимодействующих социальных элементов.

Термин «народ» широко используется в международных документах, включая акты ООН, но его содержание трактуется по-разному, особенно после утраты актуальности антиколониального аспекта. Понятие «нация» также имеет историческую многозначность: от обозначения подданных в Средневековье до идеи политического сообщества после Французской революции. В науке выделяют различные подходы к анализу нации – натуралистический, антропологический, социоэкономический и политический. Современные исследования связывают нацию с национализмом как фактором ее эволюции. По мнению Б. Андерсона и М. Биллинга, она формируется в контексте культурных систем и коллективной идентичности. В современной белорусской науке нация есть «совокупность всех граждан одного государства как политического сообщества» [6, с. 48]. Однако из-за широты категории, а также ее включенности в составные этнические группы она не всегда может быть адекватным субъектом самоопределения в современных условиях.

Довольно приемлемым субъектом самоопределения можно было бы рассматривать категорию «этнос». Л. Гумилёв описал его как коллектив людей, который «должен приспособиться (адаптироваться) к условиям ландшафта» [7, с. 12]. То есть этническое единство есть изменяющаяся система, состоящая не только из людей, но и территории, а значит, является частным случаем территориальной общности, но этнос дает весьма размытые рамки в области территориально опосредованных социальных, экономических, политических и других отношений.

В современном мире, рассматривая существующие конфликты (Крым, ДНР и ЛНР, Приднестровье и др.) по самоопределению, учитывая исторические, экономические, природные и другие условия, в которых зарождались и формировались процессы самоопределения, автор пришел к выводу

о правомерности употребления указанных терминов как формы самоопределения территориальных общностей.

Таким образом, исследование показывает, что понятие «самоопределение территориальной общности» наиболее адекватно отражает современные процессы, поскольку учитывает территориально обусловленную систему жизнедеятельности индивидов, влияние среды проживания на их социальные связи, культурные особенности и поведенческие стереотипы.

Понятие «территориальная общность» раскрывается через признание значимости территории как ключевого фактора, формирующего самоорганизацию человеческих сообществ. Еще античные мыслители подчеркивали роль географической среды в определении структуры и характера общественной жизни.

Анаксимандр, Гекатей, Демокрит, Фалес и Г. Милетский [8, с. 398] использовали ойкумену как сводное представление о земле, на которой существуют люди. Геродот одним из первых отметил связь между образом жизни народов и географической средой их обитания, заложив основы географического детерминизма, влияющего на развитие этносов. Гиппократ развил эту идею, акцентируя внимание на том, что «большую частью формы людей и нравы отражают природу страны» [9, с. 304]. Аристотель также выделял влияние климата: северные народы он считал мужественными, но неспособными к управлению, тогда как жители Азии умны и искусны, но нерешительны и склонны к подчинению.

В Древнем Риме идея влияния географической среды на человека получила дальнейшее развитие. Полибий подчеркивал, что климат формирует физические и поведенческие особенности народов, объясняя этим их различия в характере, внешности и образе жизни [10, с. 363]. Страбон, следуя Полибию, придавал землеописанию статус «первой философии» [11, с. 6], трактуя географию как основу понимания общества.

Позднее Ш. Монтескье обосновал зависимость законов от природных условий страны, а К. Риттер и Э. Реклю дополнили эту концепцию, рассматривая территориальные общности как результат взаимодействия человека с окружающей средой. И. Гердер акцентировал внимание на изменчивом характере геофизического воздействия на население.

К рубежу XIX–XX вв. географический детерминизм трансформировался в геополитику – науку, изучающую модели существования территориальных общностей в пространстве мира. Основы геополитики были заложены в работах Р. Челлена и К. Хаусхофера. Исследователи В. Ключевский, Л. Мечников, Ф. Тённис и П. Сорокин анализировали влияние природной среды на развитие общества, подчеркивая, что особенности социального устройства формируются под воздействием природных условий и проявляются в экономике, политике и культуре.

Л. Мечников утверждал, что социальная эволюция напрямую зависит от природной среды, которая оказывает влияние на «форму кооперации

личностей» [12, с. 153]. П. Сорокин развил эту идею, введя понятие ценностных установок, формирующихся в рамках устойчивых социально-территориальных образований – этносов.

До XX в. территориальные общности часто рассматривались через призму этнографии, ассоциируясь с «отсталыми» народами и примитивными культурами. Противоположный подход предложил Ф. Тённис, описав такие формы объединения, как деревня, племя, род и семья, которые представляют собой «особого рода гильдию или религиозную общину» [13, с. 39]. Сопоставляя средневековое и современное общество, он противопоставил понятия «община» и «общество», что послужило толчком к расширению понятия «общность» в XX в. – теперь оно охватывает семьи, трудовые коллективы, этноконфессиональные группы, классы и даже институты.

Само понятие «общность» претерпело целый ряд трансформаций. Необходимо отметить, что в современной науке существует множество определений феномена «территориальная общность». Некоторые ученые отождествляли территориальную общность с понятием «комьюнити» (англ. *community* – сообщество). Так, Д. Гиллери в 1955 г. опубликовал работу, специально посвященную анализу данной категории, где выделил 94 определения от различных авторов и осуществил их классификацию по трем вычлененным элементам: общность территории, социальное взаимодействие, общие связи [14, с. 111].

Ввиду различий в первоначальном понятии последовала и различная трактовка феномена территориальная общность. Я. Щепаньский связывал ее с более широкой социальной общностью, основанной на устойчивых социальных связях, которая «создана и сохраняется хотя бы в течение короткого периода» [15, с. 116] и совместной жизни на определенной территории. Е. Горяченко подчеркивал, что индивид воспринимает себя как часть группы, действуя ради ее устойчивости, и ни одна другая структура не способна заменить роль этой группы. Схожую точку зрения высказывал Д. Гиллери, используя термин «комьюнити». Исследователи Р. Уоррен, П. Лоури, Э. Хиллар и Э. Рейс рассматривали территориальную общность как элемент социальной организации, обеспечивающий удовлетворение основных потребностей.

В XX в. вопрос территориальной общности также активно изучался учеными. Т. Заславская и Р. Рывкина рассматривают территориальную общность как относительно самостоятельную единицу в структуре общества, включающую как население, так и используемое им пространство с ресурсами, инфраструктурой и жилой средой. Сходный подход предложили А. Сергиенко и А. Троцкий, подчеркнув, что характер размещения производственных и социальных объектов напрямую влияет на образ жизни населения в пределах региона. С. Быстрянец описал территориальную общность как открытую, но устойчивую систему с выраженной самодостаточностью, основанную на территориальной идентичности и представляющую собой модель социального устройства в миниатюре.

А. Трофимов, А. Чистобаев и М. Шарыгин определяют территориальную общность как «территориальную ячейку жизни общества» [16, с. 14], в которой все компоненты тесно взаимосвязаны, сближая ее с понятиями общественной и социально-экономической системы. А. Воронин и М. Межевич рассматривают город как проявление территориальной общности, акцентируя влияние государственных границ и переход от демографического к социальному пониманию этого явления.

А. Ткаченко интерпретирует территориальную общность как систему расселения, подчеркивая ее связь с формами поселений с их «материальными формами» [17, с. 14]. А. Злотников указывает на значимость таких общностей как аналитического инструмента, позволяющего учитывать различия в условиях жизни и социальных проблемах, «характерных для населения различных групп территорий» [18, с. 108].

С развитием науки сформировалось множество определений термина «территориальная общность». Она понимается как: система социальных отношений внутри определенных территорий (Collins Dictionary); сеть взаимодействующих индивидов, объединенных местом проживания (The Dictionary of Human Geography); локальная группа, включающая основные институты общества (З. Грунт); спонтанное образование, основанное на пространственных связях (А. Ткаченко); первичная единица социальной организации с высокой автономией и идентичностью (С. Быстрянец, Э. Рейс-младший, Я. Щепаньский).

Представленные выше формулировки имеют большую конкретику, чем даваемые ранее, а процесс дальнейшего их изучения выделил два основных критерия формирования территориальных общностей: «идентичность членов территориальной общности» [19, с. 56] (Е. Мартынова) и «социальное участие населения в развитии территории» [20, с. 1] (Е. Горяченко).

Таким образом, территориальная общность представляет собой устойчивую и локализованную форму социальной организации, основанную на сочетании физического проживания на определенной территории и системы социальных связей – культурных, институциональных и когнитивных. Такая общность определяется условиями среды и инфраструктурой и может рассматриваться как субъект самоуправления в политологических исследованиях.

Самоопределение территориальной общности – это сложный, непрерывный процесс, включающий экономическое, политическое, культурное и иное взаимодействие внутри сообщества, исторически связанного с определенной территорией. Этот процесс может выражаться как в интеграции в иные государственные структуры, так и в стремлении к самостоятельному политическому статусу.

Проведенный анализ показал, что феномен самоопределения территориальных общностей изучается на стыке философии, политологии, международного права и социологии. Несмотря на отсутствие единого подхода

к определению как самого термина, так и субъекта самоопределения, в научной дискуссии акцент все чаще делается на территориальную обусловленность политической и культурной идентичности. Категория «территориальная общность» позволяет отразить специфику взаимодействия населения с пространственной, социальной и культурной средой. Она становится важным понятием при анализе современных конфликтов, вопросов федерализации и регионального самоуправления. Использование этой категории не только расширяет понятийный аппарат политической науки, но и открывает перспективы для более точного описания процессов самоопределения в современной действительности.

Список использованных источников

1. Адо, А. В. Документы истории Великой французской революции: в 2 т. / А. В. Адо. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – Т. 1. – 112 с.
2. Галанза, П. Н. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / П. Н. Галанза. – Москва, 1957. – 250 с.
3. Интернет-портал Организации Объединенных Наций. Международный пакт о гражданских и политических правах. Резолюция 2200. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 18.09.2023). – 1 ст.
4. Черниченко, С. В. Содержание принципа самоопределения народов (современная интерпретация): учеб. пособие / С. В. Черниченко. – Москва, 1998. – 33 с.
5. Явкин, Н. В. Проблема обеспечения единства и территориальной целостности государства в условиях борьбы народов за самоопределение: автореф. дис. ... канд. полит. наук: ВАК РФ 23.00.02 / Явкин Николай Викторович; Мордов. гос. ин-т. – Нижний Новгород, 2004. – 20 с.
6. Мельник, В. А. К вопросу о точности политического лексикона. Проблема совершенствования этнокультурной политики в республике Беларусь / В. А. Мельник // Беларуская думка. – 2010. – № 3. – 210 с.
7. Гумилев, Л. Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. / Л. Н. Гумилев. – Москва: Экспресс, 1992. – 130 с.
8. Суриков, И. Е. Гекатей Милетский. Фрагменты / И. Е. Суриков // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. – Москва: Собрание, 2021. – Т. 9. – 498 с.
9. Гиппократ. О воздухах, водах и местностях. Избранные книги / Гиппократ. – Москва: Изд-во миф. и мед. лит., 1936. – 736 с.
10. Полибий. Всеобщая история. / Полибий // Собр. соч.: в 5 т. – Санкт-Петербург: Изд-во «Наука», 1995. – Т. 1. – 495 с.
11. Страбон. География / Страбон // Собр. соч.: в 17 т. – Москва: Тип. Рись, 1879. – Т. 1. – 856 с.
12. Мечников, Л. И. Цивилизация и великие исторические реки / Л. И. Мечников. – Москва: Пангея, 1995. – 290 с.
13. Теннис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис. – Москва: Владимир Даль, 2002. – 452 с.
14. Гиллери, Г. А. Definitions of Community: Area of Agreement // Г. А. Гиллери // Rural Sociology. – 1955. – Vol. 20 (June), № 2. – 196 p.
15. Щепанский, Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепанский. – Москва: Прогресс, 1969. – 240 с.
16. Трофимов, А. М. Теория организации пространства. Сообщение III. Пространственно-временная организация общества / А. И. Чистобаев, М. Д. Шарыгин // Известия Русского географического общества. – Санкт-Петербург, 1993. – Т. 125, вып. 5. – 109 с.

17. Ткачѣнко, А. А. Территориальная общность людей: Социально-географическая концепция: автореф. дис. ... канд. ист. наук: ВАК РФ 11.00.02 / Ткачѣнко Александр Андреевич; МГУ им. М. В. Ломоносова – Москва, 1995. – 32 с.

18. Злотников, А. Г. Территориальные общности как объект социологии / А. Г. Злотников // Особенности культурного развития «приграничных» территорий: исследование и стратегическое управление: материалы междунар. науч.-практ. семинара, Минск, 30–31 мая 2017 г.: сб. науч. ст. / редкол.: И. В. Котляров (гл.ред.) [и др.] / НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Минск: Право и экономика, 2017. – 171 с.

19. Мартынова, Е. В. Идентичность членов локальной территориальной общности в условиях глобализации / Е. В. Мартынова // Социодинамика. – 2017. – № 11. – 63 с.

20. Горяченко, Е. Е. Территориальная общность в изменяющемся обществе / Е. Е. Горяченко. – URL: <http://nesch.ieie.nsc.ru/GLGOR.html> (дата обращения: 22.09.2023).

(Дата подачи: 13.02.2025 г.)

А. Л. Шевцова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

A. L. Shevtsova

Academy of Public Administration under the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 327(4-11)

РЕГИОН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XXI ВЕКЕ КАК ОБЪЕКТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

THE EASTERN EUROPEAN REGION IN THE 21ST CENTURY AS AN OBJECT OF GEOPOLITICAL ANALYSIS

В статье дана характеристика природных, социально-экономических и политических факторов, определяющих геополитическое положение региона Восточной Европы в первой четверти XXI века. Сделан вывод, что наряду с традиционными природно-географическими и историческими факторами на геополитические процессы в регионе оказывают влияние информационные и когнитивные войны на новой технологической основе. Наиболее опасными вызовами для региона являются расширение НАТО и ЕС на восток, конфликт на Украине, энергетическая зависимость, гибридные вызовы.

Ключевые слова: Восточная Европа; геополитическая конкуренция; геополитическое положение; современные геополитические вызовы и угрозы.

The article provides a description of the natural, socio-economic and political factors that determine the geopolitical position of the Eastern European region in the first quarter of the 21st century. It is concluded that, along with traditional natural-geographical and historical factors, information and cognitive wars on a new technological basis influence geopolitical processes in the region. The most dangerous challenges for the region are the expansion of NATO and the EU to the east, the conflict in Ukraine, energy dependence, and hybrid challenges.

Keywords: Eastern Europe; geopolitical competition; geopolitical situation; modern geopolitical challenges and threats.

Восточная Европа является одним из наиболее сложных и динамично меняющихся регионов мира. Геополитическое значение региона определяется стратегическим положением между Западной Европой и Россией, а также исторически сложившейся ролью «буферной зоны» между крупными державами. После окончания холодной войны и распада Советского Союза регион столкнулся с серьезными испытаниями, такими как политическая и социально-экономическая трансформация, интеграция стран региона в различные международные структуры разновекторной направленности.

В первой четверти XXI в. вызовами и угрозами для Восточной Европы являются территориальные конфликты, энергетическая зависимость, информационные войны и геополитическое соперничество крупных игроков – России, ЕС, США, Китая. В то же время, несмотря на многочисленные проблемы, регион остается ключевым узлом глобальных транспортных и энергетических связей. В связи с этим исследование геополитической динамики Восточной Европы является актуальной научной проблемой и имеет практическую значимость для прогнозирования будущего состояния региона и его места в мировой геополитической системе.

Цель данной статьи – комплексный анализ геополитического положения региона Восточной Европы в первой четверти XXI в. в контексте исторического наследия и современных вызовов.

Методы исследования. Геополитический анализ Восточной Европы предполагает выявление основных факторов, влияющих на пространственно-силовые отношения глобальных акторов и других участников геополитических процессов в регионе. Это требует рассматривать все явления и процессы в их взаимосвязи и взаимообусловленности, что выдвигает в качестве методологической основы данного исследования диалектический подход с его принципом всеобщего детерминизма. В то же время необходимость учитывать субъективные и случайные процессы и явления, могущие привести к бифуркации и флуктуации в геополитической системе, обуславливает также использование синергетического подхода с его принципом нелинейного детерминизма. Таким образом, диалектика, синергетика, системный, структурно-функциональный и исторический методы составляют общую методологическую базу данной статьи и позволяют дать характеристику природных, социально-экономических и политических факторов, определяющих регион Восточной Европы как объект геополитического анализа.

Географическое, логистическое и стратегическое значение региона. Важность региона подчеркивалась еще в начале XX в. в ставших сейчас классическими трудах по геополитике. Британский географ и политик Хэлфорд Джон Маккиндер (Halford John Mackinder) в своей теории «осевого региона» утверждал, что контроль над Восточной Европой открывает путь к доминированию в Евразии и даже к «владению миром» [1, с. 211]. В современных условиях это положение сохраняет свою актуальность.

Восточная Европа занимает уникальное геополитическое положение. В настоящее время регион включает следующие страны: Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Румыния, Болгария, Литва, Латвия, Эстония, Украина, Молдова, Беларусь. Эта территория является не только связующим звеном между Европой и Азией, но и полем конкуренции за контроль над ключевыми транспортными и энергетическими маршрутами. Например, нефтепровод «Дружба», газопроводы «Северный поток», «Турецкий поток», газотранспортный коридор через Украину играют важную роль в обеспечении энергоресурсами Турции и стран ЕС. По территории Восточной Европы проходят панъевропейские (критские) транспортные коридоры, включающие как автомобильные, так и железнодорожные маршруты. К 2030 г. планируется создание трансъевропейской транспортной сети (TEN-T) в рамках Европейского союза, включая восточно-европейские страны ЕС.

В настоящее время геополитическое соперничество крупных держав подрывает важнейшую связующую роль региона в глобальной логистике. После начала специальной военной операции России на Украине с сентября 2022 г. в результате диверсии на неопределенный срок прекратили действие газопроводы «Северный поток» и «Северный поток – 2». В декабре 2023 г. Европейский парламент и Совет Европейского союза приняли решение о сокращении проектов транспортной инфраструктуры с Россией и Беларусью и укреплении вместо этого транспортных связей с Украиной и Молдовой [2].

Данные действия нацелены на выдавливание экономик России и Китая из региона, но вместе с тем они переводят экономики стран ЕС в зависимость от финансово-экономической стратегии США.

Важное стратегическое значение для региона имеют Балтийское и Черное моря, являющиеся одновременно важными воротами для международной торговли и зоной столкновения военных интересов России и блока НАТО.

Исторические корни противоречий. В XIV–XVIII вв. наиболее крупными государственными образованиями в Восточной Европе являлись Великое Княжество Литовское и Речь Посполитая. С XIV в. регион развивался в поле пересечения геополитических интересов Османской, Российской, Австрийской и Германской (в их различных государственных образованиях) империй. Историко-культурное многообразие региона и нахождение его территорий стало причиной многочисленных территориальных и этнических конфликтов, которые продолжают до сих пор сказываться на межгосударственных отношениях, отражают сложную историю разделов, объединений и конфликтов, что делает регион особенно уязвимым перед внешними воздействиями. «За последние несколько десятилетий территория Восточной Европы превратилась в особое мнемоническое пространство, внутри которого сосуществуют антагонистические исторические нарративы и происходят перманентные “войны памяти”» [3, с. 182].

В межвоенный период и после Второй мировой войны некоторые территории Восточной Европы вошли в состав СССР, другие территории в виде стран социалистического лагеря оказались в сфере влияния Советского Союза и были практически изолированы от Запада «железным занавесом». Несмотря на общую в целом социалистическую модель развития, между странами региона сформировались определенные социально-экономические и политические различия, наложившие отпечаток на дальнейшую геополитическую трансформацию региона. После распада СССР в 1991 г. к бывшим советским Республикам вернулось их позиционирование в международно-политическом дискурсе как части традиционного геополитического региона Восточной Европы уже в статусе новых национальных государств. Регион стал ареной борьбы за влияние между Востоком (Россией) и Западом.

Современные геополитические вызовы. Крупными вызовами для региона являются расширение НАТО и ЕС на восток, конфликт на Украине, гибридные вызовы и информационные войны.

Современная геополитическая конфигурация региона сложилась в результате расширения НАТО и Европейского союза на восток. В 1999–2004 гг. в НАТО вступили Польша, Чехия, Венгрия, Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Эстония. Вступление в 2004–2007 гг. этих же стран в ЕС предоставило им доступ к экономическим и политическим институтам Европейского союза. Возможности вступить в НАТО и Европейский союз добивается Украина, в Конституции которой с февраля 2019 г. подтверждается «необратимость европейского и евроатлантического курса» [4]. Молдова по результатам референдума 20 октября 2024 г. также включила в преамбулу Конституции формулировку о необратимости европейского пути и провозгласила «интеграцию в Европейский Союз стратегической целью Республики Молдова» [5], однако вступление в НАТО пока не форсируется властями. Военно-политическая интеграция восточно-европейских стран в западные структуры возвращает их к геополитической функции барьера Запада от России.

Республика Беларусь является единственным государством в регионе Восточной Европы – участником евразийских интеграционных объединений: ЕАЭС (Евразийский экономический союз), ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности), членом Союзного государства Беларуси и России.

Расширение западных структур привело к трансформации региона и вызвало опасение России, которая восприняла это как угрозу своей безопасности. Включение Крыма в состав РФ в 2014 г. и последующий конфликт на Донбассе стали наиболее яркими примерами эскалации противостояния Запада и России. Курс Украины на интеграцию в ЕС и НАТО, угроза расширения НАТО непосредственно до границ России явились важнейшей причиной начала ею специальной военной операции в феврале 2022 г.

Украинский кризис стал важным поворотным моментом для региона и привел к введению санкций против России и углублению противостояния между Россией и Западом. Этот конфликт показал уязвимость Восточной Европы перед внешними угрозами, а также отсутствие единства среди стран региона по вопросам безопасности.

Современная геополитика региона характеризуется широким использованием гибридных методов борьбы – дезинформации, телефонного мошенничества, кибератак и культурного влияния для достижения своих целей. В условиях низкой медиаграмотности населения особенно заметна роль социальных сетей в распространении дезинформации и психологического воздействия на население. Существуют серьезные риски и угрозы в области кибербезопасности. Атаки на объекты критической инфраструктуры не только наносят экономический урон, но и подрывают доверие к государственным институтам и усиливают общественное беспокойство.

Роль Китая и Турции. В начале XXI в. в Восточной Европе началась активная реализация китайской инициативы «Один пояс, один путь». Она открывала новые возможности для экономического роста, но также усиливала долговую зависимость стран-реципиентов от Китая, что вызывало опасения со стороны ЕС. В настоящее время достаточно активное сотрудничество с КНР демонстрируют Беларусь, Венгрия, Польша. Но в целом в регионе происходит замедление совместных проектов с Китаем, что соответствует «общему тренду на политизацию отношений ЕС и КНР» [6]. Из европейско-китайского формата «16/17+1» вышли Литва, Латвия, Эстония, готовы покинуть формат Чехия и Румыния. По мнению экспертов, «кризис в области европейской безопасности приводит к замещению прагматизма и многовекторности в политике ЕС ценностно-ориентированным подходом и приоритетом трансатлантического сотрудничества. На фоне конкуренции США и КНР едва ли многие страны ЦВЕ, кроме Венгрии, захотят противопоставить что-то Вашингтону и Брюсселю» [6].

Турция также стремится усилить свое влияние в регионе как хаб для транзита российских газа, нефти и нефтепродуктов в страны ЕС. В то же время амбиции Турции в регионе сталкиваются с ограничениями, связанными с ее внутренними экономическими проблемами и геополитическими конфликтами.

Энергетическая зависимость региона. Энергетическая уязвимость остается важной проблемой и важнейшим фактором дестабилизации региона. Энергетическое сотрудничество СССР/России и Европы, в годы «холодной войны» позволявшее преодолевать политические разногласия, с 2022 г. переживает жесткий кризис. ЕС стремится преодолеть энергетическую зависимость от России, но эксперты отмечают, что вряд ли этого удастся достичь к 2027 г., как запланировано. «Несмотря на усилия по диверсификации источников энергии, включая развитие зеленых технологий и увеличение импорта газа из США, проблемы с зависимостью от российского газа

сохраняются», – отмечает заместитель генерального директора Института национальной энергетики Александр Фролов (Россия) [7].

Венгрия и Словакия отказываются искать альтернативные варианты закупки энергоресурсов, настаивая на сохранении поставок нефти и газа из России. Призыв активнее использовать атомную энергетику сталкивается с фактом, что пять стран ЕС (Болгария, Чехия, Финляндия, Венгрия и Словакия) полностью зависят от поставок из России ядерного топлива. Для сокращения зависимости от импорта энергоресурсов предпринимаются действия по привлечению инвестиций в возобновляемую энергетику.

С введением в промышленную эксплуатацию Белорусской АЭС в 2021 г. Беларусь не только удовлетворяет свои потребности в электроэнергии, но и может ее экспортировать, что делает Беларусь в перспективе значимым региональным игроком.

Культурное и информационное измерение. Культурная идентичность региона остается ареной конкуренции. Россия продвигает концепцию «Русского мира», которая апеллирует к общей истории и языковым связям, особенно с Беларусью и Украиной. В то же время ЕС поддерживает идеи европейской идентичности, а в самих восточно-европейских странах в основном доминируют идеи местных национализмов. Историки полагают, «что формирование восточноевропейских национальных нарративов в латентном виде происходило с начала 1980-х гг.» [3, с. 184]. После крушения социалистического лагеря восточно-европейские элиты заложили идеологию национализма в основу государственного строительства. В Беларуси политическому руководству «удалось избежать соблазнов воинствующего этнического национализма и опасности скатывания к украинскому сценарию, где вопросы языка и исторической памяти стали основой для гражданской конфронтации и вылились в противостояние с Россией» [8, с. 80].

Социальные медиа и современные технологии играют ключевую роль в информационных войнах. Геополитические конкуренты используют пропаганду и фейковые новости для усиления своих позиций, особенно в странах с нестабильной политической ситуацией. Массированно применяются технологии когнитивной войны. «В отличие от психологической войны (или психологических операций), когнитивная война – это не кратковременное воздействие (которое можно преодолеть), но неизменное и постоянное глубинное переформатирование сознания индивидов и общества в целом. Основными объектами воздействия становятся те структуры, которые отвечают за понимание смысла происходящего – социальные сети, СМИ, НПО, образовательные программы, блогеры, в конечном счете – гражданское общество враждебного государства, сознание которого направленно трансформируется в нужном направлении» [9, с. 89].

Заключение. Восточная Европа в первой четверти XXI в. остается ключевым геополитическим регионом, на который влияют как внутренние, так и внешние факторы. Природно-географические факторы и историческое на-

следие региона не утратили своей детерминирующей роли в геополитических процессах, но в последние четыре-пять лет резко возросла значимость информационного и когнитивного противоборства на новой технологической основе как важнейшего ресурса в геополитической конкуренции.

Регион сталкивается с серьезными вызовами – от энергетической уязвимости до вооруженных конфликтов и информационных войн. Однако его стратегическое значение продолжает расти, в связи с чем регион является объектом геополитических интересов глобальных акторов мировой политики и зоной столкновения интересов внутрирегиональных игроков. Будущее Восточной Европы во многом зависит от способности стран региона сохранять суверенитет, укреплять институциональную базу и эффективно реагировать на внешние угрозы.

Список использованных источников

1. Маккиндер, Х. Географическая ось истории / Х. Маккиндер. – Москва: АСТ, 2021. – 288 с.
2. Транспортная сеть ЕС: связи с Россией и Беларусью сократятся, а с Украиной и Молдовой – расширятся // EU Neighbours East. – URL: <https://euneighbourseast.eu/ru/news/latest-news/transportnaya-set-es-svyazi-s-rossiej-i-belarusyu-sokratyatsya-a-s-ukrainoj-i-moldovoj-rasshiyatsya/> (дата обращения 20.01.2025).
3. Апрыщенко, В. Ю. Восточная Европа в эпоху посткоммунистической трансформации: ключевые подходы к изучению коллективной памяти региона / В. Ю. Апрыщенко, М. А. Мартыненко // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – Т. 9 (2). – С. 181–186.
4. Конституція України: прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року: із змінами, внесеними згідно із Законами № 2222-IV від 08.12.2004, № 2952-VI від 01.02.2011, № 586-VII від 19.09.2013, № 742-VII від 21.02.2014, № 1401-VIII від 02.06.2016, № 2680-VIII від 07.02.2019, № 27-IX від 03.09.2019 // Верховна Рада України. Законодавство України. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80#Text> (дата обращения: 20.01.2025).
5. Конституция Республики Молдова: с изм. и доп. на 20 окт. 2024 г. – URL: https://presedinte.md/app/webroot/Constitutia_RM/Constitutia_2024_ru.pdf (дата обращения: 20.01.2025).
6. Мельникова, Ю. Что это было? Взлёт и осыпание формата «16+1» / Ю. Мельникова // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-eto-bylo-vzlyet-i-osypanie-formata-16-1/> (дата обращения: 20.01.2025).
7. Болотина, Е. Борис Марцинкевич про снижение энергозависимости ЕС от России / Е. Болотина // Financial One: журнал о финансовых рынках. – URL: <https://fomag.ru/news/boris-martinsinkevich-pro-snizhenie-energozavisimosti-es-ot-rossii/> (дата обращения: 20.01.2025).
8. Межевич, Н. М. Беларусь: трансформация и модернизация. Итоги постсоветского развития: монография / Н. М. Межевич, В. В. Шимов. – Москва: Ин-т Европы РАН, 2024. – 124 с. – (Доклады Института Европы).
9. Медушевский, А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Ч. 1 / А. Н. Медушевский // Вопросы теоретической экономики. – 2023. – № 2. – С. 85–98.

(Дата подачи: 07.02.2025 г.)

С. Д. Юмудов

Республиканский институт высшей школы, Минск

S. D. Yumudov

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 323.232:37.035.6

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ – ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ

IDEOLOGICAL EDUCATION AS A BASIS FOR THE FORMATION OF STUDENTS' POLITICAL CULTURE IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

В статье обоснована факторная роль идеологического воспитания в формировании нравственно зрелой, политически грамотной и социально активной личности в различных сферах образования. Раскрыта методологическая диада двух ключевых аспектов: приобретение гражданско-патриотических знаний, навыков и формирование соответствующих аттитудов и моделей поведения. Аргументирована актуальность повышения качества идеологической и идейно-воспитательной работы в белорусских учебных заведениях на всех уровнях образовательной системы. Речь идет о привитии фундаментальных ценностей патриотизма, нравственности, исторической памяти, отражающих скрепы белорусской государственности. Предложены методы воспитания у обучающихся активной гражданской позиции.

Ключевые слова: идеология образования; идеологическое воспитание; патриотизм; историческая память; гражданско-политическое воспитание; политическая культура.

The article substantiates the factorial role of ideological education in the formation of a morally mature, politically literate and socially active personality in various spheres of education. The methodological dyad of two key aspects is revealed: acquisition of civic-patriotic knowledge, skills; formation of appropriate attitudes and behavior patterns. The relevance of improving the quality of ideological and ideological-educational work in Belarusian educational institutions at all levels of the educational system is substantiated. We are talking about instilling fundamental values of patriotism, morality, historical memory, reflecting the bonds of Belarusian statehood. Methods of education of students' active civic position are proposed.

Keywords: ideology of education; ideological upbringing of students; civic-political education; political culture.

Любому обществу свойственно опираться в развитии на принципы той или иной идеологии. В современном обществе формирование политической культуры молодежи происходит в условиях функционирования различных идеологических течений. В этой связи идеологическое воспитание с молодежью становится важнейшей функцией общества и государства, имеющей осмысленный целенаправленный характер. В своем выступлении Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко сказал, что «идеология – это си-

стема идей, взглядов, представлений, чувств и верований о целях развития общества и человека, а также о средствах и путях достижения этих целей, воплощенных в ценностных ориентациях, убеждениях, волевых действиях, побуждающих людей стремиться к поставленным целям» [1].

Государственная идеология есть составляющая основу деятельности государства целостная, системно выстроенная совокупность идей, ценностей и представлений, в рамках которых государство осознает себя и свое положение в социально-политической действительности [6, с. 155]. Идеология белорусского государства – это система взглядов, соответствующая целям и особенностям белорусского пути общественного развития [10, с. 75]. Вместе с тем в новой редакции Конституции Республики Беларусь, принятой на Республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., значительно переработана статья 4, в результате чего в Основном Законе суверенной Беларуси впервые появилось прямое указание на наличие обязательной общегосударственной идеологии. Согласно ст. 4 Конституции «демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений. Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан» [3, ст. 4]. В Конституции Республики Беларусь также закреплены политико-правовые основания социального равенства, прав и свобод граждан во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе в одной из приоритетных – образовательной сфере [3, ст. 48].

Отсюда следует, что Конституция определяет: при наличии многообразия мнений и идеологий политических, религиозных и общественных субъектов существует также единая общегосударственная идеология. В связи с этим возрастает роль идеологической матрицы как мировоззренческого базиса патриотической социализации молодежи при широком и активном участии в деятельности молодежных общественных объединений. Ключевой фигурой всей системы патриотического воспитания призваны стать педагогические работники, руководители и специалисты органов системы государственного управления, институты гражданского общества, владеющие технологиями сохранения исторической памяти, объективации исторической правды как духовной скрепы суверенитета и независимости Республики Беларусь.

Назначение идеологической матрицы состоит в нормативной трансляции ценностных идей в ходе образовательного процесса с учетом специфики учебной дисциплины, проводимых воспитательных мероприятий по выработанным параметрам, в контексте приоритетов идеологии государства, стратегий социально-экономического развития, актуальных задач государственного строительства Республики Беларусь [10, с. 142].

Действительно, идеологическое воспитание – многоаспектный процесс, включающий ряд факторов и основных принципов, инициирующих созна-

ние современного человека в процессе гуманизации образовательного процесса в современной Республике Беларусь [7, с. 67].

Идеологическое воспитание молодежи – важнейший компонент всех сфер образования, цель которого – сформировать всесторонне развитую, нравственно зрелую, политически подкованную личность, активно участвующую в жизни общества. Личность должна обладать способностью взвешенно смотреть на глобальные и локальные события, культурное и научное наследие, исторические достижения, глубоко понимать собственную идентичность и общественную роль. В свою очередь политическая культура рассматривается как общий исторический, социальный опыт, влияющий на политические убеждения и поведение отдельных людей, малых групп и всего белорусского народа в целом [2, с. 249].

Так, в Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь отмечается, что «идеологическое воспитание, направлено на формирование знания мировоззренческих основ идеологии белорусского государства, привитие подрастающему поколению основополагающих ценностей, идей, убеждений, отражающих сущность белорусской государственности» [5, ст. 8].

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь 2024 г. констатируется, что «участие граждан и субъектов гражданского общества в обеспечении данного актуального аспекта национальной безопасности может осуществляться путем «повышения политической культуры и ответственности граждан, гражданского самосознания, воспитания патриотизма» [4, ст. 64]. Таким образом, данные государственные идеологические правовые источники подчеркивают важнейшие, на наш взгляд, аспекты идеологического воспитания учащейся молодежи в Республике Беларусь, уделяя особое внимание воспитанию гражданственности и патриотизма.

Несомненно, период обучения в вузе является важнейшим в процессе формирования личности. Помимо приобретения общих и специальных знаний, у студентов формируются не только первоначальные профессиональные навыки, но и основа убеждений, морали и социальных ценностей, соответствующих уровню их социализации и зрелости. Гражданственность и патриотизм являются основополагающими элементами, закладывающими фундамент для этой трансформации.

Понимание сущности бытия и жизни обретает смысл через интегральное включение таких ценностей, как любовь к Родине, чувство общности, семейной и общественной принадлежности, приверженность общественным идеалам, личное и национальное самосознание, национальное достоинство, активная жизненная позиция, важность социального общения. Все эти ценности в совокупности способствуют формированию личности и культуры человека. Таким образом, идеологическое воспитание становится неотъемлемым компонентом в формировании целостной системы нравственных и социальных ценностей личности, которое требует постоянного

педагогического внимания на всех уровнях и этапах образовательной системы с целью обеспечения его устойчивого развития.

Как целостный педагогический процесс идеологическое воспитание имеет две стороны: одна из них – овладение гражданско-патриотическими знаниями и умениями оперировать ими (представляет образовательный аспект); другая – формирование гражданско-патриотического отношения и соответствующего поведения личности (представляет собой воспитательный аспект). Результатом их гармоничного взаимодействия и развития является формирование высокоценных гражданско-патриотических качеств у студентов – мировоззренческих, идеологических, социальных, нравственных [6, с. 154].

Взаимосвязь идеологии государства и образовательной политики выражается интегрированным характером комплекса функций. Нами выделяются следующие функции идеологии:

- ориентационно-мировоззренческая, при которой идеология побуждает к действию, формирует активных защитников дела, делает понятными пути достижения цели;
- научно-познавательная – обеспечивает формирование системы научных знаний о политико-правовых основах национальной государственности и механизмах формирования гражданского общества;
- воспитательная – означает идейно-политическую подготовку молодежи как активных членов общества, процессов его преобразования, отстаивания национальных интересов;
- координационная – обеспечивает адаптацию личности к требованиям норм ортодоксальности политической доктрины;
- регулятивная – направлена на регулирование поведения людей [10, с. 70].

В настоящее время в образовательных учреждениях Республики Беларусь активизируется идеологическая и идейно-воспитательная работа, направленная на привитие учащимся фундаментальных ценностей, отражающих сущность белорусской государственности, а также идей, формирование активной гражданской позиции. Идеология образования современного поколения развивается как совокупность идей и принципов, составляющих основу социального развития государства. Воспитание и образование подрастающего поколения предполагает наличие идеологии, отвечающей на вопрос «Как воспитывать?».

Идеология образовательного процесса включает в себя ряд факторов:

- признание личности молодого человека как ценности самой по себе, уважение уникальности и неповторимости каждой личности;
- социальная защита и охрана здоровья, достоинства и прав, социальной и природной среды обитания подрастающего поколения;
- социальная защита и охрана здоровья, достоинства и прав, социальной и природной среды обитания подрастающего поколения;

- приобщение субъектов образовательного процесса к ценностям общечеловеческой и национальной культуры, создание атмосферы духовности в обществе;
- гуманизация межличностных отношений между педагогами и учащимися на принципах уважения, сострадания, толерантности, милосердия, внимания и доброты [7, с. 116].

Идеология образования отвечает коренным интересам белорусского общества, личности и таким отношениям между ними, когда белорусское общество задает парадигму воспитания новых поколений, создает условия для ее реализации, а подрастающее поколение – современная личность – самоопределяется, утверждает себя, не разрушая, а созидая, самореализуясь в труде, воспитывая себя в предлагаемых условиях информатизации и цифровизации [2, с. 137].

Идеология образования призвана способствовать изменениям в сознании личности, соответствующим общему направлению социального развития государства, поскольку образовательный процесс направлен на формирование философских, духовных, нравственных, экономических, политических, правовых и эстетических представлений об идеальном человеке и обществе, в котором он живет и действует. Идеальному гражданину присущи такие качества, как патриотизм, стремление к труду и успеху, целеустремленность, ответственность за свои поступки, верность национальной идее [7, с. 89].

Как показал эмпирический анализ ареала темы, для формирования гражданских, патриотических качеств личности учащихся Юридического колледжа Белорусского государственного университета создан единый аппарат идеологического обеспечения воспитательно-образовательного процесса, состоящий из администрации, социальной и психологической службы, преподавателей и родителей. Преподаватели активно используют методы вовлечения в деятельность по развитию сознания и самосознания, стимулированию и развитию интеллектуальной, эмоционально-волевой и конативной (т. е. поведенческой) сферы структуры личности обучающихся. В работе преобладают методы сотрудничества, создающие условия для субъектных отношений, позволяющие преподавателю и учащемуся быть партнерами в увлекательном процессе воспитания: открытый диалог, свободный выбор, коллективный анализ и оценка, мозговой штурм, самооценка, импровизация, игра. Эти методы позволяют создать атмосферу сотрудничества по развитию их личностных качеств в условиях наращивания человеческого потенциала.

В основу построения воспитательной работы в Юридическом колледже БГУ положен дидактический упор на идеологическое воспитание (классные и информационные часы, тематические мероприятия, совместные мероприятия с различными организациями, взаимодействующими с образовательным учреждением, праздники, экскурсии, просмотр и обсуждение фильмов

патриотической направленности, волонтерские проекты и др.). Так, согласно ст. 20 Устава Юридического колледжа БГУ, одной из основных задач колледжа является «формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания на основе государственной идеологии» [9, ст. 20].

В годовом планировании воспитательной работы Юридического колледжа БГУ в направлении «Идеологическое воспитание» предусматриваются разнообразные формы, методы, средства для достижения вышеназванной задачи [8]. Формирование патриотических ценностей у студента с активной позицией должно быть целенаправленным, сензитивно-динамичным и социально адресным процессом, главная цель которого – моральная и психологическая подготовка к защите Отечества, служению ему. Только на основе патриотических ценностей можно воспитать ответственную, мужественную, духовно-развитую личность, а воспитательно-идеологическая работа, ориентированная на патриотизм, гражданственность, способна не только формировать патриотические взгляды, но и возвышать интересы и идеалы. Студенты как центральная сила, формирующая будущее, играют важнейшую роль в определении судьбы нашей республики и, главное, исторической ответственности за будущее белорусской государственности.

Таким образом, обобщая анализ исследования сущности, взаимосвязи государственной политики в сфере образования, идеологии государства в соотношении ее различных форм, следует выделить идеологическую обусловленность единства целей, задач, принципов политики государства в сфере образования в формировании социального иммунитета молодежи как объекта национальных интересов. Специфика взаимосвязи понятий состоит в инструментально-содержательном назначении: если идеология государства – это приоритет, основа, методология, мировоззренческая парадигма образовательной политики, то идеологическое воспитание – управленческий инструмент процесса формирования социального иммунитета у студенческой молодежи в отношении рисков и угроз личности, обществу, государству. Это обусловлено единой триадой государственной образовательной, молодежной и исторической политики по обеспечению конституционных прав, свобод, гарантий на основе единства идеологических принципов равного доступа к образованию, социальной справедливости в его получении, готовности отстаивать национальные интересы государства, чувства гордости за подвиги предшествующих поколений, сохранении исторической памяти. Это особенно актуально сегодня в преддверие 80-летия Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945).

Таким образом, идеологическое воспитание предполагает не только преклонение перед Родиной, но и воспитание веры в себя, уверенности в своих силах, признание великих свершений предков. В рамках такой созидательной социальной жизнедеятельности нашей главной педагогической задачей является содействие осуществлению идеологического вос-

питания студентов как новой генерации поколения граждан Республики Беларусь, обладающих «правильным мировоззрением» в оценках текущих глобальных политических процессов (как неоднократно подчеркивает Глава белорусского государства А. Г. Лукашенко), методами проектирования гражданско-патриотической перспективы в интересах страны, сознанием конструктивно-преобразовательного типа, – параметрально соответствующим ценностям и принципам идеологии белорусского государства.

Список использованных источников

1. Доклад Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на семинаре руководящих работников по идеологической работе от 27 марта 2003 г.: Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/doklad-na-seminare-rukovodjaschix-rabotnikov-po-ideologicheskoy-rabote-5821> (дата обращения: 01.02.2025).
2. Ильинский, И. М. Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория / И. М. Ильинский. – Москва: Голос, 2001. – 694 с.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.
4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. решением Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 № 5 / Национальный Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2025.
5. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь: утв. Постановлением Мин-ва образования Респ. Беларусь 14 дек. 2006 г. № 125 с изм. и доп. // Эталон-Беларусь / Национальный Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2025.
6. Ксенофонтов, В. А. Патриотизм и проблемы патриотического воспитания в контексте вызовов современности / В. А. Ксенофонтов [и др.]. – Минск: Воен. акад. Респ. Беларусь, 2014. – С. 154–156.
7. Политическая культура студентов: ее сущность и пути формирования в университете / Р. С. Пионова [и др.] – Минск: МГЛУ, 2018. – 152 с.
8. План работы первичной организации Общественного объединения «Белорусский Республиканский союз молодежи» Юридического колледжа Белорусского государственного университета 2023/2024 учебный год. – URL: <http://www.lawcollege.bsu.by/site-administrator/brsm/planwork.html> (дата обращения: 01.02.2025).
9. Устав учреждения образования «Юридический колледж Белорусского государственного университета: утв. ректором БГУ А. Д. Король от 16.01.2023 г. № 15-ОДЗ. – URL: <http://www.lawcollege.bsu.by/images/NPA/Ustav%20college.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).
10. Храмцова, Ф. И. Конструктивный потенциал молодежи России и Беларуси как фактор безопасности Союзного государства: монография / Ф. И. Храмцова, М. А. Ерофеева. – 2-е изд., доп. – Москва; Саратов: Саратов. источник, 2023. – 366 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

Л. С. Ясинская

Белорусский государственный университет, Минск

L. Yasinskaya

Belarusian State University, Minsk

УДК 327

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОБЗОР БЕЛОРУССКИХ И КИТАЙСКИХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

INTERNATIONAL COMPETITIVENESS OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM: A REVIEW OF BELARUSIAN AND CHINESE SCIENTIFIC RESEARCH

В статье проведен анализ научных публикаций представителей белорусского и китайского академического сообщества по теме международной конкурентоспособности системы высшего образования. Выявлены основные направления научных исследований.

Ключевые слова: конкурентоспособность высшего образования; продвижение белорусского высшего образования; обзор литературы.

The article analyzes scientific publications of representatives of Belarusian and Chinese academic community on the topic of international competitiveness of higher education system. The main research areas have been identified.

Keywords: competitiveness of higher education; promotion of Belarusian higher education; review of literature.

Повышение международной конкурентоспособности системы высшего образования Республики Беларусь и продвижение бренда белорусского высшего образования за рубежом имеет принципиально важное значение для политического и социального-экономического развития страны. Использование образовательного потенциала в целях обеспечения основных направлений внешней политики Республики Беларусь позволяет эффективнее реализовывать и отстаивать интересы страны на международной арене.

Вопросы развития международной конкурентоспособности белорусской системы высшего образования находятся на постоянном контроле Главы государства. 25 августа 2023 г. во время посещения Белорусского государственного университета Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил большое количество возможностей для популяризации белорусского высшего образования среди дружественных и заинтересованных стран. 13 февраля 2024 г. на встрече Главы белорусского государства с членами Республиканского совета ректоров обсуждались направления и перспективы развития высшей школы. Особое внимание уделялось обеспечению качественного образования, в том числе в сравнении с за-

рубежным. На Республиканском педагогическом совете 27 августа 2024 г. Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко поднимался вопрос дальнейшего продвижения белорусского образования за рубеж, внимание акцентировалось на том, что сейчас потенциал экспорта услуг образования раскрыт недостаточно.

В силу высокой практической значимости исследование развития международной конкурентоспособности системы высшего образования нуждается в серьезной теоретической основе, анализе белорусских и зарубежных исследований по указанной проблематике.

Цель статьи – выявить основные направления научных публикаций белорусских и китайских исследователей по теме международной конкурентоспособности системы высшего образования.

Развитие международной конкурентоспособности системы высшего образования – востребованная тема исследований в мировом академическом сообществе. По данным международной наукометрической базы The Lens, в 2024 г. было проиндексировано 4926 публикаций, посвященных исследованию конкурентоспособности высшего образования. В последние годы фиксируется рост исследовательского интереса к данной проблематике, что отражается в количестве научных публикаций (таблица № 1). Особенно активно тема разрабатывается учеными из Китайской Народной Республики (далее – КНР), 836 публикаций.

Таблица 1

Количество публикаций по теме конкурентоспособности высшего образования

Количество проиндексированных публикаций*	2021	2022	2023	2024
	3961	4155	4390	4926

*Учитывался тип публикации: статья в журнале.
Составлено на основании, источник: база The Lens (<https://www.lens.org/>).

Руководство КНР уделяет особое внимание развитию высшего образования, которое является неотъемлемой частью китайской системы образования и важным инструментом развития человеческого потенциала [1]. Как отмечает Председатель КНР Си Цзиньпин, в следовании курсу «построения модернизированного социалистического государства партия и государство испытывают беспрецедентную потребность в высшем образовании, научных знаниях и выдающихся талантах» [1]. На современном этапе КНР идет по пути создания университетов мирового уровня с учетом национальной специфики «процветания страны, великого возрождения китайской нации и улучшения благосостояния народа» [1].

На основе изученных англоязычных публикаций китайских авторов нами выделены следующие ключевые направления научных исследований:

- политическое и идеологическое обоснование повышения конкурентоспособности высшего образования;

- государственная политика в сфере развития высшего образования на национальном уровне;
- реализация мероприятий по усилению международной включенности китайского высшего образования в международное образовательное пространство.

Научные работы китайских ученых имеют междисциплинарный характер и охватывают различные сферы исследований, в частности политику, экономику, менеджмент в сфере образования.

Среди *политологических исследований* выделяются работы Кун Ли, Цзянь Ли, Кейю Ши, Конбин Го, Сяовэй Хао, Цзяци Ву, Тижен Ху. В исследовании Кун Ли и Цзянь Ли обосновывается политическое и идеологическое значение реализации стратегии укрепления страны посредством усиления конкурентоспособности высшего образования в КНР [2, с. 180]. Указанные авторы подчеркивают роль образования как ключевого фактора развития страны, способствующего наращиванию политической мощи китайского государства и продвижению национальных интересов КНР на международной арене. В рамках международного трека особое внимание в китайской науке уделяется исследованиям государственных программ повышения конкурентоспособности университетов. К таким программам относятся нормативные правовые акты стратегического значения, определяющие приоритетные направления развития высшего образования в стране и ориентированные на создание и обеспечение условий для повышения конкурентоспособности национальных университетов.

В исследованиях китайских авторов часто используется понятие «университеты высокого уровня» (или первого класса), под которыми понимаются учреждения высшего образования с высоким образовательным и научным потенциалом, способствующие развитию китайского общества и государства. В работе Кейю Ши формирование и развитие университетов высокого уровня рассматривается как важнейший идеологический проект государства: китайские университеты должны способствовать строительству китайского социализма, развивать национальную культуру, воспитывать патриотов, способных обеспечить процветание КНР [3, с. 1933]. Подчеркивается, что развитие университетов высокого уровня возможно лишь при условии интеграции китайских университетов в международное образовательное пространство.

Влияние государственных программ поддержки университетов на повышение конкурентоспособности учреждений и продвижение их позиций в международных рейтингах выявлено в работе Конбин Го, Сяовэй Хао, Цзяци Ву и Тижен Ху [4, с. 5]. Отмечается, что принятие программ оказывает положительное влияние на рейтинги университетов, особенно для университетов азиатских стран. По мнению исследователей, развивающиеся страны могут извлечь уроки из опыта других стран в реализации программ путем поощрения конкурентоспособности при одновременном предостав-

лении автономии, оптимизации модели управления высшим образованием, улучшения регулярных оценок качества образования.

Исследователями-экономистами (Минбо Джи, Цзя Ло, Сяо Ван, Цзя Лю, Лун Ли, И Сун, Тин Цинь, Цзиньсинь Чжан, Кайлун Ян, Сяоюэ Чжу) рассматриваются вопросы конкурентоспособности высшего образования в контексте экономического развития страны. Так, Минбо Джи, Цзя Ло и Сяо Ван [5, с. 9] выявляют взаимосвязь между масштабами высшего образования и экономическим ростом в КНР. На основе экономических расчетов исследователи обосновали факт влияния высшего образования на темпы экономического роста и повышение качества человеческого капитала. В исследовании Цзя Лю и Лун Ли [6, с. 42] также прослеживается взаимосвязь экономического роста и качества высшего образования, однако уровень развития варьируется в регионах: восточный регион имеет самый высокий уровень высшего образования, а северо-восточный регион – самый низкий. Для решения проблемы предлагается усиление финансовой поддержки университетов, повышение качества образования, при этом особое внимание уделяется развитию научно-ориентированного образования.

Проблеме региональной дифференциации посвящено исследование И Сун, Тин Цинь, Цзиньсинь Чжан, Кайлун Ян и Сяоюэ Чжу [7, с. 9]. Ими выделены четыре группы показателей оценки конкурентоспособности университетов в КНР: финансы, инфраструктура, кадры, научно-исследовательская деятельность. Для повышения конкурентоспособности учеными предложена концепция устойчивого развития, которая позволит ликвидировать дифференциацию между университетами в регионах. Экономический анализ комплексной эффективности обучения и научных исследований 26 университетов, участвующих в программе повышения конкурентоспособности китайский университетов, представлен в работе Ли Хунвэй, Ма Дунгян, Цуй Вэй, Тао Мин и Хуэй Джан [8]. Ими разработана система показателей оценки обучения и научных исследований при помощи анализа оболочки данных (метод DEA). В результате ученые пришли к следующим выводам. Эффективность обучения и научных исследований китайских университетов является высокой. Однако сравнение между эффективностью научных исследований и эффективностью обучения показывает, что 18 китайских университетов (69,2 %) имеют более высокую эффективность научных исследований по сравнению с обучением. Большинство данных университетов выделяют большую долю кадровых и финансовых ресурсов на научные исследования. Ключевыми показателями эффективности являются количество высокоцитируемых публикаций, годовой бюджет университета и зарплаты выпускников университета.

В рамках *менеджмента в сфере образования* можно отметить исследования, связанные с вопросами продвижения в международных рейтингах (Ихан Цзэн) [9, с. 165], интенсификации научно-исследовательской дея-

тельности (Чжунъюань У и Чжэн Чжан) [10, с. 173], усиления академической мобильности (Фэйфей Ван и И Ван) [11, с. 93].

Особого внимания заслуживает рассмотрение вопросов развития конкурентоспособности высшего образования представителями *белорусской науки*. Научные работы белорусских авторов, как и у китайских коллег, имеют междисциплинарный характер. Исследования популярны среди ученых-специалистов, в частности в области политологии (В. Н. Ватыль, А. Л. Шевцова), социологии (Л. Г. Титаренко, В. А. Симхович), международных отношений (О. В. Жданович, Б. Л. Залесский), экономики (Е. А. Дербинская, Е. В. Шарапа), педагогики (О. Л. Жук, Н. В. Романчик), менеджмента в сфере образования (А. В. Калинин, Г. С. Матвеева). Востребована тема среди высшего руководства университетов и представителей административного аппарата учреждений высшего образования (В. А. Богущ, А. Д. Король, С. А. Касперович, Е. Н. Шнейдеров, В. В. Руденок, О. А. Хмель). На основе систематизации научных публикаций нами выявлены следующие направления исследований:

- обеспечение международного сотрудничества;
- развитие экспорта образовательных услуг;
- продвижение бренда университета, участие университетов в международных рейтингах;
- реализация моделей «Университет 3.0», «Университет 4.0»;
- цифровая трансформация высшего образования.

Международное сотрудничество является неотъемлемой составляющей развития системы высшего образования. В условиях усиления партнерства с дружественными странами важную роль, по мнению В. Н. Ватыля [12, с. 145], Л. Г. Титаренко [13, с. 1087], О. В. Жданович [14, с. 71], играет развитие сотрудничества в области высшего образования в рамках ЕАЭС. Перспективным направлением, как отмечает Б. Л. Залесский, выступает развитие образовательных контактов с КНР [15, с. 49]. Г. С. Матвеева рассматривает особенности интернационализации образования в Республике Беларусь и отмечает необходимость совершенствования организационных, правовых, информационных и финансовых механизмов обеспечения международного сотрудничества [16, с. 30].

Развитие экспортного потенциала высшего образования Республики Беларусь является одной из ключевых задач, поставленных перед системой высшего образования. Одни исследователи (А. Л. Шевцова, Н. В. Романчик, Е. В. Шарапа) сосредоточены на описании ключевых показателей белорусского рынка образовательных услуг, выявлении положительных и негативных факторов, влияющих на динамику привлечения иностранных граждан [17, с. 283; 18, с. 295–298]. Опыт представителей белорусских учреждений по реализации экспорта представлен в работах А. В. Сычёва, Н. В. Сычёвой, А. В. Сикорского, И. Н. Мороз, В. В. Руденок [19, с. 232–235; 20, с. 25–27]. Особенности организации образовательного и воспитательного

процесса иностранных обучающихся в белорусских университетах обозначены у В. А. Симхович [21, с.339–342]. Важность реализации маркетинговой стратегии по продвижению образовательных услуг отмечается в публикациях А. В. Калинина, А. В. Жука [22, с. 69; 23, с. 422].

Е. А. Дербинская и С. А. Касперович в качестве одного из фактора повышения конкурентоспособности белорусских университетов отмечают *бренд университета*, включающий «систему мнений, ассоциаций и обещаний университета, основанную на продуктах университета и их характеристиках и формируемую университетом с помощью маркетинговых инструментов» [24, с. 19]. На бренд университета влияет участие университета в международных рейтингах. Рассматривая стратегии продвижения университетов в международных рейтингах, А. Д. Король, К. В. Козадаев, А. В. Жук и В. М. Галынский акцентируют внимание на важности развития публикационной активности профессорско-преподавательского состава, формировании сильной репутации университета среди академического сообщества и нанимателей, повышении информационной представленности университета в Интернете [25, с. 16–17]. М. А. Бабицкая рассматривает позиционирование в международных рейтингах как способ достижения конкурентных преимуществ университета, что позволяет «содержательно укрепить бренд университета, обогатив его характеристиками, убеждающими потенциальных потребителей образовательных услуг выбирать этот университет в качестве места получения высшего образования» [26, с. 166].

В условиях совершенствования деятельности учреждений высшего образования для перехода к новому экономическому укладу и формированию информационного общества получили широкое распространение исследования, посвященные внедрению моделей «Университет 3.0», «Университет 4.0». В исследованиях рассматривается опыт белорусских учреждений. В. А. Богущ на примере Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники выделяет особенности развития предпринимательских компетенций студентов и повышения эффективности деятельности по коммерциализации научных разработок путем развития информационной организационной инфраструктуры университета [27, с. 4–5].

С. А. Касперович и Е. В. Шарапа анализируют условия для интегрированной образовательной, научной и производственной среды в Брестском государственном техническом университете [28, с. 54–56]. Преимущества и недостатки с учетом возможностей и рисков внедрения моделей «Университет 3.0», «Университет 4.0» обозначены в исследовании О. А. Хмель [29, с. 111]. О. Л. Жук обосновывает актуальность предпринимательской трансформации университетов и определяет педагогические подходы к модернизации образовательного процесса, в частности, компетентностное содержание обучения, STEM-подход в образовании, создание условий для разработки и реализации стартапов [30, с. 114–115]. Рост конкурентоспо-

способности учреждения образования на основе цифровой трансформации рассматривается в работах В. А. Богуша и Е. Н. Шнейдерова [31, с.15], А. Д. Короля и Ю. И. Воротницкого [32, с. 50].

Таким образом, равный интерес для белорусских и китайских исследователей представляют вопросы развития международной конкурентоспособности систем высшего образования по таким направлениям, как повышение качества высшего образования, развитие научной деятельности, продвижение в международных рейтингах. Специфика китайского академического дискурса заключается в обосновании политической значимости развития университетов КНР, анализе эффективности реализуемых мероприятий и разработке практических рекомендаций по повышению конкурентоспособности системы высшего образования. Фокус внимания представителей белорусского академического сообщества сосредоточен в основном на направлениях, связанных с развитием международного сотрудничества и реализацией экспорта образовательных услуг. При этом отсутствуют комплексные исследования, позволяющие рассматривать международную конкурентоспособность не отдельного университета или группы университетов (например, технических), а в целом системы высшего образования Республики Беларусь с учетом всех ключевых направлений деятельности УВО. Важную роль при этом играет наличие единой государственной политики в развитии конкурентоспособности системы высшего образования Республики Беларусь как неотъемлемой составляющей устойчивого политического позиционирования страны на международной арене.

Список использованных источников

1. Си Цзиньпин призвал к строительству университетов мирового уровня с китайской спецификой // Китайский информационный Интернет-центр. – 2021. – 20 апр. – URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2021-04/20/content_77421118.htm (дата обращения: 02.02.2025).
2. Li, K. The Strategy of Strengthening the Country Through Higher Education in China: a Historical Policy Perspective / K. Li, J. Li // Beijing International Review of Education. – 2023. – № 5 (1–2). – 176–181. – DOI: 10.1163/25902539-05010005.
3. Keyu, S. The construction of high-level university in China: from 1949 to present / S. Keyu // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. – 2023. – Vol 8. – P. 1932–1938.
4. The effect of national higher education initiatives on university rankings / C. Guo, X. Hao, J. Wu [et al.] // Humanities and Social Sciences Communications. – 2023. – № 10 (527). – P. 1–9. – DOI: 10.1057/s41599-023-02034-w.
5. Mingbo, J. An Empirical Study on the Synergistic Development of Higher Education Scale and Economic Growth in China / J. Mingbo, L. Jia, W. Xiao // ICMSEM 2023: proceedings of the International Conference on Management Science and Engineering Management, Cape Town, 3–4 Aug. 2023 / International Society of Management Science and Engineering Management, Sichuan University, University of Cape Town; ed.: J. Xu [et al.]. – [Cape Town], 2023. – P. 1–10. – DOI: 10.1051/e3sconf/202340905006.
6. Liu, J. Efficiency Driven Effect of Education in China: The Perspective of Global Competitiveness and Graduate Education / J. Liu, L. Li // International Journal of Education and Humanities. – 2021. – № 1. – P. 36–43.

7. Measurement of Higher Education Competitiveness Level and Regional Disparities in China from the Perspective of Sustainable Development / Y. Sun, T. Qin, J. Zhang [et al.] // *Economics*. – 2024. – Vol. 18, № 1. – P. 1–22. – DOI: 10.1515/econ-2022-0122.
8. The evaluation of comprehensive teaching and research efficiency and its key influencing factors analysis of “double first-class” universities in China / L. Hongwei, M. Dongyang, C. Wei [et al.] // *Sustainability*. – 2023. – Vol. 15, № 2. – P. 1–14. – DOI: 10.3390/su15020978.
9. *Yihang, Z.* A Study on the Competitiveness of Asian Universities--Using Different University Rankings as Examples / Z. Yihang // *Lecture Notes in Education Psychology and Public Media*. – 2024. – № 41. – P. 162–169. – DOI: 10.54254/2753-7048/41/20240773.
10. *Wu, Z.* Development Strategies for Higher Education Institutions Based on the Cultivation of Core Competitiveness / Z. Wu, Z. Zhang // *International Journal of Emerging Technologies in Learning*. – 2021. – № 16 (21). – P. 163–176. – DOI: 10.3991/ijet.v16i21.26873.
11. *Wang, F.* International Student Mobility and Internationalization of Higher Education in Hungary and China: A Comparative Analysis / F. Wang, Y. Wang // *Journal of Comparative & International Higher Education*. – 2022. – Vol. 14, № 2. – P. 85–95. – DOI: 10.32674/jcihe.v14i2.3572.
12. *Ватыль, В. Н.* Высшее образование как инновационный ресурс в развитии евразийской интеграции (из опыта ЕАЭС) / В. Н. Ватыль // *Вестн. Гродн. гос. ун-та им. Я. Купалы. Сер. 1. История и археология. Философия. Политология*. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 145–151.
13. *Титаренко, Л. Г.* Интеграционные образовательные процессы в евразийском измерении / Л. Г. Титаренко // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник* / отв. ред. В. И. Герасимов. – Москва: ИНИОН РАН, 2022. – Вып. 5, ч. 1. – С. 1087–1090.
14. *Жданович, О. В.* Интернационализация высшего образования в условиях евразийской интеграции / О. В. Жданович // *Вестн. Гродн. гос. ун-та им. Я. Купалы. Сер. 5. Экономика. Социология. Биология*. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 65–73.
15. *Залесский, Б.* Беларусь – Китай: форум ректоров вузов как совместная платформа для инновационных подходов / Б. Залесский // *Эволюция форматов партнерства Беларуси с дружественными странами* / Б. Залесский. – Lambert Academic Publishing, 2024. – С. 49–58.
16. *Матвеева, Г. С.* Международное сотрудничество в сфере образования: опыт, проблемы, перспективы / Г. С. Матвеева // *Вестн. ВОИРО*. – 2023. – № 2 (7). – С. 26–31.
17. *Шевцова, А. Л.* Экспорт образовательных услуг как один из приоритетов развития внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь / А. Л. Шевцова // *Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: XIV Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 19–20 апр. 2018 г.* / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – С. 282–283.
18. *Романчик, Н. В.* Направления развития экспорта образовательных услуг в Республике Беларусь / Н. В. Романчик, Е. В. Шарапа // *Современные тенденции в дополнительном образовании взрослых: материалы VI Междунар. науч.-метод. конф., г. Минск, 25 нояб. 2022 г.* – Минск: РИВШ, 2022. – С. 293–299.
19. *Сычѳв, А. В.* О продвижении образовательных услуг в страны Африки / А. В. Сычѳв, Н. В. Сычѳва // *Инженерное образование в цифровом обществе: материалы Междунар. науч.-метод. конф., г. Минск, 14 марта 2024 г.* – Минск: БГУИР, 2024. – С. 232–234.
20. *Сикорский, А. В.* Экспорт образовательных услуг в учреждении образования «Белорусский государственный медицинский университет» / А. В. Сикорский, И. Н. Мороз, В. В. Руденок // *Вопросы организации и информатизации здравоохранения: рецензируемый аналитико-информационный бюллетень* / М-во здравоохранения Респ. Беларусь. – 2019. – № 4. – С. 24–28.

21. Симхович, В. А. Экспорт образовательных услуг как сфера сотрудничества между Беларусью и Китаем / В. А. Симхович // Актуальные векторы белорусско-китайского торгово-экономического сотрудничества: сб. ст. III междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 16 дек. 2022 г. / ООО «Колорград». – Минск, 2023. – С. 333–344.
22. Калинин, А. В. Механизм оценки эффективности экспорта образовательных услуг / А. В. Калинин // Наука и инновации. – 2020. – № 7. – С. 69–72.
23. Жук, А. В. Механизмы поддержки экспорта образовательных услуг / А. В. Жук // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст., [представленных на Междунар. науч.-практ. конф., 7–8 окт. 2021 г.]: в 2 т. / [редкол.: В. Л. Гурский (гл. ред.) и др.]. – Минск, 2021. – Т. 2. – С. 418–422.
24. Дербинская, Е. А. Бренд университета: модель и методика оценки стоимости / Е. А. Дербинская, С. А. Касперович // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экономика и юрид. науки – 2022. – № 6. – С. 19–24.
25. Международные рейтинги в системе высшего образования Республики Беларусь / А. Д. Король [и др.] // Выш. шк. – 2021. – № 4. – С. 13–17.
26. Бабицкая, М. А. Участие в международных рейтингах как способ достижения конкурентных преимуществ университета / М. А. Бабицкая // Высшая школа: проблемы и перспективы: материалы XVI Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 22 нояб. 2023 г. – Минск: РИВШ, 2023. – С. 166–169.
27. Богуш, В. А. Особенности реализации модели «Университет 3.0» и развития инновационной инфраструктуры в БГУИР / В. А. Богуш // Выш. шк. – 2019. – № 2. – С. 3–6.
28. Касперович, С. Интеграция науки, образования и производства как фактор развития системы высшего образования / С. Касперович, Е. Шарапа // Наука и инновации. – 2023. – № 11. – С. 52–56. – DOI: 10.29235/1818-9857-2023-11-52-56.
29. Хмель, О. А. Развитие инновационной инфраструктуры университетов в рамках концепций «Университет 3.0», «Университет 4.0» в Республике Беларусь / О. А. Хмель // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сб. тр. XVIII междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 апр. 2024 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.]; редкол.: В. И. Дунай [и др.]. – Минск: ПолесГУ, 2024. – С. 109–111.
30. Жук, О. Л. Предпринимательская трансформация университетов в условиях четвертой промышленной революции / О. Л. Жук // Журн. Белорус. гос. ун-та. Журналистика. Педагогика. – 2019. – № 1. – С. 108–116.
31. Богуш, В. А. Цифровизация образования: проблемы, вызовы и перспективы / В. А. Богуш, Е. Н. Шнейдеров // Адукацыя і выхаванне. – 2021. – № 1. – С. 14–21.
32. Король, А. Д. Цифровая трансформация образования и вызовы XXI века / А. Д. Король, Ю. И. Воротницкий // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 6. – С. 48–61. – DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-6-48-61.

(Дата подачи: 24.02.2025 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Авласенко И. М.</i> НОВЫЙ ЭТАП ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	3
<i>Александренков Ю. В.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК ФАКТОР ГЕНЕЗИСА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	10
<i>Антанович Н. А.</i> ДИНАМИКА ТРАКТОВОК ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗАПАДНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ	17
<i>Ань Нань.</i> СУБРЕГИОН ЮГА АФРИКИ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ.....	23
<i>Буконкин Д. А.</i> ВНЕШНИЕ ИСТОЧНИКИ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ ДЛЯ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	31
<i>Гребенчук М. А.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	39
<i>Дзямідовіч А. В.</i> АДНОСІНЫ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ З НАРОДНАЙ РЭСПУБЛІКАЙ БАНГЛАДЭШ У ПАЛІТЫЧНАЙ СФЕРЫ: СУЧАСНЫ СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ	45
<i>Ермолович Е. П.</i> ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	52
<i>Костиневич К. И.</i> ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ДЕПУТАТОВ ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ VII СОЗЫВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ VIII СОЗЫВА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	60
<i>Ли Цзинин.</i> КИТАЙСКО-ИНДИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ В РАМКАХ ШОС	68
<i>Лю Лу.</i> ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИТАЯ И РОССИИ В ФОРМАТЕ БРИКС	76
<i>Малюк И. А.</i> ИНФОРМАЦИОННОЕ ВЛИЯНИЕ США НА АФГАНИСТАН В XXI ВЕКЕ	84
<i>Мамекін М. С.</i> ЭЎРЫСТЫЧНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ СІСТЭМНАГА І СТРУКТУРНА-ФУНКЦЫЯНАЛЬНАГА ПАДЫХОДАЎ ДА АНАЛІЗУ ПАРТЫЙНЫХ СІСТЭМ	91
<i>Марчик А. О.</i> СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЕ	99

<i>Ницименко Е. С.</i> МОЛОДЕЖНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ И ПАРЛАМЕНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СССР И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	106
<i>Панченко А. В.</i> ПЕРЕХОДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ	114
<i>Петрашова О. В.</i> НАПРАВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	126
<i>Побережная О. Е.</i> КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ БЕЛАРУСИ	133
<i>Подлесная Ю. Е.</i> ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА КАК КРИТИЧЕСКИ ВАЖНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ДЛЯ ПОСТСОВЕТСКИХ НАЦИЙ	140
<i>Посталовская О. А.</i> КОММУНИКАЦИИ КАК ФАКТОР ЭКОПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	147
<i>Пресняков В. А.</i> КОНЦЕПТ СТАБИЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ОТ КЛАССИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К СОВРЕМЕННЫМ ИНТЕРПРЕТАЦИЯМ	153
<i>Свилас С. Ф., Полуйко Д. В.</i> ВКЛАД КНР В МИРОТВОРЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ООН	160
<i>Серебряков В. О.</i> САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	167
<i>Слуцкая Л. В.</i> НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	175
<i>Фёдоров Я. И., Свилас С. Ф.</i> ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ США В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИИ ДЖО БАЙДЕНА (2021–2024 ГГ.)	182
<i>Фролова М. В.</i> НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ	188
<i>Хань Юй.</i> КИТАЙСКИЕ СТРАТЕГИИ СТАБИЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ	197
<i>Худяков А. В.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ	205
<i>Чувилев И. А.</i> ДИНАМИКА КИТАЙСКО-АВСТРАЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ КНР В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ	211
<i>Шарапов Е. А.</i> САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ	220

<i>Шевцова А. Л.</i> РЕГИОН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XXI ВЕКЕ КАК ОБЪЕКТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	227
<i>Юмудов С. Д.</i> ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ – ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ	234
<i>Ясинская Л. С.</i> МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОБЗОР БЕЛОРУССКИХ И КИТАЙСКИХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	241

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 24

В 2 частях

Часть 1

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Компьютерная верстка *К. А. Капустиной*

Корректор *Н. В. Боярова*

Подписано в печать 17.07.2025. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 14,8. Уч.-изд. л. 18,6. Тираж 39 экз. Заказ 59.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.